65
c. 61-9
216-2

РАЙОННАЯ ОТДЕЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ.

...ках одних

...наглядных пособий
...вому требованию.

Тираж 3.000 экз.

...Мосполиграф", Москва, Армянский пер д. 6.

05
2.61

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

Инв. 15498

СОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА № 1 г. ТЮМЕНЬ.

№ 2. Февраль. 1916

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій переулокъ., д. 3.
1916.

Библиотека № 1 г. Тюмень

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи. *Стр.*

В. Евгеньевъ. Некрасовъ и Елисеевъ въ дѣлѣ возсозданія «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго 5

В. И. Семевскій. Петрашевцы. Кружокъ Н. С. Кашкина I. Кашкинъ, Ханыковъ, Дебу 41

В. М. Фриче. Изъ исторіи нѣмецко-польскихъ отношеній. . . 62

II. Воспоминанія:

Е. А. Штакеншнейдеръ. Изъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ (дневникъ 1884 г). 74

В. В. Берви. Воспоминанія. X. Идея новой религіи. XI. Пропаганда въ народѣ. 82

С. И. Сычуговъ. Въ дореформенной бурсѣ. 109

В. Н. Смѣльскій. Священная Дружина. 135

III. Матеріалы:

Н. В. Давыдовъ. Изъ помѣщичьей жизни 40—50 г.г. 164

А. Ѳ. Гильфердингъ. Письма къ И. С. Аксакову. I. Аксаковъ-монополистъ славянскаго дѣла. II. Объ истинномъ принципѣ народности. 201

Е. Д. Кускова. С. В. Ковалевская и ея время. 215

С. В. Ковалевская. Письма 1868 г. I. Передъ отъѣздомъ . . . 226

С. П. Мельгуновъ. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ о Россіи. 241

IV. Мелочи прошлаго.

1) **Д. Д. Минаевъ.** Дворянскій Полкъ. 2) Легенда объ освобожденіи крестьянъ. 3) **А. П. Новицкій.** Изъ жизни Н. И. Костомарова. 25

V. Романъ.

Юлій Словацкій. Серебряный сонъ Саломеи. Пер. **В. М. Фишера.** 260

VI. Критика и библіографія.

К. Н. Успенскій. Сборникъ въ честь В. П. Бузескула. **А. З. Пепельницкій.** Журналы Секретнаго и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. **Н. Н. Ѳирсовъ.** А. Кизеветеръ. Гильдія мо-

Стр.

сковскаго купечества. **Г. В. Вернадскій.** Я. Барсковъ. Переписка московск. масоновъ XVIII вѣка. II. **В. Ѳ. Ржига.** В. Иконниковъ. Максимъ Грекъ и его время. **И. Н. Розановъ.** Д. С. Дарскій. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. **Т. Левицкая.** Архилохъ и Сафо въ пер. В. Вересаева. **В. Е. Сыроѣчковскій.** Историческое Обозрѣніе. **В. Я. Адарюковъ.** Н. Обольяниновъ. Каталогъ иллюстр. изданій. **В. А. Гордлевскій.** Царьградъ. Ред. Лазаревскаго др. Новыя книги 282

VII. Изъ текущей литературы.

Н. П. Губскій. Ренанъ и Штраусъ въ 1871 г. **Г. И. Шрейдеръ.** Изъ исторіи Балканъ. **Д. Г. Коноваловъ.** Изъ исторіи ранняго скопчества. 306

VIII. Письмо въ редакцію **Е. М. Ершовой** 321

IX. Рисунки.

Портреты **Г. З. Елисеева, кн. А. П. Оболенскаго, Ѳ. Ѳ. Эрисмана.**

X. Объявленія.

ХИОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ.

ГАРОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ

Н. А. Некрасовъ и Г. З. Елисеевъ въ дѣлѣ возсозданія «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго.

(По неизданнымъ воспоминаніямъ Гр. Зах. и Ек. Павл. Елисеевыхъ).

Только что истекшее двадцатипятилѣтіе со дня смерти Гр. Зах. Елисѣева, одного изъ самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ русскихъ журналистовъ 60—70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, даетъ мнѣ поводъ предложить вниманію читателей «Голоса Минувшаго» настоящую статью, въ которой, на основаніи неизданныхъ воспоминаній Елисеева и его жены, подробно освѣщается исторія перехода «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго въ руки Некрасова и Григорія Захаровича. Распространяться о томъ, насколько выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ русской общественности суждено было сыграть этому органу подъ знаменемъ своихъ новыхъ руководителей, къ которымъ вскорѣ присоединился и Мих. Евгр. Салтыковъ, я не буду; отмѣчу только, что хотя имя Елисеева, какъ писателя, тускнѣетъ по сравненію съ именами Некрасова и Салтыкова, но для успѣха собственно «Отеч. Записокъ» онъ потрудился не менѣе, чѣмъ любой изъ нихъ. Въ особенности большое значеніе имѣло его участіе въ журналѣ въ моментъ его перехода къ Некрасову и въ первые годы его существованія *подъ* новой редакціей. Не забудемъ, что такой столь сдержанный и осторожный въ своихъ выраженіяхъ писатель, какъ Н. К. Михайловскій, категорически заявляетъ, что «не сойдись Елисеевъ съ Некрасовымъ, не рѣшись онъ на этотъ, по совокупности тогдашнихъ условій, большой рискъ, «Отеч. Записки» не существовали бы»....

Вотъ почему въ дни поминокъ по Елисеевѣ мнѣ показалось умѣстнымъ сказать о немъ въ связи съ исторіей журнала, работѣ въ которомъ онъ отдалъ свои лучшія силы.

I.

Я уже имѣлъ случай указывать въ печати (см. въ «Голосѣ Минувшаго», № 1, 1915 г., статью «Редакція «Современника» въ 1866 г.» и въ «Русскихъ Запискахъ» № 9, 1915 г., ст. «Н. А. Некрасовъ и Н. К. Михайловскій») на то, какую роковую роль въ жизни Некрасова сыграло событіе 4-го апрѣля 1866 г. и вызванная имъ общественная деморализація, подъ вліяніемъ которой поэтъ рѣшился на такой шагъ, какъ стихотворное привѣтствіе Муравьеву-Виленскому. Хотя этотъ шагъ и былъ продиктованъ не какими-либо эгоистическими соображеніями, а желаніемъ «спасти направленіе», т. е. журналъ, все-же, однако, онъ не заслуживаетъ иного названія, какъ непростительный компромиссъ. Ужъ слишкомъ опредѣленной въ извѣстномъ смыслѣ была репутація Муравьева, чтобы какими-либо «высшими соображеніями» можно было вполнѣ оправдать дифирамбъ ему отъ такого поэта, какъ Некрасовъ. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе, по моему глубокому убѣжденію, было бы совершенно неправильно думать, что ода Муравьеву знаменовала собою какой-либо, употреблю современный терминъ, «сдвигъ Некрасова вправо». Въ подтвержденіе мною уже приводился разсказъ Е. П. Елисеевой о посѣщеніи Некрасовымъ квартиры ея только что арестованнаго мужа непосредственно послѣ его выступленія въ англійскомъ клубѣ съ привѣтственными стихами Муравьеву. Само собой разумѣется, что, если бы Некрасовъ рѣшилъ во что бы то ни стало отгородиться отъ своихъ черезчуръ радикальныхъ сотрудниковъ, то онъ ни въ коемъ случаѣ не рискнулъ бы на этотъ визитъ, едва не окончившійся для него чрезвычайно непріятнымъ образомъ.

За всѣмъ тѣмъ, передряги весны 1866 г., конечно, не могли пройти для него безслѣдно. Съ одной стороны, онѣ послужили источникомъ для жгуче-покаянныхъ настроеній, вылившихся въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Ликуетъ врагъ» и «Зачѣмъ меня на части рвете»; съ другой, явились для Некрасова толчкомъ къ чисто интеллектуальной работѣ по пересмотру нѣкоторыхъ сторонъ его общественнаго credo. Чрезъ какія стадіи проходила и въ какомъ направленіи велась она, объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ находящимся въ моимъ распоряженіи черновымъ рукописямъ поэта, относящимся, по всей вѣроятности, къ концу 1866 г. и къ 1867 году. Вскорѣ послѣ закрытія «Современника» Некрасовъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ и прожилъ вплоть до конца 1867 года. Деревенскій досугъ давалъ ему возможность sine ira et studio осмыслить и обдумать происшедшее. Въ особенности два вопроса должны были привлекать его вниманіе: во-пер-

выхъ, вопросъ о той общественной средѣ, въ которой возможны такія вспышки дикой и безудержной реакціи, какъ имѣвшая мѣсто въ 1866 г., и, во-вторыхъ, вопросъ объ его собственной роли въ этой средѣ. Отвѣту на эти вопросы Некрасовъ посвятилъ, какъ извѣстно, значительную часть своей лирической комедіи «Медвѣжья охота», писавшейся въ теченіе 1867 г., но оставшейся, къ сожалѣнію, неоконченной; въ ней съ достаточной подробностью анализируется соціальный составъ и выясняется моральная цѣнность современнаго поэту русскаго общества. Свѣтскій кругъ осужденъ Некрасовымъ безповоротно: поэтъ не находитъ достаточно сильныхъ эпитетовъ, чтобъ заклеймить его («тля», «полумертвецы», «развратомъ юности ослабленныя души», «невѣжды, если не глупцы»). Осуждены также представители администраціи, даже о наиболѣе «честныхъ» изъ которыхъ только и можно сказать: «добро ты портилъ, зла не улучшалъ»... Остаются либералы-идеалисты, имѣвшіе въ мрачныя времена николаевскаго царствованія извѣстное положительное значеніе уже потому, что они «рукъ въ грязи житейской не марали» и хоть «не дѣлали ничего», но являли собою «воплощенную укоризну» творившимся беззаконіямъ. Теперь, т. е. въ 60-ые годы, и они, по мнѣнію поэта, окончательно выродились. Въ черновикѣ «Медвѣжьей охоты», еще не подвергшемся критическому обслѣдованію, ихъ характеристикѣ посвящены нѣсколько интересныхъ строфъ, выпускаемыхъ въ печатномъ текстѣ. Прежде всего, отмѣчу, что стихотвореніе «Человѣкъ сороковыхъ годовъ» («Пришелъ я къ крайнему предѣлу»), помѣщаемое въ собраніяхъ стиховореній Некрасова подъ 1876—1877 гг., какъ самостоятельная пьеса, составляло часть этой характеристики и, слѣдовательно, было написано около 1867 г. Оно заканчивалось двумя четверостишіями, изъ которыхъ первое читающей публикѣ еще неизвѣстно:

Какъ быть? Счастливыя условья
Меня отъ многаго спасли,
Но годы робкаго безмолвья
Свой плодъ печальный принесли!
Я не продамъ за деньги мнѣнья,
Безъ крайней нужды не солгу..
Но—гибнуть жертвой убѣжденья
Я не хочу и не смогу...

Далѣе въ черновикѣ идутъ нижеслѣдующіе, еще не печатавшіеся стихи:

Не будетъ ли? Согласенъ ты со мною
Что все-таки чего-нибудь я стою?

Районная центральная библиотека

Конечно, я безгрѣшенъ не совсѣмъ:
Я числился, я получалъ оклады,
Но у меня теперь другіе взгляды,
Энергія такая между тѣмъ....
Вѣдь если ты такихъ, какъ я, бракуешь,
Откуда же людей ты навербуешь,
Чтобъ новые порядки водворять?
Мы всѣ такіе—лучше негдѣ взять!

Остроуховъ (т. е. Пальцевъ)

А тѣ, что въ сторонѣ стояли?.

Миша.

Идеалисты? Тѣ пропали!
Есть, правда, есть и прежніе бойцы,
Но какъ они одряхли, устарѣли.
У нихъ другой не замѣчаю цѣли,
Какъ пошумѣть, на это молодцы!
Расходится—удерживай за полы!
Тамъ гниль, тамъ дрянь, то ложь, а это вздоръ—
Ну словомъ, есть и смѣлость и задоръ,
А въ сущности—холопство высшей школы!
Другіе явно предали: душой
Преобразились въ дикихъ ретроградовъ,
Я бъ могъ назвать презрѣнныхъ этихъ гадовъ;
Но умолчу. По трусости иной,
Иной по самолюбью замарался,
Иной какъ былъ, такъ и остался чистъ,
Но Бахусу отчаянно предался,
И старъ, какъ возвращенный декабристъ...

Некрасовъ самъ принадлежалъ къ поколѣнію 40-хъ годовъ, нѣкоторымъ изъ его представителей былъ въ свое время очень близокъ; поэтому онъ не могъ остановиться на этомъ безпощаднѣйшемъ приговорѣ. Произнеся его, онъ поспѣшилъ сейчасъ же указать обстоятельства, смягчающія вину людей 40-хъ годовъ. Въ отвѣтъ «молодому племени», которое иногда клеймитъ ихъ «предателями», онъ считаетъ нужнымъ заявить:

«Погоди!
Сообрази то время роковое,
По новому о прошломъ не суди.
Ты начало весеннею порою

При блескѣ солнца, хоть съ грозою
Потомъ и встрѣтилось по прихоти судьбы,
А мы—припомни! нуженъ геній,
Чтобъ послѣ столькихъ впечатлѣній
Остаться годнымъ для борьбы!..

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ТЮМЕНЬ

Далѣе какъ въ печатномъ текстѣ, начиная со словъ: «Богъ на помочь! бросайся прямо въ пламя, и погибай»..

Болѣе примирительно настраиваетъ поэта въ отношеніи «отцовъ» и воспоминаніе о безкорыстномъ идеализмѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, Бѣлинскаго, къ которому, очевидно, относятся слѣдующее пятистишіе:

По счатью, я наткнулся на такого
Мечтателя гуманно-развитого
(Моя наклонность къ рифмамъ и стихамъ
Сойтись тогда способствовала намъ),
И думаю, что всѣмъ ему обязанъ.

Тѣмъ не менѣе, сойти съ той точки зрѣнія, что въ 60-ые годы отъ людей прежняго поколѣнія «не много толку», поэтъ, не погрѣшая противъ интересовъ строгой объективности, не могъ, а потому конечный выводъ относительно состоянія русскаго общества, къ которому онъ пришелъ, взвѣсивъ общественную цѣнность его отдѣльныхъ элементовъ, неутѣшителенъ. Въ подтвержденіе приведемъ два отрывка (первый изъ нихъ совсѣмъ не отдѣланъ), извлеченные нами изъ черновыхъ рукописей все той же «Медвѣжьей охоты»:

1) Ты, кажется, въ Европѣ одичалъ!
Чего жъ ты ждалъ? Что здѣсь ты думалъ встрѣтить?
У насъ есть шаркуны, кутилы,
Умѣющіе пѣть романсы дилетанты музыки,
акробаты и эквилибристы-служебные.
Какіе мы могли развить въ себѣ таланты,—
Такіе и развили....
2) А впрочемъ умъ послѣдняя статья:
Какъ мало мы законъ ни уважаемъ,—
У насъ неуваженіе къ уму
Сильнѣй неуваженія къ закону.

Наряду съ горькими думами объ общественномъ нестроеніи —горькія думы по поводу своей собственной роли въ обществѣ. Вотъ схема діалога на эту тему:

«Я жизнью не хвалюсь моею,
Ты знаешь, тягочусь я ею,
Мнѣ ненавистна роль моя,
Но что же дѣлать буду я?
Тамъ слишкомъ молодо, тамъ гнило—
Не тянетъ просто никуда,
А дни уходятъ, гибнетъ сила.
Нѣтъ вѣры знаешь...
—«Такъ всегда
Мы маскируемъ апатію,
Однако, любишь ты Россію?»
—«Когда-бъ ее я не любилъ,
Давно бъ я за границей жилъ».

Въ наброскѣ другого діалога, на вопросъ поэта, «куда при стать», какой-то, очевидно, сановный другъ начинаетъ его усо вѣщевать:

Говорилъ мнѣ другъ мой: «слейся съ нами,
Разставшись съ крайними мечтами,
С. пр. [1]) иди рука съ рукой,
Хорошіе намъ люди нужны,
Съ тобою N и... дружны—
Они тебя выведутъ какъ разъ туда,
Гдѣ ты можешь быть полезенъ».
—«Не спорю я, бездѣйствіе томитъ,
Да дѣла я себѣ не вижу».
—«А развѣ лучше ты живешь?
Сначала въ крайности вдавался,
Подъ старость—разочаровался
И даромъ русскій хлѣбъ жуешь».

Въ другомъ мѣстѣ подобный же совѣтъ преподается прозой: «Послушай, слейся съ нами. Нельзя же вѣкъ итти съ задорной молодежью, хватающей черезъ край. Я пользы въ ней не отрицаю Но сознайся: что сдѣлано, то сдѣлано нами».

Все содержаніе произведеній Некрасова за 1866—67 гг. говоритъ намъ, что поэтъ не поддался на этотъ вкрадчивый голосъ. Однако, онъ не ощущалъ въ себѣ достаточно силы и твердости, чтобы, подобно представителямъ молодого поколѣнія, «бросаться прямо въ пламя и погибать». Для этого онъ считалъ себя слишкомъ

---

[1]) Очевидно, съ правительствомъ. В. Е.

обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ это видно изъ слѣдующаго четверостишія:

Я человѣкъ обыкновенный,
Но человѣкъ я не дурной,
Не воръ, не взяточникъ презрѣнный
И не плантаторъ столбовой.

Кромѣ того, едва ли послѣ всеобщей деморализаціи, охватившей русское общество подъ впечатлѣніемъ каракозовскаго выстрѣла и вызванной имъ реакціи, какая-либо общественная группа съ опредѣленной политической физіономіей внушала ему полное довѣріе. Въ результатѣ временами создавалось скептическое настроеніе, отразившееся въ слѣдующемъ четверостишіи:

Не то, что правду ненавидимъ,
Не то, чтобъ послужить желали сатанѣ,
И рады быть на честной сторонѣ,
Да честной стороны не видимъ.

Но сомнѣнія поэта продолжались недолго. Скоро онъ распозналъ, и уже навсегда, гдѣ «честная сторона». Въ стихотвореніи 1868 г. «Мать», посвященномъ, по его собственнымъ словамъ, «женѣ сосланнаго или казненнаго», онъ совѣтуетъ мученицѣ матери говорить своимъ дѣтямъ «съ молодости ранней», что

«Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—терноваго вѣнка»...

Въ этихъ словахъ, точно такъ же, какъ въ выразительномъ пожеланіи «Богъ на помочь! Бросайся прямо въ пламя и погибай», —съ достаточной опредѣленностью намѣчается та эволюція, которая привела Некрасова въ 70-е годы къ пламенному сочувствію дѣятелямъ активнаго народничества; вѣдь эти послѣдніе были совершенно свободны отъ упрека, брошеннаго поэтомъ въ одномъ изъ отрывковъ «Медвѣжьей охоты» по адресу своихъ сверстниковъ:

Нѣтъ, вы не подлецы, нѣтъ, вы не идіоты,
Но вы плохіе патріоты.
Чтобъ быть хорошими людьми
Бездѣлицы Вамъ не хватаетъ—
Считайте *кровными* дѣтьми
Народъ...

Народники 70-хъ годовъ не только перестали смотрѣть на народъ, какъ на пасынка другихъ общественныхъ классовъ, не только ощутили «кровную» братскую связь съ нимъ, но и готовы были учиться у него тѣмъ идеаламъ соціальнаго устройства, которымъ неизмѣнно служилъ и Некрасовъ.

II.

Только-что отмѣченныя скептическія настроенія, заставлявшія Некрасова иной разъ сомнѣваться въ томъ, гдѣ «честная сторона», не пустили, какъ только что было указано, глубокихъ корней въ его душѣ. Это видно изъ того, что періодъ его бездѣйствія, какъ дѣятеля на поприщѣ русской журналистики, былъ крайне непродолжителенъ. Жилка стараго журнальнаго работника вскорѣ громко заговорила въ немъ, и въ его головѣ зароились разнообразные издательскіе планы, которыми онъ дѣлился съ Елисеевымъ. Какіе это были планы, объ этомъ мы узнаемъ изъ воспоминаній того же Елисеева «Немедленно» послѣ закрытія «Современника» и ликвидаціи его дѣлъ, читаемъ мы здѣсь, «Некрасовъ уѣхалъ въ деревню и прожилъ тамъ вплоть до конца 1867 г. За все это время онъ пріѣзжалъ, сколько мнѣ помнится, не болѣе одного раза въ Петербургъ, и то на короткое время. Между тѣмъ, живя въ деревнѣ и нѣсколько оправясь отъ страха, нагнаннаго каракозовскимъ погромомъ, онъ началъ задумывать объ основаніи новаго журнала вмѣсто уничтоженнаго «Современника». Не помню, въ концѣ ли 1866-го или въ началѣ слѣдующаго года, онъ присылаетъ письмо, въ которомъ, говоря объ этомъ своемъ намѣреніи основать новый журналъ, онъ спрашиваетъ меня: не пригласить ли ему къ постоянному сотрудничеству въ этомъ журналѣ нѣкоторыхъ новыхъ лицъ? Въ числѣ этихъ новыхъ лицъ были упомянуты графъ А. Толстой, Я. Полонскій, Карновичъ, другихъ не помню. Хотя названныя лица были совершенно безразличны, только графа А. Толстого молодежь не долюбливала за его «Пантелея Цѣлителя»,—и сочиненіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ «Современникъ» и прежде давалъ мѣсто на своихъ страницахъ, тѣмъ не менѣе заявить объ ихъ постоянномъ сотрудничествѣ въ журналѣ значило бы дать новую окраску журнала въ глазахъ публики. Очевидно, что Некрасовъ не вполнѣ оправился отъ случившагося погрома, и тенденція дать новую окрасу журналу была внушена ему страхомъ такой катастрофы съ предпринимаемымъ имъ журналомъ, какую потерпѣлъ «Современникъ».

«Я отсовѣтовалъ Некрасову давать другую окраску журналу. Что я ему писалъ, конечно, теперь не помню. Но смыслъ

моего письма былъ такой: «Современникъ» съ вами во главѣ заявилъ себя горячимъ борцомъ за новую идею и постоянно твердо и неуклонно, шагъ за шагомъ, шелъ за новыми реформами. Въ этомъ смыслѣ его поняла и отмѣтила читающая публика. Отступить отъ этого пути, хотя бы на одну пядь, было бы нерезонно и невыгодно. Вамъ въ новомъ журналѣ слѣдуетъ развернуть то же самое знамя и нести его такъ же твердо и неуклонно, какъ и прежде, въ полной увѣренности, что новыя идеи въ концѣ-концовъ все побѣдятъ и всѣмъ завладѣютъ».

«Спустя нѣкоторое время послѣ этого въ Петербургъ пріѣхалъ самъ Некрасовъ. Но о новомъ журналѣ и о моемъ письмѣ ни слова. Когда я спросилъ его: «что ваши мечты о новомъ журналѣ?» онъ отвѣчалъ, что пересталъ объ этомъ думать. «Дѣло это, сказалъ онъ, въ настоящее время совсѣмъ невозможно. Издавать журналъ не разрѣшатъ ни мнѣ и никому изъ бывшихъ сотрудниковъ «Современника». Я думаю заняться изданіемъ время отъ времени сборниковъ, какъ издавалъ въ прежнее время. Къ нимъ также можно пріучить публику, и они будутъ имѣть ходъ. Напишите сами, что найдете нужнымъ, и приглашайте другихъ, кто захочетъ, приготовлять статьи для перваго сборника, который я думаю выпустить въ будущемъ 1868 году. Я согласенъ давать впередъ деньги въ счетъ будущихъ статей.» На этомъ мы съ нимъ разстались. Вскорѣ онъ снова уѣхалъ въ деревню».

Дальнѣйшій разсказъ Елисеева о томъ, какъ происходило дѣло, уже былъ напечатанъ Михайловскимъ (см. «Послѣднія сочиненія», т. II, стр. 359—361). Не приводя его цѣликомъ, напомню его сущность, что совершенно необходимо въ интересахъ послѣдовательности изложенія; при этомъ воспользуюсь случаемъ возстановить мѣста, выпущенныя Михайловскимъ. Содержаніе перваго изъ цитируемыхъ Михайловскимъ отрывковъ сводится къ слѣдующему: въ концѣ 1867 года Некрасовъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ и, собравъ нѣкоторыхъ литераторовъ, главнымъ образомъ бывшихъ сотрудниковъ «Современника», предложилъ имъ на обсужденіе свои мысли объ устройствѣ новаго журнала и о желательности воспользоваться для этой цѣли «Отеч. Записками» Краевскаго. На этомъ собраніи всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ М. Е. Салтыковъ, Д. И. Писаревъ и самъ Елисеевъ (Антоновича и Жуковскаго на немъ не было: первый находился за границей, почему не пришелъ второй—Елисеевъ не знаетъ), были согласны въ томъ, что взять «Отеч. Зап.» въ аренду слѣдуетъ при условіи, чтобы имъ было придано направленіе «Современника». Зато вопросъ о редакторѣ возбудилъ страстные дебаты: надежды на утвержденіе редакторомъ кого-либо изъ бывшихъ сотрудниковъ

«Современника» не было никакой; на сохраненіе же отвѣтственнаго редакторства за Краевскимъ, ни Салтыковъ ни Елисеевъ ни въ коемъ случаѣ не соглашались. Некрасову пришлось напрячь всю силу своей діалектики, чтобы заставить ихъ уступить. Онъ удержалъ собиравшагося уже уйти Салтыкова и, разсказываетъ Елисеевъ. «сталъ намъ говорить, что напрасно мы горячимся, что онъ и самъ и не думаетъ и не желаетъ остаться подъ редакціей Краевскаго. что онъ немедленно озаботится пріисканіемъ человѣка, котораго можно было бы избрать въ отвѣтственные редакторы журнала. проситъ насъ объ этомъ позаботиться, ибо пріисканіе такого редактора, который бы былъ вполнѣ солидаренъ съ направленіемъ журнала и по нравственнымъ качествамъ не причинялъ бы разныхъ хлопотъ журналу въ томъ или другомъ отношеніи, дѣло нелегкое,—на пріисканіе такого человѣка и утвержденіе его потребуется, можетъ не одинъ, не два мѣсяца, а можетъ быть и больше; не утвердятъ одного, надо будетъ искать другого, и опять представлять на утвержденіе. Изъ такихъ пустяковъ, не имѣющихъ, собственно говоря, никакого отношенія къ дѣлу. можетъ быть не начато, совсѣмъ брошено хорошее дѣло. Это, какъ хотите, господа, будетъ совсѣмъ не умно. Отчего бы намъ не оставить на одинъ, на два, на три мѣсяца, однимъ словомъ. на все то время, когда будемъ искать подходящаго человѣка въ редакторы, отвѣтственнымъ редакторомъ Краевскаго? Мы Краевскаго можемъ обязать клятвенной подпиской, чтобы онъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства до литературной части журнала, больше чѣмъ имѣетъ офиціальный цензоръ журнала. выходящаго безъ предварительной цензуры. И разъ мы увидимъ. что онъ не исполняетъ своей клятвенной подписи, а вздумаетъ посягнуть хоть на одну строку изъ заготовленнаго матеріала для книжки журнала, не объяснивъ вслѣдствіе какихъ цензурныхъ соображеній это дѣлаетъ, мы можемъ немедленно бросить его журналъ и уйти. Повѣрьте, что Краевскій, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, будетъ тише воды ниже травы. Журналъ до сихъ поръ не давалъ ему ничего, кромѣ чистаго убытка и хлопотъ, а теперь онъ будетъ получать арендную плату, и если журналъ пойдетъ хорошо, то, сверхъ того, и нѣкоторую часть изъ чистой прибыли. Что касается до криковъ другихъ журналовъ и газетъ объ этомъ странномъ соединеніи прежнихъ сотрудниковъ «Современника» съ Краевскимъ, объ измѣнѣ ихъ прежнему направленію, то вѣдь за насъ будетъ говорить самъ журналъ. Изъ него увидятъ всѣ : измѣнили ли мы прежнему направленію. Въ такомъ родѣ держалъ къ намъ свою рѣчь Некрасовъ, и мы съ Салтыковымъ не могли не признать ее резонною. Потому и было рѣшено: «вре-

менно оставить Краевскаго отвѣтственнымъ редакторомъ О. З.» но потребовать отъ него, чтобы онъ собственноручною подпискою заявилъ, что онъ, какъ отвѣтственный редакторъ, отдаетъ въ полное наше вѣдѣніе и распоряженіе литературную часть журнала, предоставляя полную свободу нашей мысли и, будетъ заботиться только о томъ, чтобы не было такихъ инцидентовъ, за которые цензура можетъ задержать журналъ».

«Здѣсь я долженъ сказать, что всѣ разговоры объ «О. З.» Некрасовъ велъ съ каждымъ отдѣльно изъ насъ бывшихъ въ Петербургѣ троихъ сотрудниковъ «Современника» по крайней мѣрѣ съ Жуковскимъ отдѣльно отъ меня. Жуковскій не былъ на томъ общемъ совѣщаніи, о которомъ я сказалъ выше, на которомъ присутствовалъ Салтыковъ и Писаревъ, когда рѣчь шла о взятіи въ аренду О. З. Послѣ каракозовской исторіи я сталъ въ нѣкоторыя особенныя отношенія къ Некрасову. Когда я только что вышелъ изъ крѣпости и, не находя нигдѣ работы, не имѣлъ, чѣмъ содержаться, Некрасовъ написалъ мнѣ изъ деревни письмо, въ которомъ предлагалъ мнѣ заняться приготовленіемъ статей для изданія вмѣстѣ съ нимъ отдѣльнаго сборника, обѣщая мнѣ въ счетъ этого будущаго сборника давать время отъ времени нѣкоторое количество денегъ на мое содержаніе. Я, конечно, съ охотою на это согласился и занялся приготовленіемъ статей. Вслѣдствіе этого по пріѣздѣ Некрасова изъ деревни я видѣлся съ нимъ часто, съ остальными же товарищами по выходѣ изъ крѣпости я совсѣмъ не видѣлся, кромѣ Антоновича, къ которому я тогда искренно былъ привязанъ, но онъ вскорѣ уѣхалъ за границу; къ Жуковскому особой привязанности я не имѣлъ, но смотрѣлъ на него, какъ на добраго товарища, съ которымъ пріятно стоять у одного дѣла. Хотя во время моего сидѣнія возникло во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе относительно Жуковскаго; именно, когда женѣ моей объявили въ изслѣдовавшей мое дѣло каракозовской комиссіи, что меня выпустятъ изъ крѣпости, если она найдетъ поручителя за меня, и жена обратилась съ просьбой къ Антоновичу найти такихъ поручителей, а Антоновичъ направился къ Жуковскому, у котораго поручители имѣлись, то Жуковскій наотрѣзъ отказался принять на себя хлопоты по этой просьбѣ. Но и такому отказу я не придавалъ никакого значенія. Въ виду той страшной паники, которая охватила тогда все общество по случаю каракозовскаго выстрѣла, какой въ настоящее время и представить нельзя, не было ничего удивительнаго, что Жуковскій отказался искать для меня поручителя, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ основаніе бояться и трусить, . . . болѣе чѣмъ другіе. Когда разъ Некрасовъ, по пріѣздѣ пришедши ко мнѣ, объявилъ, что, можетъ

быть вмѣсто «Сборника» онъ будетъ издавать журналъ и что есть всѣ данныя надѣяться на успѣхъ, что прежніе сотрудники журнала соглашаются въ немъ участвовать, то я очень этому обрадовался. Но я продолжалъ сидѣть дома, заниматься приготовленіемъ статей для будущаго «Сборника» или журнала и не видѣлся ни съ кѣмъ изъ прежнихъ участниковъ «Современника», кромѣ Некрасова».

«Между тѣмъ въ то время какъ Некрасовъ задумалъ хлопотать объ основаніи журнала, и встрѣтилъ въ своихъ хлопотахъ безчисленныя препятствія, въ это время юркій книгопродавецъ-издатель, считавшійся въ то время интеллигентнымъ и прогрессивнымъ изъ книгопродавцевъ, г. Тибленъ, сообразивъ всѣ эти препятствія, а главное разладъ его съ бывшими сотрудниками «Современника», рѣшился подставить ему ножку. Увѣренный въ томъ, что съ пріобрѣтеніемъ всѣхъ старыхъ сотрудниковъ «Современника» онъ пріобрѣтетъ и всѣхъ бывшихъ читателей «Современника». Тибленъ немедленно пріобрѣлъ право на изданіе новаго журнала подъ названіемъ «Современное Обозрѣніе» и явился не только ко всѣмъ бывшимъ сотрудникамъ «Современника», но даже къ самому Некрасову съ приглашеніемъ участвовать въ его журналѣ, предлагая послѣднему платить за каждый стихъ по рублю. Не знаю, что говорилъ Тибленъ Жуковскому, но, явившись ко мнѣ, онъ объявилъ, что онъ предпринимаетъ изданіе журнала единственно для пользы публики, гибнущей голодомъ отъ «неимѣнія» такой здоровой пищи, какою питалъ ее «Современникъ», самъ же лично для себя не ищетъ никакихъ выгодъ. Весь доходъ, который онъ будетъ получать, онъ, за необходимыми расходами на матеріальную часть журнала, полностью будетъ отдавать обыкновенно обдѣленнымъ теперь сотрудникамъ, и порѣшилъ теперь же въ виду успѣха его журнала, въ которомъ онъ не сомнѣвался, платить каждому, даже начинающему, сотруднику минимумъ сто руб. за печатный листъ, старымъ же сотрудникамъ «Современника» не менѣе 200 руб. за листъ и, сверхъ того, послѣднимъ давать приличное жалованье, какъ членамъ редакціи. Я отвѣчалъ, что не могу не сочувствовать новому журналу, предпринимаемому единственно въ видахъ пользы, что въ этотъ журналъ при безкорыстномъ отношеніи его, Тиблена, къ дѣлу устремятся, вѣроятно, всѣ лучшія силы литературы, успѣхъ журнала навѣрное будетъ громадный, но что мнѣ кажется для полнаго успѣха дѣла ему необходимо напечатать въ объявленіи объ изданіи журнала все то, что онъ мнѣ говоритъ, означивъ подробно полистную плату сотрудникамъ, равно какъ и другія предположенныя имъ преміи. Тогда и я, навѣрное, поступлю въ его

сотрудники, теперь же пока буду считать этотъ вопросъ открытымъ. На этомъ мы съ нимъ и разстались».

«Я былъ въ полной надеждѣ, что прежній «Современникъ» возродится въ «О. З.» въ полномъ составѣ всѣхъ бывшихъ сотрудниковъ «Современника». Какъ вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ для меня невѣроятное». Это «невѣроятное» обнаружилось на новомъ совѣщаніи объ «Отеч. Запискахъ», происходившемъ у А. М. Унковскаго, куда Некрасовъ убѣдилъ пріѣхать и Елисеева. Здѣсь (соотвѣтствующій отрывокъ напечатанъ у Михайловскаго) Жуковскій прямо заявилъ Некрасову, что согласится участвовать въ «Отеч. Зап.» въ томъ только случаѣ, если получитъ половину прибыли и, не смущаясь присутствіемъ Елисеева, прибавилъ, что въ качествѣ редакторовъ, оплачиваемыхъ изъ обще-редакціонныхъ суммъ, находитъ нужнымъ пригласить Антоновича и Пыпина; что же касается Елисеева, то «если угодно» Некрасову привлечь и его къ редактированію журнала, то онъ можетъ «оплачивать его изъ своей доли». Признавшись, что слова Жуковскаго настолько его поразили, что еслибы ихъ передавалъ ему самъ Некрасовъ и при этомъ клялся и божился въ достовѣрности передаваемаго, то и при этомъ условіи онъ все-таки ему не повѣрилъ бы, Елисеевъ продолжаетъ: «Надобно полагать, что Некрасовъ еще прежде слышалъ отъ Жуковскаго о предполагаемомъ исключеніи меня изъ числа членовъ редакціи въ новомъ журналѣ и употребилъ всѣ усилія, чтобы вытянуть меня изъ дома и заставить ѣхать присутствовать при совѣщаніи объ «О. З.» съ Жуковскимъ, чтобы я собственными ушами выслушалъ предложенный его планъ обо мнѣ. То, что я услышалъ, никакъ, конечно, не могло утвердить во мнѣ товарищескія чувства къ Жуковскому. Я не вступилъ ни въ какія пререканія съ Жуковскимъ, но для меня вполнѣ выяснилась та коварная махинація, которая предпринята была относительно меня черезъ веденіе сепаративныхъ секретныхъ отъ меня переговоровъ съ Некрасовымъ относительно новыхъ основаній, на которыхъ будутъ вестись «О. З.»

«Когда мы вышли съ Некрасовымъ изъ этого совѣщанія, Некрасовъ раскрылъ предо мною и остальныя карты моего бывшаго товарища. Г. Жуковскій поставилъ слѣдующій ультиматумъ Некрасову: онъ объявилъ, что онъ согласенъ участвовать въ журналѣ только въ томъ случаѣ, когда вся прибыль журнала будетъ дѣлиться на двѣ половины: одна отдаваться ему, другая Некрасову. Но такъ какъ то или другое количество чистой прибыли зависитъ отъ того или другого количества расходовъ по журналу, то онъ требовалъ, чтобы ему не только открыты были всѣ эти расходы,

Лит. 15498

не только въ предварительной смѣтѣ годового бюджета и въ годовой повѣркѣ по окончаніи года, но чтобы ему было предоставлено право соглашаться или не соглашаться на эти расходы при самомъ ихъ производствѣ, такъ что онъ могъ положить veto на печатаніе каждой статьи, которую онъ призналъ бы ненужною для журнала, но и на количество оплачиваемаго за нее гонорара, на наемъ каждаго разсыльнаго, котораго призналъ бы онъ лишнимъ и т. д. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ сдѣлаться не только постояннымъ наблюдателемъ, ревизоромъ всѣхъ расходовъ журнала, но и настоящимъ его хозяиномъ, распоряжающимся и всѣмъ внутреннимъ содержаніемъ. Некрасову оставалось только быть у него на побѣгушкахъ! Такъ высоко цѣнилъ себя г. Жуковскій послѣ трескучихъ и блиставшихъ краснотою фельетоновъ [1]). Ему казалось невозможнымъ, чтобы и послѣ этихъ фельетоновъ Некрасовъ не признавалъ въ немъ такую же палату ума, какую признавалъ въ бывшемъ членѣ консисторіи, теперь уже сосланномъ въ Сибирь на каторгу (т.-е. въ Чернышевскомъ *В. Е.*). Обстоятельства сложились такъ, что вполнѣ благопріятствовали замысламъ Жуковскаго на полное плѣненіе въ рабство Некрасова».

«Само собою разумѣется, что послѣ заявленнаго мнѣ г. Жуковскимъ остракизма я не могъ итти вмѣстѣ съ моими бывшими товарищами. Они не сошлись и съ Некрасовымъ въ преобразованныхъ «О. З.».

Такъ представляетъ дѣло прехода «Отеч. Записокъ» въ руки новой редакціи Гр. Зах. Елисѣевъ. Ту же картину рисуетъ и его жена въ своихъ опять-таки неизданныхъ воспоминаніяхъ. Вотъ относящіеся сюда отрывки изъ нихъ: «Весной 1867 г. мы съ мужемъ уѣхали въ Крестцы, Новгородской губерніи, на дачу къ моему брату. Тутъ съ моимъ мужемъ велъ дѣятельную переписку Некрасовъ, желавшій тогда издавать «Сборникъ». Но и это не нашлось удобнымъ, такъ какъ это не удовлетворяло бы всѣмъ потребностямъ. Тогда-то отъ мысли «Сборника» и перешли къ мысли взятія на аренду «Отечественныхъ Записокъ». Мысль взять «Отечественныя Записки» принадлежала Николаю Алексѣевичу Некрасову, ему же принадлежали и деньги»...

«Когда Некрасовъ задумалъ взять на аренду «Отечественныя Записки», то онъ прежде всего заручился согласіемъ Г. З. Е. быть его сподвижникомъ, и было рѣшено создать «О. З.» въ томъ же составѣ, какъ былъ и «Современникъ» и съ тѣмъ же направленіемъ. Это было поставлено Г. З. Е. Некрасову въ необходимое условіе.

---

[1]) Имѣются въ виду статьи Жуковскаго во второмъ полугодіи «Современника» за 1865 г.

Г. З. Елисеевъ.

Рядомъ съ мыслью о возобновленіи «Современника» въ видѣ «О. З.» создавался журналъ г. Тибленомъ «Сѣверное [1]) Обозрѣніе», и по этому поводу я припоминаю одно смѣшное событіе: разъ какъ-то снизу я въ своей комнатѣ, которая отдѣлялась отъ комнаты моего мужа довольно тонкой перегородкой, и слышу, что кто-то пришелъ къ нему. Начинается для меня незнакомымъ голосомъ рѣчь о необходимости создать журналъ. Наконецъ, этотъ господинъ говоритъ прямо, что онъ пришелъ просить сотрудничества Г. З. Е. и что надѣется на его поддержку, тѣмъ болѣе, что журналъ этотъ онъ хочетъ поставить въ его духѣ на коммунальныхъ принципахъ: онъ много говорилъ объ идеяхъ и также личныхъ комплиментовъ, но Г. З. больше слушалъ. Наконецъ, Г. З. попросилъ его выяснить, въ какомъ направленіи и на какихъ коммунальныхъ основаніяхъ онъ хочетъ создать новый журналъ,—тогда тотъ началъ развивать ему, какъ въ его журналѣ постоянные сотрудники будутъ раздѣлять равныя прибыли съ издателемъ и редакторомъ и какъ на тѣхъ же основахъ будутъ входить новые, и, наконецъ, кажется, какъ журналъ совсѣмъ долженъ будетъ перейти въ рабочія руки. Когда онъ кончилъ, то Г. З. сказалъ ему: «планъ вашъ прекрасенъ, и я совершенно съ нимъ согласенъ, только прошу васъ его напечатать во всеобщее свѣдѣніе, и тогда я приму въ немъ участіе—безъ этой же гарантіи—нѣтъ». Тотъ возражалъ что-то о недовѣріи и пр., но ушелъ ни съ чѣмъ».

«Переговоры между Некрасовымъ и Краевскимъ шли порядочно долго; помню, что Г. З. часто отправлялся къ Некрасову для переговоровъ. Изъ числа редакціи «Современника», во время переговоровъ съ Краевскимъ, не было Антоновича, который былъ за границею, а былъ Жуковскій. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, бывшій тогда вице-губернаторомъ въ Твери и причастный къ «Современнику», какъ постоянный сотрудникъ, во время переговоровъ временно присутствовалъ (не знаю, спеціально ли онъ пріѣзжалъ для этого, или случайно посѣтилъ столицу, какъ вице-губернаторъ). Но въ это-то время я съ нимъ впервые познакомилась или, лучше сказать, въ первый разъ его видала»...

«Когда Михаилъ Евграфовичъ пріѣхалъ изъ Твери въ Петербургъ, то переговоры о взятіи «О. З.» у Краевскаго были начаты, но въ этотъ-то пріѣздъ я его увидѣла у моего мужа. Я была въ комнатѣ моего мужа, когда вошелъ Некрасовъ съ какимъ-то господиномъ. Я, по обыкновенію, хотѣла было уйти, но когда было названо столь мнѣ знакомое имя, то любопытство мое преодолѣло, и я осталась. Я со вниманіемъ слушала рѣчи Салтыкова

---

[1]) «Современное», а не «Сѣверное» *В. Е.*

и разсматривала его особу. Внѣшность его сильно мнѣ не понравилась,—я тогда недавно еще перешла изъ чиновничьей провинціальной среды,—и лицо Салтыкова мнѣ напоминало рѣзко чиновничій типъ надутаго администратора; не могу сказать, чтобы его тонъ тоже возбудилъ мою симпатію. Вообще онъ мнѣ очень не понравился, и это будетъ понятно всѣмъ, кто знаетъ его портретъ того времени. Но я скоро приблизилась къ правильному пониманію этой натуры и впервые по слѣдующему случаю. Разъ какъ-то мужъ пріѣзжалъ отъ Некрасова, гдѣ еще безпрестанно шли толки о сформированіи «О. З.», и разсказываетъ мнѣ, что, вошедши къ Некрасову, онъ засталъ всѣхъ въ сборѣ и къ своему удивленію слышитъ, что во главѣ вновь образующихся «О. З.» рѣшаютъ поставить Краевскаго, совершенно противно тому, что было предложено въ предыдущемъ собраніи. Тогда мой мужъ заявляетъ рѣзко, что это будетъ измѣна направленію «Современника» и что онъ не войдетъ иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы продолжать тѣ принципы, а не отступать отъ нихъ, и тогда-то выразилась увлекающаяся натура М. Ев. Его голосъ первый присоединился къ голосу моего мужа.—«И въ самомъ дѣлѣ этого нельзя. Вѣдь это будетъ позоръ» и проч. Некрасовъ поспѣшилъ все это дѣло стушевать, и мысль поставить знамя Краевскаго была покинута. Послѣ этого эпизода о Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ я не слыхала ничего, и, вѣроятно, онъ уѣхалъ на свое вице-губернаторство».

«Всѣ эти толки и сборы, конечно, далеко еще не были вѣнцомъ дѣла. Помимо общихъ сборовъ тутъ были интимные переговоры Некрасова съ лицами, которыхъ онъ хотѣлъ пріобщить къ дѣлу—его роль была, конечно, нелегкая: онъ хотѣлъ опять стать въ почетное положеніе общественнаго дѣятеля, боялся общественнаго мнѣнія, чувствуя за собою эти несчастные стихи—желалъ загладить дурное впечатлѣніе и боялся правительства, несмотря на свои связи. Но болѣе всего онъ съ этого времени стремился хоть сколько-нибудь снять съ себя это иго гнетущей его совѣсти и ту укоризну предателя, которую каждый ему могъ бросить и которыя выражались и въ стихахъ и въ письмахъ, имъ получаемыхъ, и которую онъ слышалъ изъ-за стѣнъ Петропавловской крѣпости, гдѣ одинъ изъ несчастныхъ выразился такъ: «что лучше бы Некрасовъ имъ веревку свилъ для висѣлицы, чѣмъ написалъ эти стихи». Все это Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, и все это его тяготило, и онъ хотѣлъ сколько-нибудь очиститься, а потому созданіе «О. З.» для него было возрожденіемъ личнымъ (я матеріальную сторону оставляю въ сторонѣ, хотя и она, конечно, играла роль)»...

«Некрасовъ совершенно искренно хотѣлъ создать «О. З.» съ

тѣмъ же самымъ составомъ сотрудниковъ, который былъ въ «Современникѣ», что было бы, конечно, легче, удобнѣе. Въ началѣ какъ будто бы такъ все и формировалось, какъ я уже упоминала, были сборы, разговоры, гдѣ, кромѣ Антоновича, присутствовали всѣ и даже пріѣзжій Салтыковъ».

«Спустя уже долгое время послѣ эпизода съ флагомъ Краевскаго и послѣ неоднократныхъ отлучекъ моего мужа на собесѣдованіе по поводу «О. З.», разъ пріѣзжаетъ онъ домой раньше, чѣмъ обыкновенно, и очень взволнованный. Я, конечно, сейчасъ пристала: что случилось? И его разсказъ былъ слѣдующій: пріѣзжаетъ онъ на собраніе, не знаю къ кому, но Некрасовъ, Жуковскій и друг. были въ сборѣ. Какъ видно, до его прихода уже шелъ серьезный разговоръ объ «О. З.»; поздоровавшись, онъ сталъ слушать. Говорилъ Жуковскій съ Некрасовымъ. Жуковскій говоритъ Некрасову слѣдующія слова: «что онъ ставитъ условіемъ будущаго журнала, чтобы прибыль была раздѣлена на двѣ части: одна часть Некрасову, другая ему—Жуковскому», и когда Некрасовъ спросилъ его «а другіе»?—то онъ отвѣчалъ, что Антоновичъ и др. будутъ съ нимъ; тогда Некрасовъ, кивнувъ головой въ сторону моего мужа, спросилъ: «а онъ»?—«А какъ вамъ угодно, дѣлитесь съ нимъ, если хотите»—отвѣчалъ Жуковскій. Это отступничество отъ товарищества глубоко оскорбило моего мужа, и онъ уѣхалъ. Послѣ этого coup d'etat или по-просту распаденія. Некрасову предстояло два выбора начать журналъ съ Жуковскимъ и компаніей, т. е. съ большинствомъ редакціи «Современника», или съ однимъ только изъ этой редакціи—Елисеевымъ».

Такимъ образомъ, воспоминанія Е. П. Елисеевой, подтверждая наиболѣе важные изъ фактовъ, сообщаемыхъ ея мужемъ, добавляютъ кой-какія новыя черты. Нельзя не отмѣтить, напримѣръ, ея мнѣнія о томъ, что Некрасовъ, добиваясь перехода «Отеч. зап.» въ свои руки, преслѣдовалъ, прежде всего, моральную цѣль: ему хотѣлось, съ одной стороны, реабилитировать себя въ глазахъ передовыхъ круговъ, съ другой, успокоить, повидимому, свою собственную совѣсть, возмущенную «паденіемъ» 27-го апрѣля. Весьма важно также указаніе Елисеевой на то, что послѣ объясненія его съ Жуковскимъ въ присутствіи Елисеева, возможность совмѣстной работы этого послѣдняго со своими бывшими товарищами была окончательно исключена, и Некрасову пришлось выбирать...

Въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія вопроса я долженъ упомянуть о томъ, что М. А. Антоновичъ пытается освѣтить роль Елисеева во всей этой исторіи совершенно иначе. Въ своихъ статьяхъ (въ «Журналѣ для всѣхъ» и «Голосѣ Минувшаго» 1915 г. № 2) Антоновичъ,

утверждая, что бывшіе члены редакціонной коллегіи «Современника» «дали слово дѣйствовать дружно, сообща всею артелью, не запродаваться никуда въ одиночку, а сразу, гуртомъ», бросаетъ Елисееву упрекъ, въ томъ, что онъ «отбился отъ артели» и, слѣдовательно, «поступилъ не по-товарищески». Впервые это обвиненіе было формулировано Антоновичемъ въ 1903 году (см. «Журналъ для всѣхъ» № 2), и тогда же вызвало рѣзкую отповѣдь Михайловскаго («Русское Богатство», 1903 г. № 2 и указанныя страницы книги «Послѣднія сочиненія»). Огласивъ уже извѣстный намъ разсказъ Елисеева, представлявшійся ему совершенно достовѣркымъ, Михайловскій рядомъ цитатъ изъ статьи Жуковскаго (см. полемическую брошюру Антоновича и Жуковскаго противъ Некрасова и Елисеева: «Матеріалы для характеристики современной русской литературы») доказываетъ, что Жуковскій отнюдь не скрывалъ того, что во время переговоровъ съ Некрасовымъ стремился выговорить себѣ право стать «хозяиномъ не только литературной части» новаго журнала, «но и его доходовъ» (стр. 127), что именно это его требованіе «и послужило настоящей причиной разрыва» (194) и что онъ «дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ лично отъ себя и только за себя» (196). Такимъ образомъ, если ужъ говорить объ артели, образованной бывшими сотрудниками «Современника» (Михайловскій думаетъ, что едва ли артель эта и существовала) и порѣшившей «не запродаваться никуда въ одиночку», то «отбился» отъ нея прежде всего Жуковскій, а не Елисеевъ. Самый же фактъ совпаденія того, что сообщаютъ о сущности переговоровъ Жуковскаго съ Некрасовымъ самъ Жуковскій и Елисеевъ, доказываетъ ихъ полную освѣдомленность въ этомъ вопросѣ, каковой, разумѣется, не могъ похвалиться Антоновичъ, «беззаботно», по его собственному сознанію, проводившій время за-границей какъ разъ тогда, когда эти переговоры велись. При такихъ условіяхъ для меня является положительно загадочнымъ, какъ могъ Антоновичъ не иначе, какъ понаслышкѣ знакомый съ тѣмъ, что происходило въ его отсутствіе, клеймить своими несправедливыми упреками память Елисеева въ 1903 г. и повторить свои обвиненія въ 1915 году...

III.

Итакъ переговоры Некрасова съ будущими его соредакторами по «Отеч. Запискамъ» (Салтыковымъ и Елисеевымъ) только тогда, какъ мы видѣли, привели къ соглашенію, когда было рѣшено, что въ литературномъ отношеніи журналъ будетъ совершен-

но эмансипированъ отъ какихъ-либо воздѣйствій со стороны Краевскаго. Такая постановка вопроса и даже, независимо отъ нея, самый фактъ выбора именно «Отеч. Записокъ» въ качествѣ органа, призваннаго замѣнить «Современникъ», требовали личныхъ переговоровъ Некрасова съ Краевскимъ. Исторію ихъ возможно возстановить на основаніи документальныхъ данныхъ, каковыми являются письма Некрасова къ Краевскому, хранящіяся въ Публичной Библіотекѣ и напечатанныя не такъ давно г. Измайловымъ (см. «Ежемѣсячныя сочиненія», 1903 г. № 2).

Вчитываясь въ ихъ содержаніе, выносишь впечатлѣніе, что инициатива этихъ переговоровъ исходила отъ Краевскаго, а не отъ Некрасова, и послѣдній занималъ все время выжидательное положеніе, не столько выступая съ какими-либо опредѣленными предложеніями, сколько высказываясь по поводу тѣхъ предложеній которыя ему дѣлалъ Краевскій. Что же это были за предложенія? Первоначально Краевскій предлагалъ Некрасову взять въ свое завѣдываніе лишь беллетристическій отдѣлъ «Отеч. Записокъ». Некрасовъ представлялъ изъ себя слишкомъ опредѣленную въ общественномъ отношеніи величину и носилъ имя слишкомъ, по его собственному выраженію, «рѣзко обозначенное», чтобы согласиться на завѣдываніе одной беллетристикой, тѣмъ болѣе, что она въ 60-е годы—періодъ, въ который общественно-политическіе и экономическіе интересы, безусловно, являлись доминирующими, —потеряла свое прежнее значеніе. Очень хорошо сознавая это и потому будучи убѣжденъ, что «упроченіе и усиленіе журнальнаго успѣха зависитъ въ наше время не отъ беллетристики», Некрасовъ на предложеніе Краевскаго лѣтомъ 1867 г. отвѣчалъ въ слѣдующихъ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ: «Я серьезно думалъ объ Вашемъ предложеніи и дошелъ до заключенія, что пользы вашему журналу; по крайней мѣрѣ *продолжительной* и *существенной*, не принесу, взявъ на себя беллетристику»... Краевскій, жадно ухватившійся за возможность обновить свой журналъ участіемъ Некрасова и его друзей по «Современнику», поспѣшилъ пойти на уступки. Онъ теперь, повидимому, предлагалъ Некрасову цѣликомъ взять редакцію журнала въ свои руки, оговаривая свое участіе въ доходахъ съ него. Дѣло начало «слаживаться», но едва не разошлось, такъ какъ Краевскій, пуще всего опасавшійся матеріальныхъ проторей и убытковъ, вздумалъ оградить свои издательскіе интересы совершенно непріемлемыми для Некрасова условіями. Объ этихъ условіяхъ мы узнаемъ изъ письма къ нему Некрасова отъ 29 ноября 1867 г.:

«Мнѣ казалось, особенно послѣ того, какъ я прочелъ Вашъ

контрактъ съ Дудышкинымъ, что дѣло можетъ состояться, но видно, мы другъ друга не поняли.

Суммы въ 24 т. на годовое изданіе рѣшительно мало. Нужно еще имѣть право расходовъ по крайней мѣрѣ 3 т.

А главное: условія относительно цензуры невозможны. 1-е предостереженіе можно получить за статью, пропущенную Фрей-гангомъ,—тутъ все дѣло въ томъ, какой иногда вѣтеръ подуетъ. Такъ какъ нѣтъ средствъ сказать навѣрное, что я его не получу, а вы предлагаете, чтобы послѣ 1-го предостереженія я ушелъ изъ дѣла, то ясно: мнѣ нѣтъ смысла и начинать его.

Условіе, чтобы я заплатилъ деньги въ случаѣ запрещенія журнала, тоже неудобно, особенно имѣя въ виду выговариваемое мною собственное Ваше участіе въ охраненіи журнала. Вообще подобныя обязательства немыслимы тамъ, гдѣ завтра же могутъ запретить не одинъ, а всѣ журналы...

Мнѣ пришлось бы поддерживать дружбу съ чинами, жить лѣтомъ поближе къ Петербургу и, можетъ быть, посидѣть въ тюрьмѣ, потому что все-таки и при нашемъ двойномъ наблюденіи нельзя было бы поручиться, что дѣло до этого не дойдетъ. Если бы каждую статью прочитывалъ членъ совѣта, то и тогда за это поручиться было бы нельзя. Пыпинъ и Жуковскій судились за статью о книгѣ, о которой вообще состоялся журналъ, что она противозаконнаго ничего не представляетъ. О другихъ пунктахъ, въ которыхъ мы нѣсколько расходимся, послѣ этого главнаго, нѣтъ нужды говорить. Очень искренно жаль, что даромъ пропало столько времени и хлопотъ, но дѣлать нечего.»

Рѣшительный тонъ этого письма произвелъ, надо думать, сильное впечатлѣніе на Краевскаго. Онъ согласился кореннымъ образомъ измѣнить свои условія и, повидимому, вечеромъ[1]) того же 29-го ноября соглашеніе между сторонами было достигнуто. Въ моемъ распоряженіи имѣется текстъ нотаріальнаго договора отъ 8-го декабря 1867 г., заключеннаго Краевскимъ и Некрасовымъ. Вотъ важнѣйшіе его пункты: «1. Некрасовъ съ перваго Января тысяча восемьсотъ шестьдесятъ восьмого года по первое Января тысяча восемьсотъ семьдесятъ четвертаго года принимаетъ на себя исключительное завѣдываніе редакціей журнала «Отечественныя Записки» и становится гласно отвѣтственнымъ редакторомъ этого журнала какъ передъ Правительствомъ, такъ и передъ публикой. Вслѣдствіе чего онъ имѣетъ

[1]) 30-го ноября Некрасовъ уже писалъ Краевскому о предпринятыхъ имъ въ этотъ день шагахъ у официальныхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло его утвержденіе, какъ редактора; эти шаги могли состояться только послѣ окончательнаго соглашенія между нимъ и Краевскимъ.

пригласить по своему выбору двухъ помощниковъ на жалованьи, производимомъ изъ журнальной суммы, опредѣленной въ третьей статьѣ сего контракта, при чемъ обязывается: а) помѣщать личные свои труды въ «Отечественныхъ Запискахъ» за плату, опредѣляемую по уговору съ Краевскимъ, но, не выходя изъ суммы, опредѣленной на годовыя издержки за статьи; б) входить въ сношенія съ литераторами и учеными для пріобрѣтенія необходимаго для журнала матеріала, заботясь о томъ, чтобы всѣ отдѣлы журнала были, по возможности, полны и представляли для публики живой интересъ; в) пересматривать доставляемыя въ редакцію рукописи, входить въ случаѣ надобности по поводу ихъ въ переписку и объясненія и исправлять тѣ, которыми можно воспользоваться; г) выбирать романы и другія статьи изъ иностранныхъ литературъ для помѣщенія въ переводѣ въ журналѣ; д) читать редакторскія корректуры и вообще заботиться, какъ о составленіи книжекъ, такъ и о своевременномъ ихъ выходѣ. 2. Краевскій, оставаясь собственникомъ журнала «Отечественныя Записки», принимаетъ на себя всѣ обязанности издателя журнала, т. е. всю хозяйственную часть изданія, какъ-то: пріемъ подписки и объявленій, храненіе денегъ, счетоводство, контроль надъ конторами, надзоръ за печатаніемъ, своевременнымъ выходомъ книжекъ и исправною ихъ разсылкою, покупку бумаги, брошюровку, наемъ и увольненіе лицъ, служащихъ по хозяйственной части журнала, подписку на русскія и иностранныя газеты и журналы или обмѣнъ на оные, пріобрѣтеніе нужныхъ для редакціи книгъ и т. п. Некрасовъ во всякое время можетъ повѣрять приходорасходныя книги и счеты конторы «Отечественныхъ Записокъ» и, если замѣтитъ какое-либо упущеніе, даетъ о томъ знать Краевскому, который обязанъ немедленно поправить замѣченныя упущенія. На всѣ расходы по хозяйственной части изданія опредѣляется примѣрно сумма, при шести тысячахъ подписчикахъ, въ тридцать восемь тысячъ рублей серебромъ. 3. По выходѣ каждой книжки составляется счетъ денегъ, слѣдующихъ за помѣщенные въ ней матеріалы, и контора Краевскаго уплачиваетъ по запискамъ Некрасова деньги, слѣдующія лицамъ, участвовавшимъ въ книжкѣ, и мѣсячное жалованье постояннымъ сотрудникамъ подъ ихъ расписки, не позже пяти дней по выходѣ книжки. Общая сумма на оригиналъ, со включеніемъ жалованья помощникамъ редактора, полагается до трехъ тысячъ двухъ сотъ руб. на книжку. За исправность платежа, равно какъ и исправное состояніе кассы Краевскій отвѣтствуетъ своимъ имуществомъ. 6. По окончаніи каждаго года, не позже Января, составляется Краевскимъ расчетъ и, послѣ повѣрки его Некрасовымъ, оставшіяся за всѣми расходами суммы

немедленно дѣлятся между Краевскимъ и Некрасовымъ поровну... 7. Если бы по заключеніи счетовъ за какой-либо годъ оказалось, что издержки превышаютъ приходъ, то недостающую сумму Краевскій и Некрасовъ обязаны пополнить изъ собственнаго своего имущества по ровной части. 8. Въ случаѣ болѣзни, надобности отлучиться или другихъ причинъ, препятствующихъ заниматься редакціею журнала, Некрасовъ, смотря по обстоятельствамъ, или передаетъ частно, съ согласія Краевскаго, занятія своему помощнику, или, съ согласія Краевскаго и съ дозволенія Правительства, ставитъ за себя лицо, исполняющее его обязанности и отвѣчающее передъ Правительствомъ, при чемъ право наблюденія, чтобъ журналъ не подвергся административному преслѣдованію, переходитъ къ Краевскому.... 9. Но, предоставляя Некрасову полную свободу во всемъ, что касается собственно редакціи журнала, Краевскій, какъ собственникъ, сохраняетъ за собою право просматривать въ корректурныхъ листахъ всѣ статьи, приготовленныя къ печати, и если замѣтитъ въ нихъ что-либо, могущее вызвать преслѣдованіе администраціи, то имѣетъ право печатаніе такой статьи пріостановить, сообщивъ свои соображенія Некрасову. *Если Некрасовъ соображенія Краевскаго въ этомъ случаѣ будетъ оспаривать, то Краевскій, до полученія журналомъ перваго предостереженія, обязанъ ему уступить, но если журналъ получитъ первое предостереженіе*, то спорные вопросы такого рода разрѣшаются третьимъ лицомъ, избраннымъ по обоюдному ихъ согласію, при участіи одного изъ членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати,—если къ этому представится возможность. Если же, несмотря на эту предосторожность, *журналъ подвергнется и второму предостереженію, тогда Некрасовъ отъ отвѣтственной редакціи журнала долженъ отказаться, и журналъ возвращается вновь подъ отвѣтственную редакцію Краевскаго, а Некрасовъ, продолжая исполнять всѣ остальныя обязанности, принятыя имъ на себя въ первомъ пунктѣ сего условія, долженъ уже безусловно подчиняться рѣшенію Краевскаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло будетъ касаться отвѣтственной редакціи. Если въ этомъ случаѣ между Краевскимъ и Некрасовымъ возникнутъ такія несогласія, при которыхъ вести общее дѣло окажется невозможнымъ, то Некрасовъ, буде пожелаетъ, можетъ оставить дѣло, но съ тѣмъ, что контрактъ сей считать нарушеннымъ, при чемъ Краевскій обязывается выдать Некрасову единовременно три тысячи рублей серебромъ.* 11. Всѣ могущіе послѣдовать по рѣшенію Судебныхъ мѣстъ денежные штрафы съ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» не касаются ни внесеннаго за нихъ залога, ни собираемыхъ подпискою денегъ, а должны быть выплачиваемы

Некрасовымъ изъ собственныхъ средствъ. 13. Такъ какъ Краевскій, оставаясь издателемъ «Отечественныхъ Записокъ», останется въ то же время редакторомъ-издателемъ газеты «Голосъ», то въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасовъ не долженъ помѣщать относительно «Голоса» ни статей, ни выраженій порицательныхъ. Краевскій обязывается не дѣлать того же въ газетѣ «Голосъ» относительно «Отечественныхъ Записокъ». Равнымъ образомъ Некрасовъ не помѣщаетъ въ «Отечественныя Записки» никакихъ порицательныхъ отзывовъ о прежней редакціи «Отечественныхъ Записокъ» до перваго Января тысяча восемьсотъ шестьдесятъ восьмого года. *Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе журналы, умышленно смѣшивая прежнюю редакцію «Отечественныхъ Записокъ» съ новою, или редакцію «Отечественныхъ Записокъ» съ редакціею «Голоса», станутъ упрекать журналъ въ противурѣчіяхъ и т. под., Некрасовъ имѣетъ право входить въ необходимыя разъясненія, соблюдая тонъ спокойный и безпристрастный. 14. Если бы случилось, что Некрасовъ не будетъ утвержденъ Правительствомъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», о чемъ Краевскій имѣетъ подать въ непродолжительномъ времени, куда слѣдуетъ, прошеніе, то Некрасовъ, съ согласія Краевскаго и съ разрѣшенія Правительства, ставитъ за себя лицо, исполняющее его обязанности и отвѣчающее передъ Правительствомъ, съ тѣмъ, что отвѣтчикомъ по сему контракту передъ Краевскимъ остается Некрасовъ и при томъ, не требуя для платы поставленному имъ за себя редактору новыхъ расходовъ, сверхъ означенныхъ въ пунктѣ третьемъ.* Если-бы вслѣдствіе условій, изложенныхъ въ пунктѣ девятомъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, обязанность отвѣтственнаго редактора пришлось исполнять Краевскому, то *Краевскому особой платы за отвѣтственную редакцію не требовать, при чемъ денежные штрафы, означенные въ пунктѣ одиннадцатомъ, переходятъ на него, а Некрасову исполнять всѣ остальныя обязанности, принятыя имъ на себя въ пунктѣ первомъ сего контракта. Въ случаѣ несогласій, могущихъ произойти при отвѣтственности Краевскаго за редакцію, Некрасовъ, буде пожелаетъ, имѣетъ право оставить дѣло ранѣе срока сего контракта, при чемъ получаетъ причитающуюся ему половину чистаго дохода за весь годъ, хотя бы выходилъ изъ дѣла въ началѣ года, и затѣмъ контрактъ нарушается».*

Набранныя курсивомъ мѣста, какъ это явствуетъ изъ имѣющагося у меня черновика этого договора[1]), выработаны самимъ

[1]) И текстъ договора и черновикъ его получены мною отъ В. И. Семевскаго, которому я и пользуюсь случаемъ принести свою глубокую признательность. *В. Е.*

Некрасовымъ и внесены въ него по его настоянію. Такъ пунктъ 9-ый въ первоначальномъ своемъ видѣ обязывалъ Некрасова въ случаѣ разногласій съ Краевскимъ, еще до полученія 1-го предостереженія, предоставлять дѣло рѣшенію третейскаго суда; по полученіи же перваго предостереженія давалъ Краевскому право считать договоръ нарушеннымъ и требовать отъ Некрасова денежной неустойки. Пунктъ 11-й въ прежней редакціи былъ лишенъ заключительной части, обусловливавшей за Некрасовымъ право печатно разъяснить въ случаѣ необходимости, что «Голосъ» и «Отечественныя Записки» не связаны идейно. Пункта 14-го, благодаря которому и въ случаѣ неутвержденія отвѣтственнымъ редакторамъ Некрасова соглашеніе объ «Отеч. Запискахъ» на вышеприведенныхъ основаніяхъ оставалось въ силѣ, не было вовсе.

Само собой разумѣется, что заключеніе подобнаго договора еще не знаменовало полной капитуляціи Краевскаго, но все же, основываясь на немъ, мы въ правѣ утверждать, что Некрасовъ шелъ въ журналъ, получивъ значительныя гарантіи отъ своего партнера въ томъ, что идейное руководительство всецѣло будетъ принадлежать ему. Во всякомъ случаѣ, п. 9-й давалъ ему возможность почетно и безубыточно для себя порвать съ Краевскимъ, если бы послѣдній послѣ полученія перваго предостереженія сталъ посягать на направленіе «Отеч. Записокъ». При такихъ условіяхъ, едва ли было бы благоразумно со стороны Некрасова не согласиться на вышеизложенный договоръ, уклонившись такимъ образомъ отъ попытки сдѣлать *своимъ* журналъ, принадлежащій до сихъ поръ къ противному лагерю, попытки, какъ мы знаемъ, блистательно удавшейся.

Тѣмъ не менѣе самое сочетаніе именъ Некрасова и Краевскаго, которыхъ, по справедливости, можно назвать антиподами русской журналистики, производило на многихъ странное, даже непріятное впечатлѣніе. Его усиливали общеизвѣстные факты недавняго прошлаго, и прежде всего, какъ уже было указано, «тѣ невѣрные звуки» (стихотворенія въ честь Комиссарова, а особенно Муравьева) которые Некрасовъ исторгалъ въ 1866 г. со струнъ своей лиры, тщетно пытаясь спасти «Современникъ» отъ угрожавшаго ему запрещенія. Создавалась благопріятная почва для предположеній о томъ, что Некрасовъ спустилъ флагъ передъ Краевскимъ и сдѣлался, подобно ему, сторонникомъ девиза: «чего изволите»? Все это создавало весьма неблагопріятныя условія для новаго журнала, при томъ такого, который былъ призванъ замѣнить «Современникъ». Легко было, допустивъ два-три ложныхъ шага, почти неизбѣжныхъ при началѣ всякаго дѣла, безвозвратно погубить «Отеч. Записки» въ глазахъ и безъ того насторожившейся публики.

Некрасовъ, повидимому, хорошо понималъ шаткость находившейся у него подъ ногами почвы, а потому долженъ былъ проявить особую осторожность въ вопросѣ о выборѣ сотрудниковъ. Вопросъ этотъ, какъ мы знаемъ, на первыхъ же порахъ усложнился тою позиціей, которою занялъ по отношенію къ Елисееву Жуковскій. Когда эта позиція прояснилась для Елисеева, чего очень хотѣлось, если судить по воспоминаніямъ какъ Григорія Захаровича, такъ и его жены, Некрасову, и комбинація привлеченія въ новый журналъ всѣхъ членовъ редакціонной коллегіи «Современника» окончательно отпала, то для Некрасова, какъ мы знаемъ, создалась дилемма: или пригласить Жуковскаго и Антоновича, или же взять одного Елисеева. Послѣдній исходъ не исключалъ возможности привлеченія въ ближайшемъ времени въ редакцію и М. Е. Салтыкова, принимавшаго участіе въ томъ организаціонномъ собраніи, въ которомъ присутствовали Елисеевъ и Писаревъ, но не было ни Жуковскаго ни Антоновича. Уже наканунѣ этого собранія, Некрасовъ, надо думать, сталъ склоняться къ мысли о предпочтительности привлеченія, вмѣсто Жуковскаго съ Антоновичемъ, Елисеева съ Салтыковымъ. Въ пользу именно такого рѣшенія его настроили, по всей вѣроятности, во 1-хъ, чрезмѣрность требованій, предъявлявшихся Жуковскимъ, и, во 2-хъ, проектированное Жуковскимъ изверженіе Елисеева изъ числа членовъ редакціи новаго журнала. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ Некрасовъ былъ освѣдомленъ, безъ всякаго сомнѣнія, ранѣе того времени, когда о немъ узналъ Елисеевъ; освѣдомить же Елисеева въ истинныхъ намѣреніяхъ Жуковскаго онъ счелъ необходимымъ уже тогда, когда сдѣлалъ окончательный выборъ. Онъ, вѣдь, хорошо зналъ честность и добросовѣстность Елисеева и былъ убѣжденъ, что если этотъ послѣдній не будетъ имѣть самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ «коварнаго» образа дѣйствій Жуковскаго, онъ никогда не рѣшится итти въ «Отеч. Записки» отдѣльно отъ своихъ сотоварищей по «Современнику». Поэтому Жуковскій, заявляя въ присутствіи Елисева о томъ, что въ качествѣ соредакторовъ Некрасова онъ имѣлъ въ виду, кромѣ самого себя, только двухъ лицъ—Антоновича и Пыпина, фиксировалъ тѣмъ самымъ непринятіе проектировавшейся имъ комбинаціи Некрасовымъ, только и ждавшимъ того момента, когда Елисеевъ сочтетъ себя нравственно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ передъ своими сотоварищами, чтобы предложить ему совмѣстное съ нимъ, Некрасовымъ, редактированіе «Отеч. Записокъ». Почему именно Некрасовъ нашелъ для себя наиболѣе удобной комбинацію съ Елисеевымъ, чѣмъ предлагавшуюся ему Жуковскимъ комбинацію безъ Елисеева, объ этомъ только что было высказано

извѣстное предположеніе. Судить на разстояніи полустолѣтія о томъ, какая изъ двухъ причинъ: чрезмѣрность ли требованій Жуковскаго или нежеланіе лишиться Елисеева—превозмогла и заставила Некрасова одного предпочесть троимъ,—крайне трудно. тѣмъ не мѣнѣе, можно съ значительной дозой вѣроятія полагать, что вторая причина, во всякомъ случаѣ, не была малозначущей. Для того, чтобы оцѣнить ее по достоинству, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что представлялъ собой Елисеевъ, какъ писатель и журнальный дѣятель вообще, въ литературѣ же 60-хъ годовъ въ частности.

Едва ли не лучшій отвѣтъ на первую часть поставленнаго вопроса даютъ слѣдующія слова Шелгунова: «Г. З. Елисеевъ принадлежалъ къ людямъ рѣдкаго ума, тонкаго, проницательнаго. понимающаго вещи и людей въ самой ихъ сущности, насквозь. Это—мужъ по преимуществу разума и совѣта, занимающій первое мѣсто. По умственному складу, умственнымъ отношеніямъ и по условіямъ среды, имѣвшимъ вліяніе на его развитіе, онъ—разночинецъ-народникъ. Своими «внутренними обозрѣніями» Григорій Захаровичъ вносилъ существенное содержаніе въ «Современникъ» и затѣмъ былъ главнымъ руководителемъ и направителемъ «Отечеств. Записокъ» Некрасова»....

Таково общелитературное значеніе Елисеева; что же касается собственно 60-хъ годовъ (замѣтимъ, что литературная дѣятельность Елисеева началась въ 1858-мъ году), то мѣсто, занимаемое имъ въ журналистикѣ этого времени, его близкимъ другомъ и соратникомъ по журнальнымъ дѣламъ С. Н. Кривенко, опредѣляется такъ: «Будучи годами сверстникомъ людей 40-хъ годовъ. онъ выступилъ на литературное поприще позже ихъ—въ зрѣломъ уже возрастѣ, зная жизнь не теоретически только, а и практически. Въ то время какъ другіе толковали о народѣ изъ столичныхъ кабинетовъ, онъ вышелъ изъ деревни, изъ среды, наиболѣе близкой къ народу, а затѣмъ, по самому роду своей службы въ Сибири, также постоянно соприкасался и имѣлъ дѣло съ крестьянскимъ бытомъ. Кто помнитъ время передъ освобожденіемъ крестьянъ и вскорѣ послѣ освобожденія, всю многочисленность и сложность чисто практическихъ вопросовъ и отношеній, какіе тогда возникли. тотъ пойметъ, какъ много значила именно та практическая сторона. въ которой особенно силенъ былъ Григорій Захаровичъ, не поступаясь при этомъ теоретическими убѣжденіями и идеалами. Вопросы: что дѣлать для народнаго блага, какъ организовать земскую медицину, народныя школы, юридическую помощь населенію, какъ относиться къ волостному суду, общинному землевладѣнію и т. д.—на все это молодое поколѣніе, выступавшее на поприще

общественной дѣятельности, получало указанія отъ Григорія Захаровича. Его внутреннія обозрѣнія того времени читались положительно всею Россіей, и авторъ ихъ снискалъ тогда себѣ имя уваженіе, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ публицистовъ».

Михайловскій, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ «о значительности роли» Елисеева въ журналистикѣ 60-хъ гг., ссылаясь, какъ и Кривенко, преимущественно, на его «внутреннія обозрѣнія». «Елисеевъ, говоритъ онъ, былъ силенъ знаніемъ практической жизни и умѣньемъ разбираться въ текущихъ житейскихъ явленіяхъ, освѣщая ихъ съ точки зрѣнія требованій новой, проснувшейся на Руси жизни. Эта именно черта привлекла къ его «внутреннимъ обозрѣніямъ» общее вниманіе и сдѣлала ихъ однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ «Современника». Онъ былъ, можно сказать, создателемъ этого отдѣла не только въ своемъ журналѣ, а и вообще въ журналистикѣ».

Независимо отъ этихъ объективныхъ свидѣтельствъ, небезынтересно познакомиться съ тѣмъ, какъ самъ Елисеевъ смотрѣлъ на свою роль въ литературныхъ кругахъ 60-хъ годовъ. Несомнѣнная, всѣми, кому приходилось имѣть съ Елисеевымъ дѣло, отмѣчаемая, скромность его позволяетъ намъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ нижеслѣдующей страничкѣ, взятой изъ его воспоминаній: «въ то время (т. е. въ серединѣ 60-хъ годовъ. *В. Е.*) я былъ особой важной въ литературномъ мірѣ, и имя мое нѣмло очень вѣское значеніе во всѣхъ литературныхъ кружкахъ. Въ началѣ 1862 г., когда составилась свободная ассоціація изъ 30 тогда болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ и рѣшилась на свои деньги издавать прекратившійся тогда за недостаткомъ подписчиковъ «Вѣкъ», всѣ члены ассоціаціи единогласно порѣшили избрать редакторомъ этого журнала меня, и въ то время блиставшій еще либерализмомъ и англоманіей редакторъ «Русскаго Вѣстника» въ Москвѣ похвалилъ такой выборъ въ издававшейся при «Русскомъ Вѣстникѣ» «Современной лѣтописи»..... По закрытіи «Вѣка», а потомъ по остановкѣ «Современника», когда сдѣлалось извѣстнымъ, что я съ Антоновичемъ не хотимъ болѣе работать въ «Современникѣ», меня немедленно пригласили принять на себя редактированіе «Очерковъ». Съ 1863 г. вплоть до закрытія «Современника» мое литературное реноме въ литературныхъ кружкахъ стояло такъ же прочно, какъ и прежде. Я оставался полнымъ членомъ редакціи и сотрудникомъ «Современника», поставляя въ него ежемѣсячно свои внутреннія обозрѣнія и нѣкоторыя другія статьи. Въ то же время я былъ очень коротко знакомъ съ покойнымъ В. С. Курочкинымъ и принималъ самое близкое участіе въ «Искрѣ»,

поставлял туда каждыя двѣ недѣли «Хронику прогресса». Кто знаетъ, что «Искра» шагъ за шагомъ шла за «Современникомъ», а вмѣстѣ и то, что это былъ распространеннѣйшій тогда журналъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ обществѣ, тотъ поймета, какое важное значеніе имѣла ея полная солидарность съ «Современникомъ». Послѣ каракозовскаго выстрѣла мое литературное реноме не только не уменьшилось, но покрылось, такъ сказать, новымъ блескомъ по причинѣ невиннаго сидѣнія въ крѣпости, сидѣнія единственно за проповѣдь прогрессивныхъ идей».

Въ цѣляхъ наиболѣе обстоятельнаго выясненія вопроса о значеніи Елисеева въ литературѣ 60-хъ годовъ безспорный интересъ представляетъ и мнѣніе его жены, хотя ее и нельзя признать безпристрастной свидѣтельницей, такъ какъ общеизвѣстна ея исключительная привязанность къ мужу, утрата котораго буквально черезъ нѣсколько дней и ее свела въ могилу. Это не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ сообщаемыхъ ею фактовъ имѣть извѣстную объективную цѣнность. По ея словамъ, Некрасовъ, этотъ официальный, стоявшій у всѣхъ на виду представитель «Современника» 60-хъ годовъ», особенной популярностью не пользовался, преимущественно, благодаря своему богатству и той жизни, которую онъ велъ, то въ средѣ богатыхъ прохвостовъ и людей сомнительнаго направленія, то среди интеллигентнаго круга съ чисто демократическими тенденціями; изъ этого выходило, что и та и другая партія всегда относились къ нему недовѣрчиво, и ни одна изъ нихъ не могла сказать съ опредѣленнымъ убѣжденіемъ, что «онъ нашъ». Эта двойственность положенія принесла ему лично много горя, но дѣлу, во главѣ котораго онъ стоялъ, нисколько не вредила, а, напротивъ, еще способствовала. Въ душѣ онъ былъ, конечно, «нашъ», такъ какъ онъ былъ уменъ и чутокъ къ истинѣ и добру, которыя влекли его къ расширенію правъ угнетеннаго большинства. Но внѣшней стороной онъ былъ очень испорченъ и не могъ быть не только мученикомъ за идею, но даже лишиться кареты за идею, притомъ онъ всегда имѣлъ поводъ ублажать себя, что его положеніемъ онъ приноситъ нѣкоторую пользу въ этомъ «искривленномъ мірѣ».

Что касается соредакторовъ (по «Современнику») Некрасова—Жуковскаго и Антоновича, то объ нихъ, утверждаетъ Е. П. Елисеева, «можно сказать, что они исполняли свой долгъ литературный превосходно и свой долгъ семейный добросовѣстно, остальныя же тревоги житейскія до нихъ касались, какъ гулъ отдаленнаго моря; ихъ муравьиный трудъ приносилъ свои хорошіе плоды, но такъ же, какъ вы при видѣ воздвигнутой муравьями кучи не знаете внѣ этого активной жизни муравья,—такъ точно никто не зналъ,

помимо «Современника», проявленія въ нихъ активной общественной жизни,—каждый изъ нихъ жилъ въ тѣсномъ личномъ, семейномъ кругу»....

Оставался изъ редакціонной коллегіи «Современника» одинъ Г. З. Елисеевъ, который, по мнѣнію Екатерины Павловны, и являлся живымъ воплощеніемъ традицій, завѣщанныхъ «Современнику» Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. «Онъ рѣзко отличался», такъ характеризуетъ его Е. П., «по натурѣ и по своему общественному положенію, какъ отъ Некрасова, такъ и отъ остальныхъ своихъ собратій по редакціи «Современника». Это былъ человѣкъ по натурѣ организаторъ и демагогъ, одно, что *раніяя* (т.-е. прежняя дѣятельность) не могла питать его. Если бы онъ родился еще въ болѣе узкой средѣ, хотя бы въ поднебесной китайской имперіи, то и тамъ, въ предѣлахъ времени и пространства, онъ расчищалъ бы путь къ идеѣ справедливости и разума. Его литературная дѣятельность не ограничивалась только «Современникомъ», въ одно и то же время онъ участвовалъ въ «Искрѣ», гдѣ писалъ хронику прогресса. Онъ былъ избранъ редакторомъ коммунальной газеты «Вѣкъ», жившей очень недолго, но не отъ притѣсненія правительства, а отъ несостоятельности русскихъ писателей относиться добросовѣстно къ принятымъ на себя обязательствамъ и вообще по наклонности скорѣй урвать кусокъ, чѣмъ служить почти платонически идеѣ въ видахъ будущаго неопредѣленнаго гонорара. Редакторство его въ каждодневной газетѣ «Очерки» было прекращено не безъ вмѣшательства правительства. Изъ этого видно, что и литературная дѣятельность его была разностороннѣе, слѣдовательно, и вещественныя связи—разнообразнѣе. Звучитъ какъ-то непривычно и сомнительно въ нашемъ отечествѣ слово «партія», въ особенности теперь, но иного опредѣленія я найти не могу, чтобы пояснить соціальное положеніе Г. З. Е., какъ сказавъ, что у него была «партія» или послѣдователи, которые, проникаясь его идеями, стремились къ одной и той же цѣли и вносили въ эти идеи свою дѣятельность и жизнь. Вообще же онъ стоялъ такъ, что многіе молодые и старые и мироносицы также прибѣгали къ нему въ свои трудныя минуты жизни за совѣтомъ и помощью, и никто не уходилъ безъ надлежащей поддержки—связь его съ живымъ міромъ не ограничивалась только Петербургомъ, можно сказать—во всѣхъ уголкахъ Россіи онъ имѣлъ людей, знающихъ его или лично, или черезъ посредство другихъ, что и повело во время его процесса по каракозовскому дѣлу къ такому безцеремонному выводу г. Огарева, одного изъ членовъ комиссіи. Очень многіе изъ заключенныхъ по каракозовскому дѣлу изъ Москвы и прочихъ городовъ сдѣ-

дали показаніе, что у насъ обѣдали или чай пили, но больше обѣдали, и какъ эти показанія были предъявлены Огаревымъ моему мужу, то онъ, конечно, ихъ не отрицалъ, а объявилъ, что всякій пріѣзжій, даже не будучи знакомымъ, когда приходилъ къ намъ во время нашего обѣда, раздѣлялъ его съ нами. На что Огаревъ остроумно, по его мнѣнію, возразилъ: «какъ же вы не боялись, что у васъ ложки покрадутъ?» Вообще Г. З. Е. былъ въ то время самымъ популярнымъ лицомъ въ русской литературѣ, да, пожалуй, и вообще: притомъ *онъ пользовался самымъ глубокимъ уваженіемъ, на немъ не было пятнышка, которое могло бы повергать людей въ сомнѣніе относительно пути, который онъ избралъ. Чувствовалась, что его дѣятельность не мотивируется никакими личными благами, а есть чисто результатъ сознанной имъ необходимости*».

Несмотря на отдѣльныя, подчасъ довольно таки грубыя преувеличенія (напр. «Елисеевъ былъ самымъ популярнымъ лицомъ въ русской литературѣ, да, пожалуй, и вообще») въ этой характеристикѣ многое, какъ, напримѣръ, набранныя курсивомъ ея заключительныя слова, является вполнѣ достовѣрнымъ, встрѣчая себѣ полное соотвѣтствіе въ другихъ источникахъ.

Теперь, когда вопросъ о литературно-общественной роли Елисеева въ 60-ые годы для насъ значительно прояснился, выборъ, сдѣланный въ 1867 г. Некрасовымъ, уже не долженъ насъ изумлять. Кстати сказать, онъ казался не только вполнѣ естественнымъ, но и единственно возможнымъ самому Елисееву. Вотъ относящійся сюда отрывокъ изъ его воспоминаній: «мое литературное реноме на литературномъ рынкѣ стояло такъ прочно, что, пародируя извѣстныя слова Ломоносова, что скорѣе онъ могъ отставить академію отъ себя, чѣмъ академія его, я могъ бы сказать, что скорѣе я могъ отставить новыя «О. З.» отъ себя, чѣмъ онѣ меня. Произвести такой радикальный переворотъ въ тогдашней журналистикѣ, какой задумалъ Некрасовъ, именно взять «О. З.» въ свои руки и превратить ихъ въ такой же прогрессивный журналъ, какимъ до сихъ поръ былъ «Современникъ», при томъ подъ редакціей прежняго ихъ редактора Краевскаго, остающагося при этомъ и редакторомъ «Голоса», было совершенно невозможно, немыслимо безъ моего участія въ редакціи новаго журнала. Какихъ бы извѣстныхъ литературному міру и обществу сотрудниковъ онъ ни набралъ, но разъ моего имени въ немъ не было бы, никто не повѣрилъ бы искренности и честности такого заявленія. Некрасовъ понималъ это очень хорошо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ и то, что я, искренно расположенный къ моимъ товарищамъ и не имѣя причинъ сомнѣваться въ ихъ искреннемъ расположеніи ко

мнѣ, буду работать только тамъ, гдѣ рѣшаться работать они и не пойду отдѣльно отъ нихъ въ его новый журналъ. Потому Некрасовъ, еще прежде, при сепаратныхъ его разговорахъ съ Жуковскимъ о новомъ журналѣ, слышавшій отъ послѣдняго о предполагаемомъ исключеніи меня изъ числа членовъ редакціи, и употребилъ хитрость, чтобы вытянуть меня на присутствіе при совѣщаніи объ «От. Зап.» съ Жуковскимъ, чтобы я собственными ушами выслушалъ предположенный его планъ обо мнѣ»..

Жена Елисеева съ своей стороны развиваетъ эту же точку зрѣнія въ извѣстныхъ уже намъ воспоминаніяхъ. Упомянувъ о томъ, что хотя Некрасовъ и «не представлялъ живого нерва общественной службы» вслѣдствіе «слабости его къ земнымъ благамъ», но «потребность натуры влекла его и къ активной дѣятельности, и онъ очень хорошо понималъ то направленіе, которое могло дать его дѣятельности болѣе значенія и силы да къ тому же и матеріальныхъ благъ», Е. П. Елисеева говоритъ, что когда ему пришлось выбрать между Жуковскимъ съ компаніей и однимъ только Елисеевымъ, то онъ «былъ слишкомъ уменъ, чтобы долго колебаться» и поспѣшилъ выбрать Елисеева. И это дѣлаетъ тѣмъ большую честь какъ убѣжденности, такъ и проницательности Некрасова, что у Елисеева имѣлся «хвостъ» въ видѣ тѣхъ подозрѣній, которыя вызывала его политическая благонадежность. Со стороны враговъ Елисеева была сдѣлана даже попытка использовать это обстоятельство въ надеждѣ запугать осторожнаго Некрасова и тѣмъ отпугнуть его отъ Елисеева. «Тотчасъ по начатію «О. З», такъ разсказываетъ объ этомъ самъ Елисеевъ, Некрасовъ передалъ мнѣ письмо NN (одного литератора. *В. Е.*), въ которомъ онъ пишетъ Некрасову, что напрасно онъ... думаетъ вести журналъ съ однимъ мною, что мнѣ одному съ этимъ дѣломъ и не справиться, такъ какъ я недостаточно знакомъ съ иностранными языками, а главное, за мною тянется непріятный для журнала хвостъ, который всегда будетъ вредить журналу. Подъ хвостомъ этимъ разумѣлось, вѣроятно, мое сидѣнье въ крѣпости и учрежденный затѣмъ надо мною полицейскій надзоръ, и большее или меньшее мое знакомство съ тѣми лицами, которыя во время каракозовской исторіи подвергались одинаковой со мною участи». Сообщаетъ объ этомъ фактѣ и Ек. Пав. Елисеева. «Какъ онъ (т.-е. Некрасовъ), говоритъ она, разсказывалъ послѣ, NN (фамилія того же литератора), желая его отклонить отъ моего мужа, говорилъ ему, что за Елисеевымъ «есть хвостъ». Близорукій NN не понималъ, что въ этомъ случаѣ хвостъ, говоря его тривіальнымъ языкомъ, а въ сущности,—послѣдователи, партія, общественное довѣріе и уваженіе—есть необходимыя условія

для успѣха. Безъ общественнаго сочувствія ничего нельзя было сдѣлать, а одинъ только мой мужъ въ то время изъ редакціи «Современника» и пользовался этимъ общественнымъ сочувствіемъ, безъ него Некрасовъ ни со своими деньгами, ни со связями въ союзѣ съ Жуковскимъ и компаніей, ничего бы не сдѣлалъ, тѣмъ болѣе и Некрасовъ это очень хорошо понялъ, а потому недолго колебался».

Думается, что Ек. Пав. Елисеева вѣрно указала главный изъ руководившихъ Некрасовымъ мотивовъ, такъ какъ трудно было бы объяснить его поведеніе какими-либо другими соображеніями. Само собой разумѣется, что вышеприведенныя, не свободныя отъ нѣкоторой излишней самоувѣренности, утвержденія какъ Елисеева, такъ и его жены, что Некрасовъ никоимъ образомъ не могъ обойтись безъ Елисеева, едва ли вполнѣ справедливы[1]), но, съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что выборъ Елисеева и съ общественной, и съ литературной точекъ зрѣнія представлялъ наибольшія удобства. Широкая литературная извѣстность, значительныя связи съ прогрессивными общественными кругами, заслуженная репутація кристаллически-чистаго человѣка, наконецъ, вышеупомянутый «хвостъ», не настолько серьезный, чтобы сразу же вызвать репрессивныя мѣры противъ журнала, но достаточный для установленія нѣкотораго преемства, какъ бы идущаго отъ настоящаго мученика идеи Чернышевскаго, все это были слишкомъ серьезные козыри, чтобы ими могъ пренебречь такой опытный игрокъ, какъ Некрасовъ. Но, какъ уже указывалось выше, было бы чрезвычайно односторонне и, по существу своему, глубоко несправедливо сводить вопросъ къ однимъ «игрецкимъ» мотивамъ. Если же перевести его на плоскость соображеній идейнаго и принципіальнаго характера, то поступокъ Некрасова пріобрѣтетъ еще больше основаній. Во всякомъ случаѣ, Некрасовъ въ своемъ выборѣ не ошибся, такъ какъ Елисеевъ въ отвѣтственной роли редактора «Отеч. Зап.» вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Хотя привлеченіе Елисеева въ редакцію «Отеч. Записокъ» и было такимъ образомъ большой удачей для журнала, но оно еще не могло вывести его изъ того тяжелаго положенія, въ какомъ онъ находился въ первые мѣсяцы своего существованія подъ новой

---

[1]) Высказывая это свое мнѣніе, противорѣчащее утвержденіямъ Елисеева и его жены, которыя представляются мнѣ, какъ я только-что выразился, «не свободными отъ нѣкоторой излишней самоувѣренности», я не могу, однако, въ видахъ безпристрастія еще разъ не напомнить словъ Н. К. Михайловскаго изъ его обширной статьи объ Елисеевѣ: «Не сойдись Елисеевъ съ Некрасовымъ, не рѣшись онъ на этотъ, по совокупности тогдашнихъ условій, большой рискъ», «Отеч. Зап.» не существовали бы»...

редакціей. Одною изъ основныхъ причинъ этого тяжелаго положенія, какъ и указывалось выше, являлась скомпрометированность Некрасова въ глазахъ передового общества послѣ событій 1866 года. Но къ ней присоединились и другія. Среди нихъ, прежде всего, надо отмѣтить появленіе конкурирующаго органа, каковымъ явилось «Современное Обозрѣніе» Тиблена. Первая причина однако имѣла, повидимому, преимущественное значеніе, такъ какъ ею именно питались тѣ слухи о перемѣнѣ Некрасовымъ и Елисеевымъ фронта, о переходѣ ихъ вмѣстѣ съ руководимымъ ими органомъ въ «станъ ликующихъ и праздно болтающихъ», которые особенно затрудняли работу новой редакціи. Доходило дѣло до того, что, какъ разсказываетъ Елисеевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, его прежніе единомышленники, при случайныхъ встрѣчахъ съ нимъ, отказывались подать ему руку, будучи убѣждены въ его ренегатствѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», по его словамъ, «никто не желалъ писать: только благодаря моему долгому сотрудничеству въ «Искрѣ» и личному знакомству съ персоналомъ этого журнала, который зналъ мое направленіе и которому была подробно разъяснена исторія соединенія моего съ Некрасовымъ отдѣльно отъ прочихъ сотрудниковъ «Современника» и изданія «О. З.» на новыхъ основахъ, стало распространяться въ литературныхъ кружкахъ о настоящемъ ходѣ дѣла (sic). Несмотря ни на что «О. З.» пошли очень успѣшно. Къ концу года, мы имѣли уже до 5000 подписчиковъ—цифра, до которой никогда не достигали въ прежнихъ «О. З.»

Само собой разумѣется, что использованіе Елисеевымъ своихъ личныхъ связей, какъ бы онѣ велики ни были, не могло истребить возбужденное въ прогрессивныхъ кругахъ недовѣрчивое отношеніе къ «Отеч. Запискамъ», если бы, какъ выражается Елисеевъ, «инсинуація о томъ, что «О. З.» не номинально, а дѣйствительно редактируются Краевскимъ и пойдутъ въ другомъ направленіи, а не въ томъ, въ которомъ шелъ «Современникъ», не уничтожалась сама собой съ выходящими книжками «О. З.». Насколько былъ правъ Елисеевъ въ этой своей оцѣнкѣ содержанія «Отеч. Записокъ», можно видѣть хотя бы изъ нижеслѣдующаго перечня главныхъ статей, помѣщенныхъ въ нихъ въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ ихъ существованія подъ новой редакціей: стихотворенія Некрасова—«Притча о киселѣ», «Сватъ и женихъ», «Эй, Иванъ!», «Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ»; поэма А. Жемчужникова «Сны»; романъ Марка Вовчка «Живая душа»; романъ Д. Гирса «Старая и юная Россія»; разсказы и очерки Щедрина «Новый Нарцизъ», «Старый котъ на покоѣ», «Письма изъ провинціи»; очеркъ Г. И. Успенскаго «Будка»; повѣсть В.

Крестовскаго (псевдонима) «Два памятные дня»; статьи: Елисеева «Производительныя силы Россіи», «Наказъ императрицы Екатерины», «Крестьянскій вопросъ»; П. Л. Лаврова «Дидро и Лессингъ»; Костомарова «Новые документы, относящіеся къ исторіи сѣверо-западной Руси»; А. М. Скабичевскаго «Новое время и старые боги»; Д. И. Писарева «Старое братство» и пр.

Нужно ли говорить, что направленіе этихъ статей не только не давало возможности мало-мальски серьезно ставить вопросъ о перемѣнѣ фронта, но въ достаточно опредѣленной степени предвозвѣщало наступленіе въ скоромъ будущемъ того момента, когда «Отеч. Записки» пріобрѣли право на имя честнѣйшаго и убѣжденнѣйшаго журнала своего времени, съ благороднымъ девизомъ «все для народа» на своемъ знамени. Въ какой мѣрѣ Елисеевъ способствовалъ упроченію этого девиза, видно изъ словъ Шелгунова, которыми мы и закончимъ нашу статью: «Мужикъ, который занималъ такъ много мѣста въ «Отеч. Запискахъ» и давалъ имъ цвѣтъ, обязанъ во всемъ Елисееву. Конечно, не Елисеевъ его выдумалъ, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою, и можно сказать, что Елисееву мужикъ обязанъ болѣе всего, что къ нему повернуло общественное мнѣніе. Эта заслуга останется за Елисеевымъ».

В. Евгеньевъ.

Петрашевцы.

Кружокъ Н. С. Кашкина.

Наиболѣе выдающееся значеніе среди петрашевцевъ имѣютъ М. В. Буташевичъ-Петрашевскій и Н. А. Спѣшневъ, первый убѣжденный фурьеристъ, второй—коммунистъ. Затѣмъ, для исторіи идей, которыя пропагандировали Петрашевцы, очень важенъ всецѣло фурьеристскій кружокъ Н. С. Кашкина, «послѣдняго изъ петрашевцевъ», скончавшагося въ Калугѣ 29 ноября 1914 г.[1])

I. Н. С. Кашкинъ.

Отецъ Ник. Серг. Кашкина, Сергѣй Николаевичъ (1799—1868 г.), послѣ воспитанія дома, слушалъ въ 1816 г. лекціи физики въ московскомъ университетѣ и въ 1820 г. въ Петербургѣ лекціи нравственной философіи проф. Галича. 13-ти лѣтъ онъ былъ зачисленъ (въ августѣ 1812 г.) урядникомъ въ московское ополченіе, въ которомъ служилъ тогда его отецъ, въ 1817 г.—подпрапорщикомъ въ угличскій пѣхотный полкъ и въ слѣдующемъ году получилъ первый офицерскій чинъ. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ кружками передовой молодежи, быть можетъ при посредствѣ своего двоюроднаго брата, кн. Евг. Петр. Оболенскаго, извѣстнаго декабриста, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Въ 1819 г. Я. Н. Толстой, Ѳ. Н. Глинка, Е. П. Оболенскій, С. М. Семеновъ и С. Н. Кашкинъ рѣшили составить общество «Добра и Правды», цѣль котораго состояла въ «прекращеніи всякаго зла въ государствѣ», «изобрѣтеніи новыхъ постановленій въ правительствѣ» и въ составленіи проекта конституціи. «Уложеніе» этого общества было сочинено Токаревымъ, но его назначили на службу губернскимъ прокуроромъ въ Орелъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ, и общество распалось. Прослуживъ одинъ годъ вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ въ л.-гв. Павловскомъ полку,

---

[1]) Краткія свѣдѣнія о всей жизни Н. С. Кашкина см. въ моей статейкѣ о немъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ, изд. бр. Гранатъ.

С. Н. Кашкинъ вышелъ въ отставку. Въ 1823 г. онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и былъ въ это время принятъ Оболенскимъ въ Сѣверное Тайное Общество, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ гражданскую службу засѣдателемъ въ московскій надворный судъ съ тою цѣлью, чтобы личнымъ примѣромъ «внушить молодымъ людямъ желаніе служить въ мѣстахъ судебныхъ, распространять добрыя чувства и понятія и такою жизнью и примѣромъ сѣять плоды для потомства» (его собственныя слова въ показаніи во время слѣдствія). Такимъ образомъ онъ слѣдовалъ при этомъ тѣмъ же побужденіямъ, какъ и И. И. Пущинъ, извѣстный декабристъ и другъ Пушкина, покинувшій службу въ гвардейской артиллеріи для поступленія судьею въ тотъ же московскій надворный судъ. Кашкинъ былъ не только знакомъ, но и близокъ съ Пущинымъ и поступилъ на гражданскую службу по его совѣту. Кромѣ того, есть извѣстія, что Кашкинъ и Пущинъ принадлежали къ одному и тому же обществу «Семиугольной Звѣзды», цѣлью которой было «взаимное усовершенствованіе» его членовъ и активная борьба съ несправедливостью. Наконецъ. Кашкинъ участвовалъ въ основанномъ И. И. Пущинымъ въ Москвѣ союзѣ, задавшемся цѣлью освобожденія дворовыхъ людей.

Въ 1825 г. въ Москву пріѣзжалъ кн. Е. П. Оболенскій и пригласилъ Кашкина на совѣщаніе членовъ тайнаго общества, на которомъ присутствовали Пущинъ, Алексѣй Тучковъ, полк. Михаилъ Нарышкинъ, Пав. Колошинъ, Алексѣй Вас. Семеновъ (офицеръ л.-гв. Егерскаго полка) и кн. Конст. Оболенскій, въ этотъ вечеръ принятый обществомъ. Рѣшено было строже принимать въ члены, и только людей образованныхъ. Предсѣдателемъ московской управы Тайнаго общества былъ единогласно выбранъ Пущинъ.

8 января 1826 г. С. Н. Кашкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ къ слѣдствію о дѣлѣ 14 декабря и заточенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ имп. Николай приказалъ коменданту содержать его «строго, по усмотрѣнію». Во время слѣдствія было признано, что когда Оболенскій предлагалъ Кашкину вступить въ общество, которое «современемъ можетъ имѣть цѣлью введеніе въ правленіе законодательнаго и избирательнаго сословія», то Кашкинъ на это будто бы не согласился, и Оболенскій принялъ его съ тѣмъ только, чтобы онъ «старался о распространеніи просвѣщенія и объ освобожденіи дворовыхъ людей отъ подданства». Признано было также, что Пущинъ, уѣзжая въ Петербургъ въ половинѣ декабря 1825 г., вручилъ Кашкину проектъ конституціи Никиты Муравьева, а тотъ сжегъ его, и кромѣ того, что онъ слышалъ отъ Пущина о намѣреніи Якубовича посягнуть на жизнь имп. Але-

ксандра I., но самъ Кашкинъ въ члены общества не принялъ никого. Послѣ того, какъ Кашкинъ провелъ въ заключеніи болѣе 6 мѣсяцевъ, государь 15 іюля приказалъ, продержавъ его въ крѣпости еще 4 мѣсяца, отправить въ Архангельскъ и ежемѣсячно доносить объ его поведеніи. Такое, сравнительно мягкое, рѣшеніе его участи, быть можетъ, отчасти объясняется связями его отца, сенатора московскихъ департаментовъ сената, между прочимъ съ Н. Н. Новосильцевымъ, который хлопоталъ за молодого Кашкина у Бенкендорфа, члена слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ. Въ концѣ октября 1826 г. Кашкинъ выѣхалъ въ Архангельскъ и 7 февраля 1827 г. былъ зачисленъ на службу, но 18 мая того же года скончался его отецъ, и, въ виду разстроенныхъ дѣлъ по имѣнію, ему разрѣшено было жить въ Калужской губ. безъ права въѣзда въ столицы[1]).

Поселившись въ своемъ имѣніи, селѣ Прыскахъ, Калужской губ., и женившись въ 1828 г., С. Н. Кашкинъ занимался чтеніемъ (у него была хорошая библіотека), писалъ статьи по сельскому хозяйству (между прочимъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго общества»)[2]), но главнымъ образомъ хозяйничалъ и привелъ свои имѣнія въ блестящее состояніе, устроивъ въ нихъ два винокуренныхъ и сахарно-свекловичный заводъ.

Старшій сынъ его, Николай Сергѣевичъ, родился 2 мая 1829 г. въ Калугѣ. Воспитывался онъ сначала въ имѣніи отца, Нижнихъ Прыскахъ, при чемъ воспитателемъ его былъ въ 1839—41 г.г. нѣмецъ Ад. Ант. Гюго, пріятель извѣстнаго нѣмецкаго поэта Фридриха Боденштедта. Мальчикъ настолько основательно усвоилъ подъ его руководствомъ иностранные языки, что забылъ русскій, и потому для занятій съ нимъ по этому предмету былъ приглашенъ Вас. Пв. Красовъ, довольно извѣстный поэтъ-лирикъ[3]), преподававшій Ник. Серг. русскую словесность зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ имѣніи его отца. Ник. Серг. Кашкинъ продолжалъ образованіе дома въ Москвѣ и затѣмъ въ Царскомъ Селѣ у воспитателя лицея и учителя англійскаго языка Броуна (у котораго одновременно съ нимъ учились Оттъ, будущій членъ кружка Кашкина, и извѣстный впослѣдствіи общественный дѣятель А. М. Унковскій). Въ декабрѣ 1842 г. онъ поступилъ во второй классъ Александровскаго лицея, гдѣ жилъ подъ наблюденіемъ своего роднаго дяди по матери Н. П. Миллера, инспектора лицея.

---

[1]) Въѣздъ въ Москву былъ разрѣшенъ ему для воспитанія дѣтей лишь въ 1835, а въ Петербургъ—въ 1842 г.

[2]) Вѣроятно безъ подписи; въ указателяхъ къ «Трудамъ Вол. Эк. Общ.» его имени нѣтъ.

[3]) 1810—1855 г., біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ Рус. біогр. словарѣ. Живя въ Москвѣ, Красовъ примкнулъ къ кружку Грановскаго.

Ник. Серг. окончилъ курсъ лицея съ чиномъ девятаго класса въ маѣ 1847 г., въ іюнѣ былъ зачисленъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и служилъ затѣмъ въ департаментѣ общихъ дѣлъ, а съ мая 1848 г. въ азіатскомъ департаментѣ. Какъ своекоштный воспитанникъ лицея, онъ обязанъ былъ прослужить въ гражданской службѣ не менѣе 4-хъ лѣтъ. Ему предлагали назначить его вице-консуломъ въ Данцигъ и первымъ секретаремъ посольства въ Бразилію, но онъ отказался[1]).

Въ лицѣ Н. Кашкина мы встрѣчаемъ случай преемственности оппозиціоннаго направленія: отецъ его, какъ мы видѣли, былъ членомъ тайнаго общества декабристовъ. Послѣ ареста молодого Кашкина Липранди, который наблюдалъ за петрашевцами по порученію министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, донесли, что среди помѣщиковъ тульской губ. было много толковъ о петрашевцахъ, или, какъ ихъ тамъ называли, «коммунистахъ»; въ Бѣлевскомъ уѣздѣ говорили, что отца Кашкина, «прикосновеннаго къ происшествію 14 декабря, слѣдовало бы наказать за то, что сынъ его по шелъ по его слѣдамъ».

Молодой Кашкинъ жилъ въ Петербургѣ съ родителями и съ мололѣтними братьми и сестрами и, какъ сынъ богатаго человѣка[2]), велъ въ Петербургѣ довольно свѣтскій образъ жизни, напр. бывалъ на балахъ у гр. Кушелева-Безбородка. О собраніяхъ у Кашкина въ послѣдніе три мѣсяца 1848 г. мы скажемъ ниже.

Д. Д. Ахшарумовъ далъ такое показаніе о первоначальномъ распространеніи фурьеризма среди лицъ, составившихъ кружокъ Кашкина. Прежде всего сталъ фурьеристомъ студентъ Ханыковъ подъ вліяніемъ Петрашевскаго: онъ былъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ посѣтителей пятницъ Петрашевскаго и сдѣлался усерднымъ пропагандистомъ фурьеризма. Подъ его вліяніемъ этимъ ученіемъ заинтересовался Ип. Матв. Дебу 2[3]), а при его посредствѣ и Конст. Матв. Дебу 1. Братья Дебу повліяли въ этомъ отношеніи на Д. Д. Ахшарумова (онъ былъ очень друженъ съ младшимъ Дебу, Ипполитомъ Матв.), на Европеуса, Кашкина

---

[1]) *И. И. Кашкинъ.* «Родословныя развѣдки». Подъ редакціею Б. Л. Модзалевскаго. СПБ. 1913, 11, 546—555, 564—565 (глава, написанная Б. Л. Модзалевскимъ).

[2]) У отца его были имѣнія въ козельскомъ и перемышльскомъ уѣздахъ Калужской губ., въ подольскомъ уѣздѣ Московской губ., въ ефремовскомъ Тульской губ. и въ солигаличскомъ Костромской, всего по официальнымъ свѣдѣніямъ 2175 д. м. п. Н. С. Кашкинъ считалъ во время слѣдствія до 2500 д. Въ 1854 г. у отца его было 2445 д. *И. И. Кашкинъ*, II, 356.

[3]) Сочиненія Фурье Дебу 2 получилъ отъ Ханыкова, который доставалъ для него и другія книги отъ Петрашевскаго; чрезъ Дебу 2 оттуда же получалъ книги и Д. Д. Ахшарумовъ.

и Ващенка[1]). По словамъ Ахшарумова, Кашкинъ устроилъ свои вечера «для изученія и распространенія фурьеризма» и приглашалъ на нихъ «знакомыхъ своихъ, товарищей лицейскихъ и другихъ».

II. А. В. Ханыковъ.

Александръ Влад. Ханыковъ, сынъ отставного коллежскаго совѣтника, родился въ 1825 г., учился на казенный счетъ въ первой петербургской гимназіи, окончилъ курсъ въ 1844 г. и въ томъ же году поступилъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь зимою 1845—46 г. онъ, вѣроятно, слушалъ лекціи политической экономіи профессора Порошина [2]), или по крайней мѣрѣ познакомился съ записками этихъ лекцій, часть которыхъ сохранилась въ бумагахъ Ханыкова.

Въ виду того, что Порошинъ оказалъ значительное вліяніе на нѣсколькихъ петрашевцевъ, считаю необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ, высказываемыхъ имъ на лекціяхъ, идеяхъ. Порошинъ открыто порицалъ существованіе крѣпостного права, говоря о немъ подъ видомъ рабства, и съ сочувствіемъ относился къ соціализму вообще и особенно къ фурьеризму. Къ вопросу о рабствѣ Порошинъ подходитъ такимъ образомъ. Имущественное неравенство среди людей онъ считалъ «вреднымъ только тогда, когда оно порождается и поддерживается искусственными и насильственными мѣрами, когда напр. одни бываютъ причиною того

---

[1]) На Ващенка повліялъ Дебу I, который служилъ вмѣстѣ съ нимъ въ азіатскомъ департаментѣ. Онъ далъ ему прочесть сначала «Исторію Жирондистовъ» Ламартина, затѣмъ исторію революціи Луи-Блана, далѣе Destinée sociale Консидерана и, наконецъ, La fausse industrie Фурье. Послѣ этого Кашкинъ пригласилъ Ващенка къ себѣ. Ващенко прочелъ еще Le nouveau monde industriel Фурье и Le vivant devant les morts Консидерана. Ващенко воспитывался въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ, но курса въ немъ не кончилъ. Дебу 2-й отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ неспособномъ и не имѣющемъ охоты къ серьезнымъ занятіямъ.

[2]) Викторъ Степан. Порошинъ (1809—1868 г.) окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ въ 1832 г. по камеральному отдѣленію со степенью кандидата философіи, съ февраля 1833 г. по май 1835 г. находился въ командировкѣ за границей для усовершенствованія въ наукахъ, въ августѣ 1835 назначенъ преподавателемъ политической экономіи и статистики въ С.-Петербургскомъ университетѣ; въ 1839 г. за диссертацію «Критическое изслѣдованіе объ основаніи статистики» (1838 г.) получилъ степень доктора философіи и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ экстроординарнымъ профессоромъ. Въ 1847 г. подалъ въ отставку вслѣдствіе столкновенія съ попечителемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. У него было родовое имѣніе въ общемъ владѣніи съ братомъ и сестрами, въ которыхъ въ началѣ 1860-хъ гг. числилось: въ Брестлитовскомъ уѣздѣ, Гродненской губ. 840 душъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ 108 д. и въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губ. 46 д. Архивъ С.-Петербург. унив. дѣло 1864 г. № 106; «Рус. біогр. Словарь». О Порошинѣ, какъ профессорѣ, срав. мою статью о Петрашевскомъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. № 1, стр. 29—30.

стѣсненнаго положенія, въ которомъ находятся другіе, когда они живутъ, такъ сказать, ихъ соками, питаются ихъ трудомъ безвозмездно... Есть существенная разница между неравенствомъ природнымъ и тѣмъ, которое порождается произвольнымъ дѣйствіемъ людей, вліяніемъ гражданскихъ учрежденій. Въ первомъ мы не властны, второе зависитъ отъ насъ и слѣдовательно лежитъ на нашей отвѣтственности; иногда эти учрежденія явно узаконяютъ неравенство, напр. тамъ, гдѣ существуетъ и признается закономъ рабство; тамъ не только имущество рабовъ принадлежитъ другимъ, но и сами они, ихъ силы, ихъ природные способы и все, что они могутъ произвести; изъ всего этого на ихъ долю, для собственнаго ихъ развитія, не достается ничего. Такъ было напр. въ древнихъ обществахъ, такъ было и есть на востокѣ и въ американскихъ колоніяхъ. Рабы у грековъ и римлянъ иногда достигали нѣкотораго благосостоянія, жили покойно и были въ нѣкоторомъ смыслѣ счастливы; но все это во 1) зависило отъ случая; 2) было милостью и щедротою, а не послѣдствіемъ признаннаго права ихъ на личные свои способы, на собственное развитіе... Въ европейскихъ обществахъ право личной свободы и другія права признаны неприкосновенными и пользуются безопасностью. Каждый можетъ располагатъ собою, своею собственностью; это право собственности считается основаніемъ *гражданской свободы*».

Относительно права собственности Порошинъ говоритъ: «нѣкоторые видятъ» въ немъ «источникъ неравенства и требуютъ уничтоженія этого права, указывая на тѣ злоупотребленія, которыя возможны при неограниченномъ распоряженіи своей собственностью. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ здѣсь мнѣнія противоположныя: одни довольствуются тѣмъ, чтобы право каждаго лица на себя и свою собственность было признано равнымъ для всѣхъ и равно неприкосновеннымъ, другіе въ самомъ признаніи права собственности видятъ нарушеніе общаго естественнаго равенства людей. Спрашивается, кто тутъ правъ? Можетъ быть и тѣ и другіе съ своей особой точки зрѣнія на общество; однако же, одни руководствуются болѣе отвлеченнымъ взглядомъ и потому самому менѣе полнымъ и менѣе практическимъ; другіе допускаютъ законное вліяніе относительныхъ понятій: пользы, удобности, практической исполнимости, которыя въ свою очередь измѣняются, съ теченіемъ времени развиваются и совершенствуются... Въ новѣйшее время право частной собственности развилось и распространилось на счетъ собственности общей... Такимъ образомъ два вида собственности могутъ быть оцѣнены посредствомъ сравненія. Можно возразить, что невыгоды, которыя оказываются на

сторонѣ управленія собственностью общественною, происходятъ болѣе отъ злоупотребленій, которыя вкрались съ теченіемъ времени и не составляютъ существенную сторону самой вещи, и это случайное зло не должно служить осужденіемъ самой системы; но противъ этого должно замѣтить, что злоупотребленія не чужды и въ управленіи частной собственности... Однако же, и несмотря на это, плоды значительнѣе, выгоды лучше соблюдаются, нежели въ первомъ случаѣ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, управленіе общественною собственностью имѣетъ нѣкоторыя преимущества: цѣлое сословіе менѣе подвержено случайностямъ, корпорація никогда не умираетъ, «выбывшіе» члены замѣняются другими, которые входятъ въ состояніе существующей системы; они могутъ руководствоваться общею выгодою, приводить въ исполненіе планы, начертанные ихъ предшественниками. Въ этомъ смыслѣ общество безсмертно, потому въ его дѣлахъ будетъ больше послѣдовательности и постоянства; напротивъ того, частное лицо умираетъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ различныя предположенія въ пользу имѣнія... Здѣсь что собрано однимъ можетъ быть потеряно другимъ». Указаній на наше общинное землевладѣніе Порошинъ, по крайней мѣрѣ въ сохранившихся его лекціяхъ, не дѣлаетъ. Далѣе онъ отмѣчаетъ случаи, когда человѣкъ, пользующійся неограниченнымъ правомъ собственности, вредитъ болѣе другимъ, нежели себѣ, такъ напр. землевладѣлецъ, сберегающій лѣсъ, въ которомъ водятся дикіе звѣри потому, что любитъ охоту.

«На подобные случаи ссылаются тѣ, которые говорятъ о злоупотребленіи собственностью. И въ настоящее время подобный примѣръ показываетъ Англія, гдѣ законъ упрочилъ это неравное владѣніе имуществъ, предоставивъ право владѣнія аристократическому классу, которое остается всегда въ ихъ родѣ по причинѣ существующихъ тамъ майоратовъ и переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, именно къ старшему сыну [1]). Пользуясь этимъ правомъ, они издали другой законъ противъ привознаго хлѣба и тѣмъ самымъ содѣйствовали его дороговизнѣ... Напротивъ... есть люди, которые думаютъ, что истинное преобразованіе должно уничтожить право (собственности) безвозвратно и признать право цѣлаго общества, не отчуждаемое ни подъ какимъ условіемъ на всѣ будущія времена. Такимъ образомъ они пред-

---

[1]) Напротивъ въ своей рѣчи «О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи», прочитанной на актѣ Петербургскаго университета въ 1846 г. Порошинъ восхвалялъ услуги, оказанныя въ Англіи народу аристократіею и даже готовъ былъ признать «естественную основу» въ ея привилегіяхъ относительно поземельной собственности.

ставляютъ себѣ существованіе общества въ его совокупности, въ его безразличной цѣлости: нѣтъ частныхъ лицъ, имѣющихъ право передъ лицомъ общества, оно всегда остается цѣлымъ и сохраняетъ неограниченныя права,—частное лицо имѣетъ только право временное, право пользованія... *Соціалисты* признаютъ органомъ этого отвлеченнаго единства» (общества) «правительство и поручаютъ ему всѣ тѣ права, которыя предписываются обществу. Между тѣмъ, однако же, они имѣютъ въ виду не существующія нынѣ власти, потому что почитаютъ ихъ несовершенными и опасаются ихъ абсолютизма. Слѣдовательно, говоря о правительствѣ, они воображаютъ себѣ нѣчто идеальное, или идеализируютъ настоящее, существующее».

Затѣмъ слѣдуетъ не совсѣмъ точное изложеніе ученія Сенъ-Симона и Фурье, что можетъ, впрочемъ, происходить и отъ неточности студенческихъ записей. Привожу часть сказаннаго о Фурье:

«Согласное соединеніе людей будетъ началомъ коренного преобразованія; вмѣсто разрозненныхъ трудовъ, коими каждый занимается въ своемъ углу, трудъ будетъ общій, гармоническій, раздѣленный между всѣми по врожденнымъ дарованіямъ, по наклонностямъ каждаго. Всѣ будутъ заняты по страсти, слѣдовательно отвращеніе къ труду уничтожится, и трудъ сдѣлается производителенъ въ необыкновенной пропорціи. Въ общей прибыли будетъ участвовать каждый; слѣдовательно уничтожится противоположность интересовъ. борьба ихъ явная или тайная, какъ это видѣли въ настоящее время. Не будетъ обмана, не будетъ даже мелочной торговли, потому что все производство будетъ поступать такимъ образомъ въ общую кассу, изъ которой каждый и будетъ снабжаться по мѣрѣ своихъ нуждъ и правъ. Очевидно, что вслѣдствіе всего этого сумма произведеній возрастетъ неимовѣрно; это будетъ первый плодъ этого преобразованія. Бѣдныхъ, нуждающихся не будетъ, слѣдовательно и всѣхъ тѣхъ слабостей и пороковъ и преступленій, кои проистекаютъ отъ зависти, нищеты, крайности, также не будетъ: нравы преобразуются, и человѣкъ переродится совершенно въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, даже внѣшній видъ общежитія перемѣнится... Не менѣе важны перемѣны въ потребленіи. Явится новый видъ потребленія,—общежительнаго: вмѣсто отдѣльныхъ хижинъ, изъ коихъ состоитъ село, вмѣсто безобразныхъ громадъ, изъ коихъ состоитъ большая часть городовъ, будетъ общественное жилище, которое будетъ прикрыто одною крышею, соединено свѣтлыми, теплыми галлереями; кругомъ расположены будутъ общественные поля, сады. Такое общее зданіе, въ которомъ помѣстится 6000 душъ вмѣстѣ. Фурье называетъ phalanstère [1]) (въ противоположность другому слову—monastère, гдѣ живутъ порознь, одиноко). Здѣсь каждое занятіе образуетъ особую фалангу (?), которая опять будетъ раздѣлена на sèries, серія на groupes, sousgroupes и т. д. Экономія, которая произойдетъ отъ общежительнаго потребленія, объясняется разными примѣрами, заимствованными изъ существующаго уже міра; такъ напр. артельное потребленіе несравненно выгоднѣе, нежели одинокое. Если разсмотримъ, что дѣлается въ каждой деревушкѣ, то найдемъ, что она состоитъ изъ большого или меньшаго числа отдѣльныхъ жилищъ, и траты разнаго рода очень значительны. Вслѣдствіе этого раздѣленія въ каждомъ домикѣ разводится особый огонь, всѣ другія службы: амбары, погреба,

---

[1]) Фаланстеръ принадлежитъ одной фалангѣ, нормальная численность которой, по ученію Фурье, не 6000, а отъ 1600 до 1800 человѣкъ. Bourgin, Fourier, 288.

сараи существуютъ также отдѣльно, вездѣ моютъ бѣлье, слѣдовательно дѣлаютъ расходы, коихъ можно было бы избѣгнуть или сократить; если это все дѣлалось бы въ одномъ мѣстѣ и сообща, тогда вмѣсто ста, двухсотъ огней былъ бы одинъ,—выгоды... ясны для каждаго, ибо здѣсь все дѣлается разомъ, а слѣдовательно сберегается все то, что пропадало бы безъ пользы, и все дѣлается лучше и успѣшнѣе. Представимъ себѣ большое заведеніе, усовершенствованную харчевню; очевидно, что тутъ готовится на нѣсколько сотъ человѣкъ разныхъ яствъ, и готовится гораздо лучше, нежели каждый могъ бы приготовить у себя. Подобно этому должно быть устроено всякое потребленіе, и выгоды должны быть тѣмъ больше, чѣмъ въ большей мѣрѣ „это будетъ осуществлено". Многія наслажденія, кои въ настоящемъ положеніи кажутся вовсе недосягаемы, сдѣлаются возможными. Устройство . . . . . театровъ, гульбищъ, водопроводовъ даетъ о томъ нѣкоторое понятіе. Управленіе „фаланстеромъ" будетъ предоставлено лицамъ, выбраннымъ обществомъ, и власть, предоставленная этимъ мѣстнымъ правителямъ, дастъ имъ возможность предпринимать великія и трудныя дѣла. Такимъ образомъ всѣ силы ихъ могутъ быть обращены на осушеніе болотъ, улучшеніе селеній, и все это..... обогатитъ общество и преобразуетъ шаръ земной. „Фаланстеры" будутъ разсыпаны по всей землѣ на одинаковыхъ началахъ, и такимъ образомъ осуществится гармоническое единство человѣческаго рода. Очевидно, что въ этихъ гипотезахъ и мечтаніяхъ есть нѣчто грандіозное и не чуждое истины. Это ученіе съ одной стороны обнаружило всѣ невыгоды настоящаго положенія вещей, изобразивъ.... всѣ тѣ злоупотребленія, кои кроются въ правѣ неограниченномъ частной собственности; съ другой стороны оно выставило всѣ выгоды, кои могутъ произойти отъ общежительнаго потребленія, изъ которыхъ нѣкоторыя возможны и осуществляются передъ нашими глазами. Нѣтъ надобности прибавлять, что вполнѣ это ученіе не принято и не могло перейти въ практическое примѣненіе. Во Франціи оно имѣло и имѣетъ своихъ послѣдователей, кои развиваютъ его посредствомъ особенныхъ органовъ. Одинъ изъ этихъ органовъ есть журналъ, подъ именемъ La Phalange».

Такимъ образомъ Порошинъ указалъ слушателямъ даже фурьеристскій журналъ, изъ котораго они могли почерпать свѣдѣнія объ ученіи Фурье и прибавилъ, что въ 1843 г. журналъ этотъ «перемѣнилъ свое названіе на другое, а именно сталъ называться «Démocratie pacifique»[1]).

Самъ Порошинъ даетъ о сочиненіяхъ Фурье такой отзывъ: «Они отличаются теплотою, оригинальностью, которая доходитъ до странности, но ученики считаютъ его геніемъ, непризнаннымъ современниками, и стараются развить тѣ сѣмена, которыя онъ бросилъ въ почву, еще не воздѣланную. Между тѣмъ какъ органическая часть его системы, т.-е. та часть, въ которой онъ созидаетъ новое, теряется еще въ несбыточныхъ мечтаніяхъ и образахъ,...

---

[1]) Дѣйствительно въ 1843—49 гг. такое изданіе выходило въ свѣтъ подъ редакціею Виктора Консидерана, но не въ видѣ журнала, а въ видѣ ежедневной газеты, однако, въ то же время издавалась до 1849 г. включительно и «La Phalange. Revue de la science sociale». Подъ этимъ названіемъ Консидеранъ сталъ выпускать еженедѣльное изданіе въ 1836 г., съ 1840 г. оно появлялось три раза въ недѣлю, а съ 1845 г. стало выходить книжками ежемѣсячно. *Bourgin.* Victor Considerant. Son oeuvre. P. 1909, p. 36, 65, 72. Назвалъ Порошинъ своимъ слушателямъ и сочиненіе Рейбо «Etudes sur les réformateurs ou socialistes modernes» (1 изд. 1840 г.), оговорившись, что этотъ авторъ «излагаетъ ихъ ученіе безъ особенной симпатіи».

отрицательная часть—отвергаетъ все, существующее теперь(?).. Fourier не уничтожаетъ совершенно собственности и даетъ ей новый покрой... Главное возраженіе, которое дѣлаютъ» противъ ученія Фурье, «состоитъ въ томъ, что природа человѣческая представляется» въ немъ не въ томъ видѣ, въ которомъ она является въ дѣйствительности: «чувство взаимнаго благоговѣнія, чувство обязанности должно быть чрезвычайно сильно тамъ, гдѣ каждый черпаетъ изъ общаго запаса средствъ, содѣйствуя... вмѣстѣ съ другими къ увеличенію этого запаса. Слѣдовательно между членами общежитія найдется много готовыхъ» на трудъ для общаго блага.

Возвращаясь къ вопросу о частной собственности, Порошинъ говоритъ:

«Существованіе частной собственности есть также учрежденіе общественное, основанное на общемъ всѣхъ согласіи, или, лучше сказать, на инстинктуальномъ чувствѣ общей всѣхъ потребности или необходимости... Мы различили *владѣніе* отъ *собственности*. Частная воля есть начало *владѣнія*, т.-е. присвоенія вещи; общая воля всѣхъ, общества, есть начало, которымъ освящается дѣйствіе воли частной; это есть уступка общества въ пользу того или другого недѣлимаго; тѣ, которые возстаютъ противъ этого учрежденія, основываются на послѣдней части опредѣленія, если дѣйствительно собственность образуется изъ уступки общества; оно, значитъ, есть источникъ его и имѣетъ само по себѣ власть и возможность не давать своего согласія; оно можетъ всегда вступить въ прежнія права свои, и тогда, вмѣсто собственности, останется владѣніе, котораго виды и свойства могутъ быть опредѣлены неограниченно. Мы замѣтили», продолжаетъ Порошинъ, «что настоящій видъ исключительной собственности есть также учрежденіе общественное; слѣдовательно всякая перемѣна существующаго порядка вещей можетъ произойти вслѣдствіе убѣжденія, что этотъ порядокъ не приноситъ желаемыхъ плодовъ, что польза общества требуетъ замѣненія его другимъ; слѣдовательно вы видите, что здѣсь строгое право пополняется другими понятіями, понятіями общей пользы, удобоисполнимостью, практической возможности новыхъ преобразованій.... Нѣкоторые считаютъ „частную собственность“ причиною неравенства и, слѣдовательно, роскоши и потому не находятъ другія средства къ отвращенію вредныхъ послѣдствій роскоши, кромѣ уничтоженія права исключительной собственности; но вмѣстѣ съ этимъ является замѣна ея другимъ родомъ собственности; но эта замѣна имѣетъ много трудностей, и системы, придуманныя различными преобразователями, не могутъ считаться удовлетворительными; слѣдовательно, естественное слѣдствіе есть то, что существующее теперь состояніе общества должно быть оставлено, а только злоупотребленія уничтожены. Эти злоупотребленія заключаются въ различныхъ постановленіяхъ, законахъ, напр., касательно недвижимой собственности, права наслѣдства, которыя поддерживаютъ и питаютъ неравенство вмѣстѣ съ другими причинами политическими и соціальными».

Такимъ образомъ, не будучи соціалистомъ, Порошинъ все же съ сочувствіемъ относился къ соціализму вообще и къ фурьеризму въ особенности. Напротивъ, коммунизмъ онъ характеризовалъ рѣзко отрицательно: «Ученіе коммунистовъ считается вреднымъ, опаснымъ для существующихъ государствъ и преслѣдуется законами, почему они составляютъ какъ бы тайное общество, находятся въ заговорѣ противъ существующаго; они считаютъ всѣ

средства позволительными къ уничтоженію собственности и попираютъ всѣ чувства, которыми до сихъ поръ дорожили въ свѣтѣ (?). Такое общество открыто въ недавнее время въ Швейцаріи [1]), въ Германіи; но между ними нѣтъ ни одного органа, достойнаго уваженія».

Интересно сопоставить этотъ отзывъ Порошина о Вейтлингѣ и коммунистахъ съ тѣмъ, какое впечатлѣніе произвело на Герцена официальное изложеніе дѣла Вейтлинга въ книгѣ члена слѣдственной комиссіи, его разслѣдовавшей, профессора Блюнчли, вождя консервативной партіи въ Швейцаріи: «Die Kommunisten in der Schweiz. Wörtlicher Abdruck des Kommissionalberichtes an die Regierung des Standes». Въ ноябрѣ 1843 г. Герценъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе, которое произвела на него эта книга: «Коммунистское движеніе въ Швейцаріи имѣло представителемъ своимъ Вейтлинга, прежде портного, потомъ энергическаго писателя и пропагандиста. Мѣста изъ его писаній, приведенныя комиссіей, краснорѣчивы и сильны. Распространеніе коммунизма шло очень быстро между работниками швейцарскими и германскими. Начало ихъ извѣстно: Eine vollkommene Gesellschaft hat keine Regierung, sondern eine Verwaltung—организація работъ, равенство in facto, война собственности etc, etc. Много одушевленія; слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповѣди; прекрасно опредѣляютъ они свое отношеніе къ либераламъ. Есть нелѣпости (напр. теорія воровства [2]), но есть за то рѣзкая истина».

Столь же благопріятное впечатлѣніе какъ на Герцена, производила въ первой половинѣ 1840-хъ годовъ дѣятельность Вейтлинга и его сочиненія на Л. Фейербаха, Энгельса и Маркса, и только въ 1846 г. Марксъ рѣзко и рѣшительно разошелся съ Вейтлингомъ [3]).

---

[1]) Дѣло Вейтлинга.

[2]) Вейтлингъ думалъ для борьбы съ существующимъ общественнымъ строемъ организовать шайки воровъ, но подъ вліяніемъ протеста своихъ единомышленниковъ оставилъ эту неудачную мысль. *Kaler.* Wilhelm Weitling, S. 40—41, 42—45, 48—60 (есть русскій переводъ).

[3]) Весьма вѣроятно, что идеи Вейтлинга оказали вліяніе на петрашевца, убѣжденнаго коммуниста Н. А. Спѣшнева, который въ 1842—46 г. находился за границей, а Вейтлингъ въ то свою коммунистическую пропаганду въ Швейцаріи въ 1841—44 г. и былъ высланъ изъ Швейцаріи послѣ тюремнаго заключенія, въ 1844 г. Въ русской печати того времени есть упоминаніе о Вейтлингѣ со словъ Гуцкова въ статьѣ *В. П. Боткина* «Германская литература въ 1843 г.», какъ о краснорѣчивомъ редакторѣ журнала для рабочихъ, издаваемаго въ Веве въ Швейцаріи. «Сочиненія В. П. Боткина». СПБ. 1891 г. II, 293. Изъ сочиненій Вейтлинга переведены на русскій языкъ: «Евангеліе бѣднаго грѣшника». (СПБ. 1907) и «Человѣчество, каково оно есть и каковымъ должно быть». (Библіотека «Просвѣщенія») (1906).

Комиссія кн. Александра Голицына нашла, что содержаніе двухъ тетрадей лекцій, найденныхъ у Ханыкова, доказываетъ «вредное направленіе, даваемое учащимся, чрезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теорій о *соціализмѣ* и *коммунизмѣ* и притомъ не въ духѣ благонамѣренномъ, соотвѣтствующемъ монархическимъ правиламъ, которыя должны руководить русское юношество на пути будущей ихъ жизни, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго законнаго порядка»[1]).

По свидѣтельству Ипп. Матв. Дебу, онъ, вмѣстѣ съ Ханыковымъ и Фонвизинымъ (вѣроятно Александ. И. Фонъ-Визинымъ, сыномъ члена Союза Благоденствія, Ив. Александр. Фонъ-Визина), который уѣхалъ изъ Петербурга въ 1847 г. на югъ, принадлежали къ студенческому кружку, устроенному въ противовѣсъ существовавшимъ въ немъ корпораціямъ, подобнымъ дерптскимъ. «Традиціонный кутежъ съ традиціонною обязательностью дуэлей показались слишкомъ пошлыми нѣкоторымъ изъ нашей молодежи. Стали думать о чтеніи, объ устройствѣ особой студенческой библіотеки. Между тѣмъ, увлекаясь лекціями Порошина», нѣкоторые «студенты и вообще увлеклись экономическими вопросами», стали знакомиться съ сочиненіями Гакстгаузена, Лоренца Штейна, Луи-Блана, Фурье, Прудона. Такъ было въ кружкѣ Ханыкова, Дебу и Фонъ-Визина [2]).

Съ Петрашевскимъ Ханыковъ познакомился у Плещеева въ 1845 г. будучи студентомъ, пятницы его сталъ посѣщать въ 1846 г. Въ первый же разъ, какъ Ханыковъ былъ у Петрашевскаго, тотъ заговорилъ съ нимъ объ ученіи Фурье, о необходимости уничтоженія религіозныхъ предразсудковъ, о свободѣ печати и публичномъ судопроизводствѣ. По словамъ Ханыкова, до половины

---

[1]) Одинъ изъ посѣтителей пятницъ Петрашевскаго, Порфирій Ив. Ламанскій, на вопросъ, съ какихъ поръ и «по какому случаю проявилось» въ немъ «либеральное или соціальное направленіе», отвѣчалъ: «Занимаясь политической экономіей и слыша и читая только опроверженія или возэрѣнія противу Фурье и соціалистовъ, естественнымъ образомъ я старался познакомиться съ ихъ произведеніями, изъ которыхъ мнѣ извѣстны: «Organisation du Travail» par Louis Blanc, «Vivre en travaillant» par Vidal, «Contradictions économiques Прудона и нѣкоторые другіе. Опроверженія же этихъ теорій я слышалъ на лекціяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; читалъ же о политической экономіи, когда я посѣщалъ лекціи проф. Порошина.—Либеральныя и соціальныя идеи проявились во мнѣ со времени моего знакомства съ ученіями соціалистовъ; это знакомство началось съ 1845 г. Меня прельщало ихъ ученіе, и я былъ увѣренъ въ истинности обѣщаній соціалистовъ и ихъ теорій для общества». Приводимъ это свидѣтельство въ подтвержденіе вліянія лекцій Порошина на его слушателей.

[2]) *О. О. Миллеръ*. «Матер. для жизнеоп. О. М. Достоевскаго» въ «Полномъ собраніи сочиненій Достоевскаго», СПБ. 1883 г., I, 79—80.

1847 г. онъ очень рѣдко посѣщалъ Петрашевскаго, но зимою 1847—48 г.г. сталъ бывать довольно часто [1]). Петрашевскій, предложилъ ему участвовать въ выпискѣ книгъ общими средствами; Ханыковъ отнесся къ этому сочувственно и сообщилъ о предложеніи Петрашевскаго братьямъ Дебу, которые также его приняли [2]). Ханыковъ былъ знакомъ и съ другимъ знатокомъ ученія Фурье, Н. Я. Данилевскимъ. По показанію Ханыкова, въ 1847 г. онъ перешелъ въ «приватъ-слушатели», надѣясь черезъ это выиграть время, такъ какъ вольнослушатели могли пробыть въ университетѣ менѣе того времени, какое было опредѣлено для студентовъ, но по болѣзни, продолжавшейся слишкомъ два года, долженъ былъ отложить экзамены до 1849 г. [3]). Петрашевскій въ одной изъ своихъ записокъ въ слѣдственную комиссію указалъ на то, что Ханыковъ «человѣкъ съ пламеннымъ воображеніемъ и весьма нервозный» и потому для него такъ же, какъ и для Достоевскаго и Момбелли, заключеніе въ крѣпости «можетъ имѣть скорѣе, чѣмъ на другихъ, пагубное вліяніе». Петрашевскій былъ настолько расположенъ къ Ханыкову и настолько цѣнилъ его, какъ фурьериста, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи, составленномъ въ крѣпости, просилъ сестру Ольгу отдать его книги Ханыкову и Дебу (вѣроятно, младшему, который былъ ближе къ Ханыковымъ и въ послѣднее время передъ арестомъ чаще, чѣмъ старшій, бывалъ у Петрашевскаго). Имъ же, если возможно, онъ просилъ отдать и его бумаги. Петрашевскій совѣтовалъ также сестрѣ познакомиться съ ними и просилъ ее, если средства позволятъ, не оставлять ихъ безъ всевозможнаго пособія [4]). По выраженію Д. Ахшарумова, Ханыковъ изъ числа присутствовавшихъ на обѣдѣ въ память Фурье, былъ «болѣе всѣхъ фурьеристъ». Подобно проф. Порошину и Петрашевскому, онъ рѣзко-отрицательно относился

---

[1]) Д. Д. Ахшарумовъ показалъ, что Ханыковъ до своей болѣзни былъ постояннымъ посѣтителемъ пятницъ Петрашевскаго. Докторъ Яновскій въ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ называетъ Ханыкова «излюбленнымъ другомъ Петрашевскаго». Ханыковъ ходилъ въ альмавивѣ и широкой шляпѣ и постоянно носилъ съ собою пистолетъ съ кремневымъ куркомъ. «Русск. Вѣстн.», 1885 г. № 4, стр. 818.

[2]) Ханыковъ бралъ изъ библіотеки сочиненія Фурье, Консидерана, фурьериста Пеллерена, журналы La Phalange и La Démocratie pacifique, сборникъ рѣчей въ національномъ собраніи 1848 г. о правѣ на трудъ, исторію Мишле и проч.

[3]) Министерство народнаго просвѣщенія сообщило военно-судной комиссіи, будто бы въ апрѣлѣ 1847 г. Ханыковъ, по представленію инспектора студентовъ, былъ за «неблагонадежное поведеніе» уволенъ изъ университета по распоряженію попечителя учебнаго округа. Было два Ханыкова, и въ министерствѣ ихъ, повидимому, смѣшали.

[4]) Петрашевскій, по крайней мѣрѣ въ 1849 г., бывалъ у Ханыкова, у котораго онъ познакомился со студентомъ Толстовымъ. Толстовъ говорилъ о Ханыковѣ, какъ о человѣкѣ весьма благородномъ, на котораго онъ возлагаетъ большія надежды.

къ коммунизму. По словамъ Барановскаго, «младшій Дебу и въ особенности Ханыковъ» на пятницахъ Петрашевскаго зимою 1847—48 г. «толковали о различныхъ сторонахъ ученія Фурье, излагали нѣкоторыя его части, опровергали ученіе коммунистовъ, говоря, что основаніе, на которомъ зиждется все это ученіе,—абсолютное равенство,—нелѣпо, ибо оно противорѣчитъ видимымъ законамъ природы.

Ханыковъ пропагандировалъ не только ученіе Фурье, но и радикальныя политическія идеи. Пріятель студента Толстова владѣлецъ табачной лавочки, Петръ Григ. Шапошниковъ, показалъ, что Ханыковъ, раза три покупая у него папиросы, дурно отзывался о правительствѣ, и говорилъ, что «мѣщане или торговый классъ здѣсь въ Россіи угнетены, и если это не чувствуютъ, то потому, что не читаютъ того, что пишутъ во Франціи и Германіи. А у насъ подобнаго не позволяютъ печатать». Ханыковъ говорилъ также Шапошникову, что у насъ можетъ быть республика [1]). Предъ военно-судною комиссіею П. Г. Шапошниковъ заявилъ, что Ханыковъ ненавидѣлъ правительство и дурно говорилъ о немъ [2]).

На вопросъ слѣдственной комиссіи, кто имѣлъ особенное вліяніе на развитіе въ немъ идей соціальныхъ или либеральныхъ, Ханыковъ отвѣчалъ, что находитъ объясненіе этому во 1) въ своемъ «темпераментѣ», въ которомъ заключалось предрасположеніе къ этимъ идеямъ[3]); во 2) «во вліяніи той эпохи», въ которую онъ родился, эпохи пробужденія мысли и сознанія ея силы. Всякому, вовлеченному въ этотъ неизбѣжный и рѣшительный актъ развитія,

---

[1]) Въ донесеніяхъ другого Шапошникова—агента (Васплія) и товарища его Наумова, которыя они подавали Липранди, есть слѣдующее показаніе о Ханыковѣ, повидимому вздорное: «Ханыковъ съ Толстовымъ и неизвѣстнымъ пріѣзжали къ мѣщанину Григорьеву, привозя съ собою по выпискѣ изъ французской книги, прочитывали каждую выписку, трактовали, и неизвѣстный говорилъ, кому изъ нихъ, на какой конецъ, какъ и гдѣ убить министровъ, царя и царскую фамилію. Но потомъ это отложено по случаю ссылки одного студента изъ ихъ общества, за сочиненіе стиховъ, на Кавказъ, и въ ту же ночь, какъ взяли этого студента, переданы отъ одного другому свѣдѣнія, чтобы быть осторожными и готовыми, и отнюдь не забывать своего дѣла. Съ того времени дѣла шли весьма скрытно: Ханыковъ и двое другихъ у Григорьева уже не бывали, но совѣщанія продолжались». Ханыковъ, признавая, что два раза былъ въ лавкѣ П. Г. Шапошникова, рѣшительно отрицалъ доносъ агентовъ и утверждалъ, что такого знакомаго, котораго сослали за стихи на Кавказъ, у него не было.

[2]) Это признавалъ и самъ Ханыковъ въ своемъ показаніи, пояснивъ, что подъ вліяніемъ чтенія историческихъ книгъ въ первые годы студенчества это бывало съ нимъ чаще, чѣмъ впослѣдствіи.

[3]) Онъ сослался при этомъ на сочиненіе французскаго врача Кабаниса, друга Дидро, Кондорсе и Мирабо, «О вліяніи темпераментовъ на развитіе идей». Сочиненіе это переведено по-русски подъ заглавіемъ: «Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка». Перев. ст. франц. П. А. Бибиковъ. 2 т. СПБ. 1865—1866 г.

хочется имѣть убѣжденіе, всякому хочется имѣть право на мысль и участвовать *лично* въ ея интересахъ;.. въ 3) въ томъ разладѣ, который замѣчается между правительствомъ и обществомъ. Идеею россійскаго государства по преимуществу мы обязаны Великому Петру. Включительно по царствованіе Александра. Правительство опережало, поглощало общество... Между тѣмъ, поставивъ себя политикою Петра и Екатерины въ неизбѣжное, роковое соотношеніе съ Европой, гдѣ развитіе съ неимовѣрною быстротою происходитъ, «правительство» должно было давать отвѣты на вопросы, возникавшіе и въ иноземной сферѣ, и въ своей собственной, гдѣ развитіе также совершалось. И потому немудрено..., если представить себѣ его матеріальныя и нравственныя средства, что оно замѣшкалось въ отвѣтѣ съ одной стороны, а съ другой подало поводъ къ броженію умовъ, хотя и незначительному; въ 4)—въ наукѣ, которая до сихъ поръ была въ разладѣ съ дѣйствительностью».

Ханыковъ указалъ на то, что нравственныя и матеріальныя потребности въ государствѣ могутъ возникать вслѣдствіе его «внутренняго развитія и возможности при чтеніи иностранныхъ газетъ, книгъ» наблюдать развитіе иныхъ странъ, «которое можетъ увлекать какъ цѣлое общество», такъ и отдѣльныхъ людей, «представляя имъ соблазнъ свободы дѣйствій, слова, мысли, публичной отвѣтственности. Возникшими потребностями въ государствѣ я считалъ: свободное книгопечатаніе чисто ученыхъ сочиненій, публичное судопроизводство, освобожденіе крестьянскаго сословія, желѣзныя дороги, лучшая организація благотворительныхъ учрежденій въ государствѣ для бѣдныхъ». Онъ призналъ себя однимъ изъ горячихъ защитниковъ ученія Фурье. «Единственное мое желаніе было сперва передать моимъ соотечественникамъ на русскомъ языкѣ систему Фурье, для чего мы въ послѣднее время и старались сближаться и совѣщаться другъ съ другомъ» [1]). На вопросъ слѣдственной комиссіи Ханыковъ заявилъ, что въ обществѣ мужчинъ онъ не разъ «горячо говорилъ» о системѣ Фурье, а въ женскомъ обществѣ этого дѣлать ему не случалось.

---

[1]) Любопытно, что Ханыковъ говорилъ, какъ о соціалистахъ, о своихъ товарищахъ по университету Бекетовыхъ, которые въ 1849 г. находились въ Казани: это были извѣстные впослѣдствіи ученые химикъ и ботаникъ Бекетовы. Н. Н. Бекетовъ, впослѣдствіи извѣстный химикъ, поступилъ въ Петербург. университетъ въ 1844 г., но съ третьяго курса перешелъ въ Казань; Андрей же Николаевичъ, извѣстный ботаникъ, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ былъ студентомъ факультета восточныхъ языковъ, но со второго курса вышелъ изъ университета и черезъ нѣкоторое время поступилъ въ Казанскій университетъ вольнослушателемъ. О пропагандѣ петрашевцевъ въ Казани см. въ воспоминаніяхъ Н. Флеровскаго (В. В. Берви), которыя напечатаны въ «Голосѣ Минувшаго» 1915 г. № 3, стр. 138.

Ханыковъ оказалъ незабвенную заслугу русскому обществу тѣмъ, что привлекъ Н. Г. Чернышевскаго, тогда еще студента, къ изученію системы Фурье и философіи Фейербаха [1]).

III. К. М. и И. М. Дебу.

Своею проповѣдью фурьеризма Ханыковъ побудилъ изучить системы Фурье младшаго Дебу (Ипполита Матвѣевича), а подъ его вліяніемъ сдѣлался фурьеристомъ и Дебу старшій (Конст. Матв.). Братья Дебу (оба католики) происходили изъ древней французской фамиліи, извѣстной еще въ XIII вѣкѣ. Ихъ дѣдъ Louis de Desbout серьезный ученый, врачъ-хирургъ, докторъ Пизанскаго университета, перешелъ въ 1781 г. на русскую службу и много поработалъ въ области научной и практической медицины. Будучи докторомъ медицины и хирургіи при адмиралтействѣ и затѣмъ медицинскимъ инспекторомъ Свеаборгскаго порта, онъ основалъ въ Россіи морскіе лазареты, ввелъ въ нихъ всѣ усовершенствованія, указанныя медицинской наукою того времени, первый открылъ у себя медико-хирургическіе вечера для молодыхъ врачей съ цѣлью поддерживать ихъ знанія на высотѣ науки, первый сталъ прививать матросамъ коровью оспу и примѣнилъ много простыхъ русскихъ средствъ къ леченію серьезныхъ болѣзней. Благодарные матросы по смерти любимаго врача въ 1814 г. воздвигли ему памятникъ на гельсингфорскомъ кладбищѣ. Свои многочисленныя медицинскія сочиненія (въ томъ числѣ трактатъ о хирургіи) онъ написалъ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ [2]). Отецъ петрашевцевъ Дебу, которому въ 1849 г. было уже 80 лѣтъ, былъ самый заурядный чиновникъ (коллежскій совѣтникъ въ отставкѣ), находившійся въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи (у него жилъ младшій сынъ, были еще дочери и надъ нимъ тяготѣли долги); никакого недвижимаго имущества у него не было.

Старшій Дебу, (или Десбутъ, какъ они назывались официально), Константинъ Матвѣевичъ, петрашевецъ родился въ 1810 г. воспитывался на казенный счетъ въ институтѣ корпуса инжене-

---

[1]) См. статьи Е. А. Ляцкаго въ «Современномъ Мірѣ» «Н. Г. Чернышевскій и Шарль Фурье» (1909 № 11, стр. 161—162, 175—176, 183), «Н. Г. Чернышевскій и учителя его мысли Гегель Бѣлинскій, Фейербахъ» (1910 г. № 10, стр., 148, № 11, стр. 146—148).

[2]) Дядя петрашевцевъ, Іосифъ Львовичъ, бывшій сначала оренбургскимъ губернаторомъ, а потомъ сенаторомъ, напечаталъ «Записки о Кавказской линіи и присоединенныхъ къ оной Черноморскихъ войскахъ» (М. 1829) и «Топографическое и статистическое описаніе Оренбургской губерніи» М. 1837 г. См. о немъ «Русск. Біограф. Словарь» изд. Имп. Историч. Общества.

ровъ путей сообщенія, окончилъ курсъ портупей-прапорщикомъ въ іюлѣ 1824 г., черезъ четыре года былъ произведенъ по экзамену въ прапорщики, а затѣмъ почти черезъ два года, въ маѣ 1830 г., по болѣзни и «неспособности къ продолженію службы» вышелъ въ отставку и вскорѣ поступилъ въ канцелярскіе чиновники въ азіатскій департаментъ, гдѣ въ теченіе 19 лѣтъ дослужился до чина коллежскаго совѣтника. Оба брата Дебу были холостыми. Когда при обсужденіи мысли Момбелли объ устройствѣ товарищества взаимной помощи было предложено написать свои біографіи, то Дебу I сказалъ, что «ему рѣшительно нечего писать», такъ какъ «жизнь его была всегда однообразна». Младшій Дебу, Ипполитъ Матвѣевичъ, родился 6 марта 1824 г., учился на казенный счетъ въ первой петербургской гимназіи, гдѣ былъ товарищемъ Д. Д. Ахшарумова, и вмѣстѣ съ нимъ окончилъ курсъ въ 1841 г., Поступивъ въ петербургскій университетъ, онъ былъ сначала своекоштнымъ студентомъ, а затѣмъ вольнослушателемъ, въ октябрѣ 1847 г. получилъ степень кандидата камеральнаго отдѣленія юридическаго факультета и опредѣлился на службу въ тотъ же департаментъ, гдѣ служилъ и его братъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря. Дебу 2 познакомился съ Петрашевскимъ еще въ университетѣ и началъ посѣщать его зимою 1847—48г., а затѣмъ у себя познакомилъ Петрашевскаго и съ своимъ старшимъ братомъ. Онъ чаще бывалъ у Петрашевскаго, чѣмъ Константинъ Матвѣевичъ, хотя, когда понадобилось обсудить предложеніе Момбелли о братствѣ взаимной помощи, Петрашевскій назвалъ Дебу старшаго, а не младшаго. Дебу 2, какъ и его старшій братъ, былъ горячій поклонникъ ученія Фурье, но, повидимому, какъ и его другъ Д. Д. Ахшарумовъ, сочувствовалъ также весьма радикальнымъ идеямъ [1]). Нѣкоторымъ намекомъ на эту черту его міросозерцанія служитъ то, что среди книгъ, взятыхъ у него при обыскѣ, кромѣ номеровъ фурьеристскаго журнала La Phalange (1847—48г.) и извѣстныхъ мемуаровъ Массона о времени Екатерины II и Павла (въ нѣмецкомъ переводѣ), было нѣсколько книжекъ изданія «Ergänzungsblätter zu allen Conversationslexikonen», въ одной изъ которыхъ (1848 г. № 165) была статья о баррикадахъ въ историческомъ и техническомъ отношеніяхъ [2]). Среди бумагъ его были выписки изъ сочиненій Штрауса «Жизнь Іисуса» во французскомъ переводѣ Литтре, Видаля «De la répartitions des richesses ou de la

---

[1]) Этому, конечно, не противорѣчитъ очевидно неискренній отвѣтъ Дебу 2 на вопросъ слѣдственной комиссіи о томъ, каковы его «политическія убѣжденія и какъ онъ думалъ ихъ осуществить».

[2]) Не даромъ при обыскѣ у Дебу 2 въ азіатскомъ департаментѣ въ его столѣ найдена была рукопись Ахшарумова весьма радикальнаго содержанія.

justice distributive en économie sociale» (P. 1846), Мишле «Le peuple». Выписки эти, какъ объяснилъ онъ во время слѣдствія, онъ дѣлалъ потому, что «хотѣлъ составить критическій разборъ всѣхъ экономическихъ системъ».

Въ бумагахъ Дебу 2 есть письмо къ нему о брошюрѣ «Любовь въ фаланстерѣ», весьма любопытная для характеристики юныхъ фурьеристовъ.

«Вы бросили брошюру «Любовь въ фаланстерѣ», не дочитавъ ея; она вамъ не понравилась, отчего же это? Отчего я думалъ, что она доставитъ вамъ гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ какой-нибудь неправдоподобный «Вѣчный Жидъ»? Мнѣ кажется, этому могутъ быть двѣ причины: или вы считаете вопросъ, о которомъ трактуетъ эта брошюра, недостойнымъ вашего вниманія, или считаете брошюру *неприличною* (какъ замѣтила мнѣ одна дама, которой я давалъ читать «Любовь въ фаланстерѣ»).

«Что прилично и что неприлично? Дама, кричавшая мнѣ о неприличіи книги, говоритъ, что прилично то, что принято въ свѣтѣ, въ обществѣ, dans le monde comme il faut. Но это то общество и есть *неприличное* общество, потому что оно скрываетъ всѣ свои пороки, всѣ свои недостатки, понимая, что это пороки и недостатки, боится говорить о нихъ, потому что каждый членъ общества чувствуетъ себя не совершенно чистымъ. И въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы въ обществѣ: женщинъ, поющихъ на разные голоса гимны браку, вѣрности супружескому счастью, семейной жизни, привязанности къ дѣтямъ и т. д.; а между тѣмъ у одной тутъ же въ ридикюлѣ лежатъ любовныя письма, да еще ежели бы отъ одного, а то отъ нѣсколькихъ, другая цѣлый день грызется съ своимъ мужемъ, третья спѣшитъ домой уложить спать дѣтей своихъ, благословить ихъ на сонъ грядущій, а между тѣмъ вышла на крыльцо и велитъ кучеру своему ѣхать совсѣмъ не домой. Молоденькая, 16-лѣтняя дѣвушка краснѣетъ, когда говорятъ при ней о любви, о бракѣ, а между тѣмъ она двадцатерымъ шептала въ танцахъ «люблю» и съ жаромъ жала руку мужчины, тогда какъ сердце ея билось равномѣрно... А мужчины,—они толкуютъ о безкорыстіи, благородномъ честолюбіи, самопожертвованіи для блага общаго; а между тѣмъ одинъ на взяточныя, краденыя деньги выстроилъ домъ, купилъ деревню или нарядилъ жену и дѣтей своихъ, другой гнулъ спину, подличалъ и унижался, чтобы схватить крестъ или чинъ, или получить *тепленькое* мѣсто. И вотъ общество, и въ немъ все прилично, все чинно, все безчувственныя лица, улыбающіяся лица...

«И вотъ является сильный и великодушный человѣкъ, который разоблачаетъ ихъ приличіе, называетъ его истиннымъ именемъ:

лицемѣріемъ, и всѣ кричатъ, что это *неприлично*, что это *безнравственно*; а между тѣмъ, что можетъ быть нравственнѣе, какъ не обличить безнравственность, какъ не сознаться въ ней; а «Любовь въ фаланстерѣ» обличаетъ безнравственность; слѣдовательно книга эта нравственна, а что нравственно, то и прилично. Только ложная стыдливость, нарумяненная красота боится такихъ книжекъ. Книга эта занимательная, потому что показываетъ въ перспективѣ счастье наше. А счастья всѣ мы желаемъ, потому что счастье—цѣль жизни...

«И вотъ нашлись люди съ горячею любовью ко всѣмъ людямъ, къ цѣлому человѣчеству, а также и къ Богу, которые посвятили всю жизнь свою на то, чтобы найти такое устройство общества, гдѣ бы всѣ были богаты, счастливы и довольны; гдѣ бы самая жизнь наша, каждый день, часъ и минута ея были бы благодарственнымъ гимномъ Создателю, гдѣ бы не было ни слезъ, ни преступленій, и во главѣ ихъ стоитъ величественный геній *Фурье*, Фурье, qui dit

....«sort de la fange
Peuple en proie aux déceptions!
Travaille groupe par phalange
Dans un cercle d'attractions.
La terre après tant de désastres
Forme avec le ciel un hymen
Et la loi qui regit les astres
Donne la paix au genre humain» [1]).

«Фурье придумалъ такое устройство общества гдѣ, всѣ страсти наши..., приведенныя къ гармоническому развитію и направленныя къ одной цѣли, находятъ себѣ полное удовлетвореніе».

Въ своемъ показаніи Дебу 2 сообщаетъ, что читалъ исторіи революцій и находилъ въ нихъ «сравненіе богатства и образованности Франціи до революціи и послѣ нея», при чемъ было «показано и увеличеніе того и другого послѣ революціи и приписано все это революціи». Въ послѣднее время своего пребыванія въ

---

[1]) Въ переводѣ В. С. Курочкина:
«Подыми свою голову смѣло,
Звалъ къ народу Фурье: раздѣлись
На фаланги и дружно трудись
Въ общемъ кругѣ, для общаго дѣла.
Обновленная вся, брачный міръ
Отпируетъ земля съ небесами,
И та сила, что движетъ мірами,
Человѣчеству дастъ вѣчный міръ».
(«Пѣсни Беранже: переводы Василія Курочкина» изд. 6, 1874 г. 222—223).

университетѣ Дебу 2 особенно занимался политическою экономіею, желая писать по этому предмету кандидатскую работу и въ первый разъ нашелъ при этомъ «отчетъ о сочиненіяхъ Фурье». и это возбудило въ немъ желаніе съ ними познакомиться. Онъ досталъ ихъ у Ханыкова. Прочитавъ въ первый разъ Фурье. Дебу 2 «былъ невольно увлеченъ новымъ направленіемъ его ученія и... основательностью этого направленія, говорилъ при всякомъ удобномъ случаѣ о сочиненіяхъ Фурье» и выражалъ желаніе. чтобы возможно большее число лицъ знало ихъ [1]).

Дебу 1, какъ показалъ Момбелли, во время совѣщаній относительно братства взаимной помощи заявилъ, что онъ «фурьеристъ и желаетъ единственно распространенія ученія Фурье». желаетъ способствовать «его осуществленію путемъ прогресса и просвѣщенія» и вообще при этомъ «говорилъ очень мало и только о Фурье». Онъ заявилъ также, возражая Спѣшневу, что «въ тайномъ обществѣ онъ участія не приметъ», такъ какъ «для того, чтобы говорить о Фурье не нужно тайнаго общества». Дебу I, какъ и его братъ, пропагандировалъ ученіе Фурье: это мы видѣли выше изъ показанія Ващенка. При обыскѣ у Дебу I взяли нѣсколько томовъ сочиненій Фурье (одинъ томъ съ карандашными отмѣтками) и еще слѣдующія книги: *Villegardelle* Accord des intérêts dans l'association et besoin des communes avec notice sur Ch. Fourier (1844); Trois discours prononcés à l'hotel-de-ville par m-me Dain, Considerant et d'Izalguier, faisant complement à-la publication du congrès historique (1836), Bases de la politique positive, manifeste de l'ecole sociétaire (2 ед., P. 1842), Die polnische Verschwörung zu Anfang des Jahres 1846 (2-te Auflage. 1846). У Дебу I-го были найдены два рукописныхъ сочиненія: 1) «О выгодахъ собщенія сравнительно съ дробленіемъ по разнымъ отраслямъ труда» и 2) «О страстяхъ и о возможности сдѣлать трудъ привлекательнымъ», а также «Теорію всемірнаго единства» Фурье. Кн. Александръ Голицынъ, разбиравшій эти рукописи, поясниль, что первыя двѣ, составляющія «извлеченіе изъ переписки двухъ помѣщиковъ» (впослѣдствіи дознались, что авторъ ихъ Беклемишевъ) «суть примѣненіе теоріи соціализма къ общественному быту въ Россіи съ критикою настоящаго въ ней порядка раздѣленія трудовъ».

---

[1]) Въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи Дебу 2 старался свести значеніе системы Фурье къ возможности при ея осуществленіи увеличить жизненный комфортъ. Онъ увѣрялъ даже комиссію, что возможно осуществить ученіе Фурье въ деревнѣ и безъ уничтоженія крѣпостного права. Подобный опытъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ Петрашевскій, но его крѣпостные сожгли общее жилище, въ которое онъ рѣшилъ переселить ихъ изъ ихъ избъ.

У Дебу I назначенныхъ дней не было, но иногда его посѣщали Ханыковъ, Кашкинъ, Европеусъ, трое братьевъ Ахшарумовыхъ, Ващенко, Отто, Спѣшневъ и братъ его Дебу 2. Чаще всего разговоры велись объ ученіи Фурье. Рѣчей не произносили и никакихъ сочиненій собравшіеся не читали. Впрочемъ, однажды Кашкинъ, по просьбѣ Дебу I, прочелъ введеніе въ какую-то брошюру о Фурье, и послѣ того Ник. Дм. Ахшарумовъ цѣлый вечеръ спорилъ съ Европеусомъ и двумя Дебу противъ ученія этого соціалиста.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Семевскій.

Изъ исторіи нѣмецко-польскихъ отношеній.

Было время, когда нѣмецкая интеллигенція—передовой отрядъ поднимавшагося бюргерства—относилась къ полякамъ съ огромнымъ сочувствіемъ, когда вопросъ о судьбахъ Польши былъ какъ бы ея собственнымъ кровнымъ вопросомъ.

Ни одно событіе, если не считать іюльской революціи въ Парижѣ, не оказало на молодое поколѣніе 30-хъ годовъ такого пробуждающаго и вдохновляющаго вліянія, ни одно событіе вмѣстѣ съ тѣмъ не потрясло его съ такой силой, какъ польское возстаніе.

Борьба Польши за ея независимость быстро встала на авансцену его думъ. Свобода Польши была въ глазахъ интеллигенціи 30-хъ годовъ гарантіей прочности и торжества либерализма, ея паденіе казалось ей равнозначущимъ укрѣпленію и росту политической реакціи. Отсюда, естественно, тотъ живой интересъ, который она питала къ польскимъ событіямъ, то горячее сочувствіе, съ какимъ она встрѣтила вѣсть о вспыхнувшемъ возстаніи. та искренняя скорбь, которая ее охватила, когда польское дѣло было проиграно.

Яркимъ свидѣтельствомъ тому служитъ литература «Молодой Германіи». Подъ этимъ терминомъ мы подразумѣваемъ не только ту группу писателей, за которой установилось это названіе, но и вообще всѣхъ представителей прогрессивной (либеральной) литературы 30-хъ годовъ [1])

Въ наши дни особенно поучительно вспомнить объ этомъ любопытномъ эпизодѣ въ исторіи нѣмецкой интеллигенціи.

— —

Съ напряженнымъ вниманіемъ, волнуясь и нервничая, то проникаясь непомѣрнымъ оптимизмомъ, то впадая въ глубокое отчаяніе, слѣдилъ за польскими дѣлами изъ Парижа Л. Бёрне,

[1]) Въ томъ смыслѣ, слѣдовательно, въ какомъ это слово употребилъ Винбаргъ (см. ниже) въ посвященіи, предпосланномъ его книгѣ Aesthetische Feldzüge.

вождь и лидеръ нѣмецкаго либерализма 30-хъ годовъ. «Здѣшній театръ—писалъ онъ 14 декабря 1830 г.—могъ бы упрекнуть Провидѣніе за то, что оно ставитъ на міровой сценѣ пьесы, до сихъ поръ составлявшія его собственную монополію—высокія трагедіи. Не понимаю, какъ это люди могутъ посѣщать театры. Для меня теперь газеты то же, что Шекспиръ и Корнель. Рокъ говоритъ стихами и играетъ патетически, какъ актеръ. Въ Варшавѣ, говорятъ, сражались даже дѣти и женщины. Я читалъ всѣ газеты и осыпалъ ихъ поцѣлуями».

Въ это ликующее настроеніе очень скоро ворвались однако рѣжущія нотки безпокойства, и съ каждымъ днемъ наростала тревога.

«Развѣ энтузіазмъ поляковъ не возвышенъ, не трогателенъ! Среди суровыхъ страницъ исторіи это страница, написанная на веленевой бумагѣ!»—восклицаетъ онъ два мѣсяца спустя. «Въ Польшѣ теперь есть только одинъ полъ и одинъ возрастъ. Женщины, дѣти, старики—всѣ готовятся къ борьбѣ!.. И однако, несмотря на свой красивый энтузіазмъ, поляки все же могутъ погибнуть. Но если это совершится, если будетъ пролита столь благородная кровь, она оплодотворитъ почву на цѣлое столѣтіе и принесетъ тысячекратные плоды... Кто вѣритъ въ Бога, пусть молится, кто можетъ молиться, пусть молится только за Польшу».

Съ каждымъ днемъ безпокойство все растетъ, давитъ на умъ и сердце, превращается въ кошмаръ.

«Вотъ уже два дня, какъ я не могу писать,—сообщаетъ онъ,—не могу ни читать ни думать, ни даже плакать и молиться... Поляки бились, не какъ люди, а какъ боги брани... И все-таки каждая побѣда только приближаетъ ихъ къ гибели. Они слишкомъ слабы, слишкомъ бѣдны людьми...»

Къ тому же въ Польшѣ «могущественна только аристократія», тогда какъ «бюргерство еще слабо», а аристократія склонна заботиться больше о своей собственной свободѣ, чѣмъ о независимости Польши. Бёрне прочелъ гдѣ-то, что поляки намѣреваются предложить корону австрійскому эрцгерцогу. «Австрія въ роли опекуна свободы!»—мысль эта кажется ему чудовищной. Если польское дворянство пойдетъ по этому пути, то горе Польшѣ! А съ театра военныхъ дѣйствій никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній! О Боже!—пишетъ онъ 6 марта.—Еще до среды только храни поляковъ. Если они одержатъ рѣшительную побѣду, то, надѣюсь, Парижъ будетъ иллюминованъ, и я самъ освѣщу всю свою квартиру!».

Настала среда!

«Мечтамъ не суждено сбыться!»—восклицаетъ онъ въ отчаяніи.

«Польша погибла». «Но не будемъ отчаиваться!»—утѣшаетъ онъ себя. «Свобода отъ этого ничего не проиграла. Число наслѣдниковъ, правда, сократилось, но зато увеличилось само наслѣдство. Грустно, конечно, что Польша должна была лечь въ землю, какъ сѣмя, но зато это сѣмя дастъ пышные всходы...».

Опасенія и отчаяніе смѣняются на мгновеніе надеждой и ликованіемъ. «Если правда все, что здѣсь разсказываютъ», пишетъ онъ 21 марта, «то дѣла поляковъ обстоятъ какъ нельзя лучше. Говорятъ, русскіе отступаютъ...»

Надежда обманула.

Въ «Парижскихъ письмахъ» Бёрне нѣтъ непосредственнаго отклика на паденіе Варшавы, и лишь въ ноябрѣ онъ посвящаетъ гнѣвно-грустную страницу ликвидаціи польскаго возстанія. Бёрне не упускалъ при этомъ случая обрушиться съ негодующимъ сарказмомъ на Пруссію и Австрію, отдавшихъ Польшу на «растерзаніе».

Тѣмъ глубже была его радость, когда онъ узналъ, что низшіе классы въ Германіи сочувствуютъ польскимъ эмигрантамъ, какъ героямъ и мученикамъ въ борьбѣ за свободу.

«Ужели все то, что я прочелъ въ «Штуттгартской газетѣ», правда? Ужели правда, что недавно, во время прохода черезъ Франкфуртъ поляковъ, много прекрасныхъ словъ обнаружило наличность еще болѣе прекраснаго настроенія? Одинъ, помогавшій тащить повозку поляка, восклицалъ: «Я помогу тебѣ. Какое мнѣ дѣло до императора и короля! Я знаю, вы молодцы!». Другой замѣтилъ: «Покажемъ, что мы не пруссаки!». Корреспондентъ газеты прибавляетъ, что франкфуртцы, такъ говорившіе, принадлежали къ низшимъ классамъ. Замѣчаніе совершенно излишнее! Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что у насъ, какъ и вездѣ, высшія сословія не имѣютъ ни столько ума, ни столько сердца!».

А еще болѣе утѣшало Бёрне сознаніе, что развѣянные непогодой польскіе эмигранты разнесутъ по всей Германіи вѣсть не только о своихъ страданіяхъ, но и о своей героической борьбѣ, подсказывая нѣмецкому обществу и народу мысль, какъ должно бороться за свободу. «Шествіе поляковъ по Германіи дастъ, несомнѣнно, прекраснѣйшіе плоды», восклицаетъ Бёрне. «О эти умные люди! О эти хитрые государственные мужи! Они боялись великаго разсадника свободы (Freiheitssmagasin) тамъ въ далекой Варшавѣ и развѣяли его во всѣ стороны по всей нашей странѣ. И теперь свобода стала странствующимъ коробейникомъ и переходитъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Печать была вынуждена молчать о томъ позорѣ и о томъ вѣроломствѣ,

какія были учинены Австріей и Пруссіей надъ благородной Польшей, а теперь онѣ же разослали во всѣ стороны двадцать тысячъ проповѣдниковъ, повѣствующихъ о томъ, что они выстрадали, и поучающихъ насъ, что надо сдѣлать, чтобы перестать страдать».

Въ сравненіи съ вылившимся изъ одного настроенія отношеніемъ къ Польшѣ Бёрне отношеніе къ этой темѣ Г. Гейне отличается, какъ обычно его взгляды и настроенія, нѣкоторой двойственностью.

Иногда въ Гейне бралъ перевѣсъ насмѣшникъ, поэтъ, склонный подмѣчать всюду смѣшныя стороны, улавливать изнанку въ самомъ возвышенномъ порывѣ, въ самомъ святомъ дѣлѣ.

Кто не знастъ его «двухъ рыцарей», Крапилинскаго и Вашлапскаго, печально-смѣшными тѣнями коротающихъ свой вѣкъ на чужбинѣ послѣ того, какъ они боролись противъ «московской тиранін»? Единственнымъ оправданіемъ-слу житъ поэту-карикатуристу здѣсь то обстоятельство, что самыя условія эмигрантской жизни часто позволяютъ выступать наружу смѣшнымъ и отрицательнымъ сторонамъ, при другихъ—нормальныхъ—условіяхъ способнымъ проявиться положительнымъ образомъ. Извѣстно, что въ Парижѣ Гейне дружилъ съ представителями польской эмиграціи, но ихъ подчасъ мелочные партійные раздоры отпугнули его въ концѣ-концовъ, и теплое расположеніе онъ сохранилъ лишь къ Т. Моравскому, бывшему въ дни польскаго возстанія министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Карикатурно-ироническими штрихами обрисованъ герой и въ неоконченныхъ «Мемуарахъ господина Шнабелевопскаго», при чемъ насмѣшка поэта порою весьма дешеваго свойства. Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что это было одно изъ тѣхъ произведеній, которыя знаменовали собой разрывъ поэта съ офиціальной Германіей, и что въ уста именно поляка здѣсь вложены издѣвательства надъ несимпатичными автору сторонами родной дѣйствительности.

Но какъ только Гейне превращался изъ поэта-насмѣшника, изъ поэта, надѣвшаго на голову колпакъ съ шутовскими бубенчиками, въ публициста-политика, въ апостола либерализма, онъ относился къ польскому движенію съ той же пламенной симпатіей, какъ и Бёрне, и гибель польской свободы потрясла его не менѣе, чѣмъ автора «Парижскихъ писемъ». Вѣсть о паденіи Варшавы ошеломила его, какъ громомъ.

Гейне жилъ тогда въ Парижѣ и писалъ для одной нѣмецкой

газеты корреспонденціи о парижскихъ «салонахъ». Въ то самое время, когда онъ весь ушелъ въ изученіе картинъ романтической школы, до его слуха съ улицы донеслись крики «Пала Варшава, палъ нашъ авангардъ».

И при звукахъ этой тревожной манифестаціи видѣнныя имъ полотна французскихъ художниковъ принимали неожиданно иной видъ, наполнялись инымъ содержаніемъ, какъ бы символизируя гибель польской свободы, торжество европейской реакціи.

«Богиня свободы Делакруа [1]) смотритъ на меня съ измѣнившимся лицомъ, и въ ея дикихъ глазахъ свѣтится почти страхъ. Чудесное превращеніе произошло и съ портретомъ папы Ораса Вернэ: старый, хилый намѣстникъ Христа вдругъ помолодѣлъ и поднимается, улыбаясь, съ своего кресла. Юный англійскій принцъ [2]) падаетъ сраженный на землю и глядитъ на меня со взоромъ, въ которомъ искрится дружеское расположеніе и грустная задушевность, свойственныя полякамъ. Измѣнилось лицо и у мертваго Карла [3]), и чѣмъ внимательнѣе я вглядываюсь въ него, тѣмъ яснѣе вижу я, что передо мною въ черномъ гробу лежитъ—умерщвленная Польша...».

Паденіе польской независимости было въ глазахъ Гейне, какъ и для Бёрне, равносильно торжеству русскаго самодержавія, а, стало быть, и политической реакціи вообще, столь опасной для молодого нѣмецкаго либерализма.

«Русскіе—славный народъ, и я охотно готовъ ихъ любить и почитать—восклицаетъ онъ,—но съ тѣхъ поръ, какъ пала Варшава, послѣдній оплотъ, отдѣляющій насъ отъ нихъ, меня охватываетъ страхъ. Да поможетъ намъ Богъ! Палъ нашъ послѣдній оплотъ, ликъ богини свободы покрывается блѣдностью, злорадно улыбаясь поднимается римскій папа и, ликуя у гроба демократіи (des Volkstums), стоитъ торжествующее дворянство».

И долго еще не могъ Гейне примириться съ мыслью, что Пруссія ничего не сдѣлала, чтобы помочь Польшѣ.

«Польша!»—писалъ онъ въ 1832 г. въ предисловіи къ своимъ «парижскимъ корреспонденціямъ».—«Кровь волнуется въ моихъ жилахъ, когда я пишу это слово, когда я вспомню, какъ трусливо и низко обошлась Пруссія съ этими благороднѣйшими дѣтьми несчастья».

---

[1]) Картина Делакруа: «Парижъ въ іюльскіе дни 1830 г.».
[2]) Имѣется въ виду, повидимому, картина Делароша: «Сыновья Эдуарда IV», обреченные на смерть Ричардомъ IV.
[3]) Картина Делароша: «Кромвелль у гроба казненнаго Карла».

Въ 1833 г. читалъ въ университетѣ въ Кильѣ лекціи по эстетикѣ молодой приватъ-доцентъ Л. Винбаргъ.

Издавая потомъ свой курсъ въ видѣ отдѣльной книги подъ заглавіемъ «Aesthetische Feldzüge», онъ посвятилъ ее «Молодой Германіи», т.-е. всѣмъ, кто безповоротно порвалъ съ феодально-абсолютистической и учено-филистерской стариной.

Въ своихъ лекціяхъ Винбаргъ излагалъ—въ противовѣсъ классицизму и романтизму—новую эстетическую программу. эстетику поднимающейся бюргерской демократіи. Выступая какъ идеологъ борющагося за жизнь и за власть общественнаго класса, онъ цѣнилъ красоту бытія выше красоты искусства, а высшимъ проявленіемъ красоты дѣйствительности онъ считалъ красоту дѣйственную, красивый поступокъ, eine schoene Tat. Высшей же формой красиваго поступка, красиваго дѣйствія Винбаргъ провозглашалъ борьбу за свободу (политическую и національную).

Нападая на нѣмецкое бюргерство за его пристрастіе къ красотѣ въ исторіи и въ поэзіи, не позволяющее ему правильно оцѣнивать красоту въ жизни, онъ упрекаетъ его между прочимъ за его восхищеніе изображеніемъ въ литературныхъ произведеніяхъ борьбы за свободу, уживающееся въ его душѣ съ довольно равнодушнымъ отношеніемъ къ такой борьбѣ, когда она разыгрывается въ жизни. И какъ на примѣръ Винбаргъ указывалъ на—польское возстаніе!

«Что нынѣ принято называть въ унисонъ красивымъ поступкомъ?»—спрашиваетъ онъ своихъ слушателей и продолжаетъ:

«Припомните польское возстаніе! Если много вѣковъ тому назадъ швейцарцы отложились отъ Австріи, если Вильгельмъ Телль застрѣлилъ Геслера, если Винкельридъ сталъ стѣной для свободы и вражескими копьями пронзилъ себѣ грудь, то всѣ считаютъ это красивымъ, и каждому нѣмцу позволено какъ съ полицейской, такъ и съ эстетической точки зрѣнія приходить слегка въ энтузіазмъ отъ этихъ поступковъ. А если на нашихъ глазахъ народъ, позорно растерзанный на части и порабощенный, взрываетъ на воздухъ ледяной покровъ тиранніи, если однажды ночью, когда мы мирно спали въ нашихъ постеляхъ и видѣли во снѣ Богъ вѣсть какую оперу, кучка юношей брала штурмомъ варшавскую цитадель и привѣтствовала утреннюю зарю, освѣщавшую разбитые оковы благородной и великой націи, то это событіе (равно какъ и всѣ вызванныя имъ въ дальнѣйшемъ дѣйствія и жертвы) развѣ они нашли такое же всеобщее сочувствіе, развѣ они въ такой же степени увлекли всѣ души? Вотъ передъ нами дѣйствіе (Tat), красота котораго понятна каждому, въ комъ есть хоть капля римской крови, въ комъ имѣется хоть

частица души Тимолеона, и однако оно становится предметомъ самыхъ противоположныхъ оцѣнокъ».

«Но пусть—продолжаетъ Винбаргъ—явится геній-поэтъ, равный Шекспиру, который вздумалъ бы перенести на сцену въ мирное время въ великолѣпныхъ образахъ польскую революцію, борьбу за свободу Польши и крушеніе этой борьбы, и вы увидите, какъ партеръ будетъ аплодировать, какъ поручики будутъ выпячивать грудь, какъ критики примутся прочищать очки и, какъ, быть можетъ, даже окаменѣлое чело бюрократа или министра будетъ, при видѣ конца пьесы и свободы, хранить на щекахъ слезы и состраданіе къ несчастнымъ».

Вскорѣ въ Германіи выступилъ въ самомъ дѣлѣ писатель, поспѣшившій облечь польское возстаніе въ художественные образы, не на сценѣ, правда, а въ романѣ.

То былъ Г. Лаубе.

Если польское возстаніе произвело такое огромное впечатлѣніе на Бёрне, Гейне и Винбарга, то Лаубе оно прямо сдѣлало писателемъ. Ему онъ былъ обязанъ своимъ выступленіемъ на литературное поприще. Польское возстаніе было его воспріемникомъ, стоявшимъ у колыбели его писательскаго таланта.

Въ 1830 г. Лаубе былъ учителемъ въ семьѣ, живо интересовавшейся политическими вопросами и событіями, въ томъ числѣ и польскимъ возстаніемъ. Какъ бывшій членъ націоналистически настроенныхъ буршеншафствъ, Лаубе особенной нѣжности къ полякамъ, представителямъ иной расы, не питалъ, но какъ только началась ихъ борьба за независимость, въ немъ громче націоналиста заговорилъ либералъ, и онъ всей душой отдался во власть развертывавшейся на его глазахъ «высокой трагедіи», какъ выразился Бёрне. Извѣстія о первыхъ польскихъ побѣдахъ такъ наэлектризовали его, что онъ рѣшилъ пойти сражаться добровольцемъ въ рядахъ повстанцевъ. Съ трудомъ удалось его отговорить. Съ горя погрузился онъ въ изученіе польской исторіи и польскаго вопроса, а когда Европу обошла извѣстная статья лорда Бругэма, онъ почувствовалъ потребность принять съ своей стороны участіе въ литературной борьбѣ.

Такъ сдѣлался Лаубе писателемъ.

Въ Бреславлѣ онъ сошелся съ раненымъ польскимъ офицеромъ, который познакомилъ его въ живыхъ характеристикахъ со всѣми дѣятелями польской революціи, отъ «Скшынецкаго, Дверницкаго и Чарновскаго до неистощимо-изобрѣтательнаго стратега Пронд-зинскаго». Несмотря на гибель польскаго дѣла послѣ битвы при Остроленкѣ, въ которой былъ убитъ его другъ, Лаубе закончилъ свою брошюру, нашелъ даже издателя (самого Кампе),

но появилась она не отдѣльнымъ изданіемъ, а въ сборникѣ, посвященномъ польскому возстанію. Интересъ къ Польшѣ до того захватилъ начинающаго писателя, что онъ задумалъ большой трудъ, долженствовавшій охватить исторію Польши съ древнѣйшихъ временъ, но другія темы и задачи отвлекли его далеко въ сторону.

Въ 1834 г. Лаубе былъ арестованъ за свое былое участіе въ студенческомъ движеніи, и передъ нимъ открылись двери тюрьмы.

Здѣсь, въ одиночномъ заключеніи, онъ принялся за вторую часть своего романа «Молодая Европа» (Das junge Europa). Первая часть этой задуманной имъ трилогіи, изображающей умонастроенія передовой нѣмецкой бюргерской интеллигенціи 30-хъ годовъ, была озаглавлена «Поэты».

Вторая часть носитъ заглавіе «Солдаты» (Die Krieger). Ея тема—польское возстаніе.

Герой второй части трилогіи (выступающій также и въ первой) Валерій совершаетъ тотъ шагъ, который осуществить не удалось самому Лаубе онъ поступаетъ добровольцемъ въ ряды повстанцевъ. Раненый въ битвѣ, онъ попадаетъ въ замокъ польскаго графа, входитъ въ дружбу съ его семьей, участвуетъ въ оборонѣ замка, осаждаемаго русскимъ отрядомъ,—вмѣстѣ съ графской семьей ему удается бѣжать въ Варшаву. Здѣсь, гдѣ всѣ упоены вѣстями о первыхъ побѣдахъ, гдѣ подъ звуки мазурки празднуется торжество свободы Польши, Валерій бываетъ въ свѣтскомъ салонѣ кавалерійскаго генерала и влюбляется въ красавицу-княгиню Констанцію. Хотя его натура демократа-бюргера протестуетъ противъ такого увлеченія, онъ не въ силахъ освободиться отъ опутавшихъ его чаръ. Однако, когда она ставитъ ему условіемъ своей взаимности, чтобы онъ остался съ ней, въ тотъ самый моментъ, когда польскіе полки выступаютъ изъ Варшавы, чувство чести и приверженность къ свободѣ берутъ въ его душѣ верхъ надъ эгоистическою страстью, ослѣпившею его разумъ.

Въ битвѣ при Остроленкѣ Валерій вторично раненъ. Съ отступающей арміей возвращается онъ въ Варшаву, уже непохожую на недавно объятую энтузіазмомъ столицу. Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ острѣе сказывается соціальная рознь. Низы поднимаются противъ верховъ. Заподозрѣнный въ приверженности къ аристократіи (на самомъ дѣлѣ его сердце принадлежитъ народу, и онъ горячій сторонникъ Лелевеля, рѣчь котораго онъ прослушалъ съ огромнымъ вниманіемъ въ патріотическомъ клубѣ), обвиненный даже въ шпіонствѣ, Валерій едва избѣгаетъ висѣлицы. Все болѣе охладѣваетъ онъ къ ари-

стократіи, руководительницѣ движенія, и въ этомъ процессѣ охлажденія не малую роль играетъ также несправедливое ея отношеніе къ евреямъ. Когда его другъ, еврей Іоэль, офицеръ повстанческой арміи, всего себя отдавшій на служеніе свободѣ и счастію Польши, дѣлаетъ предложеніе дочери графа, его съ позоромъ выгоняютъ. Впрочемъ такъ жестоко относится къ нему, безправному еврею, не только аристократія, но и крестьянство...

Паденіе Варшавы завершаетъ катастрофой польскую трагедію.

Поэту-солдату становится все яснѣе, что только та нація имѣетъ право на независимость, которая способна ея добиться своими силами, а на такой подвигъ способна лишь та, которая не растерзана соціальной враждой, только та, гдѣ между верхомъ и низомъ установились отношенія не угнетенія и подчиненія, а равноправія и довѣрія.

И онъ возвращается домой, чтобы изъ солдата превратиться въ «бюргера», какъ озаглавлена третья часть трилогіи.

Являясь во многихъ отношеніяхъ прообразомъ будущихъ общественно-бытовыхъ романовъ Шпильгагена, «Волны» Лаубе даютъ довольно наглядную и мѣстами яркую картину современной ему Польши, ея верховъ и низовъ, воспроизводятъ въ общемъ довольно вѣрно отдѣльные эпизоды великой польской трагедіи и служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того интереса и того сочувствія, которыя питала къ судьбамъ польской націи прогрессивная нѣмецкая интеллигенція 30-хъ годовъ.

Польская трагедія отразилась довольно отчетливо и въ нѣмецкой лирикѣ этой эпохи.

Оставляя въ сторонѣ соотвѣтствующія стихотворенія графа Платена, продиктованныя, быть можетъ, ненавистью къ Россіи въ большей степени, чѣмъ любовью къ Польшѣ, остановимся для примѣра на «польскихъ пѣсняхъ» Ленау.

Послѣ смерти матери-вдовы (1829) поэтъ поселился въ Вѣнѣ въ одной комнатѣ съ галиційскимъ поэтомъ Н. Б. Антоновичемъ. Вообще никогда не переводившій чужихъ стиховъ, Ленау сдѣлалъ исключеніе только для своего польскаго друга. Онъ перевелъ одно изъ его стихотвореній, именно то, въ которомъ поэтъ прощается съ родителями и возлюбленной, чтобы себя отдать на служеніе родной странѣ, «святой борьбѣ за свободу».

Отчасти подъ вліяніемъ этой дружбы возникли впослѣдствіи и «польскія пѣсни» Ленау.

Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній поэтъ разсказываетъ, какъ онъ посѣтилъ балъ-маскарадъ. Среди разнообразныхъ ряженыхъ онъ видитъ молодую польку...

«Ты пришла въ этотъ домъ и съ легкимъ укоромъ принесла намъ, забывшимъ среди веселья о всякомъ горѣ, вѣсть о счастьѣ Польши минувшихъ дней, дабы мы призадумались надъ ея паденіемъ и погрузились въ скорбь. Вотъ ты безмолвно отворачиваешься и исчезаешь въ густыхъ рядахъ танцующихъ, какъ исчезло величіе Польши въ бурной пляскѣ временъ...».

Abgewendet nun mit Schweigen
Schwindest du in dichtem Reigen,
Wie Polonias Herrlichkeit
Schwand im wilden Tanz den Zeit.

И поэтъ, носившійся тогда съ мыслью покинуть душный міръ феодально-абсолютической Австріи, гдѣ нечѣмъ было дышать, и поселиться въ Америкѣ, гдѣ «вольности огонь святой пылаетъ», даетъ себѣ слово тамъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ, куда «не ступала нога тиранiи», прислушаться къ шуму вѣковыхъ деревьевъ-гигантовъ: быть можетъ они ему повѣдаютъ, «почему Польша должна была умереть».

Въ другомъ изъ стихотвореній этого цикла передъ нами польскій изгнанникъ. Судьба закинула его въ аравійскую пустыню. Все еще воображеніе его полно картинами недавнихъ битвъ, и уста то и дѣло шепчутъ имя Костюшки. Въ изнеможеніи падаетъ онъ на песокъ, подходятъ арабы, съ благоговѣніемъ смотрятъ они на рубцы его ранъ и запѣваютъ въ честь него воинственные гимны. Очнувшись, скиталецъ озирается кругомъ, ему кажется, что онъ на родинѣ, что кругомъ бушуетъ битва—то поле брани подъ Остроленкой. И вдругъ онъ понялъ свой самообманъ. Передъ нимъ «Аравіи вольные сыны». Луна освѣщаетъ безбрежную пустыню, и съ плачемъ бросается онъ на холодный песокъ...

Впослѣдствіи, въ циклѣ «Образы» (Gestalten), Ленау еще разъ вернулся къ этой темѣ въ стихотвореніи: Zwei Polen, представляющемъ рѣзкій и симпатичный контрастъ къ «Двумъ рыцарямъ» Гейне.

Вотъ уже семь лѣтъ скитается Болеславъ на кораблѣ съ одного конца міра къ другому. На вопросъ Гипполита, почему онъ не возвращается домой, онъ отвѣчаетъ, что будетъ скитаться бездомнымъ Агасферомъ до тѣхъ поръ, пока «съ берега до него не донесется вѣсть, что человѣчество поднялось наконецъ, чтобы уврачевать глубокую рану, которая въ печальные дни, когда пала Варшава, была нанесена святому сердцу свободы».

So lang mir nicht vom Ufer
Entgegentonet die Kunde
Dass sich erhob die Menschheit
Zu heilen jene Wunde,
Die mit dem Falle Warschaus
In tränenwerten Tagen
Der Freiheit ward geschlagen.

А пока онъ намѣренъ стоять на палубѣ и «мысленно жить съ братьями, нашедшими въ битвѣ счастливую смерть».

Тщетно утѣшаетъ его другъ, что «быть можетъ не навсегда погибла свобода Польши».

Vielleicht ist Polens Freiheit
Auf immer nicht dahin?

Польскій Агасферъ уже не вѣритъ въ возможность возрожденія свободной и независимой Польши.

«Вѣтеръ прилетаетъ и уносится прочь; приливаетъ и отливаетъ морская волна, но вѣчно безъ надежды на исцѣленіе течетъ кровь изъ раны глубокой».

Die Winde gehn und Kommen
Die Woge ebbt und flutet,
Doch ewig ohne Hülfe
Die tiefe Wunde blutet.

Поколѣніе 30-хъ годовъ давно покинуло историческую сцену.

Идеалы и мечты, за которые боролась нѣмецкая интеллигенція эпохи мартовской революціи, давно облеклись въ кровь и плоть живой жизни. Германія стала страной конституціонной, объединенной.

Родилась новая «Молодая Германія», уже не похожая на ту, которой когда-то Винбаргъ посвятилъ свои лекціи по эстетикѣ.

Либераловъ и демократовъ смѣнили теперь націоналисты и имперіалисты, все расцѣнивающіе съ точки зрѣнія военной и экономической мощи Германіи, радѣющіе больше всего объ ея міровой гегемоніи.

И отъ прежняго сочувственнаго отношенія къ полякамъ интеллигенціи 30-хъ годовъ осталось мало слѣдовъ. Тому живымъ свидѣтельствомъ является новѣйшая имперіалистская литература Германіи...

Въ ней порой поднимался и вопросъ, какова должна быть судьба Польши въ случаѣ міровой войны. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ утопія A. Venig'a: «Ein Blick nach vorn». Въ ней описывается, между прочимъ, вспыхнувшая въ 2006 г. война между Россіей, Франціей и Англіей съ одной стороны (Франція и Англія, впрочемъ, почти не участвуютъ въ войнѣ) и Германіей и Турціей съ другой... Между тѣмъ какъ одна германская армія (при содѣйствіи флота) наступаетъ на Ригу и Двинскъ, три другія идутъ на Варшаву, которую русскія войска сдаютъ послѣ кровопролитныхъ боевъ.

Послѣ войны нѣкогда разобщенная Польша возстанавляется,

какъ единое государство (съ республиканскимъ строемъ). Австрія отдастъ Галицію, Россія—Польшу, а Германія свои польскія области, все равно доставлявшія ей только одни «непріятныя хлопоты».

Но это не та свободная и независимая Польша, идею которой отстаивала и поэтизировала либеральная нѣмецкая интеллигенція 30-хъ годовъ.

Эта новая Польша зависитъ всецѣло отъ Германіи какъ въ военномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ... Она вынуждена вступить въ таможенной союзъ съ германской имперіей и содержать въ главнѣйшихъ городахъ германскія войска.

Словомъ, то не болѣе, какъ обезличенный «буферъ» (Bufferstat), выдвинутый противъ Россіи.

Такъ «мѣняются времена, а съ ними и люди».

Между тѣмъ, какъ когда-то въ 30-хъ годахъ нѣмецкая бюргерская интеллигенція, проникнутая либеральнымъ и демократическимъ духомъ, защищала идею свободной и независимой Польши, нынѣ она устами своихъ лидеровъ, проповѣдниковъ боевого національнаго и воинствующаго имперіализма, мечтаетъ о превращеніи Польши въ экономическую и военную провинцію германской имперіи.

В. Фриче.

Изъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ.

(Къ тридцатипятилѣтію со дня смерти).

Въ одной изъ сохранившихся тетрадокъ дневника Е. А. Штакеншнейдеръ[1]) подъ 1884 г. записано нѣсколько сужденій автора о Достоевскомъ, имѣющихъ и біографическій интересъ[2]). Нельзя отказать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ этихъ сужденій современника въ извѣстной мѣткости. У Штакеншнейдеръ была способность наблюдать—способность, которая отмѣчалась не разъ многими изъ ея литературныхъ друзей. «Ваше сужденіе о Достоевскомъ—писалъ, напр., ей Полонскій въ 60-хъ гг.[3])—право могло бы занять мѣсто въ критикѣ. Я выписалъ это сужденіе[4]) (не называя васъ по имени) и послалъ къ Ѳед. Достоевскому на прочтеніе, прибавляя отъ себя, что, вѣроятно, ему будетъ пріятно знать о своемъ романѣ отзывъ одной ему неизвѣстной петербургской дѣвушки»

Въ помѣщенныхъ ниже отрывкахъ читатель усмотритъ косвенное недоброжелательство по отношенію къ Тургеневу и, быть можетъ, нѣсколько пристрастное въ другую сторону отношеніе къ Достоевскому. Но въ 80-хъ г.г. Е. А. Штакеншнейдеръ постепенно эволюціонировала въ лагерь консервативный — прежнее вліяніе Лаврова смѣнилось вліяніемъ инымъ. Недаромъ именно въ это время одинъ изъ старыхъ друзей Ел. Анд. написалъ въ ея альбомъ такое шуточное стихотвореніе:

Въ душѣ моей Елены
Внезапны перемѣны:
Гдѣ прежде властвовалъ Лавровъ,
Тамъ нынѣ царствуетъ Катковъ.
Но истина, мой другъ, не за Лавровымъ
И не за идоломъ твоимъ Катковымъ,
Не увлекайся же минутнымъ впечатлѣніемъ
И избери сама дальнѣйшій путь съ умѣніемъ.

---

[1]) См. «Гол. Мин.» 1915 г. №№ 7—8, 11, 12.

[2]) См. также отрывки изъ дневниковъ, напечатанные въ «*Рус. Вѣст.*» 1901, X, и письмо Достоевскаго къ Штакеншнейдеръ (*Рус. Арх.* 1891 кн. 10).

[3]) Изъ неизданныхъ писемъ, находящихся въ портфелѣ редакціи.

[4]) Въ письмѣ къ Полонскому.

Стихотвореніе подписано: «гласъ вопіющаго въ пустынѣ»[1])...

По отношенію къ автору дневника, какъ это бываетъ часто въ жизни, не оправдались слова Я. П. Полонскаго, писавшаго Е. А. Штакеншнейдеръ въ 61 г. «Духъ вашъ завоюетъ себѣ свободу, и этой свободѣ никакія стѣны комнатъ помѣшать не могутъ». Не оправдались эти слова, какъ извѣстно, и по отношенію къ самому поэту, который, провозглашая девизъ «свободная мысль» и борьбу «за правду» и отказываясь пѣть въ «пестрыхъ рядахъ» политическихъ дѣятелей (я «не рабъ, а поэтъ»), думалъ найти «оружіе... въ стихахъ». *С. М.*

Дневникъ Е. А. Штакеншнейдеръ за 1884 г.

Январь 10.

Достоевскаго часто упрекали, конечно не въ глаза, за рѣзкость. А онъ былъ, въ сущности, не рѣзокъ, а минутами просто золъ, но лишь самыми короткими минутами, и золъ, какъ бываютъ злы невыдержанныя дѣти. Не отъ самомнѣнія, какъ многіе утверждали, позволялъ онъ себѣ подобныя выходки. Достоевскій на половину, на четверть не былъ о себѣ такого высокаго мнѣнія, какого были о немъ другіе. Меня всегда поражало въ немъ, что онъ вовсе не знаетъ своей цѣны, поражала его скромность. Отсюда и происходила его чрезвычайная обидчивость; лучше сказать, какое-то вѣчное ожиданіе, что его сейчасъ могутъ обидѣть. И онъ часто и видѣлъ обиду тамъ, гдѣ другой человѣкъ, дѣйствительно ставящій себя высоко, и предполагать бы ее не могъ. Дерзости природной или благопріобрѣтенной вслѣдствіе громкихъ успѣховъ и популярности въ немъ тоже не было, а, какъ говорю, минутами точно желчный шарикъ какой-то подкатывалъ ему къ груди и лопался, и онъ долженъ былъ выпустить эту желчь, хотя и боролся съ нею всегда. Эта борьба выражалась на его лицѣ,—я хорошо изучила его физіономію, часто съ нимъ видаясь. И, замѣчая особенную игру губъ и какое-то виноватое выраженіе глазъ, всегда знали, не что именно, но что что-то злое воспослѣдуетъ. Иногда ему удавалось побѣдить себя, проглотить желчь, но тогда обыкновенно онъ дѣлался сумрачнымъ, умолкалъ, былъ не въ духѣ.

И въ сущности все это было пустяки; и всѣ выходки его, про которыя кричали, были сущими невинными пустяками. Ихъ считали нахальными, потому что смотрѣли на него съ какимъ-то подобострастіемъ, не какъ на равнаго, не какъ на обыкновеннаго человѣка, а какъ на высшаго и необыкновеннаго.

---

[1]) Альбомъ сохранился у одной изъ родственницъ Штакеншнейдеръ, г-жи Долгининой-Ивановской.

Былъ у насъ другой знаменитый человѣкъ, тоже писатель и тоже теперь покойникъ. Вотъ этотъ могъ, умѣлъ быть, дѣйствительно, нахальнымъ, умѣлъ смотрѣть черезъ плечо,—это Тургеневъ.

Я меньше знала Тургенева, чѣмъ Достоевскаго, видѣла перваго гораздо рѣже, чѣмъ второго, но была свидѣтельницей того, какъ онъ уничтожилъ человѣка, гостя своего друга и виноватаго только въ томъ, что онъ былъ еврей и милліонеръ,—однимъ взглядомъ, взлядомъ черезъ плечо. И дѣлалъ это только потому, что при этомъ присутствовали молодые люди, бывшіе студенты 60-хъ годовъ. Тамъ же, гдѣ ихъ не было, Тургеневъ очень хорошо обращался съ милліонеромъ евреемъ; и въ Парижѣ, напримѣръ, проводилъ у него цѣлые дни.

Достоевскій не разбиралъ, еврей ли, милліонеръ ли передъ нимъ сидятъ, и смотрятъ ли на него студенты 60-хъ годовъ. Подкатился шарикъ,—и надо оборвать человѣка; и страшно немножко, если оборвать-то надо, напримѣръ, малознакомую, да вдобавокъ еще нарядную, даму.

Тургеневъ умѣлъ презирать и выказывать презрѣніе. Достоевскій, кажется, никогда не презиралъ, но злился à tort et à travers; и кого вчера превозносилъ до небесъ, сегодня могъ оборвать, какъ ни въ чемъ не бывало. Чѣмъ больше я думаю о Достоевскомъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что значеніе его среди современниковъ вовсе не въ литературномъ его талантѣ, а въ учительствѣ.

Какъ сравнить его, какъ романиста, съ Тургеневымъ? Читать Тургенева—наслажденіе, читать Достоевскаго—трудъ, и трудъ тяжелый, раздражающій. Читая Достоевскаго, вы чувствуете себя точно прямо съ утомительной дороги попавшимъ вдругъ въ незнакомую комнату, къ незнакомымъ людямъ. Всѣ эти люди толкутся вокругъ васъ, говорятъ, двигаются, разсказываютъ самыя удивительныя вещи, совершаютъ при васъ самыя неожиданныя дѣйствія. Слухъ вашъ, зрѣніе напряжены въ высшей степени, но не глядѣть и не слушать невозможно. До каждаго изъ нихъ вамъ есть дѣло, оторваться отъ нихъ вы не въ силахъ. Но они всѣ тутъ разомъ, каждый со своимъ дѣломъ; вы силитесь понять, что тутъ происходитъ, силитесь присмотрѣться, отличить одного отъ другого людей этихъ, и если при неимовѣрныхъ усиліяхъ поймаете, что каждый дѣлаетъ и говоритъ, то зачѣмъ они всѣ тутъ столклись, какъ попали въ эту сутолку,—никогда не поймете; и хоть голова осилитъ и поймётъ суть въ концѣ концовъ, то чувства все-таки изнемогутъ.

А читая Тургенева (даже «Дымъ», но, конечно, не «Новь»), точно пьешь живую воду. А между тѣмъ въ этой сутолкѣ романовъ

Достоевскаго разбросаны такіе перлы, какіе и не снились Тургеневу. И вотъ чѣмъ великъ Достоевскій!

Только эти перлы должны быть отнесены не къ его призванію романиста, а къ призванію учителя. Они разбросаны еще больше въ «Дневникѣ Писателя», разбросаны по его письмамъ; не тѣмъ письмамъ, что писалъ онъ Майкову, Пирогову и бар. Врангелю, а тѣмъ, которыя онъ писалъ къ разнымъ неизвѣстнымъ, алчущимъ и жаждующимъ правды, людямъ.

Его называютъ психологомъ. Да, онъ былъ психологъ. Но чтобы быть такимъ психологомъ, не надо быть великимъ писателемъ, а надо умѣть подходить къ душѣ ближняго, надо самому имѣть душу добрую, простую, глубокую и неумѣющую презирать.

Надо имѣть не гордую душу, а мягкую, склоняющуюся, которая можетъ нагнуться, умалиться и пройти въ душу ближняго; а тамъ уже видно, чѣмъ больна эта душа и чего ей нужно, можно понять ее. Вотъ его психологія и психіатрія, и это къ писательству не относится, хотя онъ умѣетъ объ этомъ писать. Лучше сказать, къ таланту романиста не относится

Что говорятъ о его Пушкинской рѣчи! Его глава въ «Дневникѣ Писателя» о Некрасовѣ развѣ не перлъ? Кто изъ поклонниковъ и панегиристовъ Некрасова сказалъ о немъ то, что сказалъ о немъ Достоевскій? И сказалъ, не превознося его, не хваля, не выставляя его добродѣтель и умаляя пороки.

Январь 30

Приведу нѣсколько анекдотовъ въ подтвержденіе вышесказаннаго.

Разъ, во время нашего обѣда, значитъ часу въ 6-мъ, раздался звонокъ и явился Достоевскій. Онъ никогда не приходилъ въ этотъ часъ, и всѣ удивились. Я вышла къ нему. «Я, говоритъ, гулялъ и зашелъ къ вамъ на минутку посмотрѣть, что вы дѣлаете, гулялъ». А погода была адская, настоящая ноябрьская. Сѣли, заговорили о томъ, о семъ, вдругъ онъ спрашиваетъ: «Скажите, за что меня Покровскій не любитъ, онъ даже кричитъ на меня».— Да что съ вами, говорю, Покровскій васъ не любитъ? Покровскій кричитъ! Да Покровскій[1]) одинъ изъ самыхъ искреннихъ и горячихъ поклонниковъ вашихъ. «Онъ сейчасъ былъ у меня», перебилъ меня Достоевскій, «и что я ни скажу, онъ все перечитъ, все не такъ. Нѣтъ, онъ меня за что-то не любитъ».—Удивляюсь,—говорю,—какъ вы при вашей проницательности не видите Покровскаго! Вѣдь лучше, добрѣе, честнѣе и умнѣе человѣка трудно найти, и васъ онъ почти боготворитъ. Если бы вы знали, какъ онъ

[1]) Мих. Павловичъ Покровскій, хорошій знакомый Штакеншнейдеръ.

васъ понимаетъ, какъ глубоко чтитъ. Ваши произведенія для него выше всего; Пушкинъ и вы,—вотъ его кумиры. Солгите вы,—онъ вамъ повѣритъ, напишите чепуху,—онъ сломаетъ себѣ голову, доискиваясь въ ней глубокаго смысла. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ, вы въ чемъ то ошибаетесь.—«Ну да, ну да», перебилъ онъ меня вторично, и замолкъ, опустивъ голову. Потомъ поднялъ ее. «Вы, говоритъ, обѣдаете, я вамъ помѣшалъ, пожалуйста». И ушелъ. При первомъ же свиданіи съ Покровскимъ спрашиваю его, какъ это ты кричалъ на Достоевскаго. «Я, говоритъ, кричалъ?! Неужели онъ это сказалъ тебѣ? Жаловался на меня?»—Жаловался.—«Иш ь вѣдь!.. Эзопъ!»—хотѣлъ Покровскій вѣрно сказать и не договорилъ. Такъ онъ обыкновенно бранилъ простыхъ смертныхъ, которыхъ любитъ, но своего кумира заочно такъ назвать не могъ, и продолжалъ: «Вѣдь повѣришь мнѣ, если я скажу, что было какъ разъ обратное и что не я, а онъ на меня кричалъ, только Достоевскому могъ я позволить такое обращеніе со мной». Конечно, я повѣрила отъ всей души, слишкомъ я знала Покровскаго, да и Достоевскаго знала. Не Покровскій ли и меня научилъ поклоняться Достоевскому, такъ сказать, открылъ мнѣ его и въ его произведеніяхъ открывалъ такіе горизонты, которые безъ него были бы для меня совершенно недоступными. Не ради ли его я возобновила и знакомство съ Достоевскимъ. И онъ повторилъ мнѣ весь свой разговоръ съ нимъ и не могъ прійти въ себя отъ удивленія, какъ самъ онъ нагрубилъ и въ самую адскую погоду и въ самый неурочный часъ пошелъ, вѣрнѣе сказать, забѣжалъ впередъ, чтобы себя оправдать, но передъ кѣмъ же и для чего? Мы оба вѣдь его любили и простили бы ему и не то еще. Но онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

Ну развѣ эта выходка, не то, что онъ Покровскаго оборвалъ, а то, что забѣжалъ ко мнѣ, торопясь опередить со своей жалобой Покровскаго, была выходка человѣка нахальнаго и самомнящаго, а не выходка невыдержаннаго ребенка? И къ кому поторопился забѣжать? Ко мнѣ! Эка важная я птица! И того въ своей торопливости не размыслилъ, что такъ я и повѣрю, что Покровскій на него кричалъ, а не онъ на него.

А вотъ другая исторія: у сестры Маши родился ребенокъ, и въ одну изъ нашихъ субботъ говорили объ этомъ, только что совершившемся, событіи. Достоевскій молчалъ, сидя, по обыкновенію, возлѣ меня. Вдругъ я вижу, что губы его заиграли, а глаза виновато на меня смотрятъ. Я сейчасъ догадалась, что подкатился шарикъ. Хотѣлъ его проглотить нашъ странный дѣдка, да видно не могъ. «Это у вдовы-то родился ребенокъ?»—тихо спросилъ онъ и виновато улыбнулся.—У нея—говорю,—и видите она ходитъ по

комнатѣ, а другая сестра моя, не вдова, лежитъ въ постели и рядомъ съ нею ребеночекъ,—говорю и смѣюсь. Онъ видитъ, что сошло благополучно и себя удовлетворилъ и меня не разсердилъ и не обидѣлъ и тоже засмѣялся ужъ невиновато, а весело.

Эта выходка вотъ что значила: за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ поссорился съ Олей. Былъ литературный вечеръ въ одной изъ женскихъ гимназій. Достоевскій на немъ читалъ, а я съ Олей разливали чай для дѣйствующихъ лицъ. Надо сказать, что на счетъ чая Достоевскій былъ такъ капризенъ, что сама Ан. Григор. не могла на него угодить и отступилась, наконецъ, отъ дѣланія для него чая: дома онъ всегда наливалъ его себѣ самъ; на этомъ же литературномъ вечерѣ пришлось—Олѣ. Разъ 6 онъ возвращалъ ей стаканъ, то долей, то отлей, то слишкомъ много сахару, то слишкомъ мало, то слабо, то крѣпко. Оля и скажи: «Какой вы капризный! Ан. Григор. оттого вамъ и не наливаетъ, что вы ужасно капризный.»—«А у васъ», отвѣчалъ онъ Олѣ, «дурной характеръ, у вашей сестры Ляли (это я) хорошій, а у васъ дурной».—На это еще что-то сказала Оля, и онъ еще что-то, и, слово за слово, они другъ другу что-то наговорили. Я не слыхала сама, но Оля мнѣ передала весь разговоръ въ тотъ же вечеръ. Вотъ онъ и затаилъ противъ Оли маленькій зубъ и, услыхавъ про ребенка, воспользовался случаемъ кольнуть ее, бѣдную вдову. Конечно, я всѣмъ нашимъ разсказала объ этой новой выходкѣ, и всѣ только смѣялись и никто не сердился; и съ Олей онъ былъ потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Февраль 4.

Разъ прихожу я къ Достоевскимъ и въ первой же комнатѣ встрѣчаю его самого. «У меня, говоритъ, вчера былъ припадокъ падучей, голова болитъ, а тутъ еще этотъ болванъ Аверкіевъ разсердилъ. Ругаетъ Диккенса; *бездѣлюшки*, говоритъ, писалъ онъ, дѣтскія сказки! Да гдѣ ему Диккенса понять! Онъ его красоты и вообразить не можетъ, а осмѣливается разсуждать. Хотѣлось мнѣ сказать ему *дурака*, да, кажется, я и сказалъ, только, знаете, такъ очень тонко. Стѣснялся тѣмъ, что онъ мой гость,что это у меня въ домѣ, и жалѣлъ, что не у васъ, напримѣръ, у васъ я бы прямо назвалъ его дуракомъ».—«Покорно благодарю васъ. И очень рада, что дѣло обошлось безъ насъ и кончилось благополучно. Совсѣмъ я не желала, чтобы нашихъ гостей называли прямо дураками».

Онъ засмѣялся и, повидимому, головная боль его прошла тутъ же. Мы сѣли. Я, какъ всегда, на диванъ, онъ въ кресло, спиной къ окну.

«Знаете, рѣшилась я сказать, еслибъ вы могли читать Достоевскаго, вамъ можетъ быть менѣе нравился бы Диккенсъ». Я не комплиментъ хотѣла ему сказать. Между Диккенсомъ и Достоевскимъ мнѣ всегда видилось большое сходство; но одинъ былъ европеецъ, другой русскій. Оба они громоздили въ свои романы лица и характеры («Нашъ общій другъ», напримѣръ), которыхъ удержать въ памяти читателю всегда трудно; а главное, часто читатель недоумѣваетъ, какъ, съ чего всѣ эти лица столкнулись между собой, очутились, какъ по щучью велѣнью, въ данномъ мѣстѣ. Положимъ и дюжинные романисты выводятъ часто множество лицъ, но не множество характеровъ, и тогда читателю и трудиться надъ нимъ не приходится. Разница же между Достоевскимъ и Диккенсомъ, мнѣ кажется, въ томъ, что Диккенсу и не снились тѣ глубины и тѣ вышины, которыя прозрѣвалъ Достоевскій. У Диккенса больше законченности, оттого его произведенія самыя безотрадныя, не мучительныя. У Достоевскаго, горизонтъ котораго безграниченъ, не могло быть законченности, а та, которая могла бы быть, часто не давалась ему, потому что онъ вѣчно писалъ на-спѣхъ. Въ страшное же, по безграничности, куда съ головой кидался Достоевскій—русскій, европеецъ Диккенсъ кидаться и не могъ; онъ захлебнулся и задохся бы тамъ и не вынырнулъ бы. Такъ нырять способенъ только русскій. И я думаю, что Аверкіевъ и имѣлъ это въ мысляхъ, называя Диккенса дѣтскимъ писателемъ, но, можетъ быть, выразился грубо и неясно. Самъ же Достоевскій пріучилъ насъ дышать въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ или тамъ, гдѣ носилъ Люциферъ Канна. А кстати бы сравнить разговоръ Люцифера и Канна съ великимъ инквизиторомъ Ивана Карамазова. И выйдетъ, что Диккенсъ можетъ сказать Байрону: въ Россіи, другъ Байронъ, есть писатели, о которыхъ и не снилось нашимъ англійскимъ поэтамъ, да и прозаикамъ также.

Вошла Анна Григорьевна, и Достоевскій не успѣлъ мнѣ ничего возразить; разговоръ перешелъ на другое, а тамъ явились еще гости.

Февраль 6.

Любимымъ писателемъ Достоевскаго былъ Диккенсъ; но еще любилъ онъ, и не разъ рекомендовалъ мнѣ прочесть Жиль Блаза, «Martin l'Enfant trouvé» Сю. Жиль Блаза я одолѣть не могла, Мартена прочитала; и тогда-то и подумала, что онъ ему такъ нравится оттого, что онъ самого себя, т.-е. Достоевскаго, читать не можетъ. У Сю тоже есть сходство съ Достоевскимъ. Всѣ трое они, т.-е. Диккенсъ, Сю и Достоевскій пѣвцы униженныхъ и оскор-

бленныхъ, но всѣ трое различны. Достоевскій не боится выходить за границы, Диккенсъ изъ границъ не выходитъ, а Сю выходитъ и—теряется, теряетъ чувство мѣры. Тяжелое чувство производитъ Елизавета Смердящая, но у Сю, въ *Мартенъ*, есть одна работница, передъ которой Елизавета Смердящая можетъ показаться отраднымъ явленіемъ, потому что чувствуешь, что какъ ни искаженъ въ ней ликъ человѣческій, все же онъ въ ней есть; чувствуешь, что авторъ ясно видитъ ее передъ собой, видитъ все ея униженіе, всю грязь и сквозь все это—душу; онъ не забылъ сказать, что она незлобива, что она отдаетъ ребятишкамъ копеечки и хлѣбъ, видишь ее всю и чувствуешь правду и нежеланіе автора ни скрыть весь ужасъ, ни дразнить этимъ ужасомъ читателя. Сю же, именно, дразнитъ. Его работница—скотъ, животное, человѣческаго въ ней ни одной черты, и чувствуешь, что тутъ неправда, что авторъ что-то проглядѣлъ или скрылъ или нарочно хочетъ терзать, рвать за душу читателя, злить его. И читатель злится, можетъ быть авторъ именно и хочетъ, чтобы читатель злился на среду, въ которой возможны подобныя работницы, не знаю, можетъ быть, знаю только, что я злилась, не на среду, а на самого автора, потому что чувствовала неправду; чувствовала, что онъ лжетъ, что что-то скрылъ или не умѣлъ сказать. Но это неумѣніе сказать, когда переступлены извѣстныя границы условнаго, свойственно французамъ или европейцамъ вообще. Оттого умные и осмотрительные англичане извѣстныхъ границъ и не переходятъ, а у французовъ тотчасъ же за границей является сентиментальность или свинство, или свинство и сентиментальность вкупѣ.

Воспоминанія В. В. Берви [1]).

X. Идея новой религіи.

Коммуны исходили изъ той точки зрѣнія, что самыми лучшими пропагандистами въ народѣ будутъ лица изъ среды этого народа. Они старались обучать молодыхъ людей изъ народа и развивать ихъ настолько, чтобы они могли сообщать ему тѣ политическія и соціальныя знанія, въ которыхъ онъ такъ крайне нуждался. Они имѣли спеціальныя квартиры, въ которыхъ никто не жилъ и гдѣ читались рабочимъ рефераты. Обо всемъ этомъ полиція знала очень мало, и все-таки молодежь коммунъ преслѣдовалась съ большимъ ожесточеніемъ; аресты и обыски не прекращались, и доходило до ссылки въ каторжныя работы. Эта жизнь среди тяжкой нужды и непрерывной опасности, вполнѣ равнявшаяся жизни какихъ-нибудь жестоко преслѣдуемыхъ вѣроотступниковъ, вырабатывала въ нихъ тѣ черты характера и то умѣнье скрываться, какое необходимо въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между всѣми выдавалась Перовская; ея смѣлость, ея изобрѣтательность и хитрость поражали и удивляли. Ей удалась вещь до того безпримѣрная—свиданіе съ преступникомъ, осуждавшимся на каторжныя работы, въ камерѣ одиночнаго заключенія третьяго отдѣленія. Тюрьма эта была устроена слѣдующимъ образомъ. На внутреннемъ дворѣ, гдѣ помѣщался архивъ съ государственными тайнами, было зданіе въ четыре этажа, съ трехъ сторонъ обнесенное глухими стѣнами; съ четвертой были окна съ матовыми стеклами и желѣзными рѣшетками; въ камерахъ царилъ вѣчный полумракъ. На дворѣ бдительный караулъ охранялъ и тюрьму, и архивъ день и ночь. Въ нижнемъ этажѣ находилась кордегардія, тутъ сидѣла цѣлая толпа жандармовъ. Всегда запертая желѣзная дверь вела наверхъ; въ каждомъ этажѣ стоялъ жандармъ на караулѣ, и, чтобы пройти въ верхній этажъ, нужно было пройти мимо трехъ караульныхъ жандармовъ. Вы думаете, можетъ быть, что свиданіе устроено было черезъ крышу и потолокъ,—нисколько! Лицо, которое нужно

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

было видѣть будущему каторжнику, было введено открыто жандармомъ въ кордегардію; ему любезно отперли дверь въ арестантскія помѣщенія, провели въ верхній этажъ; столь же обязательно отперли камеру каторжника и скромно удалились, чтобы дать имъ на свободѣ бесѣдовать между собою. По распоряженію Перовской, заключенные въ третьемъ отдѣленіи надѣвали платье жандармовъ и свободно разгуливали по Петербургу, а жандармы переодѣвались въ гражданское платье. Ей приносили изъ третьяго отдѣленія всякое дѣло, какое ей было нужно, и относили къ тому изъ заключенныхъ, котораго она указывала. То, что составляло секретъ для жандармовъ, не составляло секрета для нея. Она могла указать камеру, въ которую долженъ былъ быть посаженъ заключенный; она пожелала сидѣть рядомъ со мною, и ее посадили. Три дѣвушки, изъ которыхъ я зналъ только одну, пожелали проводить меня въ Москву. Жандармскій офицеръ ввелъ меня въ вагонъ и посадилъ у окна, предупредивъ о появленіи посѣтительницъ, и дѣйствительно посѣтительницы явились. Самыя отчаянныя вещи продѣлывались именно тѣми жандармами, которые были на лучшемъ счету; они мнѣ разсказывали, какъ они вкрадывались въ довѣріе начальства; нужно было показывать большое усердіе и доносить о всякихъ пустякахъ. Самое главное достоинство Перовской заключалось въ томъ, что любимцы начальства могли вполнѣ на нее положиться; тамъ, гдѣ она распоряжалась, никогда никакихъ исторій не выходило. Первые шаги на этомъ поприщѣ требовали большихъ усилій и стоили очень дорого. Для жандармовъ это было новостью, они не рѣшались дѣйствовать и сильно боялись наказанія. Свиданіе, о которомъ я говорилъ, стоило нѣсколько сотенъ рублей. Однако же скоро дѣло пошло очень успѣшно; въ Москвѣ я низвелъ плату за передаваемое письмо до 10 коп. Между политическими заключенными въ разныхъ тюрьмахъ этого города пошла такая переписка, что я заваленъ былъ письмами отъ совершенно незнакомыхъ мнѣ людей. Въ мою камеру вводили заключенныхъ, желавшихъ меня видѣть; мнѣ это ничего не стоило, не знаю стоило ли это имъ. Такое развитіе дѣла вытекало изъ того, что жандармы по мѣрѣ того, какъ они знакомились съ политическими, начинали сочувствовать имъ и увлекаться ими. Они мнѣ не разъ повторяли: если бы графу Шувалову назначить такое же жалованье, какъ простому жандарму—было бы справедливо. Мнѣ случалось встрѣчать горячее сочувствіе между полицейскими чиновниками. Мы говорили именно противъ тѣхъ несправедливостей, которыя они больно ощущали на собственной кожѣ. Впослѣдствіи они увлекались до того, что многіе изъ

нихъ подвергнуты были тяжкимъ наказаніямъ, и притомъ иные дѣйствовали совершенно безкорыстно и даже не принимали вознагражденія. Когда кто-нибудь изъ заключенныхъ дѣлалъ вещь вредную для политическихъ, они приходили ко мнѣ и сообщали мнѣ объ этомъ. Во время польскаго возстанія полякамъ также случалось успѣшно подкупать стражу; русскіе солдаты дрались въ рядахъ польскихъ; но того душевнаго сочувствія, какое я теперь описываю, къ полякамъ никогда не бывало. По идеямъ и чувствамъ полякъ былъ чуждъ не только русскому солдату, но и русскому офицеру. Русскіе могли прекрасно уживаться съ поляками, но увлекаться ими они не могли. Полякъ былъ окончательно неспособенъ къ тому страстному желанію слиться съ народомъ, раздѣлять всѣ его интересы, какимъ горѣли политическіе того времени; образованный полякъ даже съ полякомъ никогда не забывалъ, что онъ стоитъ выше его и значитъ больше его. Русскіе умоляли народъ не отвергать ихъ и принять въ свое братство; поляки высокомѣрно приглашали его слѣдовать за собою...

Конечно, увлеченіе политическими встрѣчалось только въ извѣстные періоды при постоянномъ ихъ воздѣйствіи на стражу; въ другихъ случаяхъ отношенія были совсѣмъ иныя. Пріобрѣтая такимъ образомъ не мало опытныхъ совѣтниковъ, дѣятели могли упражняться въ искусствѣ препровождать за границу тѣхъ людей, которымъ угрожала опасность, съ помощью фальшивыхъ видовъ или и безъ нихъ. Скоро спасаться за границу при первомъ появленіи опасности стало уже считаться малодушіемъ. Говорили, что за границей и безъ того слишкомъ много писателей, которые не имѣютъ читателей, что настоящая дѣятельность политическаго—въ Россіи. Жить въ Россіи, несмотря на политическія преслѣдованія, съ фальшивымъ видомъ или безъ него,—вотъ къ чему стремились. Выѣзжать изъ Россіи для поддержанія связи съ заграничной дѣятельностью и затѣмъ возвращаться въ Россію было достойнымъ дѣломъ для смѣлаго человѣка. Одно время казалось, что революціонная пропаганда опять приметъ тотъ характеръ, какой она имѣла при Герценѣ; это движеніе вызвано было ожиданіемъ конституціи. Но ожиданіе такъ быстро оказалось безплодной мечтой, шансы принудить императора къ конституціи были такъ ничтожны, что прежнее не могло возродиться. Изданіе «Впередъ» играло видную роль; приписываемая Лаврову статья о самарскомъ голодѣ читалась всѣми; распространялись остроумныя брошюры, читавшіяся съ большимъ удовольствіемъ; но разница была та, что «Колоколъ» и «Полярная Звѣзда» составляли самое движеніе, а эта пресса поддерживала другое,

истинное движеніе, которое должно разыграться не среди интеллигенціи, а въ народѣ.

Въ это время я переѣхалъ изъ Любани въ Финляндію и сталъ изучать тамъ мелкое землевладѣніе. У меня постоянно было въ умѣ сравненіе между готовившейся къ дѣйствію молодежью и первыми христіанами. Они еще не выступили въ дѣло, они только готовились и, одушевленные своимъ беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ. Я былъ также убѣжденъ, что съ ними сладить будетъ нелегко; но когда я обозрѣвалъ безпредѣльное поле дѣйствія среди непочатаго русскаго народа, тогда я убѣждался, что успѣха можно ожидать только тогда, когда охватившій молодежь взрывъ энтузіазма будетъ превращенъ въ постоянное и неискоренимое чувство. Непрерывно думая объ этомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что успѣхъ можно будетъ обезпечить только однимъ путемъ—созданіемъ новой религіи... Надо научить народъ посвящать всѣ свои силы самому себѣ, сдѣлать его способнымъ жить и переносить все на свѣтѣ ради своихъ братьевъ; и они одни должны быть предметомъ его любви и его горячихъ пожеланій; къ нимъ однимъ должны быть обращены его горячія чувства; они одни должны стоять въ его глазахъ выше всего и составлять всю цѣль его жизни, они должны составлять его религію. Я стремился создать религію равенства. Если бы можно было эту самую молодежь превратить въ апостоловъ такой религіи! Если бы убывающіе ихъ ряды пополнялись все новыми вѣрующими, которые, подобно первымъ христіанамъ, горѣли бы возрастающимъ энтузіазмомъ, тогда успѣхъ дѣла былъ бы обезпеченъ. Въ это время много лицъ изъ разныхъ коммунъ и кружковъ обращалось ко мнѣ и пріѣзжало для этой цѣли въ Финляндію, поселялось около меня съ цѣлью учиться писать прошенія для крестьянъ. Тутъ же поселялись и шпіоны; я ихъ, впрочемъ, всѣхъ зналъ. Графъ Шуваловъ унизился до того, что старался поселить у меня шпіонку, пользуясь моимъ расположеніемъ помогать несчастнымъ. Благородный поступокъ милаго графа сдѣлался извѣстенъ всему Петербургу, и имя шпіонки было вывѣшено публично въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Потомъ писали въ газетахъ, что она сдѣлала попытку отравить себя. Я полагаю, что самъ графъ не отравился бы отъ поступка, который заставилъ несчастную покуситься на свою жизнь. Однажды ко мнѣ пріѣхалъ человѣкъ, который впослѣдствіи сдѣлалъ очень громкій поступокъ. Онъ привезъ мнѣ для просмотра разныя вещи, которыя они читаютъ рабочимъ. По большей части то были переводы. Я нашелъ ихъ не совсѣмъ подходящими для русскихъ рабочихъ. По моему мнѣнію нужно было распространять въ народѣ

брошюры того же самаго размѣра, какого они привыкли читать. Такія брошюры, содержащія въ себѣ сказки и тому подобную дребедень, разносились коробейниками по всей Россіи.

Была написана брошюра, проповѣдывавшая религію равенства. Она читалась въ рукописи народу, и когда оказалось, что она ему нравится, рѣшено было отпечатать. Въ печати она появилась въ двухъ изданіяхъ: одно отпечатано было за границею, а другое внутри Россіи во вновь устроенной тайной типографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпечатана была другая брошюра подъ заглавіемъ: «Къ русскому народу». Великое открытіе было сдѣлано, путь былъ найденъ; одновременно во всѣхъ головахъ загорѣлась одна и та же мысль: въ народъ! Нечего тутъ сидѣть—въ народъ! Аскетическія привычки были сдѣланы, энтузіазмъ горѣлъ, умѣнье скрываться, изготовлять фальшивые паспорта и жить подъ чужими именами доведено до значительнаго совершенства — чего же болѣе,—въ народъ! Стали носить лапти и воронье гнѣздо, одѣваться въ костюмы крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ. Искусство носить эти костюмы такъ же доведено было до виртуозности. Однажды ко мнѣ пріѣхала въ гости Перовская; одѣта она была, какъ одѣвались всѣ барышни. Случайно я вхожу въ одну изъ комнатъ и замѣчаю, что изъ окна глядитъ фабричная дѣвушка—откуда взялась? Подхожу,—подымается Перовская, что-то накинула на себя и превратилась въ барышню—точно на сценѣ. «Какъ путешествовали?»—спросилъ я одного молодого человѣка, унесшаго съ собою въ мѣшкѣ болѣе пуда брошюръ. «Прекрасно»,—отвѣтилъ онъ, «пѣлъ съ отдержкой».—Оказалось, что онъ и говору и всѣмъ манерамъ мѣстныхъ жителей умѣлъ подражать до такихъ подробностей, что ни одному изъ его спутниковъ и въ голову не могло притти, что онъ не принадлежитъ къ мѣстному рабочему населенію. Условія тогдашней жизни требовали самыхъ рѣзкихъ переходовъ; человѣкъ, который сегодня являлся въ видѣ рабочаго, завтра долженъ былъ играть роль человѣка, принадлежащаго къ высшему обществу—генерала или тому подобное. Одинъ бѣжавшій изъ ссылки началъ съ того, что въ качествѣ самоѣда гребъ нѣсколько сотъ верстъ на лодкѣ; при этомъ онъ до такой степени былъ похожъ на самоѣда, что его невозможно было отличить отъ другихъ самоѣдовъ, бывшихъ на пристани. Перемѣнивъ нѣсколько видовъ, онъ, одѣтый джентльменомъ и въ золотыхъ очкахъ, сѣлъ на пароходъ въ качествѣ доктора, гдѣ къ нему обращались за медицинскими совѣтами. Въ усадьбу, гдѣ я жилъ, онъ пришелъ пѣшкомъ, въ дырявыхъ сапогахъ и оборванной одеждѣ подъ видомъ бѣднаго семинариста. Настолько же важно, какъ умѣнье скрываться и придавать себѣ видъ рабо-

чаго человѣка, было умѣнье работать и пріобрѣтеніе той ловкости рукъ, какою отличается всякій крестьянинъ и работникъ.

Въ этомъ отношеніи также многіе являлись большими искусниками. Они не только знали прекрасно нѣсколько ремеселъ: были хорошими плотниками, кузнецами, слесарями, красильщиками, но и умѣли обращаться съ машинами и управлять ими; они могли поступать на фабрики и желѣзныя дороги съ полнымъ знаніемъ дѣла. Съ страдными крестьянскими работами также были знакомы. Въ самомъ скоромъ времени къ книжкамъ такъ привыкли, что и не думали объ опасности, имѣя ихъ въ рукахъ. Нерѣдко вручался пакетъ случайно ѣдущему въ данную мѣстность порядочному человѣку и при этомъ выходило множество анекдотовъ. Однажды студентъ входитъ съ чемоданомъ, наполненнымъ книжками, къ отъѣзжающему изъ города зажиточному молодому человѣку. Оказывается, что у отъѣзжающаго сидитъ полицмейстеръ того города, куда посылаются книжки. Хозяинъ протянулъ «аа» и провелъ студента въ дальнюю комнату. «Что значитъ, здѣсь полицмейстеръ?», спросилъ студентъ въ смущеніи.—«И полноте,—отвѣтилъ хозяинъ,—онъ самъ на волоскѣ виситъ, сейчасъ разсказывалъ мнѣ свои горести, онъ ровно ничего не значитъ, пойдемте съ нимъ чай пить». Со мной лично случился анекдотъ. Я ѣхалъ въ городъ П., мнѣ дали штукъ двѣсти книжекъ, предназначенныхъ для этого города. На станціи желѣзной дороги, гдѣ я долженъ былъ пересѣсть на другой путь, мнѣ пришлось ждать нѣсколько часовъ въ маленькомъ пустомъ вокзалѣ. Со скуки я взялъ одну изъ книжекъ и сталъ читать. Неожиданно входитъ губернаторъ съ цѣлымъ штабомъ, въ томъ числѣ исправникъ и становой. Становой немедленно скрылся; онъ обращался ко мнѣ, когда попадалъ въ бѣду, и теперь очутился въ ложномъ положеніи. Мнѣ оставалось одно—продолжать читать, не обращая на нихъ вниманіе. Одинъ изъ свиты губернатора остановился передъ мною и спросилъ: «не узнаете?»—Я въ то время видалъ такое множество людей, что мнѣ трудно было узнать человѣка, съ которымъ я могъ встрѣчаться только случайно. Наудачу я назвалъ фамилію; оказалось, не угадалъ; передъ мною стоялъ акцизный ревизоръ—прекрасный человѣкъ. Я сложилъ книжку, спряталъ ее подъ шубу, сталъ съ нимъ разговаривать; тѣмъ и кончилось.

Въ октябрѣ 1873-го года я былъ арестованъ въ Нижнемъ и посаженъ въ третье отдѣленіе. Я очутился въ очень странномъ положеніи. Въ сущности арестъ мой мало меня безпокоилъ. Тутъ я скорѣе торжествовалъ, чѣмъ погибалъ; графъ Шуваловъ

не имѣлъ противъ меня и тѣни какого-нибудь доказательства; я обличалъ его пріемы шпіонства и производилъ этимъ ему скандалъ, а онъ ровно ни въ чемъ не могъ меня уличить. Министерство юстиціи отказывалось отъ всякаго дѣйствія противъ меня. Безсиліе третьяго отдѣленія по отношенію ко мнѣ производило восторгъ среди молодежи; даже государственные люди забавлялись тѣмъ, что дразнили Шувалова мною. Заботы мои были совсѣмъ иного рода. Книжка, которая проповѣдывала народу религію равенства, была написана тѣмъ языкомъ, какимъ писали пророки, проповѣдывавшіе расколъ; она приглашала вѣрующихъ проливать свою кровь, переносить всѣ мученія и страдать за своихъ братьевъ до конца. Вѣра пусть соединяетъ ихъ въ борьбѣ со всѣмъ, что старается унизить ихъ братьевъ, въ борьбѣ за мірскую землю, за всѣ учрежденія, которыя должны установить между ними равенство. Нѣтъ добродѣтели внѣ братства, нѣтъ справедливости внѣ равенства. Не о томъ долженъ человѣкъ думать, чтобы блаженствовать на землѣ, а о томъ, чтобы приносить себя въ жертву своимъ братьямъ всецѣло и не страшась ничего; и если онъ ослабѣетъ и отступитъ отъ страха передъ долгомъ своимъ, тогда передъ нимъ станетъ совѣсть и будетъ ужаснѣе всего того, чего онъ страшился. Въ книжкѣ не было ни одного евангельскаго текста, ни разу не было упомянуто имя Бога или Христа, не говорилось ни объ раѣ, ни объ адѣ, ни о чемъ вымышленномъ; отъ перваго слова до послѣдняго это была строгая проповѣдь долга и безпредѣльнаго самоотверженія, за выполненіе котораго не обѣщалось никакой награды. И все-таки книга производила на рабочаго и крестьянина потрясающее, воспламеняющее и притомъ чисто религіозное впечатлѣніе. Вотъ она настоящая-то вѣра!—восклицаетъ крестьянинъ, прочитавши книгу,—вотъ какъ нужно жить по правдѣ! И онъ клалъ книгу къ образамъ, гдѣ у него помѣщалось все священное.

Въ Финляндіи былъ со мной престранный случай. Я имѣлъ обыкновеніе гулять по окрестностямъ, доходить до какого-нибудь прелестнаго вида и, отдохнувъ, возвращаться домой. Эти прелестные виды находились отъ меня иногда въ разстояніи двухъ часовъ ходьбы и тому подобное, а потому, чтобы не терять времени, я шелъ и читалъ. Финляндскіе крестьяне очень уважаютъ ученыхъ; тамъ никто не читалъ на-ходу, и имъ это казалось удивительнымъ искусствомъ; поэтому я во всемъ округѣ былъ извѣстенъ, какъ ученый, читающій на-ходу. Однажды я иду глухимъ лѣсомъ, вдругъ крестьянинъ, обжигавшій угли, бѣжитъ ко мнѣ и ломанымъ русскимъ языкомъ кричитъ мнѣ: «Ты правду говоришь, и я вѣрю въ твою вѣру; всѣ люди равны,—мы за это должны

страдать, идемъ вмѣстѣ молиться». Я не говорю по-фински, финляндцы не говорятъ по русски,—какимъ образомъ я въ этомъ краѣ могъ сдѣлать прозелитовъ, я не въ состояніи былъ понять. Въ Россіи въ это время новая религія носилась въ воздухѣ; ждали появленія новой вѣры, ждали именно великой, революціонной вѣры соціальнаго равенства, которая возникнетъ въ Россіи и разольется по всему цивилизованному міру. Самый извѣстный изъ радикальныхъ тогда журналовъ, «Отечественныя Записки», допустилъ намекъ на это состояніе общества, конечно, съ оговоркой. Извѣстный писатель Достоевскій, осужденный при Николаѣ I къ смерти и сосланный въ каторжныя работы, въ одномъ изъ своихъ романовъ изобразилъ сцену, гдѣ дѣйствуютъ лица, рѣшившіяся жить «по законамъ природы и правды», т.-е. по началамъ, изложеннымъ въ книжкѣ о религіи равенства. Новыя религіи стали возникать въ разныхъ мѣстахъ, пока, наконецъ, это религіозное стремленіе не пострадало черезъ проповѣдь графа Толстого. Религія Толстого—филантропическая и консервативная; не боритесь противъ зла, не сопротивляйтесь злу—говоритъ она. Не бороться, не побѣждать и царить во имя равенства—учила она, а отдаваться во власть безъ сопротивленія и принимать благодѣянія. Въ ней было фатальное противорѣчіе, которымъ она облегчала переходъ отъ энтузіазма борьбы къ энтузіазму покорности, порожденному утомленіемъ. Она отрицала законность власти—не судите, да не судимы будете,—и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицала сопротивленіе ея беззаконію—и тѣмъ удовлетворила всѣхъ. Не подлежитъ сомнѣнію: дѣятельная, борющаяся религія равенства великая сила. Если бы ее привить народу, она сдѣлала бы чудеса. Если бы она могла создать равенство, она была бы великимъ благодѣяніемъ для человѣчества; но при томъ состояніи, въ которомъ находился народъ, трудно было предсказать будущее. Народъ былъ способенъ возстать единодушно во имя равенства; но съ той точки зрѣнія, съ которой онъ исходилъ, когда клалъ книжку о равенствѣ къ образамъ, онъ дошелъ бы не до равенства, а до диктатуры. Всего вѣроятнѣе было, что въ немъ загорится не тотъ энтузіазмъ, который создалъ федеративную демократію Соединенныхъ Штатовъ, а тотъ фанатическій энтузіазмъ, который подвинулъ христіанъ на разрушеніе греко-римской науки и цивилизаціи, сдѣлалъ изъ магометанъ великихъ завоевателей, уничтожившихъ знаменитую александрійскую библіотеку. Во имя религіи будетъ уничтожена поземельная собственность и водворено господство мірскаго землевладѣнія; во имя религіи уничтоженъ будетъ капиталъ и замѣненъ другой организаціей труда. Религія все это могла сдѣлать; изъ всѣхъ восточныхъ государствъ

Россія была единственная, которая во имя великаго соціальнаго принципа могла стать грозою надъ Европой. У ней хватило бы на это интеллигентности, если бы оказалось достаточно энтузіазма. Жажда соціальнаго переворота создала бы для нея милліоны помощниковъ на западѣ; соціальный переворотъ могъ пойти тамъ совсѣмъ другимъ аллюромъ, чѣмъ онъ шелъ теперь. Но развѣ разрушеніе античной цивилизаціи слѣпымъ религіознымъ фанатизмомъ христіанъ и магометанъ принесло благо для человѣчества? Развѣ довершеніе этого дѣла разрушеніемъ арабской цивилизаціи фанатизмомъ турокъ и испанцевъ было благодѣяніемъ, а не великимъ зломъ?!—Пришлось возвратиться къ Аристотелю, чтобы начать дѣло снова. Съ самаго же перваго практическаго шага оказалось, что на почвѣ религіи аскетическій раціонализмъ восторженной молодежи и склонный къ боготворенію и богообожанію народъ не могли спѣться. Я видѣлъ слишкомъ ясно безплодность такого усилія. Народъ былъ способенъ питать религіозное чувство къ своимъ братьямъ, онъ его могъ питать только къ божеству и этимъ все разрушалось; соціально-революціонная пропаганда составляла единственный практическій путь для возбужденія въ народѣ энергіи въ борьбѣ. Во всемъ этомъ я долженъ былъ сознаться и себѣ и другимъ, но безнадежно горькое чувство овладѣвало мною, когда я объ этомъ думалъ. Энтузіазмъ былъ силенъ, но если бы онъ былъ даже во много разъ сильнѣе, то онъ не могъ бы сдѣлать своего дѣла. Они не погибнутъ безплодно—о, ни въ какомъ случаѣ, но они не достигнутъ своей цѣли! Я слишкомъ долго велъ пропаганду среди русскаго народа, я слишкомъ хорошо зналъ, какъ онъ воспламеняется и какъ онъ остываетъ, чтобы не предвидѣть исхода. Мнѣ непремѣнно хотѣлось создать что-нибудь прочное, что-нибудь непрерывно дѣйствующее, что бы устояло среди всевозможныхъ гоненій; только такое идейное зерно могло вызвать, наконецъ, побѣдоносное дѣйствіе со стороны этого народа, глохнущаго въ безчисленныхъ своихъ деревняхъ, какъ негры во внутренностяхъ Африки. Капля въ морѣ!—восклицалъ я про возникающую пропаганду, и останется каплей въ морѣ. У меня не было ни книгъ, ни бумаги, ни пера, ни чернилъ, я былъ вполнѣ предоставленъ своимъ мыслямъ, но мысли эти до такой степени овладѣли всѣмъ моимъ существомъ, что я не имѣлъ ни минуты времени даже для отдохновенія. Рядомъ со мною сидѣла Перовская, но я отказался переговариваться съ нею—мнѣ было не до того. Отъ волнующихъ меня чувствъ и мыслей я дошелъ до такого состоянія, что не могъ ни ѣсть, ни пить; въ теченіе нѣсколькихъ дней я не ѣлъ ничего и не проглотилъ даже капли воды. Жандармы пришли въ смущеніе... Я все-

таки выработалъ и изложилъ свою раціональную религію, и это изложеніе было напечатано въ Женевѣ (въ 1877 г.) подъ заглавіемъ «На жизнь и смерть»[1]).

XI. Пропаганда въ народѣ.

Всѣ усилія графа Шувалова не привели ни къ чему. Не подлежало никакому сомнѣнію, что если я буду преданъ суду, то я буду оправданъ. Подъ конецъ графъ добивался только того, чтобы я былъ преданъ суду, но и это ему не удалось; и тутъ министерство юстиціи и сенатъ отказали ему. Сами жандармы должны были убѣдиться, что это дѣло вмѣсто того, чтобы уничтожить мою популярность, значительно увеличило ее. Оставалось одно: опять сознаться, *что законность насъ губитъ*, и, отпихнувъ ногой законъ, прибѣгнуть къ излюбленному средству административной ссылки.

Я очутился въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи. Тутъ я воспользовался тѣмъ самымъ пріемомъ, который употреблялъ въ Любани, и съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ. Опять ко мнѣ стали пріѣзжать крестьяне изъ-за сотенъ верстъ. Мнѣ усердно и весьма искусно помогалъ нѣкто Суратовъ. Онъ былъ секретаремъ съѣзда петербургскихъ мировыхъ судей, во время энтузіазма вышелъ въ отставку и сдѣлался простымъ рабочимъ; затѣмъ сосланъ былъ въ Архангельскую губернію и кончилъ свою жизнь близъ полярнаго круга самоубійствомъ. На огромномъ пространствѣ, наиболѣе сѣверную часть котораго составлялъ Шенкурскій уѣздъ, крестьяне, приписанные къ удѣльному вѣдомству, жили среди сплошныхъ лѣсовъ и занимались смолокуреніемъ. Древніе памятники говорятъ, что каждое селеніе владѣло тутъ всею землею, куда его топоръ ходилъ и гдѣ его коса косила, т.-е. всѣмъ, что было предметомъ его эксплоатаціи. Одна русская писательница утверждала, что русское правительство не признало въ этихъ предѣлахъ частной собственности и съ подобными притязаніями распорядилось, по ея выраженію, какъ французскій конвентъ[2]). Такъ разсуждало правительство, когда притязанія предъявились купцами и имъ подобными лицами; но когда возникъ вопросъ о правахъ удѣльнаго вѣдомства, тогда Александръ II рѣшилъ, что право

---

[1]) «На жизнь и смерть». Изображеніе идеалистовъ. Романъ въ трехъ частяхъ Флеровскаго—перепечатанъ въ журналѣ «Всемірный Вѣстникъ» 1907 г. *Ред.*

[2]) «Межевыя инструкціи (1754 и 1766 г.г.) по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію,—да и не къ нему одному—являются настоящими декретами конвента». *Александра Ефименко.* «Изслѣдованіе народной жизни»., вып. I, М. 1884 г., стр. 327.

собственности здѣсь должно быть несомнѣнно допущено, а именно все должно принадлежать удѣлу. Въ видѣ милости крестьяне получатъ надѣлъ. «Какъ,—завопили крестьяне,—все принадлежало намъ съ незапамятныхъ временъ и мы платили всего 6 рублей съ человѣка, а теперь земли у насъ отрѣзаютъ, а поборы увеличиваютъ»! Чтобы заставить ихъ замолчать существовали войско и розги,—они замолчали! Имъ назначили надѣлъ по $7^3/_4$ дес. на мужскую душу, приблизительно по $18^1/_2$ дес. на семейство. Въ Англіи это былъ бы достаточный надѣлъ, но для русскаго сѣвера онъ составлялъ ничтожество... Когда чиновники начали приводить въ исполненіе законъ, тогда они нашли, что крестьяне не умрутъ съ голоду и тогда, когда имъ дадутъ половину или двѣ трети назначеннаго по закону, а между тѣмъ доходы удѣла отъ этого значительно увеличатся. Совѣтъ былъ принятъ, крестьяне надѣлялись половиною и двумя третями того, что было имъ назначено по закону, и притомъ у нихъ отрѣзались всѣ смолокуренные кварталы и лѣсные надѣлы, что давало удѣлу возможность выжимать у нихъ все, что оставалось послѣ уплаты сборовъ. Бѣдность и разореніе превзошли всѣ размѣры возможнаго и вѣроятнаго. Каждый русскій крестьянинъ, появляясь не только въ Западной Европѣ, но даже въ Финляндіи, казался нищимъ, а сѣверный удѣльный крестьянинъ былъ нищимъ между нищими, пауперомъ среди пауперовъ. Принципъ: «законность насъ губитъ», достигъ вершины своего осуществленія, и право и законъ утонули въ грязи; царилъ одинъ . . . . . произволъ. Пріемы высасыванія крестьянъ дошли до чудовищной безцеремонности. Ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ курить смолу прежде, чѣмъ смотритель не осмотритъ дрова, приготовленныя для смолокуренія, и дастъ свое разрѣшеніе. Выполненіе этого предписанія было практически безусловно невозможно; если бы смотритель проводилъ въ разъѣздахъ всѣ дни свои и ночи, то и тогда онъ не могъ бы осмотрѣть и десятой доли дровъ. Стоило смотрителю обвинить крестьянина въ судѣ, чтобы онъ былъ вполнѣ разоренъ даже и въ томъ случаѣ, когда бы онъ оказался правымъ. На путешествіе въ судъ и обратно иногда приходилось употребить цѣлый мѣсяцъ; если судъ его вызоветъ въ страдное время, то урожай цѣлаго года у него погибалъ. Поэтому чиновники, распоряжавшіеся смолокуреніемъ и лѣсами, никогда никуда не ѣздили и ничего не осматривали, а брали взятки и только. Не трудно себѣ представить, какая масса притѣсненія и злоупотребленій вытекла изъ этихъ турецкихъ порядковъ. У меня были полны руки дѣла; если бы существовалъ хотя малѣйшій шансъ на успѣхъ, то весь край запылалъ бы возстаніемъ.

Хожденіе въ народъ было въ полномъ разгарѣ, когда я прочелъ законъ о заговорщикахъ, скрывающихъ своего предводителя. Я могъ только захохотать. Развѣ подобное движеніе можетъ имѣть предводителя, развѣ революціи вытекаютъ изъ заговора. Это—непосредственныя, никѣмъ не задуманныя, никѣмъ не управляемыя движенія. Они возникаютъ такъ же, какъ загораются хвойные лѣса въ странѣ сплошныхъ лѣсовъ сѣвера; случайно, путемъ самовозгоранія начинается пожаръ и охватываетъ огромное пространство. Незадолго до появленія этого закона я получилъ письмо отъ одного богатаго человѣка; онъ писалъ мнѣ, что издержалъ уже 800 рублей и ровно ничего изъ этого не вышло; что онъ обращался къ одному весьма выдающемуся дѣятелю и просилъ его устроить организацію, но онъ отъ этого отказался. Я нашелъ, что лицо, къ которому онъ обращался, поступило съ нимъ весьма добросовѣстно. Въ такія минуты никто не составляетъ организаціи, охваченные неудержимой страстью люди начинаютъ дѣйствовать, а организація вытекаетъ сама собою изъ потребностей, вызываемыхъ этой дѣятельностью. Заговора нѣтъ, люди не уговариваются, а дѣйствуютъ. Все общество будто ожило: столько лѣтъ говорили о томъ, что пора перейти отъ словъ къ дѣлу, и дѣла не являлось. Ждали людей дѣла, и людей такихъ не было, чувство своего безсилія было ужасно, люди презирали самихъ себя. Вдругъ люди дѣла явились, прекрасные, смѣлые, самоотверженные. Все въ нихъ поражало, все было удивительно; полиція за ними гонялась и не могла ихъ словить, они жили, не имѣя легальнаго положенія, никакія строгости не помогали; весь безпредѣльный произволъ администраціи, который не признавалъ ни собственности, ни личныхъ правъ, ничего святого,—былъ безсиленъ; грызъ самъ себя отъ бѣшенства и злобы, и все-таки ничего не могъ сдѣлать. Никакія головомойки, практикуемыя начальниками надъ починенными, не помогали; у нихъ подъ носомъ дѣлались дѣла, которыя казались имъ ужасными, а неуловимая и невидимая тѣнь пропагандистовъ продолжала царить тутъ. Нерѣдко два начальника поглядывали другъ на друга и каждый думалъ: «Это ты, подлецъ, все дѣлаешь; знаю я тебя—измѣнникъ, укрыватель». Фабриканты дѣлали отчаянныя усилія, чтобы не допускать пропагандистовъ на фабрики, а они все-таки работали на нихъ. Произволъ, находившійся въ рукахъ правительства, былъ гораздо опаснѣе для имущаго класса. чѣмъ для неимущаго; администрація могла разорить всякаго богатого человѣка, всякому помѣшать въ достиженіи его честолюбивыхъ цѣлей; поэтому они всѣми своими средствами противодѣйствовали пропагандѣ и все-таки ничего не могли сдѣлать. А между тѣмъ администрація валила на нихъ вину; она бы давно

все уничтожила, если бы не богатые люди; имъ хочется конституціи, имъ хочется быть представителями народа, чтобы правительство имъ кланялось и за ними ухаживало. Вотъ почему они укрываютъ ихъ на своихъ фабрикахъ! Откуда у пропагандистовъ берутся деньги?—мы знаемъ откуда у нихъ берутся деньги!—Чѣмъ смѣшнѣе были богатые и властные среди этого переполоха, тѣмъ болѣе восторга разгоралось въ обществѣ. Люди будто уговаривались искусственно раздувать размѣры движенія, и чѣмъ болѣе они его искусственно раздували, тѣмъ болѣе оно дѣйствительно разрасталось. Пора, давно пора, шептали другъ другу серіозные люди, намекая на конституцію, и не прочь были пожертвовать нѣсколько лишнихъ денегъ, чтобы помочь довести дѣло до конца. Когда противъ нихъ возникло подозрѣніе, они съ удовольствіемъ читали, какимъ ловкимъ оборотомъ подозрѣніе устранялось въ подпольной прессѣ. Въ интеллигентныхъ людяхъ, которые склонны были помочь и даже стать въ ряды дѣятелей, никогда не было недостатка. Въ это время именно въ промышленныхъ центрахъ и при устройствѣ путей сообщенія конкуренція вынуждала все въ большихъ размѣрахъ замѣнять прежнихъ рутинеровъ людьми, знакомыми съ новѣйшей наукой. Повсемѣстно загоралась борьба и непримиримая вражда прежнихъ распорядителей на фабрикахъ, заводахъ и пр. съ научно образованными механиками, техниками и химиками. А научно образованные люди всѣ безъ исключенія сочувствовали европейскимъ идеямъ свободы. Хозяева заведеній, хотя иногда и побаивались ихъ новаго духа и опасались попасть въ отвѣтъ передъ администраціей, но должны были любезничать съ ними, потому что не могли безъ нихъ обойтись. Мало этого, они собственныхъ своихъ дѣтей должны были воспитывать въ этой средѣ. Капиталисты стараго воспитанія, купеческіе сынки, прожигатели жизни, которые даже и въ Парижѣ умѣли только спускать свои денежки съ кокотками, банкротились. А дѣти купцовъ съ научной подготовкой, которые выходили серіозными и дѣльными, которые ѣздили за границу, чтобы ознакомиться съ послѣднимъ словомъ науки и промышленности, расширяли заведенія своихъ отцовъ; но зато же они съ первыхъ дней своей юности жили въ обществѣ тѣхъ самыхъ химиковъ и механиковъ, которые были въ такомъ сильномъ подозрѣніи у администраціи. Въ дѣятельности пропагандистовъ обнаруживалось на каждомъ шагу участіе людей, обладающихъ несомнѣнными знаніями въ техникѣ и механикѣ. На судѣ рабочіе произносили грозныя рѣчи, показывавшія у нихъ образованіе; пропагандисты успѣли уже создать изъ среды безграмотныхъ невѣждъ образованныхъ людей. Сдѣланы были опыты, о которыхъ прежде ничего не знали; рабочіе, которыхъ

касалась пропаганда, стали дѣлиться на двѣ категоріи: одни стояли, такъ сказать, на уровнѣ сказки, для нихъ и писались сказки, но изъ нихъ выходило мало толку; другіе съ перваго пріема презирали сказки и всякое беллетристическое изложеніе, они прямо требовали серіознаго чтенія, серіозныхъ знаній и идей. Однимъ словомъ, непочатые люди съ перваго шага стали дѣлиться на посредственныхъ и выдающихся по своимъ способностямъ, и изъ послѣднихъ скоро стали вырабатываться ораторы, люди мысли и дѣла. Они умѣли, несмотря на недостаточность своихъ знаній, очень искусно разбивать аргументы людей съ несомнѣнной ученостью. Значеніе природныхъ дарованій ярко заблистало. Скоро все вниманіе общества сосредоточено было на этой пропагандѣ, объ ней только и говорили. Наконецъ-то найденъ истинный путь; носилось въ воздухѣ: на этомъ пути Россія достигнетъ цѣли, мы получимъ все и больше, чѣмъ ожидаемъ; Европа съ удивленіемъ увидитъ такой переворотъ, какого еще не бывало; теперь мы изъ послѣднихъ сдѣлаемся первыми! Дѣйствительно наступило такое время, когда все крестьянское населеніе заговорило о передѣлѣ земли, о томъ, что землю создалъ Богъ, что она принадлежитъ всѣмъ и не можетъ быть предметомъ частной собственности. Крестьяне, у которыхъ обрѣзаны были земли, надѣялись получить обратно все, что у нихъ было отнято; бывшіе крѣпостные разсчитывали получить надѣлы изъ земель, оставшихся во владѣніи помѣщиковъ. Чтобы прекратить всѣ эти тревожные слухи, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ разослать по Россіи циркуляръ о томъ, что крестьяне не должны разсчитывать ни на передѣлъ земли, ни на увеличеніе своихъ надѣловъ. Серіозные люди шептали другъ другу: пусть ихъ! Когда разыграется движеніе, серіозное люди вынудятъ у императора конституцію и будутъ сильнѣе, чѣмъ были. Но восторженная молодежь разсуждала иначе: открытъ истинный путь, готовится праздникъ для народа, и онъ наступитъ! Пропагандисты казались имъ героями, ихъ невѣроятная смѣлость и лихія похожденія были у всѣхъ на устахъ, они казались могучими, свѣтлыми, святыми. Они сдѣлаютъ свое великое дѣло; Европа узнаетъ, что такое русскій народъ. Вотъ для чего стоитъ жить—для этого, и только для этого. Они день и ночь думали о томъ, какъ бы сопричислиться къ нимъ, какъ бы помочь имъ совершить ихъ великое дѣло; получившіе въ наслѣдство нѣсколько тысячъ рублей отдавали ихъ на дѣло, богатые люди жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ. Тѣ, которые не имѣли случая сблизиться съ дѣятелями, пускались на-удалую въ одиночку и часто сближались со старыми пропагандистами только въ ссылкѣ. Женщины и муж-

чины искали мѣсто сельскихъ учительницъ и учителей въ деревняхъ, поступали фельдшерицами и акушерками; никто не исполнялъ такъ хорошо своихъ обязанностей, какъ эти проникнутые любовью къ народу и энтузіазмомъ люди. Другіе стремились взяться за соху и обрабатывать землю вмѣстѣ съ крестьяниномъ; старались составить сельскія коммуны, жить подъ одной кровлей, работать сообща. Даже знаменитый агрономъ Энгельгардтъ давалъ обществу понять, что онъ живетъ, ѣстъ и пьетъ, какъ крестьянинъ, его интересуетъ агрономія, а не желаніе нажиться отъ агрономіи. Къ нему ѣздили учиться, съ цѣлью учреждать сельскія коммуны. Открылось еще одно поприще для пламенѣющихъ людей—статистика. Земства занялись статистикой; для молодыхъ людей статистика представляла прекрасный случай сближенія съ народомъ. Имъ приходилось собирать сходы, гдѣ обсуждались самые существенные интересы крестьянъ и рабочихъ людей. Лучшаго случая для пропаганды нельзя было и придумать, они могли ее вести по поводу страстной борьбы рабочихъ изъ-за самыхъ существенныхъ своихъ интересовъ и на практическомъ дѣлѣ. Удобство этого случая нельзя было и сравнить съ занятіями сельскаго учителя, фельдшерицы или акушерки, или съ матеріальнымъ трудомъ въ сельскихъ коммунахъ. И дѣйствительно за дѣло статистики бралась самая способная и свѣтлая часть молодежи.

. . . Повальное грубѣйшее невѣжество народной массы господствовало на Руси. Насущнѣйшая потребность заключалась въ томъ, чтобы распространить просвѣщаніе въ этой массѣ . . . . Бюрократія, обладавшая неслыханнымъ и безпримѣрнымъ произволомъ, высасывала изъ народа все, что онъ имѣлъ, и не оставляла ему никакихъ средствъ для образованія своихъ дѣтей. Небольшой доли награбленнаго было бы вполнѣ достаточно, чтобы устроить прекрасныя школы и ввести всеобщее обязательное обученіе.

У Каткова было два обожаемыхъ имъ героя: Муравьевъ и Толстой. Послѣ смерти Муравьева Толстой остался единственнымъ;—. . . не было человѣка хуже этого мрачнаго, жестокаго . . . И такому человѣку было ввѣрено просвѣщеніе . . . Чтобы загасить свѣтильникъ науки въ Россіи, онъ считалъ недостаточными мѣры, принимавшіяся Николаемъ I, т.-е. сокращеніе числа студентовъ и т. д. Онъ задумалъ поразить высшее образованіе въ самомъ его корнѣ. Онъ сталъ затруднять поступленіе въ среднія учебныя заведенія и еще болѣе затруднялъ окончаніе ихъ курса. Въ образованномъ обществѣ потребность была

очень велика, и какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ заведеніяхъ была настоящая давка при поступленіи. Малѣйшее подозрѣніе въ свободомысліи лишало молодого человѣка или даже ребенка навсегда возможности сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Другой порокъ составляла бѣдность родителей . . . Находили, что дѣти интеллигентнаго пролетаріата слишкомъ усердно занимаются науками, слишкомъ развиваются, а потому опасны; что дѣти богатыхъ людей, избалованные и лѣнивые, гораздо лучше; а потому окончаніе курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и поступленіе въ высшія должно по возможности дозволять только дѣтямъ богатыхъ людей. Богатые люди подняли противъ бѣдныхъ такой же крикъ, какой русскіе чиновники подымали противъ нѣмцевъ, шведовъ и поляковъ. Чиновники жаловались на то, что нѣмцы и поляки отбиваютъ у нихъ самыя доходныя мѣста; богатые люди кричали, что учителя гимназій имѣютъ пристрастіе къ бѣднымъ людямъ и умышленно ставятъ дѣтямъ богатыхъ дурныя отмѣтки. Если дочь или сынъ губернатора получали въ гимназіи плохой балъ, губернаторъ посылалъ къ гимназическому начальству жандармскаго полковника для вразумленія. Учителя среднихъ учебныхъ заведеній вынуждались къ систематическому пристрастію. Духовныя семинаріи наполнялись цѣликомъ бѣдными дѣтьми бѣднаго русскаго духовенства. Между всѣми учениками семинаристы отличались замѣчательной выносливостью и привычкой къ труду. Они составляли почти половину всѣхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но бѣдность составляла ихъ порокъ; семинаріи лишены были права выдавать аттестаты, которые давали бы семинаристамъ возможность поступать въ высшія учебныя заведенія. Ко всему этому, разумѣется, присоединились и національныя преслѣдованія: при поступленіи въ высшія учебныя заведенія евреи стѣснены были болѣе всѣхъ. Стѣснивъ со всѣхъ сторонъ высшее и среднее образованіе, Толстой сосредоточилъ свое вниманіе на народной школѣ. Земскія, городскія и общественныя школы онъ подчинилъ надзору своихъ чиновниковъ, которые прилагали все свое стараніе, чтобы народъ въ нихъ ничему для него полезному не могъ научиться. Географическія, историческія и естественно-научныя свѣдѣнія не только устранялись, но жестоко преслѣдовались; одна мысль, что ученики народной школы могли услыхать о дарвинизмѣ и, что еще ужаснѣе, о томъ, что существуютъ конституціонныя управленія и даже республики, составляла кошмаръ для правительства. А вѣдь за конституціоннымъ управленіемъ и республикой стоитъ еще соціализмъ и коммунизмъ, за коммунизмомъ—ужасъ изъ ужасовъ—революція! Революція и конституція первое,

что они узнаютъ, лишь только допустить географію и исторію. Никакихъ современныхъ знаній нельзя допускать въ народной школѣ—букварь и молитвы, вотъ и все! Кромѣ книгъ, спеціально выбранныхъ министерствомъ, никакихъ въ ней не допускалось. При малѣйшемъ подозрѣніи въ свободомысліи учитель и учительница изгонялись изъ школы. Но и всего этого казалось мало; никакой надзоръ не въ состояніи помѣшать распространенію свободомыслія въ земскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Правительство стало домогаться закрытія земскихъ семинарій . . .

Существовала другая великая общественная потребность. Въ средней Россіи населеніе было крайне скученное, народъ жилъ крайне бѣдно на своихъ ничтожныхъ надѣлахъ, обремененныхъ чрезмѣрно высокими платежами. Образовался ложный кругъ; по бѣдности народъ ничего не покупалъ. Такъ какъ онъ ничего не покупалъ, то промышленность не могла развиваться, а такъ какъ промышленность не могла развиваться, то народъ не могъ получать выгодной работы и вынужденъ былъ попрежнему тѣсниться на все уменьшающихся съ увеличеніемъ населенія клочкахъ земли. Между тѣмъ Россія на востокѣ и въ Сибири обладала плодоносными и пустующими землями, которыя во много разъ превышали густо населенные клочки. Нужно было употребить увеличенный доходъ на то, чтобы разселить скученный народъ, и тогда благосостояніе стало бы быстро возрастать. Въ этомъ случаѣ и вопросъ о развитіи свободомыслія не могъ служить препятствіемъ... Разселеніе народа должно было прямо увеличить производительность, платежную силу народа, а съ тѣмъ вмѣстѣ богатство и доходы государства...

Отославъ для напечатанія за границу свою книгу о новой религіи, я разговаривалъ объ ней съ интеллигентными людьми. Мнѣ стали доказывать, что изъ новой религіи въ наше время никакого толку выйти не можетъ, но что моя идея имѣетъ цѣну сама по себѣ, какъ идея философская, естественно-научная и соціальная. Что она требуетъ строго-научнаго, серіознаго изложенія и что религіозный пафосъ ей только мѣшаетъ. Я убѣдился въ этомъ и изложилъ свое ученіе въ формѣ философіи коммунизма. Слухъ о моей идеѣ дошелъ до Петербурга, и одна студентка медицинскихъ курсовъ привезла мнѣ въ Шепкурекъ предложеніе провести мою книгу черезъ цензуру съ условіемъ, чтобы изложеніе было строго научнымъ и слогъ недоступнымъ для средняго читателя. Я съ большой торопливостью передѣлалъ всю книгу по этому указанію, такъ какъ студентка должна была вер-

нуться къ началу курсовъ. Извѣстный рускій философъ Кавелинъ достигъ того, что она была напечатана на счетъ литературнаго фонда. Въ теченіе трехъ лѣтъ цензура не рѣшалась выпустить ее и неожиданно выпустила; я до сихъ поръ не знаю, кому я обязанъ этой счастливой случайностью...

И общество, и правительство до такой степени были встревожены пропагандой, что на ней сосредоточено было все вниманіе. Въ глазахъ общества она была вполнѣ торжествующей и правительство было безсильнымъ ее подавить. Но участникамъ дѣла она представлялась вовсе не въ такомъ розовомъ свѣтѣ. Прежде всего полное разочарованіе постигло статистиковъ. Въ ихъ рукахъ было самое сильное орудіе пропаганды—сельскій сходъ; и къ чему же она привела? Они самымъ добросовѣстнымъ образомъ разъяснили условія жизни крестьянина и рабочаго. При Николаѣ 1200 руб. въ годъ считалось достаточнымъ обезпеченіемъ для чиновника съ семействомъ, а для крестьянина 30 руб. въ годъ. Эти басни были вполнѣ опровергнуты статистиками. Было доказано, что даже пауперъ и нищій можетъ прожить никакъ не менѣе, какъ на 50 руб. въ годъ; для крестьянина, который долженъ имѣть хозяйственный инвентарь, едва достаточно 300 руб. Условія жизни крестьянина и рабочаго разъяснились вполнѣ, а крупные землевладѣльцы упорно скрывали источники своихъ доходовъ. Когда они все-таки приводились въ извѣстность, помѣщики публично на земскомъ собраніи рвали документы, въ которыхъ они были изложены. Крестьяне всѣ поголовно одѣвались и ѣли хуже, чѣмъ нищіе въ Европѣ; нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ не было такой смертности дѣтей, какъ въ Россіи, и все-таки поднялся крикъ, что они гораздо богаче, чѣмъ предполагали, что они могутъ платить по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ платятъ, что ихъ надо усерднѣе сѣчь и тогда они заплатятъ. Въ окончательномъ результатѣ всѣ усилія молодежи на благо народа привели къ обратному результату. Они породили ужасную вещь—обратно прогрессивный налогъ. Люди платили тѣмъ больше податей, чѣмъ меньше они получали дохода. Юнымъ статистикамъ пришлось рвать на себѣ волосы, когда они увидали такой результатъ своихъ усилій. Имъ осталось повторять въ отчаяніи: революція и одна революція можетъ помочь Россіи! Такое же отчаянье охватило сельскихъ учителей и учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ. Чѣмъ сильнѣе разрасталось движеніе, тѣмъ грознѣе надъ ними надвигался правительственный надзоръ; всевидящее око шпіона священника и сельскихъ взяточниковъ, обиравшихъ народъ, слѣдило за ними съ постоянно возрастающимъ усердіемъ. Гоненіе дѣлалось все болѣе интенсивнымъ, и, наконецъ, дошло

до того, что женщина-врачъ была рада, если могла заработать 6 руб. въ недѣлю.— И имъ пришлось восклицать—спасеніе въ одной революціи! Они чувствавали, что никакая умѣренность, никакія уступки не помогали. Въ своей сельской глуши они не только лишены были всякой возможности приносить пользу народу, они сами глохли и опускались умственно и нравственно. Коммуны для общаго сельско-хозяйственнаго труда потерпѣли фіаско уже потому, что цѣны на сельско-хозяйственныя произведенія сообразовались съ потребностями безграмотнаго народа; чтобы жить этимъ трудомъ, нужно было отказаться отъ покупки книгъ, отъ своего развитія. Энгельгардтъ, конечно, могъ ѣсть и одѣваться, какъ крестьянинъ, безъ вреда для своей интеллигентности. Въ доходѣ отъ своей сельско-хозяйственной дѣятельности онъ вовсе не нуждался; одинъ изъ самыхъ любимыхъ въ Россіи писателей, онъ былъ вполнѣ обезпеченъ своимъ литературнымъ трудомъ. Но несчастное юношество, пахавшее землю, утрачивало свое развитіе въ глухихъ деревняхъ,—и только. Остались одни подвижники, ушедшіе въ народъ; но дѣятельность ихъ требовала не только рѣдкихъ качествъ, но и большой опытности и навыка. Правительство готово было все въ большихъ размѣрахъ жертвовать деньгами; ему ничего не стоило не только удвоить, удесятерить свои издержки на преслѣдованіе пропагандистовъ. Люди продажны, правительство могло купить себѣ много усердныхъ слугъ на свои деньги. Всѣ фабрики были издавна полны шпіонами и наушниками фабричнаго начальства; это начальство имѣло слишкомъ много разнородныхъ причинъ для развитія шпіонства. Прибавьте сюда полный произволъ правительства, ему не нужно было никакихъ доказательствъ, чтобы арестовать, держать въ тюрьмѣ и сослать человѣка, на котораго падало подозрѣніе. Неопытные очень скоро попадали въ руки администраціи, а черезъ нихъ попадались и опытные. Если бы народъ былъ вполнѣ воспріимчивъ къ распространяемымъ въ его средѣ идеямъ, то и въ такомъ случаѣ это дѣло представляло бы неодолимыя трудности; онъ былъ такъ многочисленъ, былъ разсыпанъ по такимъ глухимъ угламъ, что число пропагандистовъ должно было бы быть громадно, чтобы на него возможно было воздѣйствовать. Но на дѣлѣ было наоборотъ: онъ былъ такъ невѣжественъ, что ему очень трудно было усвоить себѣ понятіе о возможности другого болѣе огражденнаго положенія; нужно было долго и упорно работать надъ нимъ, чтобы вызвать въ немъ надежду. Вотъ почему я чувствовалъ потребность создать прочный стимулъ, который постоянно поддерживалъ бы энтузіазмъ, въ родѣ того стимула, который дѣйствовалъ въ первыхъ христіанахъ. Но этотъ наивный энтузіазмъ,

учившій обожанію величія и силы, не только не эмансипировалъ народъ отъ римскаго гнета, но создалъ варварскій, византійскій деспотизмъ и мракъ среднихъ вѣковъ . . . Нужно было замѣнить обожаніе величія и силы любовью къ своимъ братьямъ, но въ миліонахъ людей, которые привыкли презирать самихъ себя и себѣ подобныхъ, произвести подобный переворотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было окончательно невозможно. За отсутствіемъ такого неискоренимаго стимула дѣло не могло быть доведено до конца. Трудности постоянно возрастали и надежда на успѣхъ ослабѣвала. Люди сдѣлали изъ движенія цѣль своей жизни, и цѣль эта исчезла передъ ними. Они напрягали всѣ свои силы, а дѣло не двигалось; имъ казалось, что они со всѣхъ сторонъ были окружены измѣной и предательствомъ. Подозрѣвать повсюду шпіонство сдѣлалось маніей, потому что дѣйствительно шпіонство и притворство были разлиты повсюду. Быстрота дѣйствія, необходимая для успѣшной пропаганды, не давала возможности основательно знакомиться съ тѣми людьми, съ которыми имѣешь дѣло, а дѣйствовать приходилось среди народа грубаго и насквозь деморализованнаго деспотическимъ произволомъ. Предшествующая жизнь уничтожила въ немъ окончательно всякую правдивость, всякую устойчивость убѣжденій; его положеніе внушало ему въ одно и то же время и ненависть и раболѣпіе передъ своими господами. Онъ самъ никогда не зналъ, какъ онъ думаетъ и какъ онъ чувствуетъ; сегодня онъ — мятежникъ и способенъ къ геройству, а завтра на него внезапно нападалъ страхъ, раболѣпіе овладѣвало имъ и онъ готовъ былъ сдѣлаться предателемъ за четвертакъ. То политическое движеніе, въ водоворотъ котораго онъ попадалъ, было для него неслыханной новостью, оно вызывало въ немъ чрезвычайное любопытство, а по временамъ и геройское настроеніе; но въ то же время оно наводило на него тотъ суевѣрный страхъ, который на непочатаго человѣка наводятъ необычайность и таинственная неизвѣстность. Русскіе вообще смѣлый народъ, но въ перипетіяхъ политической пропаганды рабочіе подвергались самымъ страннымъ припадкамъ страха. Арестованный сектаторъ идетъ въ острогъ и ничего не боится; арестованные во время крестьянскаго бунта или народнаго безпорядка мужчины и женщины переносили съ мужествомъ фаталиста жесточайшее тѣлесное наказаніе, сидѣли въ острогѣ, шли въ Сибирь; но когда они подверглись аресту по политическому дѣлу, съ ними иногда совершались самыя странныя вещи. Они воображали, что за политическое преступленіе кара такая безпримѣрная, что ее и представить себѣ невозможно. Неизвѣстное и ужасное будущее до такой степени пугало арестованнаго, что онъ впадалъ въ нервное оцѣпененіе,

чувства отказывались служить ему, на него нападала временная слѣпота, онъ сидѣлъ цѣлые дни и не смѣлъ пошевелиться или произнести слова; иногда съ нимъ дѣлалось нѣчто подобное параличу, и онъ сходилъ съ ума. Такой же паническій страхъ нападалъ иногда на нихъ и на свободѣ, и даже безъ всякаго особаго внѣшняго повода; не имѣя силы совладать съ собою, они дѣлались предателями. Со всѣмъ этимъ интеллигентные дѣятели были болѣе или менѣе знакомы, они рѣшились дѣйствовать, несмотря на такое условіе, но зато же имъ тѣмъ естественнѣе было чувствовать себя постоянно среди предательства и измѣны. Такія опасенія крайне парализировали ихъ дѣятельность; не разъ случалось, что молодой пропагандистъ губилъ себя навѣкъ послѣ перваго шага. Первая розданная книжка попадала на предателя, и все было кончено. При большой привычкѣ людей къ притворству, при ихъ способности вполнѣ искренно отдаваться сегодня одному чувству, а завтра прямо противоположному, самый опытный человѣкъ могъ быть введенъ ими въ заблужденіе. Послѣ этого представьте себѣ жизнь заурядnаго, еще неопытнаго пропагандиста.

Одна бунтарка каждый день съ возрастающею силою отдавалась своему увлеченію; жизнь, которую вели всѣ вокругъ нея, казалась ей грязной, мерзкой, возмутительной, отвратительной; для нея эта жизнь была проявленіемъ грубѣйшаго эгоизма, конспираціей противъ счастья и благосостоянія народа. Каждое дѣйствіе, каждое слово тѣхъ, кто ее окружалъ, подтверждали ея взглядъ на нихъ. Она восторженно протестовала противъ такого гнуснаго настроенія и рѣшалась жить для народа, всецѣло отдать себя ему; она готова была лучше переносить всѣ мученія, чѣмъ жить другою жизнью. Она такъ часто повторяла себѣ это, что для нея стало дѣйствительно невозможностью жить другою жизнью. Но въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она живетъ, она ничего не можетъ сдѣлать для народа, ей этого народа даже и видѣть не приходится. Ей сначала нужно выйти изъ этихъ условій и поставить себя въ другія, благопріятныя для сношеній съ народомъ. Она готова отказаться отъ всѣхъ удобствъ, которыми была окружена, ѣсть одинъ черный хлѣбъ и терпѣть во всемъ нужду, лишь бы имѣть то, чего проситъ ея сердце. Молодая дѣвушка оставляетъ своихъ родителей и все, что она любила, и поступаетъ въ деревню сельской учительницей. Но съ перваго же дня священникъ постигъ, въ чемъ дѣло, и начинаетъ на нее доносить; пьяный старшина входитъ къ ней безъ церемоній въ комнату, перерываетъ ея книги, читаетъ ея письма, позволяетъ себѣ

цинническія шутки. Она плачетъ навзрыдъ. Энтузіазмъ удесятиряетъ ея силы, она переноситъ все и исполняетъ свои обязанности образцово. Является инспекторъ, онъ очень доволенъ ея преподаваніемъ, но съ ловкостью, о которой она не имѣла и понятія, выспрашиваетъ у дѣтей все, что они отъ нея слышали. Сообразно съ этимъ онъ дѣлаетъ ей наставленіе съ угрозою немедленно ее уволить въ случаѣ отступленія. Черезъ нѣкоторое время является исправникъ: оказывается, что и онъ имѣетъ право экзаменовать дѣтей. Ея мечты создать изъ своихъ учениковъ гражданъ, развитыхъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, разбились въ дребезги очень скоро и помимо инспектора и исправника, а теперь она видитъ, что она не имѣетъ никакой возможности выйти изъ тѣхъ рамокъ, которыя для нея поставлены; если бы ей случилось сказать своимъ ученикамъ, что существуетъ на свѣтѣ республиканское управленіе, она немедленно была бы уволена. Послѣ дѣтей она стремилась эмансипировать женщинъ, но ей еще скорѣе пришлось махнуть на нихъ рукою; то, что въ ней горѣло огнемъ, не возбуждало въ нихъ ни малѣйшей тѣни интереса. Другое дѣло взрослые мужчины, съ ними можно разговаривать, но здѣсь она натыкается на затрудненіе, о которомъ никогда и не слыхивала. Крестьянинъ былъ крайне невѣжественъ, никто въ его присутствіи не произносилъ даже имени Америки, Англіи или Европы, онъ ничего не зналъ о конституціонномъ или республиканскомъ управленіи; но въ тѣ времена древняя русская община съ ея обычаемъ не была еще забита окончательно въ грязь; онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ политическое и соціальное самоуправленіе общины и обладалъ такой опытностью, о которой барышня-энтузіастъ и теоретикъ ничего не подозрѣвала. Онъ зналъ, что имъ стоитъ собраться на сходъ и постановить приговоръ о томъ, чтобы жить въ общемъ домѣ, сообща обрабатывать поля и т. д., и коммунизмъ будетъ устроенъ, а барышня и не подозрѣвала, что крестьяне имѣютъ такое право. Крестьянинъ зналъ, почему они этого не дѣлаютъ, а барышня и не подозрѣвала въ немъ подобнаго знанія. При первой попыткѣ пропагандировать она спасовала передъ крестьянской опытностью. Разумѣется, она не была приведена этимъ къ ничтожеству, она знала очень многое, чѣмъ могла бы удивить крестьянина. Если бы она была въ состояніи отнестись къ дѣлу хладнокровно и трезво, ей не трудно было бы понять свою силу, но ея настроеніе было прямо противоположное; изъ своей неудачи дѣвушка дѣлаетъ заключеніе, что она къ пропагандѣ окончательно неспособна. Ей приходятъ на умъ всѣ ея страданія и изъ всѣхъ самое ужасное то, что она испытываетъ теперь; послѣ всѣхъ прине-

сенныхъ жертвъ она оказывается неспособной дѣлать то дѣло, для котораго стоитъ жить. Она слишкомъ глупа для него, мужики умнѣе ея; мы презираемъ мужиковъ, а они умнѣе насъ. Въ школу является предводитель дворянства, онъ относится къ ней мягко, ласково, почти нѣжно. Учительница провожаетъ его къ выходу, на минуту они остаются одни; онъ даетъ ей руку на прощанье, говоритъ ей прочувствованнымъ шопотомъ: «я понимаю васъ».— Она чувствовала, какъ вспыхнула и лишилась всякаго самообладанія. Она подбѣгаетъ къ зеркалу, чтобы взглянуть на себя; инстинктивно на нѣсколько секундъ ея глаза прикованы къ ея отраженію; она никогда не могла представить себѣ, что можетъ быть такъ хороша собою. Прошло два дня; оказывается, что предводитель знаетъ объ ней все, ей угрожаетъ погибель, но онъ ее спасетъ; можетъ быть онъ и самъ погибнетъ при этомъ, но онъ все-таки ее спасетъ. По этому поводу между ними начинаются интимности, онъ изливаетъ передъ нею свое сердце; оказывается, что онъ очень несчастный человѣкъ, жена его не любитъ, измѣняетъ ему, вся жизнь его разбита. Наконецъ, онъ сознается ей въ любви, онъ готовъ бросить все и бѣжать съ нею. Предводитель былъ очень опытный соблазнитель женщинъ, а она олицетвореніе неопытности; однако же она скоро довела его до того, что онъ отъ медовыхъ рѣчей перешелъ къ угрозамъ. Ей пришлось бѣжать. Послѣ этого предводитель такъ ее оклеветалъ, что она нигдѣ мѣста народной учительницы получить не можетъ.

Она поступаетъ фельдшерицей. Теперь она живетъ въ городѣ и ея положеніе существенно улучшается. Книгъ для своего развитія она имѣетъ достаточно, доктора ее очень цѣнятъ, потому что она образцовая фельдшерица и отъ всей души ухаживаетъ за больными. Сношеній съ народомъ у ней сколько угодно; кромѣ больныхъ въ больницѣ, она ежедневно принимаетъ въ амбулаторіи десятки и даже сотни больныхъ рабочихъ. Мало этого, у ней есть друзья по душѣ. Въ свободное время она къ нимъ ходитъ и проводитъ у нихъ вечера. Тутъ находится политическій, бывшій въ каторжныхъ работахъ, старый, опытный боецъ, краснорѣчивый и увлекательный, нѣсколько интеллигентныхъ молодыхъ людей; ихъ посѣщаютъ рабочіе. Нѣкоторое время все идетъ прекрасно, затѣмъ ей начинаютъ надоѣдать свистки полицейскихъ; ей стоитъ появиться на улицѣ, чтобы начались свистки; идетъ ли она къ нимъ, идетъ ли отъ нихъ, все время свистки преслѣдуютъ ее. Ей начинаетъ казаться, что за ней идутъ шпіоны, что они становятся противъ оконъ и смотрятъ въ окна, что они подслушиваютъ. Тѣнь шпіонства начинаетъ ее преслѣдовать и не даетъ ей покоя. У ней является убѣжденіе, что она здѣсь еще въ большихъ

размѣрахъ окружена предательствомъ, чѣмъ въ деревнѣ; даже между своими больными она подозрѣваетъ предателей. Ея знакомые дѣлаютъ ей разные условные знаки, по которымъ она должна узнавать, когда она можетъ войти и когда ей не слѣдуетъ этого дѣлать. Наконецъ, придумали для нея такой мудреный путь ходить къ своимъ друзьямъ, который скроетъ ее отъ всякихъ соглядатаевъ. Она приходитъ этимъ путемъ и очень весело провела свое время до поздней ночи. Возвращаясь домой, она неожиданно замѣчаетъ, что за ней идетъ жандармъ; чтобы онъ не могъ узнать, кто она такая и чтобы скрыть свою квартиру, она поворачиваетъ налѣво, потомъ направо; жандармъ все идетъ за нею. Она колеситъ по городу до того, что окончательно выбивается изъ силъ; ноги ей отказываются служить и она падаетъ на землю. Тогда жандармъ не стѣсняясь подходитъ къ ней и говоритъ: «Напрасно барышня вы такъ утруждаете себя, вѣдь я васъ знаю и квартиру вашу знаю».—Онъ называетъ ея фамилію и ея квартиру.—«Пойдемте лучше вмѣстѣ, я васъ провожу».—Она отказывается итти съ нимъ, но онъ все-таки идетъ нѣкоторое время рядомъ съ нею; затѣмъ говоритъ: «Богъ съ вами», и поворачиваетъ въ сторону. Несмотря на все это, она продолжаетъ ходить къ своимъ друзьямъ. Однажды она идетъ по улицѣ, на крыльцѣ сидятъ двое рабочихъ. Одинъ другому говоритъ: «а вѣдь книжки-то прилетятъ къ намъ, непремѣнно прилетятъ».—Она взглянула на нихъ, ихъ физіономіи показались ей очень симпатичными. Другой разъ она идетъ по тому же мѣсту и встрѣчаетъ ихъ опять. «Барышня, когда же вы принесете намъ книжечку?»—говоритъ одинъ изъ нихъ. Не можетъ быть, чтобы это были шпіоны, у нихъ слишкомъ хорошія лица. Въ третій разъ она соглашается войти къ нимъ и читаетъ имъ, ее слушаетъ шесть человѣкъ съ искреннимъ восторгомъ. Они указываютъ ей путь, какъ ходить къ нимъ, чтобы хозяинъ не могъ ее увидать. Она ходитъ и начинаетъ чувствовать себя въ ихъ средѣ настоящимъ бунтаремъ, изъ этихъ людей ей несомнѣнно удастся выработать энергическихъ дѣятелей въ народѣ. Время, которое она у нихъ проводитъ, кажется ей счастливѣйшими часами ея жизни; за своихъ новыхъ учениковъ она готова отдать свою жизнь. Она такъ счастлива, что даже расцвѣла и пополнѣла. Однажды она возвращается домой и встрѣчается съ бабой, которая ее прямо третируетъ, какъ публичную женщину. Сначала она ошеломлена, но затѣмъ понимаетъ въ чемъ дѣло: этимъ путемъ, должно быть, ходятъ къ рабочимъ ихъ любовницы. Пусть ее принимаютъ за ихъ любовницу, ея посѣщенія будутъ объяснены такимъ образомъ и не возбудятъ никакихъ политическихъ подозрѣній; она получитъ время и свободу вы-

работать изъ нихъ дѣятелей. Все-таки слезы ручьемъ катились у ней по щекамъ. Эти сеансы сильно волновали ее, она приходила и уходила въ большомъ возбужденіи. Однажды она вошла въ тотъ темный корридорчикъ, черезъ который попадала въ мастерскую и по какимъ-то очень хитрымъ соображеніямъ оставила шубу въ корридорѣ и вошла въ одномъ платьѣ. При выходѣ шубы не оказалось, рабочіе первые догадались, что здѣсь былъ шпіонъ и укралъ ея шубу; они пришли въ большое волненіе. Нѣсколько дней спустя, во время чтенія, отворилась дверь изъ темнаго корридора и вошелъ полицейскій. Онъ велѣлъ сказать хозяину, чтобы на другой день были непремѣнно вывѣшены флаги по случаю царскаго праздника, а затѣмъ обратился къ нашей фельдшерицѣ и сказалъ: «А вамъ, барышня, здѣсь совсѣмъ не мѣсто, они народъ необразованный, какая они для васъ компанія».—Послѣ его выхода смущеніе было такъ велико, что ей осталось уйти. На дорогѣ ее догналъ одинъ изъ рабочихъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, просилъ ее прекратить свои посѣщенія. Много ночей она горько проплакала послѣ этой неудачи и отъ всей души проклинала полицейскаго, хотя онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и выдумалъ свою выходку, чтобы спасти ее отъ когтей своего начальства. Ей въ голову не приходило, что давно вся улица знала ее и когда она шла,—кумушки говорили другъ другу: «вонъ хорошенькая барышня идетъ къ бунтарямъ».—Однажды ночью къ ней постучались, сдѣлали у ней обыскъ и арестовали ее. Въ одиночномъ заключеніи она много пролила горючихъ слезъ надъ судьбою тѣхъ несчастныхъ рабочихъ, которыхъ ввела въ бѣду. Неожиданно оказалось, что рабочіе тутъ не при чемъ, что ея арестъ не имѣетъ ничего общаго съ ея пропагандой. Еще тогда, когда она жила въ домѣ своихъ родителей, она знала гимназиста, который никакъ не могъ перешагнуть изъ третьяго класса въ четвертый. Она старалась воспламенить его тѣмъ энтузіазмомъ, которымъ сама горѣла. Съ того времени она объ немъ ничего не слыхала и даже имя его позабыла. Между тѣмъ, не будучи въ состояніи окончить курсъ, онъ поступилъ въ военную службу. Здѣсь онъ распространялъ книжки среди солдатъ; когда ему объявили, что онъ приговоренъ за это къ смертной казни, ему неожиданно представился прекрасный случай выразить свои горячія чувства той дѣвушкѣ, которая поселила въ немъ политическія идеи. Онъ написалъ ей пламенное письмо, называлъ ее своей учительницей и благодарилъ ее за прекрасную смерть, которою ей обязанъ. Случайно это письмо было взято при арестѣ того самого лица, которое должно было ей его доставить. За это письмо она должна была отправиться въ ссылку. Ее привезли на мѣсто

полуживою; послѣ покражи шубы, у ней не было теплаго платья, и она сильно стала простужаться; сидѣнье въ тюрьмѣ и путешествіе на крайній сѣверъ довершили то, что начала украденная шуба. Она попала въ ничтожный городишко, куда ссылались вліятельные политическіе преступники, а потому тамъ жилъ жандармскій офицеръ и шесть жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. На этотъ разъ она была тамъ единственнымъ политическимъ преступникомъ, и весь этотъ сложный аппаратъ надзора сосредоточился на ней. Жандармы проходили мимо ея оконъ не менѣе двѣнадцати разъ въ день; каждый день она должна была являться въ полицію и расписываться въ доказательство того, что она еще не бѣжала. Полицейскіе солдаты, которые соперничали съ жандармами въ усердіи, входили въ квартиру, разспрашивали хозяевъ о ея поведеніи, входили даже къ ней въ комнату и задавали ей разные вопросы. Кошмаръ шпіонства и предательства не давалъ ей покоя; чтобы по возможности не видѣть всего этого, она спала днемъ и сидѣла ночи. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ городишко наполнился политическими преступниками, они не могли принести ей утѣшенія; она умирала въ больницѣ; присутствіе посторонняго человѣка такъ раздражало ее, что докторъ запретилъ пускать къ ней людей, и она умерла мрачная и одинокая.

Смерть въ ссылкѣ собирала обильную жатву; не менѣе обильна была смерть отъ тоски помимо ссылки. Для человѣка хладнокровнаго совершенно непонятно, какимъ образомъ можно умереть отъ жажды извѣстной дѣятельности; факты доказали, что отъ такой тоски можно вполнѣ такъ же умереть, какъ люди умираютъ отъ любви. Въ особенности женщины чахли въ этомъ случаѣ, какъ онѣ чахнутъ отъ любви. Рядомъ съ случаями смерти шли случаи умопомѣшательства. Но больше всего обращаютъ на себя вниманіе самоубійства. Борьба была такъ невыносимо тяжела, что большинство дѣятелей думало о самоубійствѣ; значительная часть дѣлала покушенія на свою жизнь, и многіе доходили до конца. Такъ же часто люди побуждались къ этому тоскою отъ невозможности что-нибудь сдѣлать. Въ газетахъ постоянно печатались извѣстія о людяхъ, которые лишали себя жизни и оставляли записку, гдѣ просили никого не обвинять въ этомъ: они умираютъ потому, что жизнь для нихъ не имѣетъ цѣли. Пресса того времени много разсуждала о средствахъ къ прекращенію маніи самоубійства. Напрасно она хлопотала— эти самоубійства были выраженіемъ умирающей надежды на спасеніе Россіи; когда они прекратились, умерли съ ними вмѣстѣ и всѣ лучезарныя упованія на воскресеніе русскаго народа изъ

мертвыхъ, осталось одно грубое одичаніе. Человѣкъ, который не имѣлъ случая прочувствовать то, что чувствовали тогда энтузіасты, не могъ составить себѣ никакого понятія объ этомъ страстномъ настроеніи. Описать его невозможно, изобразить его могъ только великій художникъ. Къ несчастью, ни одинъ изъ нашихъ великихъ художниковъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать. Мнѣ извѣстны только два изображенія, которыя появились въ самый разгаръ движенія въ лучшихъ тогдашнихъ журналахъ. Одно отпечатано въ «Дѣлѣ» и изображаетъ смерть бунтаря отъ чахотки, другое въ «Отечественныхъ Запискахъ» и изображаетъ самоубійство. Оба принадлежатъ лицамъ, которые потомъ ничего выдающагося не написали. Они не выразили мощь того чувства, которое тогда владѣло людьми; они не показали, почему оно могло такъ сильно волновать общество, но они подмѣтили нѣкоторыя особенныя черты настроенія. Я прочелъ ихъ съ волненіемъ, они напомнили мнѣ умирающихъ энтузіастовъ. Да, энтузіасты умирали, безнадежное отчаяніе плодилось въ ихъ душахъ; но энтузіазмъ выработалъ слишкомъ опытныхъ бойцовъ; какъ прежде, такъ и теперь они были недосягаемы для власти. Они видѣли слишкомъ ясно, что движеніе погибаетъ и должно погибнуть, не достигнувъ цѣли. Тогда они пришли къ рѣшенію, которое можно было конципировать только въ томъ настроеніи, которое ими владѣло. Они рѣшились оставить пропаганду въ сторонѣ и вынудить конституцію терроризмомъ. Такое рѣшеніе пришло къ нимъ не вдругъ; первые, наиболѣе блестящіе акты терроризма были уже совершены, когда планъ созрѣлъ; онъ былъ слѣдствіемъ, а не причиной этихъ проявленій. Въ Петербургѣ, на площади Казанскаго собора произошла народная манифестація... (6 дек. 1876 г.) Одинъ студентъ, очень сильный человѣкъ, увидавъ, какъ явившіеся по приказанію полиціи воры и мазурики забивали на смерть рабочихъ, сталъ спасать ихъ, конечно, не безъ помощи затрещинъ. За это онъ приговоренъ былъ къ каторжнымъ работамъ... Съ студентомъ обращались въ тюрьмѣ, какъ съ каторжнымъ. Петербургскій градоначальникъ Треповъ является въ тюрьму, проходитъ мимо студента и замѣчаетъ, что онъ ему не поклонился. Такъ какъ приговоръ не вошелъ еще въ законную силу и студентъ не былъ каторжнымъ, то онъ не обязанъ былъ ему кланяться, однако же, не думая долго, Треповъ велѣлъ его высѣчь...[1]) Несчастный въ своемъ заключеніи не могъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное не только ему, но въ его лицѣ всему образованному классу... Нашелся мститель за всѣхъ, и Треповъ былъ... раненъ...[2])

---

[1]) Емельянова (Боголюбова).
[2]) Выстрѣлъ В. И. Засуличъ.

Нѣчто вродѣ автобіографіи.

II. Въ дореформенной бурсѣ[1]).

Въ предыдущихъ своихъ воспоминаніяхъ, я упомянулъ о нотатѣ. Такого позорнаго, развращающаго нравственно дѣтей способа оцѣнки знаній въ гимназіяхъ, кажется, не существовало, и я хочу коротенько поговорить объ этомъ подломъ курьезѣ. Нотата—это тетрадь, разлинованная на квадратики, которыхъ противъ каждой фамиліи ученика въ горизонтальномъ направленіи полагалось столько, сколько было въ предстоящемъ мѣсяцѣ дней. Изъ учениковъ, считавшихся лучшими, назначались авдиторы, изъ которыхъ каждому подчинены были 5 товарищей, обязанныхъ отдать отчетъ въ знаніи урока корчащему изъ себя начальство авдитору. Такое слушаніе уроковъ производилось каждодневно до начала класса; для чего ученикамъ приходилось собираться часовъ въ 7 утра, такъ какъ классы начинались въ 8 час. Это было особенно тяжело ученикамъ, жившимъ не въ самой бурсѣ, а на квартирѣ; они—бѣдняги помимо того, что часто страдали отъ путешествія по ужаснымъ вятскимъ грязямъ или снѣжнымъ сугробамъ, помимо дождя, мятелей и тьмы кромѣшной испытывали нерѣдко остроту собачьихъ зубовъ. За одинъ годъ моей жизни на квартирѣ меня и мою жалкую одежду псы грызли не менѣе пяти разъ. Попечительному начальству и въ голову не приходила нелѣпость требованія являться въ классы особенно зимою задолго до свѣта. Къ счастію, во время моего ученія не было случаевъ укушенія бѣшеными собаками. Отмѣтки ставились въ нотатѣ въ квадратикахъ слѣдующія: sc.—sciens; nt.—nontotum, er.—errans и ns.—nesciens. Чтобъ получить которую-либо изъ этихъ отмѣтокъ, пятеро выслушиваемыхъ почтительно становятся полукругомъ предъ авдиторомъ, который сидитъ на скамейкѣ и съ важностію китайскаго мандарина корчитъ серьезную рожицу, а во время отвѣтовъ не спускаетъ съ книги глазъ, боясь, чтобъ ученикъ не замѣнилъ одно слово другимъ. Едва кончится слуша-

---

[1] См. «Год. Мин.» № 1.

ніе уроковъ, какъ начинается вымогательство авдиторомъ отъ подчиненныхъ ему товарищей дани, которая нѣкоторыми и вручается ему совершенно открыто въ видѣ кусковъ чернаго, рѣдко бѣлаго хлѣба, иногда кусочка ржаного пирога и вообще чего-либо съѣдобнаго. Живущіе въ бурсѣ сами обыкновенно почти всегда бываютъ голодны, а потому данниками являются квартирные ученики. Бурсаки же платили взятки гусинымъ перомъ, клочкомъ бумаги; но были дани, о которыхъ безъ омерзенія и вспомнить не могу и о которыхъ, если не забуду, скажу въ другомъ мѣстѣ, когда дойдетъ рѣчь до ученическихъ пороковъ. Понятно, что дань вносилась не изъ любви къ авдитору, а за снисхожденіе въ нотатной отмѣткѣ, и чѣмъ больше была дань, тѣмъ выставлялась лучшая отмѣтка и тѣмъ большему риску подвергался и авдиторъ. Въ случаѣ обнаруженія неправильности учителемъ, обязательно слѣдовала взаимная порка—нѣчто въ родѣ примѣненія Ланкастерской системы взаимнаго обученія. Сначала снисходительнаго авдитора выпоретъ воспользовавшійся его снисхожденіемъ ученикъ и тотчасъ же, передавъ лозу авдитору, ложится самъ подъ нее. А учитель во время этого взаимнаго сѣченія изрыгаетъ какія-либо нравственныя сентенціи. Вотъ какъ съ ранняго дѣтства уродовали нашу нравственную природу во имя благонравія. Былъ и я тоже авдиторомъ, но только очень недолго; за авдиторство сѣкли и меня, но не за взятки. Я еще дома привыкъ ѣсть очень мало и плохимъ ѣдокомъ остался на всю жизнь; порцію бурсацкаго хлѣба я никогда не съѣдалъ, значитъ не было у меня причинъ брать взятки.

Природа надѣлила меня очень богатою, но своеобразною, пожалуй даже уродливою, памятью. Чтобы крѣпко запомнить мнѣ какой-нибудь хотя историческій разсказъ и передать его своими словами, мнѣ нужно было прочесть его внимательно 2—3 раза и болѣе, смотря по длинѣ его. Но самый безсмысленный наборъ словъ я могъ повторить безошибочно послѣ прочтенія его не болѣе 2-хъ разъ. Иногда цѣлую страницу глупыхъ словъ, я, на потѣху товарищей прочитавъ одинъ разъ, повторялъ слово въ слово, но зато такое пріобрѣтеніе держалось въ моей несуразной памяти лишь нѣсколько часовъ. Поэтому изъ прекрасно, повидимому, выученнаго урока вечеромъ на другое утро не оставалось въ памяти ни шиша. Еще особенность моей памяти. Стоитъ меня во время моего вызубреннаго отвѣта остановить на минуту,—все тогда пропало; далѣе ужъ я не могу продолжать. Часто во время отвѣчанія урока находилъ на меня тупикъ вслѣдствіе какого-нибудь посторонняго обстоятельства, напр., неожиданнаго стука, шума и пр. Такъ было лѣтъ до 14—15; затѣмъ,

конечно, отъ упражненія память перваго рода, такъ сказать, сознательная,—память мыслей постепенно усилилась, а память словъ почти совсѣмъ улетучилась. Отсюда ясно, что моя память словъ была и хороша, и дурна. Хороша она была, если учитель спроситъ урокъ вскорѣ послѣ прочтенія его мною; дурна же она была, если отвѣчать приходилось въ концѣ класса, или если отвѣтъ мой прерывался чѣмъ-нибудь. И выходила неровность моихъ отвѣтовъ: въ одинъ день я прекрасно отвѣчаю,—а въ другой—стою и молчу, а это непостоянство страшно возмущало противъ меня учителей. Многіе уроки я про себя зналъ и могъ бы разсказать ихъ, хотя не очень складно своими словами, но горькимъ опытомъ я позналъ, что это опаснѣе, чѣмъ полное незнаніе. За послѣднее выпорятъ,—и только; за умалчиванье же, т.-е за разсказъ своими словами, кромѣ порки приводилось выносить щелчки, зуботычины, оплеухи и—что для меня было невыносимо—выслушивать глупѣйшія сентенціи; «Ты, с....нъ сынъ, умничать вздумалъ, хочешь быть умнѣе книги» и т. д., вразумляетъ бывало учитель, а вразумляемый думаетъ, лучше бы ты дважды выпоролъ меня, чѣмъ пороть дичь и выматывать мою душу. На меня, да и на многихъ товарищей увѣщанія и проповѣди производили скверное вліяніе, особенно, если они были длинны или состояли изъ прописной морали.

Вооружившись возможною для тогдашняго моего возраста рѣшимостію зубрить во что бы то ни стало, я хорошо готовилъ уроки, въ потатѣ безъ всякаго подкупа стояло у меня sc.; учителя почти каждый день спрашивали урокъ и были довольны моими отвѣтами; умничать передъ ними я также пересталъ. Отвращеніе къ зубристикѣ, кажется, усилилось, но я мужественно боролся съ нимъ и преодолѣвалъ пока его. Но недолго продолжалось мое ровное и хорошее ученіе. По возвращеніи изъ дома едва ли прошло болѣе 2-хъ недѣль, какъ у меня появились головныя боли, повидимому, перемежнаго характера. Онѣ мучили меня, сколько помнится, черезъ день и по утрамъ т.-е. тогда, когда я готовилъ уроки. Учителя почти каждый день спрашивали меня уроки и потому тотчасъ же обнаружили мое незнаніе, да при спросѣ я и самъ заявлялъ о немъ, ссылаясь на головную боль. Ссылка принята была за лѣнь и притворство,—и я еще съ продолжающеюся головною болью былъ высѣченъ. Учитель палачъ не сдержалъ себя еще отъ подленькой насмѣшки: лоза, сказалъ онъ съ улыбкой, отлично оттягиваетъ боль отъ головы къ ..... Ученики загоготали, а я, съ болью и съ злобой, еле добрался до мѣста. На другое утро голова была свѣжа; я прекрасно приготовилъ и отвѣтилъ урокъ,—и все-таки былъ высѣченъ. За что же?

А за то, какъ вѣщалъ премудрый педагогъ, что одного, дескать, пріема лѣкарства мало, что моя болѣзнь можетъ повториться и что у меня хороши способности, да лѣни много. На слѣдующій день новый приступъ боли, опять незнаніе урока и порка,—и такія истязанія повторялись каждодневно; сколько времени они продолжались,—не помню, но не менѣе, кажется, 2-хъ недѣль. Я пересталъ почти ѣсть, исхудалъ, поблѣднѣлъ и ослабѣлъ до-того, что уже самъ учитель послалъ меня въ больницу. Врачъ, обыкновенно рѣдко бывавшій въ ней, на мое счастіе случился тутъ; посмотрѣлъ у меня языкъ, пульсъ, ткнулъ зачѣмъ-то пальцемъ въ брюхо, такъ что я вскрикнулъ отъ боли и сказалъ фельдшеру: «три кружки» вотъ и все. Это значило, что я долженъ выпить три большія кружки теплой воды, чтобъ очистить мой почти пустой желудокъ. Врачъ этотъ едва ли не всѣ болѣзни лѣчилъ рвотнымъ, что нравилось, конечно, начальству, клавшему деньги на лѣкарства себѣ въ карманъ. Меня отхлестало до обморока, порядочно напугавшаго врача. Но, когда я очнулся, то онъ не оставилъ меня въ больницѣ, а послалъ; въ сопровожденіи фельдшера впрочемъ, все-таки въ училище. Хорошъ, надо полагать, я имѣлъ тогда видъ, если самъ палачъ-учитель пожалѣлъ меня; онъ приказалъ раздвинуться ученикамъ, чтобъ я могъ до обѣда полежать на лавкѣ. И жалость его была своевременная, такъ какъ мнѣ сидѣть было не только вслѣдствіе слабости трудно, но и больно. Вся педагогическая часть тѣла была покрыта струпьями, а кальсоны отъ гноя и крови такъ заскорузли, что были точно кожаныя. Болѣе всѣхъ за это время жалѣлъ меня нашъ служитель—простой крестьянинъ, даже не грамотный. Онъ первый еще вначалѣ болѣзни замѣтилъ, что мнѣ скучно и нездоровится, самъ напросился мыть хотя черезъ день мои заскорузлыя штанишки и даже на свой счетъ купилъ мнѣ булку, которою я и питался, должно быть съ недѣлю; до бурсацкой же пищи я почти не дотрогивался.

О чемъ только я не передумалъ во время этой болѣзни и каждодневныхъ порокъ? Не физическая боль и не болѣзнь такъ терзали и угнетали меня тогда, а что-то болѣе серьезное и, такъ сказать, духовное. Ужъ не начало ли просыпаться во мнѣ сознаніе, хотя пока болѣе похожее на инстинктъ, своего маленькаго человѣческаго достоинства, постоянно и несправедливо оскорбляемаго? Не знаю. Помню только, что духовно я страдалъ ужасно; помню также и помню отчетливо, что именно въ это время не однажды являлось у меня желаніе покончить съ собою—утопиться. Почему ужъ мнѣ хотѣлось умереть въ водѣ,—не помню. Быть можетъ, на выборъ этого рода самоубійства вліяло то, что училище наше стояло на самомъ берегу рѣки Вятки. Но мысль о смерти тотчасъ

же заставляла всплывать со дна души всѣ мои злые инстинкты. Мнѣ хотѣлось передъ смертью устроить начальству какую-нибудь грандіозную пакость. Не помню, что уже спасло меня отъ величайшей глупости: мое ли безсиліе на пакость, или трогательное участіе ко мнѣ добраго служителя. Товарищи участливо относились ко мнѣ, но они не понимали моихъ страданій такъ, какъ ихъ понималъ служитель, а я не умѣлъ выяснить имъ свое горе. Съ дѣтской наивностью они полагали, что каждодневныя порки составляютъ суть моихъ страданій, а потому и отъ сочувствія ихъ я не получалъ облегченія. Одинъ товарищъ, напр., говорилъ: есть о чемъ горевать; вѣдь на ж... не горохъ молотить; другой утѣшалъ поговоркой: до свадьбы далеко, ж... заживетъ и т. д. И никому изъ нихъ не приходило въ голову, что нравственныя страданія бываютъ иногда мучительнѣе самой жестокой порки. Не виноваты, конечно, были товарищи, что не понимали моего отчаянія: навѣрно никто изъ нихъ не пользовался высоко-нравственными уроками такого гуманнаго и разумнаго педагога, какимъ былъ мой дѣдъ. Не будь его, тогда, вѣроятно, и я, подобно товарищамъ, страдалъ бы не отъ нравственныхъ, а отъ однихъ только физическихъ болей. Едва ли я въ это время вспоминалъ, по крайней мѣрѣ часто, о домашнемъ уютномъ гнѣздышкѣ. Вѣдь такія воспоминанія должны были только усиливать мои страданія.

Въ теченіе моей богатой горемъ жизни случай много разъ выручалъ меня изъ неминуемой бѣды. Выручилъ онъ меня и тогда. Въ послѣобѣденный классъ мнѣ, какъ ослабѣвшему, позволено было остаться въ спальнѣ. Когда я, лежа на койкѣ, разговаривалъ о чемъ-то съ добрымъ служителемъ, неожиданно является въ спальню отецъ мой. Свиданіе наше и первые разговоры были такъ сердечны и трогательны, что не только у насъ, но у служителя брызнули изъ глазъ слезы. Свиданіе это такъ крѣпко запечатлѣлось въ моей памяти, что какъ будто оно только вчера происходило. По просьбѣ отца меня уволили на ночь къ нему на квартиру. По пути онъ завозилъ меня къ доктору, который только морщился, слушая мой разсказъ о лѣченіи въ больницѣ. Куплены были, конечно, и назначеныя имъ лѣкарства. Далеко за полночь затянулась наша бесѣда. И что особенно и пріятно меня поразило, такъ это то, что отецъ разговаривалъ со мной, какъ съ равнымъ, чего прежде не бывало. Разговоръ нашъ часто прерывался то слезами, то поцѣлуями и другими ласками серьезнаго и даже часто суроваго на видъ отца. Результатомъ нашей бесѣды было еще большее укрѣпленіе во мнѣ рѣшимости, при всемъ моемъ отвращеніи къ бурсѣ съ ея учебниками и поряд-

ками, быть прилежнымъ и благонравнымъ мальчикомъ. Да другого выхода мы тогда и не видѣли: отцу не пришло на мысль перевести меня въ гимназію, что, вѣроятно, тогдашнее духовенство сочло бы за ересь, а я тогда о гимназіи и понятія не имѣлъ. Начинившись воловьею добродѣтелью—терпѣніемъ, я въ довольно уже бодромъ видѣ утромъ явился въ училище и успѣлъ еще до класса вызубрить урокъ. По обычаю я былъ спрошенъ и отвѣтилъ бойко; по обычаю я уже ожидалъ привычнаго возгласа: «къ лозѣ» и тошнотворнаго разглагольствованія учителя о моихъ способностяхъ и лѣни, но, къ удивленію, услышалъ ласковые слова: хорошо, садись на мѣсто. Едва ли отецъ, проводивши меня въ училище, не повидался съ учителемъ и не вручилъ ему нѣкую мзду. А быть можетъ, вчерашній изможденный мой видъ заставилъ заговорить въ немъ совѣсть?

Съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялся я за отупляющую зубрежку, переставъ почти принимать участіе въ играхъ товарищей, сдѣлался кроткимъ и смиреннымъ,—словомъ благонравнымъ ученикомъ. Какъ теперь, такъ и въ слѣдующіе годы училищной и отчасти семинарской жизни, учился я, такъ сказать, оригинально-нелѣпо: по утрамъ пускалъ въ ходъ память словъ, значитъ безсмысленно зубрилъ уроки; по вечерамъ же съ нѣкоторымъ толкомъ усвоялъ кое-что изъ учебниковъ, которые еще не опротивѣли. Вызубренное чрезъ нѣсколько же часовъ забывалось безъ остатка, а отъ учебниковъ, изъ которыхъ я хотѣлъ дѣйствительно почерпнуть кое-какія знанія, пользы было мало: они тогда были очень плохи; многое въ нихъ я не могъ понять, а объясненій у насъ не полагалось. Я сдѣлался въ глазахъ, по крайней мѣрѣ, начальства прилежнымъ и благонравнымъ ученикомъ. До половины іюля, т. е. до лѣтнихъ каникулъ, меня ни разу не высѣкли. Экзаменъ я сдалъ такъ хорошо, что самъ жестокій инспекторъ похвалилъ меня и сказалъ, что за этотъ экзаменъ стоило бы перевести меня первымъ, если бъ въ первые двѣ трети я учился и велъ себя такъ же хорошо, какъ въ послѣднюю. Итакъ я перешелъ въ такъ называвшуюся тогда грамматику, или третій классъ, не только не въ числѣ первыхъ, но, кажется, не въ первомъ даже десяткѣ. Товарищи возмутились этой несправедливостью, ибо не видѣли въ моемъ поведеніи никакого позорнаго поступка, но я былъ совершенно равнодушенъ.

Кстати скажу, что у насъ годъ дѣлился не на полугодія, а на трети и въ концѣ каждой изъ нихъ, т. е. предъ Святками, Пасхой и лѣтними каникулами, происходили экзамены. И каникулы у насъ начинались только 15 іюля (а не іюня, какъ вездѣ) и оканчивались 1-го сентября.

Конечно съ радостію я ѣхалъ домой, но радость эта была уже далеко не такая сильная и живая, какъ при прежнихъ моихъ поѣздкахъ въ родное гнѣздышко. Отецъ и мать замѣтили во мнѣ перемѣну; отецъ зналъ ея причину, но молчалъ и вздыхалъ. Мать же, найдя меня очень блѣднымъ и похудѣвшимъ, объяснила перемѣну моего настроенія бывшею весною болѣзнію и съ перваго же дня стала откармливать, какъ на убой. Я, дѣйствительно, скоро зарумянился и потолстѣлъ, но душа моя продолжала болѣть. Боль ея была не жгучая, какъ бывало иногда въ училищѣ, а какая-то тупая: точно душа моя ныла. Развлеченій, свойственныхъ моему возрасту, не было почти никакихъ. Были, правда, въ селѣ 2—3 бурсака, но у меня не было къ нимъ симпатіи, да и въ бурсѣ ихъ не очень-то любили и товарищи. Крестьянскіе мальчики, съ которыми прежде я дѣлилъ свои радости и вообще чувства, подросли настолько, что вмѣстѣ съ взрослыми работали въ поляхъ. Только по воскресеньямъ я могъ наслаждаться ихъ обществомъ. Читать было нечего. Книгъ хотя отъ дѣда и много осталось, не мало ихъ было и у отца, но такихъ книгъ, которыя были бы свойственны моему дѣтскому пониманію у насъ въ домѣ не было. Да и вообще тогда дѣтской литературы на русскомъ, по крайней мѣрѣ, языкѣ почти не существовало. Пробовалъ было я просить у отца книгъ изъ дѣдовской библіотеки, но услышалъ тоже, что слыхалъ прежде отъ дѣда: еще рано. Мама предлагала не разъ почитать житіе святыхъ вслухъ, но я исполнилъ ея волю 2—3 раза за все лѣто, а потомъ совсѣмъ уклонился отъ чтенія. Вѣроятно, материнское сердце подсказывало ей, что мнѣ не до житій святыхъ. Въ виду всего этого я вполнѣ окунулся въ созерцательную жизнь. Любимымъ моимъ препровожденіемъ времени было просиживать по нѣсколько часовъ чуть не ежедневно на кладбищѣ вблизи могилы дѣда и въ окошечко посматривать на нее (онъ погребенъ былъ подъ кладбищенскою церковью,—въ $1\frac{1}{2}$ вер. отъ села). О чемъ я думалъ, да и думалъ ли о чемъ,—не помню. Помню только, что въ эти каникулы какая-то тоска давила меня, что ко всему окружающему я относился безучастно, апатично. Все, что прежде радовало, восхищало меня, теперь потеряло въ глазахъ моихъ всякую прелесть. Стыдно даже и теперь еще, а ради правды долженъ сказать, что еще задолго до конца каникулъ у меня явилось желаніе поскорѣе какъ-нибудь убраться изъ теплаго уютнаго родного гнѣздышка въ проклятую бурсу. Желаніе непонятное, противоестественное даже, какимъ я и по сейчасъ его считаю, сильно одолѣвало меня,—и я съ нетерпѣніемъ, которое, впрочемъ, умѣлъ скрыть отъ родныхъ, ждалъ окончанія каникулъ. Въ дорогѣ по пути въ Вятку я

ощущалъ только какую-то неловкость, недовольство собой и только, сожалѣній о разлукѣ, воспоминаній о любящей и любимой мною родной семьѣ, какъ это бывало прежде по выѣздѣ изъ дома, тогда не было и въ поминѣ. Къ счастію, такое подлое состояніе продолжалось недолго,—врядъ ли дольше 2-хъ мѣсяцевъ. Родители и сестры опять стали часто рисоваться въ моемъ воображеніи въ самомъ привлекательномъ видѣ; я опять сталъ ихъ любить попрежнему. Да, впрочемъ, едва ли я и переставалъ ихъ любить,—не было для охлажденія любви съ ихъ стороны ни малѣйшаго повода.

Въ грамматикѣ, т. е. въ 3-мъ классѣ, я учился и велъ себя безукоризненно; не мѣшала этому и ненависть моя къ ученію и порядкамъ бурсы. Времени у меня съ излишкомъ хватало на ученье. Съ особымъ рвеніемъ я отдался изученію древнихъ языковъ, и къ концу года сдѣлалъ порядочные успѣхи. Это было тѣмъ легче для меня, что еще дома дѣдъ своимъ разумнымъ обученіемъ и выясненіемъ благихъ результатовъ, сопряженныхъ съ хорошимъ знаніемъ древнихъ языковъ, поселилъ во мнѣ, если не любовь къ нимъ, то любопытство. За весь учебный годъ выпороли меня только однажды, но зато такъ жестоко, что порка и мотивъ къ ней и посейчасъ отчетливо помнятся. Какъ и въ другихъ заведеніяхъ, въ училищѣ было нѣсколько шпіоновъ, частію добровольцевъ, частію по приказанію начальства. Давно нашъ классъ зналъ, что въ немъ есть шпіонъ (на нашемъ жаргонѣ онъ назывался Іуда или наушникъ), но кто онъ,—мы узнать не могли до поры до времени. На мое горе, случай помогъ мнѣ открыть въ нашемъ нечистоплотномъ стадѣ паршивую овцу. Какъ то вечеромъ въ сумерки, отправляясь въ с....ръ, я услышалъ какое-то шушуканье. Съ ловкостью кошки я осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и занялъ очень удобный наблюдательный пунктъ, съ котораго отлично можно было разбирать шушуканье. Уже выслушалъ я нѣсколько докладовъ о товарищахъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ аттестаціи о своей особѣ, но кашель мой вездѣло испортилъ. Учитель (мой ярый недругъ), исправлявшій должность помощника инспектора, быстро шмыгнулъ по лѣстницѣ внизъ къ выходу; наушникъ же побѣжалъ по коридору, стараясь, очевидно, удрать отъ меня, чтобы не быть узнаннымъ. Но я успѣлъ ухватить его за шиворотъ и втащить въ классъ, гдѣ ученики зажгли уже сальныя свѣчки и усѣлись на мѣста. (Мѣстами называлось у насъ время съ 5 до 8 ч., въ теченіе котораго готовились уроки къ слѣдующему дню; за порядкомъ наблюдалъ цензоръ изъ одноклассниковъ). Здѣсь я громко крикнулъ «я нашелъ Іуду» и слегка толкнулъ впередъ упиравшагося наушника. Я драться и обижать

товарищей терпѣть не могъ, но, къ несчастію, мой легкій толчекъ свалилъ Іуду,—и онъ съ окровавленнымъ носомъ быстро соскочилъ и побѣжалъ съ жалобой къ инспектору. Товарищи окружили меня и утѣшали, по своему разумѣнію; каждый изъ нихъ, кажется, чувствовалъ, что мнѣ придется шибко пострадать за общее дѣло. Даже неособенно чувствительные товарищи—палачи, истые артисты своего дѣла, утѣшали меня обѣщаніемъ не пролить ни капли моей крови, хотя бы приказано было дать мнѣ 100 розогъ. И это было не хвастовство: они могли просѣчь кожу 2—3 ударами, но могли также сдѣлать порку едва чувствительною. Я нѣсколько поуспокоился, но иллюзіямъ предаваться не могъ, зная, что инстектора провести гораздо труднѣе, чѣмъ учителей, которымъ палачи ловко иногда вставляли очки. Затѣмъ началось совѣщаніе по поводу способа наказанія Іуды. Я, какъ не любитель кулака, предлагалъ то, что нынѣ въ палатахъ называется обструкціей, и что изрѣдка иногда примѣнялось и въ бурсѣ, но мой голосъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Почти всѣ высказались за основательную лупцовку, носившую названіе: кто есть ударей тя? «Іуда», чувствуя, вѣроятно, бѣду, не возвращался на мѣсто и только на другое утро передъ самымъ урокомъ появился въ классѣ. Едва ученики въ нѣсколько десятковъ глотокъ гаркнули: «Іуда», какъ явился инспекторъ. Свирѣпый видъ его и рычащій крикъ не предвѣщалъ ничего добраго. Когда же онъ прорычалъ: «пару служителей» и спросилъ артистовъ, сколько у нихъ лозъ, екнуло мое сердце, да и у товарищей лица вытянулись. Всѣ знали, что пощады мнѣ не будетъ. (Добрый служитель, о которомъ я говорилъ, еще при наймѣ выговорилъ себѣ право не быть никогда палачемъ). Приглашеніе двухъ служителей означало, что на моей марфуткѣ не останется ни одного живого не окрававленнаго мѣста. Явились, наконецъ, и служители и даже съ своими распаренными въ горячей водѣ лозами, что требовалось однажды навсегда начальствомъ. Злоба должно быть сжала глотку инспектора, и онъ молча, схвативъ меня за волосы, поднялъ и швырнулъ черезъ парту. Я съ трудомъ поднялся съ полу и, яко овча, ведомое на заколеніе, быстро, чтобы еще не получить тумака, направился на мѣсто расправы. Держатели, т. е. помощники палачей—учениковъ, мгновенно оголили мою марфутку, усѣлись на голову и ноги, и лозы засвистѣли. Съ мужествомъ, достойнымъ лучшей участи, я упорно молчалъ и только грызъ—и изгрызъ до крови свое предплечіе, что у насъ считалось отвлекающимъ и будто бы наркотизирующимъ средствомъ. Но, наконецъ, терпѣніе мое на 60 которомъ-то ударѣ, какъ говорили послѣ товарищи, лопнуло, и я заоралъ благимъ матомъ. Послѣ 100 съ чѣмъ-то уда-

ра кончилось, наконецъ, истязаніе,—и я, пошатываясь, добрался до своего мѣста, но сѣсть отъ боли не могъ. Пришлось еще выслушать отъ инспектора нотацію, смыслъ которой примѣрно былъ таковъ: нельзя надѣяться на твое исправленіе; я тебя исключу, но до этого времени за малѣйшую провинность буду спускать съ тебя по три шкуры. Подъ вечеръ этого же дня начались приготовленія для генеральной лупцовки Іуды; уже приготовленъ былъ халатъ, которымъ обвязывалась голова истязуемаго, но произошло нѣчто, сильно тронувшее сердца бурсаковъ... и генеральная лупцовка не состоялась. Когда меня сѣкли, Іуда все время горько плакалъ, что нѣкоторыхъ учениковъ уже расположило въ его пользу, но когда хотѣли совсѣмъ набросить халатъ на голову Іуду, онъ точно преобразился. Любо было тогда глядѣть на его горящіе глаза и на какое-то вдохновенное выраженіе всего лица, но еще милѣе показались почти всѣмъ его сердечная слова. Бейте меня въ открытую, но не сильно; пожалѣйте мою мать, я у нея единственная надежда. Я стою битья, но вмѣстѣ со мною надо побить и учителя NN, соблазнившаго меня (фамилію этого развратителя я забылъ). Потомъ разсказалъ онъ, какими подлыми пріемами пользовался NN, тотъ самый, который шушукался съ Іудой. Нѣсколько отчаянныхъ драчуновъ хотѣли уже пустить въ ходъ кулаки, но тотчасъ же были остановлены. Наконецъ, Іуда поклонился въ ноги мнѣ, а потомъ и всему классу и торжественно поклялся, что онъ никогда въ сдѣлки съ начальствомъ входить не будетъ. Мнѣ онъ очень полюбился, но сблизиться съ нимъ у меня не было времени. Онъ остался въ 3-мъ классѣ, а я вскорѣ перешелъ въ 4-й. Спустя лѣтъ 15—20 я слышалъ, что изъ Іуды вышелъ прекрасный семьянинъ и выдающійся пастырь

На меня порка произвела почти тоже вліяніе, какъ и прежде-описанная. Озлобленіе мое усилилось, но я ничѣмъ не выказывалъ его. Правда, лѣзла мнѣ въ голову мысль, конечно, глупая, что нужно бросить все и убѣжать, куда глаза глядятъ; о самоубійствѣ же я и не помышлялъ тогда. Но и мой маленькій умишко скоро увидѣлъ всю несостоятельность этой мысли. Съ одной стороны, красная шапка и звонарство въ перспективѣ, съ другой—желаніе сдѣлать удовольствіе роднымъ, заставили замолкнуть протестъ и помириться съ необходимостью подчиниться режиму бурсы. А тутъ еще пріѣзжавшій въ Вятку отецъ подзадорилъ меня. Ему одинъ изъ учителей, менѣе другихъ неблаговолившій ко мнѣ, хотя, при случаѣ, и недававшій мнѣ пощады, наговорилъ что-то ужъ очень хорошее о моихъ способностяхъ. Онъ же, кажется, сказалъ отцу, что если я буду ровно и хорошо учиться

и вести себя, то озлобленіе противъ меня пройдетъ, быть можетъ, и у остального начальства, и тогда я могу въ 3-мъ классѣ пробыть не 3, а только одинъ годъ и перейти въ синтаксисъ. У насъ въ 3-мъ классѣ черезъ каждый годъ повторялось непонятное и посейчасъ для меня явленіе: сиди въ классѣ или 1, или 3 года. Въ 4-мъ же классѣ нужно было пробыть 2 или 4 года. Нормальный срокъ ученья въ училищѣ полагался въ 6 лѣтъ (на 1-й и 2-й классы по 1 г., а на 3 и 4-й по 2 г.). Я, благодаря хорошей подготовкѣ, поступилъ прямо во 2-й классъ, да, вѣроятно не въ четный годъ. Вѣрна ли эта догадка,—не знаю, но я зналъ только, что прежде изъ пробывшихъ въ 3-мъ классѣ 1 годъ переходило въ 4-й не болѣе 2-хъ учениковъ. Шансовъ на переходъ для меня было немного, но я рѣшилъ поналечь на себя. Вѣроятно, заговорило и мое ребячье самолюбіе. Я принялся за ученье крѣпко: уроки готовилъ прекрасно, велъ себя смирнехонько; словомъ сдѣлался пай-мальчикомъ. И учителя стали со мной поласковѣе; только инспекторъ относился сурово. Даже учитель, переговаривавшійся съ Іудой, не придирался ко мнѣ во время уроковъ, но ему вѣрить было опасно; недаромъ ему дана кличка: оборотень. Болѣе всего я ожидалъ помѣхи моему переводу отъ инспектора, а потому я на время забылъ правила дѣда объ отношеніи къ начальству и нравственно палъ и исподличался до такой степени, что унизился до низкопоклонства и заискиванія предъ человѣкомъ, котораго въ душѣ ненавидѣлъ. Мало этого: я началъ сожалѣть даже о своемъ поступкѣ, которымъ сначала гордился и за который во мнѣніи товарищей я сдѣлался маленькимъ героемъ. Я говорю о случайномъ открытіи шпіона. Надѣялся я, впрочемъ, исправить свою репутацію въ глазахъ злопамятнаго инспектора, такъ какъ времени до переводнаго экзамена оставалось еще довольно, но надежда, какъ показалъ этотъ самый экзаменъ, обманула меня.

Недѣли за 2—3 до экзамена по училищу пронеслась вѣсть, что пріѣдетъ ревизоръ. Какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, между учениками пошли разные толки, предположенія, ожиданія какихъ-то перемѣнъ. Я же все продолжалъ усиленнѣе и усиленнѣе готовиться къ экзамену, но болѣе налегалъ на сознательное усвоеніе, чѣмъ на зубрежку. Точно чуяло мое сердце, что только такое усвоеніе знаній можетъ меня выручить. При общемъ господствѣ зубристики, конечно, и я плылъ по теченію и, если не ограничивался одной зубрежкой, то поступалъ такъ скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно. Начальство боялось ревизора больше, чѣмъ ученики. Началась генеральная чистка: полы, немытые, быть можетъ, нѣсколько лѣтъ, были не только вымыты,

но и выскоблены ножами; громадныя кружева изъ паутины куда-то вдругъ исчезли, даже потолки и стѣны обметены отъ пыли и приняли вмѣсто обычнаго сѣро-грязнаго веселенькій бѣловатый цвѣтъ; въ с.....ы можно стало ходить, не запачкавшись въ экскрементахъ и проч. Но что особенно радовало бурсаковъ—это замѣна протухлыхъ и прогорклыхъ съѣстныхъ припасовъ хотя и не первосортными, но все таки свѣжими. Происходили тогда удивительныя метаморфозы: выходя, напр., утромъ изъ грязной до невозможности спальни, вечеромъ мы входили въ довольно уже чистую комнату, мало даже похожую на нашу спальню. Многое въ нашемъ быту было улучшено до неузнаваемости, Мы были, конечно, рады улучшенію нашихъ жизненныхъ условій, а все таки и насъ не миновалъ какой-то безотчетный страхъ. Одни только великовозрастные, приготовившіеся уже къ исключенію, граждане Камчатки вполнѣ наслаждались въ ожиданіи ревизора и утѣшали насъ, говоря, что самый свирѣпый ревизоръ будетъ гораздо лучше нашего, считающагося сравнительно добрымъ, учителя. Говорить такъ камчатскіе граждане имѣли основаніе; нѣкоторые изъ нихъ пребывали въ училищѣ по 10—12 лѣтъ и за это время видѣли не одного ревизора. Я тоже не трусилъ; думалось мнѣ, что если и оставятъ меня еще на 2 года, то въ этомъ срама для меня не будетъ, ибо это почти общая участь всѣхъ пробывшихъ въ 3-мъ классѣ 1 годъ; исключенія же необязательны.

Наконецъ, явился въ нашъ классъ и ревизоръ въ образѣ молодого еще и благообразнаго монаха съ очень добрымъ лицомъ и ласковыми смѣющимися глазами. Наши ребячьи сердца почуяли, что отъ такого человѣка худого намъ ждать нечего; начальство же, видимо, чувствовало себя не совсѣмъ хорошо. Въ этотъ же вечеръ мы узнали отъ четверто-классниковъ, что ревизоръ, хотя и мягко, однако не очень одобрительно отозвался о преподаваніи. Экзаменъ у насъ въ 3-мъ классѣ начался съ двухгодовалыхъ и шелъ быстро и милостиво, такъ что у меня стала крѣпнуть надежда на переходъ. На другое утро отвѣты двухгодовалыхъ были ужъ совсѣмъ плохи, но забраковано было не болѣе 2—3 учениковъ. Камчатка, готовая къ исключенію, вовсе не экзаменовалась; она ждала только полученія своихъ бумагъ. Когда начальство представило къ экзамену изъ годовиковъ только 2-хъ, ревизоръ, замѣтивъ, что одинъ изъ кандидатовъ сынъ смотрителя, поморщился и сказалъ: что такъ мало? Тяжко стало мнѣ узнать, что я не представленъ къ экзамену; вѣдь сознаніе, хотя и смутное, подсказывало мнѣ, слушая отвѣты товарищей, что я знаю не меньше ихъ. Послѣ сдачи экзаменовъ 2-мя счастливчиками, ревизоръ спросилъ одногодниковъ: не желаетъ ли кто изъ васъ

попытать счастья? Наступило молчаніе, но я скоро прервалъ его. Услышавъ о моемъ желаніи, онъ ласково сказалъ мнѣ: иди, иди, карапузикъ. (Я былъ тогда очень малъ и толстъ). Злоба въ инспекторѣ закипѣла, и онъ не постыдился сказать, что я худо веду себя. Въ этотъ моментъ у меня брызнули слезы, а изъ Камчатки раздался баснстый голосъ: «не правда; ничего худого онъ не дѣлалъ, а инспектору не полюбился Сычуговъ за то, что наушника накрылъ». Вообразите послѣдовавшую нѣмую сцену, которую ловко прервалъ ревизоръ шутливыми словами: ну, берегись, карапузикъ; я тебя проберу и началъ, дѣйствительно, экзаментовать строже, чѣмъ другихъ. Къ счастію, вопросы предлагались такіе, на которые я могъ отлично отвѣчать, и не было предложено ни одного, который бы поставилъ меня втупикъ, а такихъ вопросовъ было не мало, ибо въ учебникахъ я многое не понималъ. Словомъ, везло мнѣ. Ревизору особенно нравилось, что я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, своими словами. Наконецъ, дошла очередь до латинскаго языка (учителемъ его и катехизиса былъ самъ инспекторъ). За годъ въ классѣ была переведена изъ Корнелія Непота только глава о Мильтіадѣ; все, на что указывалъ въ этой главѣ ревизоръ, я переводилъ безъ запинки. Онъ мѣстахъ въ 3—4 заставилъ меня переводить то, что проходятъ въ 4-мъ классѣ, и тутъ я, къ удивленію и учителей и учениковъ, не ударилъ лицемъ въ грязь, такъ что ревизоръ во всеуслышаніе промолвилъ: я едва ли при поступленіи въ академію зналъ лучше латинскій языкъ этого карапуза. Впрочемъ, въ семинаріяхъ съ 30-хъ годовъ древніе языки въ забросѣ. Затѣмъ онъ привсталъ и публично поблагодарилъ инспектора и грека за ихъ яко бы прекрасное преподаваніе, а меня погладилъ по головѣ и наговорилъ немало хорошихъ словъ. Тутъ, каюсь, едва не произошелъ взрывъ моей озлобленной натуры; я уже порывался сказать, что въ моемъ знаніи они не повинны, но во время удержался. И вышло, что и овцы цѣлы, и волки сыты. Далѣе ревизоръ любезно попросилъ начальство перейти во 2-й классъ, сказалъ намъ трогательную рѣчь, содержаніе которой я не помню, и, подойдя къ Камчаткѣ, спросилъ объ авторѣ возраженія въ мою пользу. Вышелъ рослый дѣтина, который снова подтвердилъ свой протестъ, съ чѣмъ согласились окружившіе уже ревизора ребята, выкрикивая: «такъ, такъ». Похваливъ дѣтину и благословивъ насъ, ревизоръ удалился, провожаемый добрыми пожеланіями расчувствовавшихся отъ доброты его ребятъ. Я хотѣлъ было поблагодарить заступившагося за меня дѣтину, но онъ сказалъ только: я за правду всегда стоять буду; мнѣ вѣдь начальства бояться нечего; я иду по доброй волѣ въ солдаты. На другой день инспекторъ

объявилъ списокъ переведенныхъ въ 4 классъ; въ этомъ спискѣ я былъ третьимъ, значитъ я обогналъ чуть не всѣхъ двухгодовиковъ. Самолюбіе мое было удовлетворено; въ самомъ счастливомъ настроеніи я поѣхалъ домой.

Пока доберусь до родного гнѣздышка, я сдѣлаю гигантскій прыжокъ впередъ изъ боязни забыть послѣ упомянуть объ интересномъ фактѣ. Въ 83-мъ году я былъ командированъ владимирскимъ земствомъ въ Одессу на съѣздъ естествоиспытателей и врачей. Меня выбрали предсѣдателемъ секціи земской медицины. Въ одесскихъ газетахъ ежедневно печатались рефераты нашихъ засѣданій, при чемъ каждый рефератъ начинался сообщеніемъ, что предсѣдательствовалъ такой-то. И вотъ въ одинъ изъ августовскихъ дней публика съ сердечнымъ умиленіемъ прочитала, что предсѣдательствовалъ С. И. Сычуговъ. На 2—3-й день послѣ этого мірового событія я послѣ засѣданія во время чаепитія слышу стукъ въ дверь и вопросъ: можно войти? Входитъ ко мнѣ въ номеръ въ полномъ парадѣ полковникъ, на груди котораго красовалось болѣе десяти орденовъ и медалей и, между прочимъ, Георгій; спрашиваетъ меня, не изъ Вятки ли я, и по полученіи утвердительнаго отвѣта называетъ фамилію свою (я забылъ ее) и сообщаетъ, что, узнавъ изъ газетъ обо мнѣ, рѣшилъ повидаться съ старымъ товарищемъ. Пошли спросы, вопросы, разсказы, затянувшіеся за полночь. Оказалось, что это тотъ самый дѣтина, который нѣкогда изъ камчатки гаркнулъ въ мою защиту: «неправда»...

И безъ словъ понятно, что встрѣченъ былъ я съ великою радостію своими родными, когда же они узнали, что я четвероклассникъ, или синтаксикъ, да еще третій ученикъ, то восторгамъ и сердечнымъ изліяніямъ не было, кажется, предѣловъ. Мать, какъ женщина, привыкшая даже въ мелочахъ житейскихъ видѣть вмѣшательство Провидѣнія, скорѣе другихъ очнулась отъ восторговъ и предложила тотчасъ же, пока готовится чай, итти въ церковь и отслужить молебенъ. Не только въ день пріѣзда, но и на другой день мнѣ приходилось разсказывать одно и тоже по нѣскольку разъ, особенно нравились мои повѣствованія о ловлѣ шпіона съ послѣдствіями и о благодушномъ ревизорѣ. Многіе и изъ селянъ приходили нарочно посмотрѣть синтаксика и послушать его несвязные разсказы. Оханьямъ и удивленіямъ, что Саватенька такой еще маленькій, а уже въ 4-мъ классѣ, и счету не было. Скоро, однако, все это мнѣ надоѣло, такъ какъ я никогда не любилъ выставлять себя напоказъ, а похвалы, искренность которыхъ была сомнительна, были просто противны мнѣ. Поэтому вскорѣ я сталъ просить у отца книгъ для чтенія и легко получилъ дозволеніе пользоваться дѣдовою библіотекою.

въ которой было, помнится, болѣе 100 книгъ, переплетенныхъ въ кожу. Разрѣшая чтеніе по моему выбору, отецъ поступилъ крайне не педагогично. О педагогикѣ онъ, вѣроятно, и понятія не имѣлъ, да у него и времени не было. Какъ на выдающагося изъ общаго уровня священника, на него навалили немало постороннихъ прямой его обязанности должностей. А я чѣмъ могъ руководиться при выборѣ книгъ? Приходилось поневолѣ брать наудачу. А книги большею частію были серьезныя, превышающія мое пониманіе! Дѣдъ любилъ чтеніе и покупалъ много книгъ особенно въ то время, когда былъ въ расцвѣтѣ силъ. Громадное большинство книгъ принадлежало къ изданіямъ первой четверти этого столѣтія, но были также книги и конца прошлаго вѣка. Изъ свѣтскихъ книгъ въ это лѣто мнѣ попались только: Недоросль и Бригадиръ, да томъ трагедій Сумарокова. Большею же частію, по крайней мѣрѣ, въ переднемъ ряду полки стояли книги мистическія: были тутъ творенія Штиллинга, Эккартсгаузена, всѣ многотомныя сочиненія г-жи Гіонъ и книгъ около двадцати «Сіонскаго Вѣстника». Сначала, какъ назло, случай подсовывалъ мнѣ подъ руку нѣмецкихъ мистиковъ, которыхъ и вполнѣ развитому человѣку одолѣть нелегко; уже самое содержаніе мистическихъ бредней превышало пониманіе 10-лѣтняго ребенка; да къ тому же и изложеніе было тяжело и туманно. Обыкновенно, взявъ книгу, я отправлялся на кладбище къ могилѣ дѣда и цѣлые часы мучился, чтобъ понять читаемое, но едва ли я $^1/_{10}$ долю могъ усвоить и переварить. Дѣло дошло чуть не до слезъ; какой-то внутренній голосъ нашептывалъ мнѣ, что я, значитъ, очень глупъ, если не могу понять книгъ, напечатанныхъ по-русски. А не было, къ моему горю, близкаго человѣка, который растолковалъ бы мнѣ, что каждому овощу свое время (отца надолго командировали на слѣдствіе въ другой уѣздъ). Читывалъ я въ Минеѣ, что нѣкоторые святые молитвой выпрашивали себѣ разумъ, и я сталъ подражать имъ. Бывало, прочитаешь какое либо темное мѣсто нѣсколько разъ и все-таки ничего не поймешь; тогда и начнешь отвѣшивать тутъ же на кладбищѣ земные поклоны, но толку было мало. Проще всего и разумнѣе было бы бросить непонятную книгу, но этому мѣшало мое маленькое самолюбіе и большая настойчивость. Долго ли я мучился такъ,—не помню, но, кажется, не менѣе недѣль двухъ или трехъ. Случайно, уже въ концѣ каникулъ, попался подъ руку фонъ-Визинъ,—и я ожилъ и просто зачитывался имъ. Потомъ съ нѣкоторымъ, хотя и небольшимъ, удовольствіемъ я сталъ читать «Сіонскій Вѣстникъ»,—и это чтеніе продолжалось послѣ и въ зимніе каникулы. Нѣкоторыя въ немъ статьи я понималъ болѣе, чѣмъ на половину, а было немало и такихъ, которыя читалъ съ наслажденіемъ и даже съ полнымъ пониманіемъ.

Возвратившись съ каникулъ, я попрежнему принялся за ученіе: по утрамъ зубрилъ уроки для учителей, по вечерамъ старался усваивать учебники, по мѣрѣ моего пониманія. Объясненій и въ 4-мъ классѣ не существовало; требовались одна только отупляющая долбня и бойкіе, хотя и безсмысленные, отвѣты отъ учениковъ. Начальство сначала было благосклонно къ намъ, но это продолжалось недолго. До насъ стали доходить темные слухи, что добрый для учениковъ ревизоръ оказался недобрымъ, а вѣрнѣе сказать, только безпристрастнымъ для начальниковъ нашихъ. Онъ донесъ, куда слѣдуетъ, что они набиваютъ свои карманы насчетъ голодныхъ бурсаковъ, что послѣднихъ содержатъ хуже свиней. Вскорѣ послѣ начала нашего ученья, пріѣзжалъ будто бы изъ Питера какой-то чинъ для провѣрки донесенія. Разныхъ розсказней и курьезовъ, которыхъ теперь не помню, разсказывали множество. Начальство пріуныло, озлобилось и свою безсильную злобу начало срывать на ни въ чемъ неповинныхъ ученикахъ. Одной изъ первыхъ жертвъ этой злобы пришлось быть мнѣ. Въ свои именины, 27 сентября, я былъ такъ высѣченъ, такъ безжалостно и грубо было тогда осмѣяно мое маленькое человѣческое достоинство, что эту именинную порку я помню посейчасъ со всѣми ея возмутительными подробностями, какъ будто она происходила только вчера. Дѣло было такъ: выше я, кажется, говорилъ, что учителя по книгамъ слѣдили за буквальною точностію нашихъ отвѣтовъ; въ этихъ же учебныхъ книгахъ, подаваемыхъ цензоромъ учителямъ, послѣдніе скобками обозначали тѣ мѣста, которые мы не должны зубрить. Эти выпущенныя мѣста сообщались всему классу цензоромъ. Былъ изъ географіи урокъ о вращеніи земли кругомъ солнца. Въ учебникѣ было напечатано: «По системѣ Коперника солнце стоитъ неподвижно», а далѣе излагались, правда очень плохо и кратко, доказательства движенія земли. Вотъ эти-то доказательства и были заскоблены. Быть можетъ, учитель не зналъ ихъ и не хотѣлъ, чтобъ ученики знали больше его. Предположеніе это, повидимому, невѣроятное, имѣло основаніе. Когда я уже готовился въ университетъ, то изъ разговоровъ съ товарищами могъ убѣдиться, что объ основныхъ положеніяхъ физической географіи они имѣли самыя смутныя понятія. А эти товарищи имѣли право черезъ $^1/_2$—1 годъ быть попами или учителями. Впрочемъ, нашъ учитель, быть можетъ, даже не вѣрилъ вращенію земли. Отъ отца, почти современника этому педагогу, я слышалъ, что во время его ученья одинъ учитель систему Коперника называлъ ложью и даже преступною ересью, ибо дескать, если бы она была вѣрна, то Іисусъ Навинъ сказалъ бы: стой

земля, а не стой солнце! Я, проговорившись, что солнце стоитъ неподвижно, началъ, да еще своими словами, излагать доказательства, которыя зналъ отчетливо изъ бесѣдъ дѣда. Прозѣвалъ ли я скобки, или, подъ вліяніемъ именинnаго настроенія, желалъ блеснуть предъ товарищами своими знаніями,—не помню. Но не успѣлъ я привести и половины доказательствъ, какъ услышалъ злобно-ядовитый крикъ: ты опять задумалъ умничать! Къ лозѣ! На что намъ знать, почему вертится земля, а мы лучше посмотримъ, какъ ты начнешь вертѣться подъ лозой. Взрывъ хохота послѣдовалъ за этой пошлой остротой. Ошеломленный, униженный и, находясь къ тому же подъ вліяніемъ предчувствія болей, отъ которыхъ я немного уже поотвыкъ, я съ дуру сболтнулъ, что я сегодня именинникъ. Подлый педагогъ точно обрадовался этимъ словамъ и только усилилъ свои издѣвательства надъ беззащитнымъ ребенкомъ. Ну, вотъ и отлично, продолжалъ онъ. мы и поздравимъ тебя съ ангеломъ; да по русскому обычаю и кашей угостимъ; только каша-то у насъ березовая; не взыщи—другой не приготовили. Новое гоготанье. На меня нашло какое-то отупѣніе. Уже по окончаніи класса я отъ товарищей узналъ, что во время порки я не издалъ ни звука, чѣмъ, конечно, увеличилъ число ударовъ; что послѣ порки я не пошелъ на свое мѣсто. а сѣлъ на ближайшую парту и тихо, но очень долго плакалъ. такъ, что на полу образовалась порядочная лужица изъ моихъ горючихъ слезъ. Вечеромъ по подштанникамъ я убѣдился, что моя марфутка пострадала здорово. Ей пришлось чуть не каждодневно страдать и въ слѣдующіе дни, ибо мнѣ было тогда не до зубренья.

Во мнѣ со страшною, конечно, для моего возраста силою заговорили звѣрскіе инстинкты; я всѣ силы своей душонки употреблялъ лишь на изобрѣтеніе и ловкое приведеніе въ исполненіе мщенія оскорбителю. Даже по ночамъ я обдумывалъ планы мести и старался выбрать изъ нихъ тотъ, который казался мнѣ позабористѣе. Постыдно, что я, съ ранняго дѣтства получившій отвращеніе къ какой бы то ни было ручной расправѣ, на ней-то именно и остановился. Въ планъ свой я не посвятилъ никого, хотя желающихъ принять въ немъ участіе, вѣроятно, нашлось бы немало, изъ опасенія, чтобъ изъ-за меня не пострадали товарищи. О себѣ я мало заботился; меня обуяло какое-то равнодушіе къ своей особѣ. Планъ былъ обдуманъ и исполненъ чрезъ 5—6 дней послѣ порки, хотя и ловко, но варварски жестоко. Вѣдь могъ я убить человѣка, тогда какъ у меня было только желаніе причинить ему небольшую боль, поучить его такъ сказать. Не вдаваясь въ подробности, я коротко скажу.

что я съ лѣстницы 3-го этажа бросилъ почтенное полѣно въ учителя въ тотъ моментъ, когда онъ поднялся на площадку 2-го этажа. Темнота октябрьскаго утра (8 час.) и отсутствіе изъ спаленъ, помѣщавшихся въ 3-мъ этажѣ, учениковъ дали мнѣ возможность съ быстротою зайца пробѣжать по коридору 3-го этажа, спуститься по другой лѣстницѣ въ 1-й этажъ и очутиться предъ моимъ, наказаннымъ изъ-за угла, врагомъ. Вѣроятно, онъ, ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, долго простоялъ на площадкѣ и далъ мнѣ возможность пробѣжать относительно громадное пространство и встрѣтиться съ нимъ на нижней лѣстницѣ. Онъ остановилъ меня и приказалъ сказать цензору, чтобъ онъ немедленно заявилъ инспектору, что учитель N (фамилію забылъ) внезапно заболѣлъ. Мое извѣщеніе было встрѣчено классомъ радостными кликами, но у меня ужъ кошки, какъ говорится, на сердцѣ заскребли. Началась борьба добрыхъ инстинктовъ съ злыми. Не разъ порывался я итти къ учителю и принести ему покаяніе, но частію самолюбіе, а частію невысокое мое мнѣніе объ обиженномъ мною учителѣ удержали меня сдѣлать, быть можетъ, пагубный для меня шагъ. Черезъ день учитель явился уже въ классъ; объ ударѣ не было ни слова, да, вѣроятно, онъ и не причинилъ учителю большого вреда. Но намъ онъ принесъ существенную пользу; порки хотя и не прекратились, но онѣ не были такъ жестоки, какъ прежде; безсмысленныя придирки и тошнотворныя назиданія и вообще издѣвательства надъ нами прекратились. Товарищи удивлялись перемѣнѣ, происшедшей съ учителемъ; я же благоразумно помалкивалъ.

Поздравленіе со днемъ ангела произвело въ моей душѣ порядочную метаморфозу. Прежде всего оно поколебало мою рѣшимость продолжать съ прежнимъ упорствомъ ненавистную зубрежку. Боязнь красной шапки и звонарства также поослабѣла. Этому много содѣйствовало опредѣленіе на дьячковское мѣсто бывшаго моего товарища великовозрастнаго гражданина камчатки, исключеннаго изъ 3-го класса. Если, думалось мнѣ тогда, такому субъекту дано мѣсто, да еще въ хорошемъ селѣ, то мнѣ, какъ четырехкласснику, еще легче будетъ стать дьячкомъ, когда я, конечно, подрасту. Кстати скажу, что въ матеріальномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи карьера дьячка могла показаться заманчивой. Во многихъ селахъ, напр., хоть въ Верховинѣ, дьячекъ получалъ 500—600 р., да еще при казенной квартирѣ—значитъ, вдвое почти больше, чѣмъ теперь получаю я. Но, кажется, не столько эти соображенія охладили мой пылъ къ зубренью, сколько нелѣпость преподаванія, да еще такихъ предметовъ, при зубреніи которыхъ требуется не острая, бы-

стро, хотя и не надолго, схватывающая память, а упорный, вполнѣ безсмысленный трудъ. Въ 4-мъ классѣ преподавался пресловутый церковный уставъ. Какимъ-то чудомъ у меня въ памяти посейчасъ сохранился изъ него отрывокъ. Полюбуйтесь, какія прелести мы должны были буквально зазубривать. Учителю было, конечно, легко по учебнику слѣдить за урокомъ и за каждую почти перестановку словъ драть учениковъ, но навѣрное и самъ учитель не скоро бы осилилъ такой урокъ. «*Полунощница по вся дни.* Воспрянувъ безъ лѣности и отрезвився, вставъ отъ сна, рцы сіе: во имя Отца... Посемъ постой мало молча, дондеже утишатся вся чувствія, и тогда сотвори 3 поклоны, глаголя: Господи Іисусе... Царю небесный, Св. Боже 3, Слава и нынѣ Пресв. Троице; Господи помилуй 3; Отче, Господи помилуй 12; Слава и нынѣ; Пріидите... и псалмы 50 (и др.). На Господи воззвахъ, стихиры, гласъ 4-й на 6 по тріоди и по мѣсячной Минеѣ на 4; Слава: дневному святому. И нынѣ: Богородиченъ. Аще же вторникъ: крестобогородиченъ. Подобенъ: Аки долбля; Сѣдаленъ: гласъ 6. Свѣтиленъ: Прехвальніи мученицы. Тропарь святому. Зри минею. Кондакъ общій. Аще же праздникъ—празднику. Зри цвѣтную тріодь. Каноиъ молебный Твореніе Іосифа, его же краестрочіе по алфавиту. Гласъ 8-й. Пѣснь и ірмосъ». Полагаю, что легче принять сотню трудноболь ныхъ, чѣмъ выучить эту галиматью. А вѣдь отрывокъ, приведенный выше, составлялъ $^1/_3$—$^1/_4$ всего урока. Сколько, значитъ, труда тратили мы на зубреніе массы нелѣпостей,—и тратили совершенно зря? А вѣдь многіе изъ насъ слыхали отъ отцовъ, что уставъ необходимъ и для попа и для дьячка. Умъ за разумъ заходилъ, когда мы видѣли, что, несмотря на отчаянную зубрежку, мы все-таки устава не знаемъ и самой простой церковной службы справить не умѣемъ. А вѣдь ларчикъ-то какъ просто могъ открыться! Стоило бы только изъ церкви принести требники, минеи, тріоди и другія богослужебныя книги, показать, какъ, по какимъ книгамъ и какую службу отправлять, указать на значеніе каждой книги, да еще объяснить непонятные термины, въ родѣ: кондакъ, сѣдаленъ, свѣтиленъ— и дѣло было бы въ шляпѣ. Я слыхалъ отъ поповъ, что по книгамъ изучить уставъ легко, а по учебникамъ (безъ книгъ) невозможно. А наше мудрое начальство до этого не додумалось и одновременно съ настойчивостію, достойною лучшей участи, воспитывало въ насъ ненависть къ себѣ, къ методу преподаванія, отвращеніе къ уставу, да кстати и къ другимъ учебникамъ. Послѣдніе за мое время щеголяли другъ передъ другомъ сухимъ изложеніемъ, ужасно тяжелымъ языкомъ, массою ненужныхъ мелочей, а нѣкоторые еще и схоластикой. Уже послѣ несправедливой порки

мое прилежаніе поослабѣло; безтолковые преподаватели и учебники, конечно, не остались безъ вліянія. Я сталъ учиться неровно: сегодня въ нотатѣ красуется sc., а завтра nt., или даже ns. Только по древнимъ языкамъ я постоянно получалъ хорошія отмѣтки. Такое ученіе бѣсило учителей. Началась со мною старая игра: въ недовернись—бьютъ и перевернись—бьютъ. Мой нравственный развратъ дошелъ до того, что на розги я сталъ смотрѣть, какъ на орудіе, производящее только физическую боль; болей же душевныхъ я, кажется, не ощущалъ тогда. Къ Рождеству съ 3-го мѣста я слетѣлъ во 2-й десятокъ; къ Пасхѣ опустился еще ниже, а къ лѣту чуть не попалъ въ камчатку. И драли же меня! За первый годъ моего пребыванія въ 4-мъ классѣ выпороли меня, навѣрное, болѣе 100 разъ. Пакости творилъ я ужасныя; но пакостилъ начальству такъ, что не попадался почти. Нѣкоторыя изъ нихъ удержались еще въ памяти.

1) Былъ у насъ одинъ нелюбимый учитель, который, не желая быть попомъ, кромѣ учительства служилъ чиновней въ какой то палатѣ и, значитъ, получалъ два жалованья. Всегда являлся онъ надушеннымъ и прилизаннымъ франтомъ и даже въ цвѣтныхъ перчаткахъ, плотно обтягивавшихъ его руки. У этого франта была привычка при входѣ въ классъ во время чтенія молитвы снимать перчатки при помощи зубовъ. Меня какъ-то и осѣнила мысль воспользоваться его привычкой ради пакости. Прежде, чѣмъ осуществить свой планъ, я посвятилъ въ его тайны одного преданнаго мнѣ бурсачка, ни къ чему не брезгливаго. По плану мы предъ самымъ приходомъ франта должны выйти изъ класса, оставивъ дверь несовсѣмъ притворенною, чтобы можно было отворить ее, не хватаясь за скобку. (Дверь нелегко отворялась). Бурсачекъ остался у самой двери, я же былъ на караулѣ. Едва вступилъ франтъ въ коридоръ, изъ котораго насъ было невидно, такъ какъ передъ нашимъ классомъ было устроено нѣчто въ родѣ ниши,—какъ я далъ условный знакъ. Мгновенно мой коллега скобку смазалъ каломъ, хранившимся въ бумажкѣ. Быстро мы, не касаясь скобки, вошли въ классъ и, при помощи внутренней скобки плотно притворивъ дверь, усѣлись на мѣста. Входитъ франтъ и, по обыкновенію, начинаетъ зубами снимать перчатку, но тутъ моментально произошло нѣчто необычайное: онъ фыркаетъ, пачкаетъ свой носъ, морщится, что-то бормочетъ и, наконецъ, скорчившись точно отъ колики, приказываетъ цензору доложить инспектору о внезапной своей болѣзни. Еще не прошло изумленіе учениковъ, а франтъ уже улетучился. Ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни ни жалобъ, ни розысковъ никакихъ не было. Мой расчетъ, что такой прилизанный франтикъ постарается

скрыть эту прискорбную для него исторію, оказался вполнѣ вѣрнымъ. Когда всякая опасность миновала, болтливый бурсачекъ разболталъ товарищамъ о моей выходкѣ,—и я въ глазахъ ихъ выросъ на цѣлую голову. И прежде они относились ко мнѣ съ уваженіемъ, а теперь оно перешло въ какое-то поклоненіе. Начальство о моей продѣлкѣ, пока, по крайней мѣрѣ, я былъ въ училищѣ, не знало; франтъ, конечно, молчалъ.

2) Этою же зимою я чуть было не разыгралъ роль Герострата, о которомъ тогда, конечно, и не слыхивалъ. Къ счастію, хорошіе инстинкты взяли тогда верхъ. Какъ-то въ половинѣ утренняго класса я поднялъ руку, т.-е. попросилъ позволенія выйти. Выйдя на крыльцо, я оглядѣлся, какъ воръ, кругомъ и тайной тропинкой пробѣжалъ за полѣницу дровъ на облюбованное ранѣе мѣсто, гдѣ уже лежала куча березовой коры. Только что запылала она, какъ я ужс и образумился. Моментально меня озарило сложное чувство: страха, жалости и сознанія своей низости,— и я быстро, хотя и осторожно, пробрался въ классъ и почти крикнулъ: у насъ пожаръ. Всѣ ученики, во главѣ съ инспекторомъ, бросились на пожарище, гдѣ уже ярко пылали какихъ-нибудь 40—50 полѣньевъ, и не только быстро потушили пламя, но вслѣдствіе усердія ли, или шалости раскидали цѣлую полѣницу. Я получилъ спасибо отъ инспектора, что не помѣшало ему на другой же день выпороть меня за плохое знаніе урока. Моя уголовная продѣлка осталась тайною.

3) Съ давнихъ поръ существовалъ въ училищѣ обычай на время убѣгать изъ него на волю, когда училищный режимъ придется не въ моготу. Бѣглецовъ называли у насъ скитальцами. Какъ и жители остроговъ, ученики отправлялись скитаться раннею весною. Кромѣ обыкновенныхъ, для скитальцевъ существовали еще особыя, спеціальныя, крайне жестокія наказанія, напр., тюлька. Это толстый, круглый обрубокъ дерева, къ серединѣ котораго придѣлывалась цѣпь съ желѣзнымъ, обтянутымъ кускомъ грубаго сукна ошейникомъ. Послѣдній надѣвался на шею скитальца, запирался замкомъ и не снимался даже на ночь. Но и такія суровыя мѣры не прекращали скитаній, которыя шли точно полосой: то 2—3 года ихъ не было, а то въ одну весну объявлялось 3—5 скитальцевъ. Съ вѣяніемъ весны меня, какъ птицу на перелетъ, точно роковая сила потянула изъ бурсацкой духоты на волю, на просторъ. Съ полными сухарей карманами и нѣсколькими копѣйками я пустился въ путь безъ опредѣленнаго плана, на авось, съ однимъ, старшимъ меня года на 3 и уже опытнымъ въ скитаніяхъ, товарищемъ. Долго ли мы скитались,— хорошо не помню, но, вѣроятно, не менѣе недѣли, такъ какъ пой-

мали насъ уже верстахъ въ 50 отъ Вятки. Сначала мы обходили села, ночевали въ глухихъ деревняхъ, гдѣ иногда насъ крестьяне изъ жалости и кормили, но какъ скоро осторожность была забыта, въ первомъ же селѣ насъ поймали и подъ конвоемъ десятскаго представили въ бурсу. Дѣло было къ вечеру, а потому порка отложена до другого дня, но тотчасъ же отдано приказаніе комиссару приготовить къ утру тюльки. И на этотъ разъ случай выручилъ меня. Какъ послѣ оказалось, почти вслѣдъ за нашимъ уходомъ отъ инспектора, ему доставлена бумага, предписывающая немедленно сдать должность одному изъ учителей, до назначенія новаго инспектора. На утро все училище ликовало; узнали мы, что, благодаря ревизору, уволены: смотритель, инспекторъ и экономъ и сдѣланъ на нихъ еще начетъ. Въ этомъ переполохѣ и розги и тюльки были забыты,—и наше скитанье, кромѣ удовольствія пожить на волѣ, ничего намъ не доставило. Точно геній добраго монаха издали покровительствовалъ мнѣ!

4) Въ одинъ изъ майскихъ дней часу въ 10-мъ я поднятіемъ руки отпросился якобы въ с....ръ, но вышелъ на крыльцо. На дворѣ стояла первобытнаго устройства колокольня, т.-е. вертикальный врытый въ землю столбъ съ поперечными положенными накрестъ брусьями, къ которымъ были привязаны 5—6 колоколовъ. Въ одинъ изъ нихъ отбивались часы, означающіе начало и конецъ класса. По близости отъ колокольни свободно гуляла по лугу и беззаботно пощипывала травку телка. Подъ вліяніемъ этой обстановки быстро созрѣлъ мой нехитрый планъ. Какъ опытный воръ, зорко оглядываясь и прислушиваясь и не замѣтивъ никого ни у оконъ, ни на дворѣ, я подошелъ къ телкѣ, которую и прежде часто гладилъ, приласкалъ ее теперь, подвелъ къ колокольнѣ и накинулъ ей на шею петлю отъ часового колокола. Разсчитывая, что пока у колокольни есть трава, телка будетъ спокойно щипать ее, я скорыми шагами направился въ классъ. Но едва я усѣлся на мѣсто, какъ зазвучалъ часовой колоколъ, звукъ котораго приводилъ насъ въ какой-то экстазъ: начинались шарканье, стуканье, шумъ; урокъ обрывался почти на полусловѣ и даже преждевременно пракращалась порка; всѣ спѣшили изъ ненавистнаго класса. Въ коридорѣ сталкивались ученики всѣхъ классовъ, шедшіе по пятамъ учителей. Кажется, ни у кого изъ нихъ не было часовъ, и они выражали свое удивленіе скорому окончанію классовъ на разные лады: одинъ говорилъ, что не успѣлъ высѣчь и половины ребятъ; другому еще выпить не пришло время и т. д. Пока мы шли по училищу, изъ-за топота ногъ звонъ не былъ слышенъ, но едва спустились на дворъ намъ представилась поразительная картина: телка прыгала, какъ

бѣшеная, колоколъ звенѣлъ, какъ на пожаръ; начальство, его чады и домочадцы высыпали на дворъ, а равно и служители. Но никому сначала и въ голову не приходило, что пора освободить бѣснующуюся телку; всѣ только ахали, да охали.

На другой день я съ совершенно покойнымъ духомъ вполнѣ увѣренный, что о моей продѣлкѣ, кромѣ меня, никто не знаетъ, пребывалъ въ классѣ, какъ вдругъ является инспекторъ въ сопровожденіи 2-хъ никому неизвѣстныхъ мужиковъ. Оказалось, что эти мужики пилили дрова и издали видѣли меня, когда я возвращался въ классъ. И посейчасъ не понимаю, какъ мой зоркій глазъ проглядѣлъ ихъ. Войдя въ классъ, инспекторъ сказалъ: ну маленькіе, толстенькіе, бѣленькіе выходите на средину. Екнуло тогда мое сердце; я не успѣлъ еще дойти до средины, какъ пильщики, точно обрадовавшись чему-то, въ одинъ голосъ сказали, указывая на меня: вотъ онъ самый и есть. Запираться было стыдно и даже нахально; я покорно повинился и пока оставленъ былъ въ покоѣ. Въ тотъ же день вмѣсто послѣобѣденнаго урока, при небывало торжественной обстановкѣ, произведена надо мною экзекуція новымъ инспекторомъ, да такая жестокая, что едва ли не превосходила своею свирѣпостію прежнія генеральныя порки. Сѣкли меня не въ классѣ, а на лугу около колокольни въ присутствіи всего училища. Это обстоятельство считалось особенно позорнымъ, но во мнѣ стыда тогда, кажется, не было; я страдалъ только отъ физической боли. Товарищи же стали еще внимательнѣе ко мнѣ.

Хотя я учился въ 4-мъ классѣ плоховато, а главное—неровно, однако экзаменъ выдержалъ очень недурно. Все-таки я поплатился тѣмъ, что очутился около камчатки.

Лѣто я почти исключительно занимался чтеніемъ на любезномъ кладбищѣ. Въ выборѣ книгъ моя рука была владыка. Къ сожалѣнію, отецъ, человѣкъ, вообще, замѣчательно начитанный и умный для своего времени и своей среды, о педагогикѣ, по крайней мѣрѣ разумной, не имѣлъ, кажется, ни малѣйшаго понятія. Изъ такъ называемыхъ свѣтскихъ книгъ на заднихъ полкахъ я обрѣлъ два или три разрозненные тома исторіи Карамзина, да нѣсколько книжекъ трагедій Сумарокова и Озерова, да, кажется, и только. Свѣтскія книги не только увлекали, но просто очаровывали меня, но я болѣе все-таки налегалъ на книги мистическія, хотя онѣ и не нравились мнѣ и были къ тому же мало понятны. Да и то, что казалось мнѣ понятнымъ, вѣроятно, понято мною было вкривь и вкось. Мой ребячій умъ почему-то представлялъ себѣ книги, трактующія о сверхчувственныхъ, а тѣмъ болѣе о божественныхъ предметахъ, да еще неудобопонятно, воплощенною мудростію. Вмѣсто того, чтобъ вслѣдствіе малопонятности бросить ихъ

или хоть отложить на время чтеніе, я напрягалъ до-нельзя свою голову, мучился безплодно. При отъѣздѣ въ училище я набралъ съ собою почтенную кипу книгъ, но только мистическихъ. Свѣтское чтеніе строго преслѣдовалось, и потому отецъ, хотя и не возражалъ противъ свѣтскихъ книгъ, но взять съ собою ихъ не позволилъ. Скоро оказалось, что начальство косо смотрѣло даже на чтеніе божественныхъ книгъ, считая его помѣхою для зубренія уроковъ и полагая, что въ учебникахъ достаточно для насъ премудрости. Поэтому привезенныя книги я читалъ урывками и тайно.

Я сталъ не только прилежнымъ, но образцовымъ ученикомъ и въ первую же треть занялъ случайно 3-е мѣсто даже до экзамена. Новое начальство ввело забытый на время порядокъ пересаживанія съ мѣста на мѣсто. Суть его слѣдующая: часто у насъ писались въ классѣ сочиненія латинскія и греческія,—такъ называемыя оккупаціи. Ученикъ, сидящій, положимъ, на 40-мъ мѣстѣ, можетъ сѣсть хоть на первое, если въ концѣ оккупаціи напишетъ, что онъ желаетъ занять первое мѣсто. Если, дѣйствительно, онъ напишетъ лучше, то и мѣняется мѣстомъ съ первымъ ученикомъ; за неудачу же, за каждую ошибку получаетъ по нѣсколько розогъ и остается на старомъ мѣстѣ. Зналъ я древніе языки положительно лучше всѣхъ товарищей, но первые два ученика были мои пріятели; третьему же я почему-то не симпатизировалъ. Ему-то, бѣднягѣ, и пришлось помѣняться со мною мѣстомъ.

Годъ этотъ памятенъ мнѣ только тѣмъ, что къ массѣ пороковъ, толстымъ слоемъ придавившихъ на время мои добрые инстинкты, я присоединилъ самый отвратительный—воровство. Въ Вяткѣ жила дружная съ моими родителями добрѣйшая семья архитектора, въ которой разъ или два въ мѣсяцъ по воскресеньямъ пріятно проводилъ время. Мое вниманіе привлекъ небольшой финифтяной образокъ съ миніатюрой Христа. Онъ былъ такой чудной божественной красоты, что глазъ оторвать отъ него не хотѣлось. Я какъ-то улучилъ удобную минуту и спряталъ образокъ въ карманъ, разсчитывая, вѣроятно, что въ массѣ подобныхъ образковъ, занимавшихъ громадную кіотъ, пропажа можетъ быть не замѣчена. Но я разсчиталъ безъ хозяина, а хозяиномъ-то оказался я самъ. По возвращеніи въ училище, едва я надѣлъ на шею образокъ, какъ начались такія страшныя угрызенія совѣсти, какихъ я, кажется, не испытывалъ во всю жизнь. Да и немудрено. Ни до, ни послѣ я никогда и ничего не воровалъ, поэтому самая новость преступленія мучительно должна отозваться на мнѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, много у меня было пороковъ, но они

были присущи почти всѣмъ товарищамъ; воровъ же мы всѣ презирали. Мученія совѣсти стали для меня просто невыносимы. На другой день, придумавъ какой-то предлогъ, я отпросился послѣ класса на три часа въ городъ и полетѣлъ къ архитектору. Всю эту семью я засталъ за обѣдомъ, вынулъ образокъ, сказалъ: возьмите, но простите и въ обморокѣ грохнулся на полъ. Очнулся я на кровати, съ мокрою головой, въ кругу всей милѣйшей семьи, которая отнеслась ко мнѣ, какъ къ блудному, но раскаявшемуся сыну. Самъ старикъ утѣшалъ меня, говорилъ, что все останется втайнѣ и въ заключеніе, ласково поцѣловавъ меня, надѣлъ такъ полюбившійся мнѣ образокъ на шею. Мѣсяца черезъ два семья уѣхала куда-то на югъ, но до самаго отъѣзда ея, по просьбѣ архитектора, инспекторъ каждое воскресенье отпускалъ меня въ это уютное гнѣздышко. Страшно тяжело было провожать ее въ дальній путь; отъѣздъ этихъ добрыхъ людей оставилъ въ сердцѣ какую-то пустоту.

Годъ, за исключеніемъ разсказаннаго эпизода, прошелъ благополучно. Кажется, не болѣе 1—2 разъ меня выпороли и то за неважныя шалости. Какъ будто даже и самая ненависть къ бурсѣ поослабѣла; борьба внутреннихъ добрыхъ началъ, заложенныхъ дома, съ злыми бурсацкими также поутихла. Впрочемъ, это было неполное примиреніе со зломъ, и лишь временное равнодушіе къ нему. Экзаменъ сдалъ я хорошо и въ числѣ первыхъ учениковъ удостоенъ перевода въ семинарію. Пріѣхалъ я на каникулы съ гордымъ сознаніемъ, что я семинаристъ и человѣкъ уже большой, у котораго розги не будутъ болѣе разрисовывать узоры на марфуткѣ, хотя этому большому человѣку было только 12 лѣтъ. О радости родныхъ, ихъ ласкахъ говорить излишне. Отдохнувъ нѣсколько дней, я попрежнему принялся за книги, да и дѣлать больше было нечего; товарищей изъ духовенства не было; друзья же моего дѣтства съ утра до ночи работали въ полѣ. Въ нѣсколько дней я проглотилъ уже читанныя мною свѣтскія книги и поневолѣ опять принялся за мистику, благо ея было изобиліе. Кажется, она на этотъ разъ была для меня болѣе понятною; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Многое, если я и понималъ, то понималъ превратно. Крѣпко помню, что въ это лѣто я сталъ предаваться размышленіямъ, которыя мало походили на прежнія дѣтскія мечтанія. Бывало сидишь около дѣдовой могилы въ тѣни кладбищенской церкви и цѣлые часы отдаешься размышленіямъ о предметахъ отвлеченныхъ и, главнымъ образомъ, религіозныхъ, вызываемыхъ все тѣми же мистическими книгами. Обрядово-церковное воспитаніе, своеобразная духовная атмосфера, въ которой я жилъ, мистическія бредни, которыми я насыщался и которыя

перемѣшивались съ здравыми нѣкоторыми масонскими идеями и, наконецъ, значительная доза воспринятаго мною въ бурсѣ кощунства,—все это произвело въ моей головѣ невообразимый сумбуръ. Мои размышленія о предметахъ, превышавшихъ не только мое, но и вообще человѣческое пониманіе, только усилили царившій во мнѣ хаосъ. Религіознаго, здороваго чувства, которое помогло бы разобраться въ немъ, у меня не было; мѣсто его заступила набожность, близкая къ ханжеству. Смутно я понималъ, что прежде всего слѣдуетъ произвести основательную чистку души, загрязненной разными, навѣянными бурсою, пороками и по-возможности вернуть прежнюю домашнюю чистоту. Но мистика же и помѣшала моему возрожденію; подъ ея вліяніемъ я пришелъ къ выводу, что для чистки души достаточно молитвъ, воздыханій, да нѣкотораго умерщвленія плоти. Въ концѣ лѣта я остановился на мысли вмѣсто семинаріи поступить въ монахи, т.-е. принять ангельскій чинъ, и сообщилъ объ этомъ отцу. Его неумолимая логика безпощадно разбила всѣ мои мечты и вполнѣ отрезвила меня. Смѣхотворность и нелѣпость моего намѣренія была выставлена отцомъ, какъ на ладони. Мнѣ стало ясно, что въ моемъ возрастѣ жить отшельникомъ въ пустынѣ немыслимо, а въ монастырѣ до 25 лѣтъ я могу имѣть не ангельскій, а только лакейскій чинъ. Самому мнѣ стало и стыдно и смѣшно.

Для фактическаго поступленія въ семинарію нужно было выдержать еще пріемный экзаменъ, который для учениковъ Вятскаго училища на этотъ разъ не былъ страшенъ, ибо на переходномъ экзаменѣ былъ отъ семинаріи депутатъ-профессоръ и въ ней насъ экзаменовали для формы. Но онъ былъ страшенъ для учениковъ 5 училищъ, которыхъ возвращали цѣлыми десятками вспять. Помимо потери двухъ лѣтъ, недешево стоили ихъ отцамъ проѣздъ и житье въ Вяткѣ. Сарапульскимъ, напр., ученикамъ нужно было проѣхать 560 в., а ѣхали иногда возвращенные ученики въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ своей семьи. Можно представить поэтому, сколько плача и рыданій, и причитаній раздавалось на семинарскомъ дворѣ тогда!

С. П. Сычуговъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

Священная Дружина.

Изъ дневника В. Н. Смѣльскаго [1]).

7 ноября 1881 г. У Публичной библіотеки я разстался съ Тукмачевымъ [2]), который согласился взять отъ меня на храненіе расписки банка о принятіи имъ моихъ капиталовъ на храненіе. Передачу эту я сдѣлаю на-дняхъ, на случай какого-либо несчастія со мною, если я поступлю на службу въ Охрану, въ эту отвратительную для меня службу, отъ которой, быть можетъ, я и увернусь, если не согласятся на мои видоизмѣненія охраны. Мое убѣжденіе таково, что это учрежденіе не должно быть тайнымъ и должно быть организовано на тѣхъ же условіяхъ, какъ «Красный Крестъ», и агенты Охраны большинствомъ должны быть въ вѣдѣніи полиціи и ею избраны.

8 ноября 1881 г. Прошлую ночь я написалъ двѣ записки: одну, по желанію князя Санъ-Донато, о моемъ семейномъ положеніи и о ходатайствѣ моемъ по зачисленію дѣтей моихъ на казенный счетъ: сына въ гимназію, а дочь въ институтъ и о выдачѣ мнѣ пособія на воспитаніе дѣтей, и другую—о необходимости имѣть агентовъ преимущественно въ каждомъ полицейскомъ участкѣ, въ числѣ 4—5, а въ Св. Дружинѣ только бригадировъ съ небольшимъ числомъ агентовъ для повѣрки дѣйствій агентовъ полиціи, въ тѣхъ видахъ, чтобы попусту не платить имъ жалованье, такъ какъ таковое должно производиться изъ суммъ Дружины, а не полиціи, не имѣющей на это никакихъ рессурсовъ. Въ запискѣ этой я доказалъ необходимость имѣть агентовъ при полиціи для избѣжанія антагонизма и возможности имѣть хорошихъ агентовъ по выбору самой полиціи. Въ этой же запискѣ я намѣтилъ несостоятельность устава Дружины въ отношеніи того, чтобы агенты не знали одинъ другого и не были извѣстны полиціи, а также и то, что Дружина не можетъ сама

---

[1]) См. «Гол. Мин.», № 1.

[2]) Вл. Ник., тайн.-сов., служилъ въ государств. канцеляріи, родственникъ Смѣльскихъ.

набирать агентовъ безъ аттестаціи полиціи и что агенты, не состоящіе въ подчиненіи полиціи, мало что могутъ дознать, и что полиція, вынося зачастую оскорбленія отъ агентовъ, умышленно препятствуетъ имъ къ самостоятельному раскрытію преступленій. Въ 11 час. я, прочтя вчера написанныя вышеозначенныя записки, поѣхалъ къ Демидову. Я прибылъ къ нему въ 12 1/4 час. Онъ принялъ меня любезно; выслушавъ записку объ агентахъ, нашелъ ее отличною, правдивою и приказалъ писарю переписать ее начисто для представленія «вверхъ». Послѣ этого я завелъ рѣчь о невыносимости существованія тайной охраны, что положеніе членовъ, принявшихъ присягу, тягостно и даже компрометированно, такъ какъ всѣхъ членовъ величаютъ шпіонами, что рѣшительно невыносимо тяжко для каждаго честнаго добросовѣстнаго человѣка, случайно попавшаго въ члены Святой Дружины. Что по уставу этой Дружины лишь съ агентомъ, по существу съ подлецомъ, я въ правѣ говорить о злодѣйскихъ поступкахъ революціонеровъ,—заговори же объ этомъ съ извѣстными мнѣ честными лицами или моими родными, я дѣлаю преступленіе: нарушаю данную присягу; а между тѣмъ, какъ не потолковать, не посовѣтоваться съ умными людьми объ изысканіи мѣръ къ умаленію злодѣйствъ крамольниковъ? При этомъ, какъ и вчера, сказалъ: «Охранѣ необходимо раскрыться и переорганизоваться въ офиціальную охрану, примѣнительно на тѣхъ правахъ, на которыхъ основанъ «Красный Крестъ», и тогда Охрана будетъ дѣйствительно охранять императора и, если не уничтожитъ крамолу, то послѣдователи ея не будутъ имѣть ни въ чемъ успѣха. Демидовъ, слушая эту рѣчь, которая была мною хорошо сказана и далеко болѣе обширно, чѣмъ здѣсь прописано, сталъ меня просить все это изложить на бумагѣ и записку эту доставить къ нему для прочтенія въ 9 час. вечера, такъ какъ я сказалъ, что въ эту пору мнѣ свободнѣе...

Демидовъ принялъ меня прекрасно, весьма доволенъ составленною мною ему запискою, которую я ему самъ читалъ въ присутствіи его секретаря, и сказалъ мнѣ: «У васъ положительно одинаковый со мною взглядъ на наше дѣло. Я уже говорилъ со многими объ уничтоженіи тайной Охраны и объ обращеніи ея въ открытую Охрану, на правахъ «Краснаго Креста», и всѣ согласны въ этомъ и намѣрены ходатайствовать объ этомъ предъ Государемъ». Затѣмъ сказалъ мнѣ, что «о васъ всѣ знаютъ, довольны вашимъ вступленіемъ къ намъ, и вамъ откроется широкій путь. Вы скоро будете приглашены на засѣданіе, и я увѣренъ, что вы поддержите мои мнѣнія. Когда будетъ время, то, я надѣюсь, вы и напредь согласитесь совмѣстно со мною служить». Секре-

тарь Демидова сказалъ мнѣ, что записка, мною составленная, такая правдивая, отлично составленная, что и ему на сердцѣ стало легче, такъ какъ принятая имъ присяга Св. Др. сильно тяготитъ, заставляетъ лгать даже своей семьѣ. Этотъ секретарь обѣ мои записки, утрешнюю и вечернюю, обязался переписать начисто къ завтрашнему утру, а Демидовъ просилъ меня побывать у него завтра въ 4 часа дня. Говоря объ этомъ, онъ сказалъ, что онъ весьма счастливъ тѣмъ, что ему пришлось имѣть дѣло со мною, а не съ Безобразовымъ... Про Шмидта сказалъ, что скоро уѣдетъ въ отпускъ на 4 мѣсяца отдыхать, и что графъ Воронцовъ Дашковъ суется въ дѣла всѣхъ министровъ и дошелъ до того, что ничего не успѣвастъ сдѣлать, все тормозитъ. Заговоря о квартирѣ для моей канцеляріи, Демидовъ сказалъ: «все это устроится». Я замѣтилъ, что лучше бы ее помѣстить въ одномъ изъ дворцовъ, и это онъ нашелъ правильнымъ. На замѣчаніе же мое, что я только что заплатилъ деньги за свою квартиру, а между тѣмъ придется ее покинуть, Демидовъ сказалъ: «все это возмѣстится вамъ». Дружески пожавъ мнѣ руки и проводя меня до выхода, разстался со мною сочувственно.

9 ноября 1881 г. Встрѣтилъ генерала Шульмана[1]), которому сказалъ я по секрету о запискѣ, составленной мною, о невозможности существованія тайнаго общества Охраны, что это посрамленіе Россіи и тягость для всѣхъ честныхъ людей, попавшихъ въ члены этого общества. Шульманъ, выслушавъ, былъ очень этимъ тронутъ и сказалъ: «Вы молодецъ: высказались, какъ честный человѣкъ; за это всѣ вамъ будутъ благодарны. Моего племянника тоже привлекали въ это общество, и онъ не зналъ, что ему сдѣлать». Я сказалъ Шульману, что я не принялъ присяги на вступленіе въ Дружину и отъ меня ея еще не требуютъ и что я безъ присяги буду вѣренъ царю и отечеству...

Въ 4 часа пришелъ къ князю Демидову и швейцаръ сказалъ, что Демидова нѣтъ дома и онъ просилъ меня повидаться съ его секретаремъ (Іосифомъ Кирилловичемъ Гохтъ). Иду къ Гохту. Онъ съ изысканною вѣжливостью встрѣчаетъ меня, вводитъ въ кабинетъ князя и извиняется, что не исполнилъ въ точности моего требованія о переписаніи составленныхъ мною записокъ, ссылаясь, что во многихъ мѣстахъ не могъ разобрать написанное мною, и при этомъ сказалъ, что князь приказалъ извиниться передо мной, что онъ, князь, не можетъ сегодня видиться со мною въ означенное время. Прочиталъ переписанное Гохтомъ, оказалось,

---

[1]) Ник. Густав., былъ тогда помощникомъ начальника главнаго интендантскаго управленія.

что записка объ учрежденіи агентовъ при полицейскихъ участкахъ переписана хорошо, съ небольшими пропусками, которые тотчасъ же и восполнены, а потому я просилъ его доложить князю, чтобы запискѣ этой сегодня же дали надлежащій ходъ. Вторая записка объ уничтоженіи тайной и учрежденіи открытой Охраны, наподобіе «Краснаго Креста», оказалась съ большими пропусками и неправильнымъ переписаніемъ, и потому записку эту, равно и мои черновики съ обѣихъ записокъ, я взялъ къ себѣ и сказалъ Гохту, что по исправленіи переписанной имъ записки объ открытой Охранѣ я доставлю къ нему въ квартиру князя сегодня вечеромъ, оставя ее для передачи ему у швейцара князя въ особомъ пакетѣ.

Въ 9¾ часа поѣхалъ я къ Демидову и не нашелъ у него Готха: онъ только что ушелъ домой отъ князя. Однако, боясь записку свою оставить у швейцара, пошелъ я къ князю, и онъ меня принялъ, несмотря на то, что у него сегодня гости и музыкальный вечеръ. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ весьма ласково. Я ему прочелъ исправленную записку. Онъ остался ею очень доволенъ и сказалъ, что записку объ агентахъ, а ровно и только что прочитанную, онъ не можетъ послать «вверхъ» ранѣе среды и полагаетъ, что въ среду вечеромъ у него сберутся высшія лица и они, вѣроятно, сочтутъ нужнымъ, чтобы я лично прочелъ имъ эти записки и сдѣлалъ къ нимъ свои разъясненія. «Такъ по крайней мѣрѣ,—сказалъ Демидовъ,—я желалъ бы и, кажется, что это такъ и будетъ». При этомъ онъ просилъ меня завтра въ 12 час. дня побывать у него... Когда я сегодня съ Гохтомъ провѣрялъ переписанные листки съ моихъ записокъ, то онъ сказалъ, что записка такъ прекрасно, ясно составлена, что все въ ней сказанное каждый признаетъ за аксіомы. «Лучшаго,—сказалъ онъ,—во все врямя существованія Дружины никто не писалъ, вы насъ воскресили: мы теперь поняли. А сколько до васъ денегъ брошено, такъ это ужасъ, и все понапрасну!»

Записка В. Н. Смѣльскаго о преобразованіи тайной охраны въ явную [1]).

Всѣмъ намъ извѣстно, что всякая тайна, да къ тому же безсрочная, между единичными лицами есть большая жизненная тягость для нихъ; не рѣдко возбуждаетъ гнѣвъ, сомнѣніе, подозрѣніе и даже раздраженіе, такъ какъ нѣтъ такой тайны, которая бы когда-либо не раскрылась. Послѣ этого, какая же можетъ быть тайна между большою массою людей, когда она рано или поздно

[1]) Приводимъ ее съ сокращеніемъ.

раскроется и воспроизведетъ всѣ тѣ тягостныя послѣдствія, о которыхъ сказано выше? Мало того, тайна между большою массою особей производитъ еще и то, что участники въ ней начинаютъ подозрѣвать, опасаться не только сторонникъ для нихъ лицъ, но даже своихъ соучастниковъ; они во всемъ имѣютъ подозрѣніе; они находяться подъ какимъ-то нравственнымъ необъяснимымъ гнетомъ, пугаются даже тѣней; ихъ умъ омрачается, они впадаютъ въ панику и взамѣнъ пользы дѣлаютъ вредъ; отъ нихъ сторонятся ихъ друзья, товарищи, даже ихъ семейства. А когда всѣ эти близкіе къ нимъ узнаютъ, что они скрытные агенты для тайнаго общества, хотя бы и вполнѣ добродѣтельнаго, полезнаго для народа, то уже обзываютъ ихъ шпіонами. Идея этого слова убійственна для честныхъ людей: она губитъ ихъ, а слабыхъ доводитъ до преступленій. Отклонясь отъ того круга, въ которомъ имъ хорошо жилось, гдѣ они веселились и терзались общими радостями и горестями, имъ, съ вступленіемъ въ тайное общество, уже почти что не войти въ свой прежній кругъ, такъ какъ слово «шпіонъ» осталось за нимъ и трудно его изгладить. Вотъ какую жертву приносятъ тѣ честныя благородныя лица, которыя вступаютъ въ тайное общество. Но, спрашивается, какое въ Россіи тайное общество сдѣлало хотя какое-либо добро? Были на Руси разныя тайныя верховныя и имъ подобныя учрежденія. Съ какою радостью весь народъ въ былыя времена принялъ извѣстіе о закрытіи Тайной Канцеляріи, а нынѣ объ упраздненіи III Отдѣленія! Тутъ всѣ радовались, даже и тѣ, которые никогда не видывали и не знали, гдѣ помѣщались эти учрежденія. Они радовались отъ того, что русскому народу присуща прямота, открытость дѣйствій. Если согласятся на учрежденіе Охраны не тайной, а открытой на правахъ и условіяхъ въ родѣ «Краснаго Креста», то и деньги, и люди и все пойдетъ въ избыткѣ къ водворенію порядка въ Россіи, въ чемъ такъ сильно нуждается она и что такъ тягостно угнетаетъ ее. Вотъ единственная мѣра, посредствомъ которой достигается нарушенное спокойствіе Государя Императора и его семьи, русскаго народа.

Если открытое, а не тайное общество Охраны будетъ установлено примѣнительно тѣхъ правилъ, на которыхъ основанъ «Красный Крестъ», когда членами этого общества будутъ указаны лица самимъ обществомъ,—тогда хоть всѣ революціонеры сберутся въ Россію, не будетъ отъ нихъ вреда: народъ ихъ успокоитъ и многихъ изъ нихъ направитъ на стезю добра, сдѣлаетъ изъ нихъ немалое число полезныхъ, мирныхъ тружениковъ и укротитъ ихъ страсти.

Съ учрежденіемъ общества открытой Охраны пойдетъ строгій

разборъ людей; установятся пріюты для исправленія молодежи, для направленія ихъ на путь правды, къ искорененію изъ нихъ адскихъ злодѣйскихъ помысловъ. Словомъ, во многомъ обновится и окрѣпнетъ наше громадное государство, и всѣ правительственныя учрежденія примутся за подлежащія имъ дѣла.

Въ заключеніе нельзя не сказать: къ чему Св. Др. выдавать себя тайнымъ обществомъ, когда въ подпольной и иностранной прессѣ поименовываются нѣкоторыя лица изъ числа состоящихъ въ Дружинѣ? Всякое общество неизбѣжно дѣйствуетъ тайно, пока оно слабо; но, почувствовавъ свою силу, значеніе, оно уже дѣлается гласнымъ. Слѣдовательно, всякое тайное общество должно начинать ни чѣмъ инымъ, какъ слабымъ по вліянію на большинство людей. Послѣ этого, неужели мы, въ десяткахъ милліоновъ глубоко преданные своему Государю и отечеству, должны почитать себя слабыми и для борьбы съ ничтожною ватагою кромольниковъ учреждать тайныя дружины? Нѣтъ и нѣтъ! Это не вяжется съ спокойнымъ, свѣжимъ, здоровымъ человѣческимъ пониманіемъ подобныхъ дѣлъ.

10 ноября 1881 г. Въ 11 час. отправился я къ князю Санъ-Донато. Онъ принялъ меня привѣтливо, сказалъ что записка моя не вполнѣ еще переписана, но навѣрное сегодня будетъ изготовлена; что, сколько извѣстно, меня намѣрены пригласить на какое-то высшее засѣданіе для выслушанія лично отъ меня моихъ записокъ; что никакихъ особыхъ донесеній не поступило. Я ему вновь дѣлалъ разныя поясненія по моимъ запискамъ, и онъ сказалъ, что все, что я ни говорю, вполнѣ согласно съ его мнѣніемъ и что онъ дорожитъ мною. Просидѣвъ у него ½ часа и видя, что ничего болѣе не услышу отъ него, постоянно говорящаго какъ-то безъ полнаго высказыванія, съ запинками (онъ, какъ кажется, добрый, но не дальній), я сталъ прощаться съ нимъ и онъ при прощаніи сказалъ мнѣ, что завтра въ 6 час. вечера у него будетъ съ докладомъ Назаровъ и что ему желательно, чтобы я завтра побывалъ около 7 час. вечера... Уходя отъ Демидова, я встрѣтилъ Безобразова, пріѣхавшаго къ Демидову. Безобразовъ, увидавъ меня, мигомъ подошелъ ко мнѣ и сталъ разсказывать о дѣйствіяхъ агентовъ и, когда услышалъ отъ меня, что все это мало полезно, сильно защищалъ свои дѣянія. Я ему сказалъ: «въ лицѣ вашемъ я вижу истиннаго труженика, но, тѣмъ не менѣе, не считаю возможнымъ вести ваше дѣло такъ, какъ оно ведется». Я съ нимъ долго бесѣдовалъ на Александровской площади, ходя взадъ и впередъ около зданія Главнаго Штаба, по сторонѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и тутъ насъ встрѣ-

тилъ полковникъ Дисконецъ[1]), любезно поздоровавшійся со мною, не вступая въ разговоръ. Безобразовъ сказалъ, что уже пріисканы квартиры для меня и моей канцеляріи въ Кирочной улицѣ, въ 5 домѣ отъ Литейной, что впослѣдствіи канцелярія можетъ быть переведена въ Таврическій дворецъ и что онъ, Безобразовъ, возвращаясь отъ Шмидта въ 4 часа, будетъ у меня на моей квартирѣ.

Въ $4^1/_2$ ч. пріѣхалъ ко мнѣ Безобразовъ и продолжалъ свой разговоръ, протестуя, безъ всякихъ впрочемъ аксіомъ, противу моего мнѣнія о порядкѣ устройства агентуры. На все это я сказалъ: «Какъ знаете; принимайте мое мнѣніе или нѣтъ, но помните, что, если что выйдетъ дурное по тѣмъ порядкамъ, какіе установила Дружина, то уже нельзя пенять на кого-либо». Это его заставило смолкнуть и перейти на другой обыденный разговоръ... При уходѣ Безобразовъ сказалъ, что дня чрезъ два онъ передастъ дѣла Дружины въ мое распоряженіе и что Назаровъ будетъ состоять подъ моимъ начальствомъ, если я сочту возможнымъ держать его на службѣ. На это я сказалъ, что ранѣе разсмотрѣнія и рѣшенія властями моихъ записокъ мнѣ неудобно вступать въ управленіе организаціею

11 ноября 1881 г. Въ $6^1/_2$ час., уложивъ присягу мою и проектъ оной въ особый пакетъ, пошелъ къ Шмидту и, не заставъ его дома, присяжные листы въ конвертѣ вручилъ лакею для передачи Шмидту. Отъ него пошелъ я къ князю Демидову и пришелъ въ ту пору, когда онъ обѣдалъ, и такъ какъ швейцаръ сказалъ мнѣ, что о моемъ приходѣ сказано доложить князю, то я и пошелъ въ его кабинетъ, гдѣ встрѣтилъ меня Безобразовъ. Узнавъ отъ него, что Демидовъ только затѣмъ и просилъ меня къ себѣ, чтобы объявить о бытности моей на засѣданіи исполнительнаго комитета, счелъ за лучшее уйти.

На засѣданіи этомъ нашелъ я Шмидта, Демидова, Безобразова, генералъ-майора Мих. Иван. Ѳедорова. Затѣмъ пришелъ полковникъ графъ Шуваловъ[2]) (адъютантъ в. к. Владиміра Але-

---

[1]) Вѣроятно, Дзичканецъ, Ал-ѣй Іос. Въ дневникѣ В. Н. Смѣльскаго за 1884 г. онъ упоминается, какъ казначей штаба С.-Петербургскаго военнаго округа.

[2]) Пав. Петр., полковникъ л.-гв. гусарскаго полка, извѣстный подъ свѣтской кличкой «Боби»; былъ однимъ изъ учредителей и главныхъ дѣятелей Св. Дружины. Графъ П. А. Валуевъ въ своемъ дневникѣ за 27 авг. 1881 г. называетъ его однимъ «изъ главныхъ дѣльцовъ правящей камарильи», а 3 декабря того же года сообщаетъ: «увѣряютъ будто гр. Толстой сказалъ Государю, что гр. Вобу Шувалову и К° мѣсто въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ» (Истор. сборн. «О минувшемъ», Спб., 1909 г.), В. Я. Богучарскій полагалъ, что гр. П. П. Шуваловъ принадлежалъ къ лѣвому крылу Св. Дружины и искренне стремился къ осуществленію нѣкоторыхъ конституціонныхъ началъ въ государственномъ устройствѣ Россіи.

ксандровича), завѣдующій заграничною агентурою и добровольною охраною (совмѣстно съ генер. Ѳедоровымъ) по семи главнымъ улицамъ. Шуваловъ—у него № 108—любезно обошелся со мною и познакомленъ со Шмидтомъ. Передъ началомъ засѣданія Шмидтъ, какъ предсѣдатель, прочелъ приказъ о назначеніи, по приказанію самой высшей инстанціи Дружины, меня и Ѳедорова членами исполнительнаго комитета. Демидовъ имѣетъ № 6. Шмидтъ объявилъ мнѣ, что я долженъ подписываться взамѣнъ фамиліи № 136, и что я, кромѣ членства, еще и начальникъ организаціи Петербурга. Графъ Шуваловъ прочелъ намъ донесенія изъ-за границы, изъ которыхъ видно, что въ Парижѣ Драгомановъ, Лавровъ, Соколовъ [1]) и другіе въ Женевѣ, а Гартманъ въ Лиссабонѣ; что лица эти намѣрены въ скоромъ времени прибыть и намѣреваются совершить цареубійство (?), что они поѣдутъ въ большой компаніи, изъ которой часть останется въ Берлинѣ для убіенія германскаго императора Вильгельма, а остальные пріѣдутъ въ Петербургъ черезъ городъ Шарвинты и Варшаву и сойдутъ съ желѣзной дороги за нѣсколько станцій отъ Петербурга; что всѣ эти лица имѣютъ подлѣ себя и находятся въ дружбѣ съ агентами нашими, что женщина Ѳ... намѣрена скоро прибыть въ Москву и замышляетъ убить при пособіи бомбъ, снарядовъ Данишевскаго и бутылокъ съ динамитомъ гр. Игнатьева, Побѣдоносцева, Гр. Воронцова-Дашкова, кн. Демидова и графа Шувалова (послѣдніе—члены нашего комитета), и разныя другія свѣдѣнія. Затѣмъ Шмидтъ читалъ донесенія здѣшнихъ агентовъ, которыя почти всѣ не разъяснены, какъ слѣдуетъ, и интересно лишь то, что въ народѣ ходитъ слухъ, что покойный Императоръ Александръ II два раза своею тѣнью отворялъ царскія врата въ Казанскомъ соборѣ и говоритъ: «Сынъ мой возлюбленный! тебя постигнетъ моя же участь. Ты скоро со мною будешь». Затѣмъ предложено избрать кого-либо въ предсѣдатели нашей комиссіи взамѣнъ Шмидта, уѣзжающаго за границу на 4 мѣсяца, и нами постановлено избрать въ предсѣдатели нашей комиссіи генералъ-адъютанта гр. Петра Андреевича Шувалова или генералъ-адъютанта Ѳедора Ѳедоровича Трепова, о чемъ и сдѣлано постановленіе; но сомнѣваются, примутъ ли они эти выборы или согласится ли на нихъ высшая инстанція Дружины и Государь. Предполагали къ избранію въ предсѣдатели генераловъ кн. Щербатова и Панютина, но это отвергнуто. Докладывали разные

[1]) Вѣроятно, Н. В. Соколовъ, эмигрантъ, бывшій подполковникъ, авторъ книги «Отщепенцы» (уничтожена цензурой въ 1866 г. и переиздана въ Женевѣ въ 1872 г.). Былъ арестованъ за эту книгу въ 1866 г., приговоренъ къ крѣпости на 16 мѣсяцевъ въ 1867 г., сосланъ въ Мезынь въ 1868 г., эмигрировалъ въ 1872 г. и умеръ 5 марта 1888 г. въ Парижѣ.

счеты по расходу денегъ агентами: на поѣздку въ Кіевъ Вороновича и отставной-гвардіи подпоручика Путяты, и утвердили ихъ расходы,—перваго въ 15 тысячъ и второго тысячи въ 2. Вороновичъ въ своемъ расходѣ поставилъ покупку себѣ подштаниковъ и леченія своего сына и т. под. расходы, но пришлось все это утвердить, такъ какъ онъ хорошо окончилъ ликвидацію дѣлъ кіевской агентуры, надѣлавшей не мало хлопотъ Дружинѣ и доведшей ее до того, что Др. уплатила бы и 30 тысячъ, лишь кончить дѣло съ Кіевомъ и не дать ему огласки. Путята тоже много излишне израсходовалъ, но какъ онъ бѣденъ и кое-что сдѣлалъ полезное, то и ему разрѣшено по утвержденіи отчета по расходу имъ до 2 тысячъ отдать передержку въ 107 руб. съ копейками. Въ кандитаты предсѣдателя нашей комиссіи Шмидтъ предложилъ, на случай неутвержденія Трепова и гр. Петра Шувалова, нашего члена гр. Шувалова, но онъ отказался отъ этого, сказавъ, что имѣетъ очень много занятій не здѣсь въ Петербургѣ, а въ Царскомъ Селѣ. По окончаніи этихъ дѣлъ приступили къ чтенію моихъ записокъ, и, по желанію Шмидта, записку мою объ установленіи агентовъ при участковой полиціи, хотя и признанную Шмидтомъ основательною, рѣшили оставить на время безъ движенія, пока я вполнѣ не ознакомился съ дѣйствіями агентовъ Дружины, такъ какъ полиція, по объясненію Шмидта, нынѣ получала 257 околоточныхъ добавочныхъ, собственно для устройства агентуры, и что если они при бывшемъ градоначальникѣ Барановѣ не были этимъ дѣломъ заняты и разносили пакеты, то нынѣ при оберъ-полиціймейстерѣ Козловѣ они стали исполнять подлежащія имъ занятія и еще неизвѣстно, какіе отъ нея будутъ результаты. Вторую записку признали безусловно основательною и рѣшили представить ее вверхъ, въ Центральную Комиссію. При этомъ Шмидтъ сказалъ, что объ учрежденіи открытой Охраны на манеръ «Краснаго Креста» уже стали толковать въ Центральной и Организаціонной Комиссіи и что мой взглядъ на это дѣло пригодится означеннымъ Комиссіямъ. Князь Санъ-Донато предложилъ вопросъ на обсужденіе нашей Комиссіи объ учрежденіи министерства полиціи, но вопросъ этотъ признали оставить открытымъ. Шмидтъ сказалъ, что, когда идетъ пожаръ, то не время исправлять: надо работать тѣмъ, что есть. Графъ Шуваловъ сказалъ, что учрежденіе министерства полиціи нужно одному изъ генераловъ, желающему быть министромъ: «Вы знаете, кто (обращаясь къ Демидову), но будетъ ли отъ этого толкъ?» Нашими агентами въ Парижѣ состоятъ: французъ Лагранжъ [1]) (полицей-

[1]) Въ газетѣ «Правда» (№ 2, 1 сент. 1882 г.,)въ статьѣ «Русская полиція въ Парижѣ (изъ Intransigeant)» о немъ писалось: «Въ Парижѣ суще-

скій чиновникъ г. Парижа) и человѣкъ 7—8 русскихъ изъ евреевъ, и, мнѣ кажется, врядъ ли они полезны, тѣмъ болѣе, что не умѣютъ говорить по-французски, а по-нѣмецки говорятъ на еврейскомъ жаргонѣ. Для болѣе лучшаго веденія этого дѣла и для перевода ихъ разговоровъ въ Комиссіи рѣшено послать въ Парижъ: Греча, сына составителя грамматики,—по указанію Шмидта, а также Перрека—сына генерала, и еще двухъ, по указанію генерала Ѳедорова, съ платою имъ жалованья по 250 р. и съ выдачею суточныхъ и прогонныхъ денегъ. Засѣданіе наше окончилось въ $2^3/_4$ часа ночи...

Гр. Шуваловъ и Шмидтъ читали письма отъ нашихъ эмигрантовъ агентовъ: они умоляютъ дать амнистію для бѣглецовъ за границу и простить большинство сосланныхъ административно, и тогда, по ихъ увѣренію, агитація крамольниковъ умалится и, присоединившись къ нимъ изъ партіи умѣренныхъ, отступятся отъ террористовъ, и слаба будетъ партія крамольниковъ. Шмидтъ хочетъ просить объ ускореніи амнистіи, на что не получилъ отпора отъ нашей Исполнительной Комиссіи.

12 ноября 1881 г. Послѣ завтрака . . . (пошелъ) я къ князю Санъ-Донато, принявшему меня весьма радушно и объявившему, что я въ правѣ приходить къ нему ежедневно, когда хочу, и прямо къ нему въ кабинетъ. Я у него засталъ полковника Кобылина (товарища Сергѣя), состоящаго при князѣ, какъ попечителѣ, чиновникомъ особыхъ порученій, вѣрнѣе,—онъ почтальонъ, относитъ всѣ пакеты отъ князя къ оберъ-полиціймейстеру Козлову (тоже его товарищъ по школѣ гвард. подпрапорщ.), и какого-то Толстого. Съ обоими князь меня познакомилъ и сказалъ, что они состоятъ въ Дружинѣ. Я разспрашивалъ князя объ управленіяхъ Дружины, и онъ сказалъ, что самое высшее учрежденіе называется Центральный Комитетъ, затѣмъ слѣдуетъ Организаціонная Комиссія и наша Исполнительная Комиссія. Всѣ эти учрежденія вѣдаютъ всѣ политическія (революціонныя) дѣла въ Россіи и за границею. При этомъ князь сказалъ, что, по рѣшенію гр. Шувалова, его, князя, и Безобразова, на будущее воскресенье, по небытности Шмидта на засѣданіе, въ предсѣдатели

ствуетъ спеціальная полиція, состоящая на жалованіи у царя, которая вербуется изъ русскихъ и французскихъ агентовъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ нѣкоего господина Лангранжа, бывшаго комиссара полиціи при Имперіи, кавалера ордена почетнаго Легіона, пожалованнаго ему Наполеономъ III, и организатора извѣстнаго заговора въ Блуа, а также покушенія во Флоренціи на жизнь Мадзини, по приказанію и съ субсидіями бывшаго императорскаго правительства. Лангранжъ былъ введенъ съ сношеніе съ русскимъ правительствомъ нѣкимъ Пьетра, бывшимъ префектомъ полиціи. Эта тайная полицейская агентура, которая дѣйствуетъ уже здѣсь съ іюня 1881 г., имѣетъ цѣлью надзоръ за русской эмиграціей».

нашей комиссіи они единогласно избрали меня. Я давай отказываться, говоря, что еще не знакомъ съ дѣлами Дружины, но князь наотрѣзъ сказалъ: «нѣтъ, это должно быть такъ, мы видимъ, что вы практичнѣе насъ и потому дирижируйте нами». Послѣ комиссіи нашей слѣдуютъ попечители, которыхъ число на всю Россію еще не установилось; затѣмъ: начальникъ организаціи, т.-е. то мѣсто, которое мнѣ дано, вѣдующій дѣла не только въ Петербургѣ и окрестностяхъ онаго, но и во всѣхъ мѣстахъ пребыванія Государя Императора. Демидовъ предоставилъ мнѣ нанять квартиры для канцеляріи и лично для меня по моему усмотрѣнію и выбору, не стѣсняясь цѣною; равно согласился на покупку мебели для канцеляріи и на расходы мои по перевозкѣ моего имущества и на покрытіе всѣхъ издержекъ моихъ по переѣзду на новую квартиру. Ему хочется, чтобы и канцелярія и моя квартира были недалеко отъ его жительства. Князь передалъ мнѣ донесенія разныхъ лицъ, въ томъ числѣ заявленіе надв. сов. Ивицкаго, донельзя безграмотное, объ учрежденіи общества открытой охраны Государя. Итакъ, я правъ, сказавъ, что лучше всего открытая охрана и что это учрежденіе примется всѣми жителями сочувственно. Князь предоставилъ мнѣ полное право провѣрить всѣхъ агентовъ и служащихъ въ организаціи и оставить лишь тѣхъ, которыхъ я признаю полезными и хорошими. Онъ же предоставилъ мнѣ и выборъ двухъ помощниковъ мнѣ, но я рѣшительно не знаю, на кого указать, кто годенъ къ этой службѣ; надо будетъ повременить этимъ дѣломъ...

... Я принялся за свой дневникъ. Написавъ письмо къ Воробьеву о прибытіи ко мнѣ завтра вечеромъ или послѣ завтра утромъ; такъ какъ князь дозволилъ мнѣ нанять еще двухъ писарей съ жалованьемъ по 40 руб. въ мѣсяцъ, и хотѣлъ бы взять къ себѣ Воробьева и Рупа, какъ старослужилыхъ николаевскихъ временъ. Они будутъ надежнѣе молодыхъ и не выдадутъ тайнъ никакихъ, зная, что все это идетъ для охраны Государя. Новостей сегодня не слышалъ никакихъ, слышалъ только отъ Демидова, что Безобразовъ просится въ отпускъ на 4 мѣсяца, т.-е. на счетъ общества Дружины погулять за границею. Демидовъ считаетъ Безобразова пустымъ человѣкомъ, и Безобразовъ Демидова считаетъ таковымъ, и оба они сказали мнѣ по секрету, изъ чего я вижу, что оба пустоваты.

13 ноября 1881 г. Въ 11 часовъ пошелъ я къ Безобразову, у котораго познакомился я съ будущимъ секретаремъ своимъ Цвѣтковымъ. По словамъ Безобразова, найдена квартира для моей канцеляріи по Б. Морской, въ домѣ № 51, Александровскаго, офицера кавалергардскаго полка, который съ удоволь-

ствіемъ уступаетъ квартиру и, какъ принадлежащій къ нашей Дружинѣ, обѣщалъ строго охранять ее, дворникъ же его дома состоитъ въ числѣ наружныхъ Охраны. Безобразовъ сказалъ, что квартиры, моя и Цвѣткова, должны быть вблизи канцеляріи и что на наемъ этихъ помѣщеній можно израсходовать до 4 тысячъ въ годъ. Сказавъ ему, что у меня будетъ немало непроизводительныхъ расходовъ вслѣдствіе переѣзда на новую квартиру и что я нуждаюсь въ деньгахъ и что ссуду эту я прошу взыскать изъ причитающагося мнѣ содержанія постепенно и ни въ какомъ случаѣ не вычитать изъ ежемѣсячнаго содержанія болѣе 250 руб., такъ, чтобы я все-таки могъ ежемѣсячно получать по 350 руб., Безобразовъ сказалъ: «Объ этомъ не безпокойтесь; завтра я вамъ къ 11 час. утра привезу 1 тысячу рублей на первоначальные ваши расходы и на покрытіе убытковъ вашихъ по перемѣнѣ квартиры. Довольно вамъ?» На что я отвѣтилъ: «конечно, довольно», и просилъ помнить, чтобы за квартиру мою новую удерживали деньги постепенно. Цвѣтковъ семейный и, повидимому, человѣкъ порядочный... (онъ) согласился на опредѣленіи мною 2 военныхъ писарей въ канцелярію... По Большой Морской проходилъ мимо дома, проектированнаго для моей канцеляріи, и не нашелъ себѣ квартиры, на углу же Исаакіевской площади и Исаакіевскаго переулка, въ домѣ Китнера, нашелъ хорошенькую квартиру во 2-мъ этажѣ, съ 7 окнами на площадь, отдающуюся безъ дровъ за 1300 рублей. Хозяина квартиры не было дома, и потому окончательный отвѣтъ будетъ мнѣ завтра...

Тукмачевъ и Гильхенъ [1]) разсказали, что сегодня къ генералу Черевину [2]) приходилъ проситель и подалъ письмо дежурному для передачи Черевину. Сей послѣдній прочиталъ письмо, въ которомъ сказано, что предъявитель письма, нигилистъ (фамилія не сказана), желаетъ открыть тайну наединѣ изъ вѣрноподданничества. Черевинъ приказываетъ ввести его въ особую комнату. Черевинъ идетъ туда и, когда проситель подходилъ къ нему, то Черевинъ замѣтилъ, что проситель изъ-за пазухи что-то вынимаетъ, и затѣмъ оказывается, что тащитъ оттуда револьверъ. Черевинъ, схватывая его за руку, проговорилъ: «Что вы»? и вслѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ, который прострѣлилъ лишь борты сюртука Черевина и просителя. Конечно, тотчасъ же схватили его и, хотя нигилистъ и отказался сказать фамилію,

---

[1]) Въ листахъ «Земли и Воли», № 5, исполнительный комитетъ Земли и Воли объявлялъ, что чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ Гильхенъ состоитъ на жалованьи въ III Отдѣленіи (*В. Я. Богучарскій*. Изъ исторіи политической борьбы, 28).

[2]) Петръ Александр.; былъ тогда товарищемъ министра внутр. дѣлъ. Здѣсь разсказывается о покушеніи Сапковскаго и Мельникова.

но узнанъ по имѣющимся фотографіямъ революціонеровъ,... говоритъ, выразилъ, что онъ хотѣлъ убить Черевина за то, что онъ завѣдываетъ Охраною. Происшествіе это было сегодня въ часъ дня и уже извѣстно по всему Петербургу. Опять прошелъ моментъ къ обнародованію амнистіи преступникамъ, а, главное, открытой общественной Охраны, которая, несомнѣнно, вошла бы въ положеніе нигилистовъ, частью изобличала бы ихъ, другихъ обезпечила бы, исправила бы и направила бы на путь добра. Чего только упрямится наше правительство? А быть еще не одной бѣдѣ.

14 ноября 1881 г. ...Ждалъ я пріѣзда Безобразова, но взамѣнъ его пріѣхалъ секретарь Цвѣтковъ и вручилъ мнѣ въ пакетѣ одну тысячу рублей безо всякой бумаги. Цвѣтковъ началъ разсказывать мнѣ про записку объ учрежденіи открытой Охраны, добавляя: «Вотъ это такъ записка умная! Много принесетъ добра, когда ее послушаютъ. Въ ней много истины, вполнѣ правдивая. Я ее вамъ доложу, прочитайте ее». На это я сказалъ: «Я ее знаю, она мною и составлена». Цвѣтковъ, услыша это, сконфузился, всталъ и поклонился мнѣ, сказавъ: «Не даромъ же Н. К. Шмидтъ говоритъ мнѣ о васъ такъ много хорошаго. Стало быть, изъ-за васъ измѣнились нынѣ нѣкоторые у насъ порядки». Передавъ ему донесенія, врученныя мнѣ кн. Демидовымъ, я ему вручилъ записку мою объ установленіи агентовъ при полицейскихъ участкахъ. И отъ этой записки Цвѣтковъ былъ въ восторгѣ. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «Вотъ что значитъ практика. Вы отлично знаете полицейское дѣло. Я долго былъ исправникомъ и сознательно высказываю вамъ, что ваше мнѣніе правдивое и безъ выполненія его ничто не будетъ толковымъ». Просидѣлъ у меня съ $^1/_2$ часа. Указавъ ему Воробьева, я сказалъ Цвѣткову отвести квартиру для Воробьева и его семьи въ домѣ № 51 (по Больш. Морской), въ помѣщеніи, нанимаемомъ для своей канцеляріи. Воробьевъ отъ радости не зналъ, что и сказать мнѣ, только кланялся, съ выраженіемъ ко мнѣ глубокой благодарности, а когда я ему сказалъ, по уходѣ Цвѣткова, что хотя онъ, Воробьевъ, и худо служилъ у меня, но о старыхъ служивыхъ я все-таки помню, берегу ихъ. «Простите меня», проговорилъ Воробьевъ.—«Богъ съ тобой,—сказалъ я,—служи только теперь честно». При этомъ я ему приказалъ разыскать Рунца, старшаго писаря бывшаго Штаба мѣстныхъ войскъ, и передать ему, что я желаю его видѣть у себя завтра утромъ...

Около Аничковаго моста увидалъ я ѣхавшимъ на извозчикѣ Безобразова, который мигомъ соскочилъ съ извозчика и, подбѣжавъ ко мнѣ, спросилъ меня, былъ ли у меня Цвѣтковъ и вру-

чилъ ли мнѣ деньги. Онъ сказалъ мнѣ, что радъ тому что я нашелъ квартиру для себя, и замѣтилъ, что 1200 руб. вовсе не большая плата. Исторія съ Черевинымъ его не занимаетъ, и на замѣчаніе мое, что эта исторія еще болѣе доказываетъ ускореніе устройства открытой Охраны, сказалъ: «Ну это не отъ насъ, а отъ верха зависитъ». Говорилъ также, что онъ сдаетъ мнѣ только лучшихъ агентовъ, а остальныхъ самъ разсчитаетъ и уволитъ.

15 ноября 1881 г. Въ 10 час. приходилъ писарь Рунцъ и изъявилъ желаніе поступить въ канцелярію С. Дружины, съ жалованьемъ по 40 руб., и при этомъ просилъ о томъ, чтобы исходатайствовать прикомандированіе къ Красносельской госпитальной командѣ, даже считать на службѣ, для выслуги въ будущемъ году медали на шею за 25-лѣтнюю службу...

Въ $4^1/_2$ часа сѣли обѣдать, и во время обѣда, принесли ко мнѣ письмо отъ Цвѣткова, съ запискою отъ Безобразова, просящаго не заботиться о пріисканіи квартиръ для канцеляріи, меня и Цвѣткова, такъ какъ онъ нашелъ цѣлый домъ, гдѣ все возможно помѣстить. Между тѣмъ, передъ обѣдомъ былъ у меня Воробьевъ и сказалъ, что его Цвѣтковъ посылалъ осматривать квартиру для канцеляріи въ домѣ Александровскаго и что эта квартира хороша и Безобразовъ въ 3 часа окончитъ дѣло по найму ея. Что за чепуха! Теперь я уже и не знаю, какъ мнѣ быть съ новопріисканною мною квартирою и какъ отдѣлаться отъ нея на столько гладко, чтобы это ни для кого не было обидно, а главное, не дало бы повода къ какимъ-нибудь догадкамъ. Впрочемъ, сегодня передъ засѣданіемъ Исполнит. Комитета я переговорю объ этомъ съ Демидовымъ и Безобразовымъ...

Въ $7^3/_4$ час. вечера отправился я къ князю Санъ-Донато, на засѣданіе нашего Исполнит. Комитета. Когда я прибылъ къ Демидову, онъ сказалъ, что гр. Шуваловъ не можетъ пріѣхать: оступясь при выходѣ изъ кареты, ушибъ ногу, а потому просилъ засѣданіе сдѣлать сегодня у него на квартирѣ, куда и начали мы собираться ѣхать (на Фонтанку, къ Италіанской улицѣ, въ его собств. домъ), но только что мы уже хотѣли ѣхать, какъ появляется самъ графъ Шуваловъ, чуточку прихрамывая и затѣмъ ничего. Онъ сказалъ, что хотя нога у него и болитъ, но онъ, въ виду невозможности оповѣстить членовъ о томъ, что засѣданіе будетъ въ квартирѣ его, счелъ за лучшее самъ пріѣхать. Вслѣдъ за этимъ пришелъ бывшій у жены Демидова Безобразовъ, а потомъ и генералъ Осдоровъ. Съ приходомъ его открылось засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Шувалова, который прочелъ намъ письмо, полученное изъ Парижа, изъ котораго видно, что агентура наша дѣйствуетъ

слабо и частью обнаружилась революціонерамъ, а также, что Кропоткинъ съ своею кликою намѣренъ скоро прибыть въ Петербургъ для цареубійства (?) и вообще для производства террора[1]), и что, по прибытіи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Питеръ въ мужицкомъ платьѣ, они предварительно будутъ собираться для совѣщаній около памятника Петра I въ Александровскомъ саду. По окончаніи этого чтенія Безобразовъ началъ было читать свѣдѣнія, собранныя агентурою, но Шуваловъ его прервалъ и сказалъ: «Впереди всего я долженъ доложить Комитету, что наша агентура за все время ея существованія ничего не сдѣлала; всѣ ея дѣйствія равны нулю, и этому ты виноватъ,—обратясь къ Демидову,—ты любодѣйствовалъ, ввѣрился Путилину, котораго ты самъ избралъ къ себѣ въ главные дѣятели». Демидовъ на это безъ всѣкаго гнѣва проговорилъ: «Ты правъ, я виноватъ, но откуда же мнѣ знать полицейское дѣло? Я вовсе отказывался отъ должности попечителя, я не хотѣлъ этого, но меня вынудили принять эту должность и дали мнѣ Путилина, а вовсе не я его взялъ, и если хвалилъ его, то потому, что о немъ всѣмнѣ говорили, какъ о способномъ, геніальномъ человѣкѣ для подобнаго дѣла». Началъ было возражать Безобразовъ, доказывая, что по уходѣ Путилина сдѣлано все возможное, что теперь есть агенты, бригадиры, стали получаться свѣдѣнія, что теперь уже есть сообщатели, внутренніе и наружные агенты. Шуваловъ на это сказалъ: «Да что такое сообщатели и внутренніе агенты? Это одно и то же, и заявленіе, что наружные агенты выбираютъ сообщателей и внутреннихъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основательно. Хороши сообщатели, когда они указаны бригадирами, которые обязаны повѣрять сообщаемыя свѣдѣнія!» Мнѣніе Шувалова довольно рѣзко поддержалъ генералъ Ѳедоровъ, съ добавленіемъ, что онъ не понимаетъ даже и раздѣленія агентовъ внутреннихъ, а особо сообщателей. Это послѣднее и я сказалъ, замѣтя, что внутренній агентъ есть тотъ же сообщатель. Шуваловъ еще болѣе налегъ на бездѣйствіе и безполезность агентовъ. Демидовъ началъ было снова доказывать, что хотя онъ и виновенъ въ бездѣйствіи, но не по своей волѣ, но ему Безобразовъ не далъ договорить, и онъ, Безобразовъ, вспыливъ, всталъ со стула, желчно отнесся къ Ѳедорову и проговорилъ, что послѣ этого онъ не желаетъ оставаться въ этомъ обществѣ, и всѣ бумаги отдалъ Демидову и, попрощавшись, ушелъ домой. Демидовъ тоже отказался отъ своей обязанности, но Шуваловъ уговорилъ его и просилъ взять слова обратно, на что и согласился Демидовъ.

[1]) Редакція, конечно, не считаетъ нужнымъ оговаривать различныя фантастическія извѣстія, сообщавшіяся агентами Св. Дружины.

Исторія эта тягостно подѣйствовала на всѣхъ, я не зналъ, что дѣлать, старался примирить, ссылаясь, что Безобразовъ по моему мнѣнію заслуживаетъ особой признательности за его неутомимую дѣятельность. Шуваловъ, увидя свою ошибку, сказалъ по уходѣ Безобразова, что, если онъ рѣзко выразился, то готовъ извиниться передъ нимъ; Ѳедоровъ тоже заявилъ объ этомъ, и Шуваловъ рѣшился написать письмецо къ Безобразову, прося его извинить. Демидовъ отклонялъ Шувалова отъ написанія письма, а я находилъ, что это очень хорошо, и потому Шуваловъ написалъ письмо, которое по окончаніи засѣданія и отправлено къ Безобразову съ нарочнымъ, въ $11^1/_4$ час. вечера. Шуваловъ говоритъ о неудобствахъ веденія засѣданій въ квартирѣ Демидова и что лучше производить таковыя въ домѣ Яхтъ-клуба. въ имѣющейся тамъ свободной квартирѣ во дворѣ, и что въ этомъ же помѣщеніи могутъ быть засѣданія Организ. Комитета и Архивъ. Демидовъ вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ, а я сказалъ, что прекрасная идея и что этимъ способомъ нигилисты будутъ поставлены въ трудное положеніе относительно узнанія мѣста засѣданія нашихъ Комитетовъ. Кончилось тѣмъ, что рѣшили производить засѣданія въ означенномъ домѣ, мою канцелярію помѣстить въ домѣ № 51, а нанятую мною квартиру оставить за мною. Проектъ Безобразова о помѣщеніи канцеляріи моей и Цвѣткова квартиры въ другомъ домѣ Александровскаго (на Гагаринской набережной) отвергнутъ. Безобразовъ говорилъ мнѣ, что не слѣдуетъ мнѣ брать квартиры въ домѣ Китнера, но, какъ онъ узналъ, что у меня уже состоялось условіе найма, то, въ отклоненіе подозрѣнія, онъ согласился съ моимъ мнѣніемъ и проектировалъ на Гагаринской помѣстить лишь мою канцелярію и Цвѣткова, однако это не состоялось. Шуваловъ читалъ умную записку неизвѣстнаго мнѣ брата Дружины о томъ, что Др. должна помогать полиціи, что надо завести агентовъ въ средѣ прислуги гостиницъ, шамбръ-гарни, кухмистерскихъ и проч. публичныхъ заведеніяхъ мелкаго пошиба. Мнѣніе это я одобрилъ, чему Шуваловъ былъ очень радъ. При этомъ я добавилъ, что бывшее третьяго дня нападеніе на генерала Черевина, а также водвореніе агентуры въ означенныхъ заведеніяхъ ясно доказываетъ необходимость уничтоженія тайной Охраны и объ обращеніи ея въ открытую,—тогда и многіе изъ членовъ открытаго общества внесутъ и деньги на содержаніе агентовъ въ заведеніяхъ, правительство же не въ силахъ расходовать такія громадныя суммы, какія потребуются на установленіе этого дѣла. Вообще я много доказывалъ объ обращеніи тайнаго общества въ открытое. Засѣданіе сегодняшнее очень неудачно, и всѣ бумаги остались такъ себѣ, безъ исполненія.

По окончаніи засѣданія Демидовъ просилъ меня притти къ нему завтра въ 12 час. и совмѣстно съ нимъ разобрать и направить имѣющіяся бумаги. Шуваловъ выразилъ сожалѣніе о происшедшемъ съ Безобразовымъ и сказалъ, что завтра онъ заѣдетъ лично извиниться передъ нимъ. Ѳедоровъ предложилъ довезти меня въ его каретѣ до моей квартиры и, когда я, ѣдучи съ нимъ въ каретѣ, выразилъ, что Безобразовъ не мало трудился и лишь по своей непрактичности не достигъ хорошихъ результатовъ, то это вынудило Ѳедорова сейчасъ же ѣхать къ Безобразову съ извиненіемъ, и потому мы и поѣхали къ нему, застали его дома, и онъ, хотя и говорилъ Ѳедорову, что не претендуетъ, но все же категорически сказалъ, что болѣе не станетъ заниматься и уѣдетъ въ свою деревню на-дняхъ. Ѳедоровъ вскорѣ послѣ этого ушелъ, а я остался, и Безобразовъ, видя мое безпокойство за него, проговорилъ: «Вотъ и видно, что вы честный, добрый человѣкъ, а Ѳедоровъ хитрецъ, жандармъ, не то говоритъ, что чувствуетъ. Я не могу остаться, Всеволодъ Никаноровичъ, Шуваловъ меня обидѣлъ, пусть будетъ это укоромъ ему. Вотъ что значитъ, что не было предсѣдателемъ Шмидта, умнаго, толковаго человѣка. Какой Шуваловъ предсѣдатель? Онъ не соотвѣтствуетъ этому, совершенно негоденъ и ничего не знаетъ». Не подозрѣвая, что Ѳедоровъ ждетъ меня въ каретѣ, я продолжать толковать съ Безобразовымъ, какъ вдругъ приходитъ лакей и докладываетъ, что генералъ ждетъ меня и продрогъ въ каретѣ. Дѣлать нечего, пошелъ я къ нему, и Безобразовъ сердечно распрощался со мною и обѣщалъ сказать Цвѣткову, чтобы онъ нанялъ квартиру на Б. Морской или вблизи ея. Извинился передъ Ѳедоровымъ, что я заставилъ его ждать, не предполагая, впрочемъ, что онъ ждетъ меня. Онъ повезъ меня къ моей квартирѣ. Я ему высказалъ, что по его винѣ я попалъ въ Дружину, что я вовсе не желалъ и не желаю этого, но разъ вынужденъ на это, буду служить, но какъ, и самъ не могу сказать, врядъ ли я буду полезенъ. «А я такъ радъ, сказалъ онъ,—и увѣренъ, что вы принесете пользу большую». При прощаніи онъ просилъ бывать у него и сказалъ, что Алекс. Нв. Левашовъ считается его помощникомъ по Охранѣ наружной. Демидовъ передъ началомъ засѣданія сказалъ мнѣ, что у него сегодня завтракалъ Черевинъ, что выстрѣлъ по немъ былъ въ то время, когда у него была въ гостяхъ жена его, Демидова; что онъ, Демидовъ, купилъ себѣ револьверъ карманный, который и показалъ мнѣ, и что выписалъ себѣ, Козлову, Шувалову и еще кому-то шелковыя кольчуги на случай нападенія на него, что эти кольчуги на-дняхъ привезутъ къ нему и, наконецъ, что онъ въ такомъ нервномъ настроеніи, что не въ силахъ ничѣмъ заниматься и тре-

буетъ 10-дневнаго отпуска. При началѣ засѣданія Безобразовъ прочелъ намъ постановленіе, состоявшееся на прошломъ засѣданіи, которое мы и подписали своими №№.

16 ноября 1881 г. Въ 11 час. утра отправился къ кн. Санъ-Донато.... Демидовъ принялъ меня радушно и вскорѣ къ намъ пришелъ изъ другихъ комнатъ Безобразовъ и помѣшалъ разговорамъ. Демидовъ началъ было мнѣ побранивать Безобразова за его вчерашнюю невоздержность, а Безобразовъ вчера мнѣ началъ было говорить о безтактности и даже глупости Демидова. Ну вотъ, какъ не скажешь, что они оба пустые люди? Завязался у насъ разговоръ о предпринятіи мѣръ къ изслѣдованію крамольниковъ. Я предложилъ дѣйствовать черезъ прислугу въ семействахъ и въ публичныхъ заведеніяхъ, сказавъ при этомъ, что для этого необходимо одному изъ довѣренныхъ честныхъ лицъ открытіе конторы съ денежною помощью отъ Дружины и съ тѣмъ, чтобы завѣдывающій конторою могъ непосредственно самъ имѣть изъ полиціи свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, записавшихся въ конторѣ для полученія мѣста прислуги, и тогда можно будетъ поставить во многія мѣста довѣренныхъ лицъ въ лицѣ прислугъ, во всѣ главныя мѣста, подозрѣваемыя въ предержательствѣ крамольниковъ и вообще вредныхъ людей. Безобразовъ на это сказалъ, что это поведетъ къ раскрытію дѣйствій Дружины; что полиція еще болѣе будетъ мѣшать по всѣмъ дѣламъ Дружины. Демидовъ же сказалъ, что, если сказать министру внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьеву объ учрежденіи Охраною конторы прислуги, то онъ самъ и разболтаетъ объ этомъ всѣмъ и каждому. Да и вообще, по мнѣнію Демидова и Безобразова, нѣтъ такихъ высшихъ лицъ, которыя бы не раскрывали дѣйствій Дружины. «Послѣ этого,—сказалъ я,—не есть ли лучшее это доказательство, что тайныя общества всѣмъ противны, ненавистны? Пожалуйста ускорьте отсылкою моей записки вверхъ объ открытой охранѣ». На это Безобразовъ сказалъ: «Это не поможетъ. Впрочемъ, я ее уже послалъ въ Организаціонный Комитетъ». Затѣмъ рѣшили мы, что я не приму никакихъ дѣлъ раньше переѣзда на новую квартиру и ранѣе переноса канцеляріи въ домъ Александровскаго (на Б. Морскую) и также переѣзда на новую квартиру Цвѣткова.

18 ноября 1881 г. Прибывъ на засѣданіе, Демидовъ встрѣтилъ меня радушно и сказалъ, что революціонеры назвали его гражданскимъ оберъ-полиціймейстеромъ и что гр. Игнатьевъ взялъ его въ личные чиновники особыхъ порученій (безъ жалованья). Всѣмъ этимъ Демидовъ доволенъ. На засѣданіе прибылъ новоназначенный въ члены Исполнительнаго Комитета генералъ-майоръ

князь Щербатовъ[1]), повидимому, надменный человѣкъ; онъ былъ когда-то губернаторомъ въ Польшѣ[2]). Предсѣдательствовалъ сенаторъ Шмидтъ, и были: Безобразовъ, гр. Шуваловъ и генералъ Ѳедоровъ. Шмидтъ объявилъ, что распоряженіемъ свыше онъ болѣе не будетъ предсѣдателемъ Исполнительнаго Комитета и что до назначенія предсѣдателя его должность будетъ исполнять, по рѣшенію свыше, гр. Шуваловъ. На засѣданіи ничего особеннаго не было разбираемо. Шуваловъ читалъ донесенія заграничныхъ агентовъ, которые до того напутали дѣла, что обнаружилось, что двое изъ нихъ, называемые Эдуардомъ[3]) и Жулемъ[4]), должны бѣжать оттуда. Но на сколько это правда, неизвѣстно. Комиссія рѣшила для исправленія дѣлъ командировать въ Парижъ Абазу[5]). По предложенію кн. Щербатова рѣшено пригласить молодыхъ русиновъ въ наши высшія учебныя заведенія, воспитывать ихъ на средства Др. и черезъ посредство ихъ, по природѣ крайне хитрыхъ, дознавать о всемъ, говорящемся въ этихъ заведеніяхъ. Засѣданіе окончилось въ 12 час. ночи, и всѣ мы разбрелись по домамъ. Слѣдующее засѣданіе будетъ въ понедѣльникъ, въ квартирѣ гр. Шувалова.

23 ноября 1881 г. Въ $10^3/_4$ часа пришелъ ко мнѣ Цвѣтковъ и доложилъ, что сегодня онъ возьметъ и доставитъ дѣла отъ Безобразова въ мою квартиру. Цвѣтковъ очень радъ, что избавится отъ Безобразова, котораго онъ, хотя и находитъ прекраснымъ человѣкомъ, но далеко неопытнымъ въ такихъ трудныхъ дѣлахъ. Сказавъ, что Безобразовъ пріѣдетъ ко мнѣ въ 12 час., Цвѣтковъ разсказывалъ всю его 16-лѣтнюю службу и очень хвалилъ Н. К. Шмидта.

Пріѣхалъ ко мнѣ Безобразовъ, и я съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ въ кабинетѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что сегодня сдастъ мнѣ дѣла, и на мой спросъ, могу ли я по частямъ ежемѣсячно воз-

---

[1]) Александръ Петровичъ.

[2]) Въ Калишѣ въ 1869 г.

[3]) Вѣроятно то лицо, которое ниже, 26 ноября, названо Эдуардомъ Франкомъ, т.-е. Германъ Франкъ.

[4]) Германовичъ. О немъ «Правда» (№ 4, 20 сент. 1882 г., «Русская полиція въ Парижѣ») писала: «наиболѣе страшный изъ всѣхъ этихъ воровъ довѣрія—Германовичъ, состоящій еще доселѣ кассиромъ русской библіотеки въ улицѣ Bertholet и болѣе извѣстный французскимъ своимъ товарищамъ по полиціи подъ именемъ Жюли Гурбона или, фамильярнѣе, Жюля.... Ни одинъ изъ соотечественниковъ не избѣгъ его шпіонства... Крайняя осторожность, которую онъ вноситъ во всѣ свои поступки, сослужила ему настолько хорошую службу, что еще доселѣ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ эмигрантовъ уже разгадали его и не питаютъ болѣе никакихъ иллюзій на счетъ истинной его роли въ Парижѣ, другіе—и многіе при этомъ, вѣрятъ въ него и относятся не иначе, какъ къ товарищу по изгнанію».

[5]) Вѣроятно Ник. Савв., бывшій при Лорисъ-Меликовѣ начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

вращать данную мнѣ тысячу рублей, сказалъ: «пожалуйста не безпокойтесь объ этомъ; это такъ уладиться, вы лишь это устройте», и при этомъ просилъ меня быть у него сегодня въ 2 часа для присутствованія при передачѣ дѣлъ Цвѣткову. Безобразовъ разсказывалъ, что вчера былъ у него Назаровъ и сказалъ, что одна изъ евреекъ, изъ числа его извѣстителей, сообщила ему, что въ Петербургѣ появилась небольшая партія террористовъ, которые намѣрены на-дняхъ совершить убійство, но кого—неизвѣстно; что въ партіи этой какая-то М..., за которой устроенъ строгій послѣдный надзоръ. Объ : томъ сообщеніи Безобразовъ никому не писалъ и находитъ излишнимъ, въ виду неопредѣленности сообщенія, съ чѣмъ я не согласился и говорилъ, что объ этомъ слѣдуетъ тотчасъ же сообщить оберъ- олиціймейстеру. Мнѣніе это поддержалъ Цвѣтковъ, но Безобразовъ все-таки остался при своемъ убѣжденіи. Снова я доказывалъ о необходимости имѣть агентовъ при полицейскихъ участкахъ, и послѣ сильныхъ доводовъ къ этому Безобразовъ уже какъ бы склоняется, особенно въ виду того, что его агентура мало что сдѣлала и врядъ ли что сдѣлаетъ и при моемъ руководствѣ. Безобразовъ показалъ мнѣ смѣту расходовъ на мою агентуру, и, сколько я вижу, денегъ на каждый мѣсяцъ дано будетъ мнѣ не мало...

Тимофею[1]) я секретно за клятвою объявилъ, что я состою по охранѣ государя и что онъ, Тимофей, обязанъ оберегать меня и ни единымъ словомъ никому не говорить объ этомъ, никому, даже живущимъ у меня. Тимофей сердечно принялъ мое предложеніе и сказалъ, что будетъ строго и неотступно слѣдить за мною и оберегать моихъ дѣтей...

Въ $8^1/_2$ час. вечера отправился на квартиру гр. Шувалова, на засѣданіе Исп. Ком. Шуваловъ принялъ меня радушно. Я у него нашелъ Безобразова, а затѣмъ пришли генералъ-майоры кн. Щербатовъ и Ѳедоровъ. Съ приходомъ ихъ началось засѣданіе, и такъ какъ Безобразовъ не привезъ никакихъ бумагъ, то пришлось ему поѣхать къ Цвѣткову и привезти кое-какія бумаги. Шуваловъ открылъ засѣданіе чтеніемъ писемъ, полученныхъ имъ отъ его агентовъ изъ Лондона и Парижа. Въ нихъ было сообщеніе: въ одномъ, что революціонеръ Гинковскій на-дняхъ пріѣзжаетъ съ взрывчатыми снарядами въ Петербургъ, а въ другомъ, что онъ же Гинковскій раскаивается въ своихъ преступленіяхъ, поэтому съ разрѣшенія гр. Игнатьева прошеніе о дозволеніи ему вернуться въ Россію. Это обстоятельство вызвало большой разговоръ, и рѣшено Гинковскаго на всемъ пути его слѣдованія

---

[1]) Вѣстовой В. Н. Смѣльскаго.

имѣть подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ заграничной агентуры и съ момента проѣзда его границы опять его слѣдить шагъ въ шагъ агентами изъ старообрядцевъ. Безобразовъ доказывалъ невозможность надзора за этимъ субъектомъ агентами петербургскими, Щербатовъ протествовалъ какъ противъ этого, такъ и противъ раздѣленія агентовъ на филеровъ внутреннихъ и сообщателей, а также противу того, что агентовъ не должна знать полиція. Къ этому мнѣнію я, конечно, присоединился, какъ сознающій безсиліе агентовъ безъ полиціи. Ѳедоровъ держался этой же мысли, а затѣмъ присоединился къ намъ и гр. Шуваловъ. Всѣхъ насъ и особенно Щербатова поразило сообщеніе, что студенты совершенно свободно устраиваютъ вечера въ кухмистерскихъ, толкуютъ на этихъ вечерахъ въ особыхъ комнатахъ о цареубійствѣ, слышатъ это агенты и полиція, все это остается для нихъ безнаказанно, а содержатели кухмистерскихъ, слыша всѣ эти разговоры, даже и не сообщаютъ объ этомъ полиціи. Это до того возмутило всѣхъ насъ, что Щербатовъ и я позволили сказать: «Да что-жъ это такое? Развѣ правительство вовсе безсильно». Безобразовъ, хотя и не соглашался съ этимъ мнѣніемъ, но ничѣмъ это не доказывалъ, и потому рѣшено довести до свѣдѣнія верха и просить немедленно составить комиссію для изслѣдованія наряда надзора за студентами и установленія правилъ на сей предметъ болѣе сообразныхъ, въ виду того что студенты главный контингентъ революціонеровъ. Кромѣ того, рѣшено просить верхъ учредить при начальникѣ агентуры четырехъ чиновниковъ особыхъ порученій для провѣрки свѣдѣній агентуры. Щербатовъ имѣетъ совершенно одинаковый со мною взглядъ на агентуру и находитъ, что совершенно невозможно допустить, чтобы существовалъ принципъ незнанія агентами одинъ другого, равно, чтобы агенты не имѣли карточекъ, за подписью оберъ-полиціймейстера, для предъявленія ими оныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется нужнымъ при сношеніяхъ своихъ съ полиціею и дворниками. Объ этомъ тоже постановлено спросить верхъ. Рѣшено также мнѣ и Ѳедорову составить списокъ мѣстъ, гдѣ дѣлаются вечера студентами, и пріискать квартиру для помѣщенія Гинковскаго. Засѣданіе сегодняшнее было очень бурное, и Безобразовъ, видя свое безсиліе къ доказательству правильности веденія агентуры, объявилъ, что онъ вовсе отказывается отъ этой обязанности и просилъ объ этомъ донести верху, что и записано въ журналѣ Шуваловымъ. Щербатовъ, между прочимъ, доказывалъ необходимость большей самостоятельности начальника агентуры и предоставленіе ему права непосредственного сношенія съ главными представителями полиціи; онъ очень посмѣи-

вался надъ должностью попечителя и находилъ ее ни къ чему ненужною, но этотъ вопросъ остался открытымъ. Щербатовъ между прочимъ, сказалъ: «Если Дружина существуетъ, поглощаетъ массу денегъ, то она должна дѣйствовать, а скрытничать—неизвѣстно для чего; и если скрытность необходима, то лучше агентовъ отдать полиціи и уничтожить Дружину». Это мнѣніе вполнѣ справедливо. Ѳедоровъ очень доволенъ, что я того же мнѣнія, и заявилъ, что всѣ агентуры: Ѳедоровская, Шуваловская и другія должны совмѣстно работать, а не врозь, да при этомъ еще тайно одна отъ другой. Засѣданіе продолжалось до $2^1/_2$ часовъ ночи.

24 ноября 1881 г. Пошелъ въ канцелярію, гдѣ видѣлъ Цвѣткова и писарей: кол. асс. Асѣева и унтеръ-офицера Воробьева и Рунца. Асѣевъ мнѣ не очень понравился и показался сомнительнымъ. Осмотрѣлъ канцелярію и нашелъ, что она размѣщена недурно. Воробьевъ тоже хорошо размѣстился въ трехъ комнатахъ и кухнѣ. Жена и сынъ его почтительно раскланялись со мною и видимо душевно благодарили меня за все мною имъ сдѣланное. Въ канцеляріи являлись мнѣ бригадиры Молотовъ и Пахомовъ, и я имъ выразилъ слабость ихъ дѣйствій, внушалъ болѣе старательности и болѣе строгое наблюденіе за ихъ агентами. Согласно рѣшенію вчерашнему Ис. Ком., приказалъ Цвѣткову заготовить списокъ мѣстъ публичныхъ, гдѣ были вечера, устраивавшіеся студентами, и приказалъ Молотову пріискать квартиру на мѣсяцъ. въ одну комнату (для помѣщенія Гиковскаго). Изъ канцеляріи отправился къ генералу Ѳедорову, засталъ его дома; онъ принялъ меня ласково и обѣщалъ отъ моего имени сказать гр. Шувалову. что мнѣ безъ права свиданія съ оберъ-полиціймейстеромъ и завѣдующимъ секретнымъ отдѣленіемъ Судейкинымъ[1]) невозможно дѣйствовать успѣшно. Ѳедоровъ вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ и сказалъ, что онъ очень радъ совмѣстно со мною работать...

Пріѣхавъ домой, нашелъ ожидавшаго меня В. Н. Цвѣткова съ докладомъ, который, впрочемъ, составленъ былъ не вполнѣ такъ, какъ я сказалъ (относительно баловъ у кухмистера и студентовъ). Тѣмъ не менѣе, докладъ этотъ, равно и записку къ оберъ-полиціймейстеру, я поручилъ Цвѣткову отправить: первую къ генералу Ѳедорову, а вторую къ генералу Козлову. Кромѣ того, въ виду бытности у меня во время моего отсутствія Безобразова и оставленія имъ у меня записки о прибытіи сегодня вечеромъ къ нему, я попросилъ Цвѣткова ѣхать къ Безобразову и сказать ему, что я сегодня очень занятъ и прошу его дозволить

---

[1]) Георг. Порфир., подполковникъ, тогда капитанъ. Убитъ Дегаевымъ 16 дек. 1883 г.

мнѣ быть у него завтра послѣ 2 часовъ. Цвѣтковъ охотно согласился на это и поѣхалъ къ нему... Около 10 часовъ пришелъ Рунцъ и доставилъ пакетъ отъ Молотова, извѣщающаго что квартира для Гинковскаго можетъ быть устроена на Дегтярной улицѣ, въ домѣ № 26/30, кв. 21. Объ этомъ я написалъ къ генералу Ѳедорову и доставленіе пакета къ нему возложилъ на Рунца.

Вчера, между прочимъ, гр. Шуваловъ высказалъ, что издающееся въ Женевѣ «Вольное Слово» есть изданіе нашей Св Дружины, на что тратится значительная сумма; издателемъ ея состоитъ агентъ Дружины Мальчевскій[1]), а помощникомъ его Божидаровичъ[2]). Газета эта установлена для того, чтобы привлечь къ ней революціонеровъ, радующихся всякому изданію противу нашего правительства, и въ ней пишутъ статьи Драгомановъ[3]) и другіе революціонеры, и вотъ этимъ-то способомъ и разузнаютъ, гдѣ обитаютъ и что творятъ революціонеры. Къ этой газетѣ уже присоединилась партія черно-передѣльницкая. Мальчевскій полякъ и при томъ изъ передавшихся намъ революціонеровъ.

25 ноября 1881 г. Въ 10 часовъ утра пошелъ въ свою канцелярію и прочелъ всѣ донесенія бригадира 1 участка Пахомова и удивлялся, до чего только слабо, неопытно относился Безобразовъ къ донесеніямъ. Въ нихъ много серіознаго и ни одно не до-

---

[1]) Мальшинскій, Арк. Павл., редактировалъ «Вольное Слово» съ начала изданія (августъ 1881 г.) до 1 января 1883 г. О немъ и объ участіи Св. Дружины въ изданіи «Вольнаго Слова» см. книгу *В. Я. Богучарскаго* «Изъ Исторіи политич. борьбы» стр. 387—389, и статьи его же: «Земскій Союзъ или Священная Дружина?» (Русск. Мысль, 1912 г., IX), «Земскій Союзъ конца 70-хъ и начала 80-хъ г.г. XIX в.». (Юбилейн. Земскій Сборникъ СПБ., 1914.), «Въ заключеніе полемики» (Русск. Мысль, 1913, II) и «По поводу одной «исторической справки» (Современникъ 1913 г., IV).

[2]) Гавр. Серг. Веселитскій-Божидаровичъ, впослѣдствіи сотрудникъ Новаго Времени («Аргусъ»).

[3]) М. П. Драгомановъ принялъ участіе въ редактированіи «Вольнаго Слова», будучи ошибочно убѣжденъ, что оно представляетъ собою органъ либеральнаго Земскаго Союза. Въ своей автобіографіи (Былое, 1906 г., VI) онъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Въ маѣ 1883 г. прекратилось изданіе газеты «Вольное Слово», основанной въ августѣ 1881 г. обществомъ «Земскій Союзъ» съ цѣлью пропаганды началъ либерально-политической реформы и административной децентрализаціи въ Россіи. Я принималъ дѣятельное участіе въ этой газетѣ, помѣстивъ въ ней много статей... Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено спеціальнымъ делегатомъ «З. С.» принять на себя редакцію «В. Слова». Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ... Но въ маѣ 1883 г. «Вольн. Сл.» прекратилось вслѣдствіе распаденія «Земскаго Союза» подъ вліяніемъ разочарованія тѣхъ его членовъ, которые разсчитывали на возможность добиться созванія Земскаго Собора ко времени коронаціи Александра III и скучали долговременной агитаціей въ обществѣ, отъ которой я только и ожидалъ благопріятнаго результата».

изслѣдовано. На всѣхъ я сдѣлалъ надлежащія надписи, съ предложеніемъ, чѣмъ ихъ слѣдуетъ пополнить. Цвѣтковъ, прочтя мои резолюціи, проговорилъ: «Вотъ, что надо было дѣлать. Я намекалъ объ этомъ Безобразову, но онъ не слушалъ, все дѣлалъ на память, и отъ этого вышли такія фантастическія, ни къ чему ненужныя свѣдѣнія. Видимо, что у васъ намъ надо учиться; недаромъ г. Шмидтъ такъ хорошо отзывается о васъ».

Послѣ обѣда снова занялся чтеніемъ донесеній Драницына, и оказалось, что они еще слабѣе Пахомовскихъ, и Безобразовъ, многія изъ нихъ и изъ Пахомовскихъ, неизвѣстно почему, не докладывалъ Исполнительному Комитету.

26 ноября 1881 г. Взамѣнъ 9, въ 10 час. пришелъ ко мнѣ Воробьевъ и принесъ переписанную имъ мою записку объ учрежденіи открытой Охраны, и переписка оказалась столь дурною, что, сколько я ни исправлялъ, не могъ всю исправить, и пришлось итти съ нею къ генералу Бобрикову, который принялъ меня хорошо, принялъ отъ меня записку о прикомандированіи ко мнѣ писаря Рунца, сказавъ, что это будетъ исполнено, выслушалъ чтеніе моей записки и сказалъ, что «врядъ ли возможно учрежденіе открытой Охраны»; говорилъ мнѣ, что гр. Шуваловъ Павелъ Петровичъ (нашъ предсѣдатель И. К.) пустой человѣкъ; высказывалъ, что немыслимо имѣть нѣсколько сортовъ полиціи; что въ дѣлахъ Св. Др. нѣтъ системы въ дѣйствіяхъ, и увѣрялъ, что въ нынѣшнее время нѣтъ ничего предосудительнаго служить въ какой бы то ни было полиціи; дивился, что у насъ всѣ члены Охраны неизвѣстны и подписываются лишь №№; далъ мнѣ слово, что и виду не покажетъ, что я ему читалъ.

Въ $8^1/_2$ часовъ получилъ записку о прибытіи сегодня въ 9 часовъ вечера къ гр. Шувалову на засѣданіе Исп. Ком. Приходилъ ко мнѣ отъ генерала Ѳедорова Шмидтъ, бывшій въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера секретнымъ агентомъ, и просилъ меня взять его ко мнѣ, на что я сказалъ, что дамъ ему отвѣтъ въ скоромъ времени, переговоря съ Ѳедоровымъ...

Въ $8^1/_2$ час. пошелъ къ гр. Шувалову, у котораго были на засѣданіи князь Щербатовъ, генералъ Ѳедоровъ и Безобразовъ, а затѣмъ свѣт. князь генералъ-майоръ Ник. Петровичъ Лопухинъ-Демидовъ, который просилъ генерала Ѳедорова познакомить его со мною, что и исполнилъ Ѳедоровъ. Лопухинъ состоитъ членомъ Дружины и завѣдуетъ Охраною. Онъ сообщилъ, что революціонеръ Фіялковскій сегодня выбылъ въ Москву съ оружіемъ и планами 3 участка Московской части и что объ этомъ не знаетъ полиція. Засѣданіе открылъ Шуваловъ объявленіемъ, что Центральный Комитетъ, снисходя на мое ходатайство и въ виду предстоя-

щей какой-то реформы, а также и того, что я еще незнакомъ съ личностями бригадировъ,—разрѣшилъ имѣть мнѣ при себѣ 4 лицъ для контроля дѣйствій бригадировъ и агентовъ. Я хотѣлъ было сдѣлать возраженіе, но едва раскрылъ ротъ, какъ кн. Щербатовъ проговорилъ: «Какіе-то невѣдомые члены Центральнаго Комитета нашли *возможнымъ* съ разными оговорками предоставить полковнику имѣть 4 контролеровъ. Да какъ же они, невѣдомые и видимо незнающіе сути дѣла, могутъ рѣшать о назначеніи лишь 4 контролеровъ? Имъ надо было лишь рѣшить, что нужны контролеры, а сколько ихъ нужно, это дѣло полковника,—лишь онъ это можетъ рѣшить. По-моему, не 4—5, а 10—15 нужно; безъ этого нѣтъ точныхъ, вполнѣ, надежныхъ свѣдѣній агентскихъ». Мнѣніе это я подтвердилъ, и потому не пришлось мнѣ и говорить объ этомъ отъ себя. Затѣмъ Шуваловъ объявилъ: «Центральный Комитетъ призналъ цѣлесообразнымъ установить особыя правила для воспитанниковъ высшихъ училищъ, и въ виду того, что еще въ іюнѣ этого года уже были составлены подобныя правила особою комиссіею и не приняты неизвѣстно почему правительствомъ, просить ваше сіятельство (князя Щербатова) составить проектъ этихъ правилъ».—«Мнѣ составить!—возразилъ кн. Щербатовъ.—Да для кого же я буду писать, когда все мною написанное будетъ обсуждаться невѣдомыми мнѣ людьми, въ моемъ отсутствіи, безъ права защиты моего мнѣнія? Нѣтъ я не буду писать при подобномъ порядкѣ, да это и немыслимо. Тутъ опять будетъ такое же рѣшеніе Центральнаго Комитета, какое имъ постановлено по ходатайству основательному полковника Смѣльскаго». Гр. Шуваловъ сталъ было успокаивать, говоря, что всѣ члены Центральнаго Комитета добросовѣстно относятся ко всему, поступающему на его разсмотрѣніе, но это нисколько не измѣнило правильное убѣжденіе князя Щербатова, и онъ категорически сказалъ: «не буду писать». Рѣшеніе нашего Комитета о необходимости имѣть при Комитетѣ одного жандармскаго офицера въ качествѣ офиціальнаго правительственнаго лица, Центральный Комитетъ, по словамъ графа Шувалова, призналъ неосновательнымъ и отклонилъ. Князь Щербатовъ на это: «Стало быть, эти невѣдомые лучше насъ понимаютъ дѣло; имъ и книги въ руки». Въ заключеніе графъ Шуваловъ сказалъ, что Центральный Комитетъ въ виду ходатайства князя Санъ-Донато объ увольненіи его отъ должности попечителя здѣшняго округа, призналъ необходимымъ просить князя Щербатова принять на себя эту должность. «Вступя въ Дружину,—проговорилъ князь,—я не буду отказываться ни отъ какихъ обязанностей, но прошу васъ, графъ, доложить невѣдомому Центральному Комитету, что я приму эту

должность лишь тогда, когда я могу вполнѣ совмѣстно работать съ генераломъ Ѳедоровымъ, извѣстнымъ по дѣламъ виленскимъ, и полковникомъ Смѣльскимъ. Я не желаю розни въ дѣлахъ, такъ какъ лишь общностью въ дѣйствіяхъ возможно достигнуть цѣли въ подобныхъ дѣлахъ». Эту мысль князь развивалъ довольно долго и основательно. Ѳедоровъ, а равно и я, вполнѣ согласились въ этомъ. Безобразовъ что-то началъ было говорить противу этого, но самъ собою смолкъ, и Шуваловъ сказалъ, что онъ доложитъ объ этомъ Центральному Комитету. Послѣ этого Шуваловъ объявилъ, что изъ-за границы онъ ничего новаго не имѣетъ и что агентъ Эдуардъ Франкъ[1]) окончательно скомпрометировался предъ революціонерами и возвращается въ Россію. Безобразовъ началъ читать кое-какія полученныя имъ свѣдѣнія, но столь неполныя, отрывчатыя, что всѣ они оставлены безъ обсужденія, впредь до пополненія ихъ болѣе точными данными. По окончаніи чтенія этихъ свѣдѣній, я обратился къ комитету съ заявленіемъ, что я нахожу совершенно несообразнымъ препятствовать мнѣ въ свѣдѣніяхъ и разговорахъ по политическимъ дѣламъ съ оберъ-полиціймейстеромъ и завѣдывающимъ у него секретною частью капитаномъ Судейкинымъ. «Какъ такъ?—сказалъ Щербатовъ.—Вы не имѣете права объясняться съ ними? Это почему»?—«По уставу нашему,—возразилъ Безобразовъ,—это не должно быть, и допускается лишь въ рѣдкихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, съ особаго на каждый разъ разрѣшенія попечителя».—«Такъ это мнѣ бѣгать разыскивать попечителя?—сказалъ я тогда. Дѣло не терпитъ отлагательства! Нѣтъ это немыслимо, а тѣмъ болѣе теперь, когда попечитель въ отпуску».—«Я исполняю,—сказалъ Безобразовъ,—его должность». «Ну такъ,—проговорилъ я,—вы разрѣшите мнѣ».—«Не могу,—отвѣтилъ Безобразовъ.—Погодите два-три дня».—«Да чего жъ мнѣ годить?—сказалъ я,—когда не только для меня, но и для Судейкина, еще не знающаго всѣхъ дѣлъ своего отдѣленія, вполнѣ необходимо. Вѣдь я завѣдывалъ

[1]) Вѣроятно, Германъ Франкъ, о которомъ «Правда», № 3, 10 сент. 1882 г., въ статьѣ «Русская полиція въ Парижѣ (изъ Intransigeant) сообщала: «Германъ Франкъ принадлежитъ къ хорошей русской фамиліи. Онъ лейтенантъ арміи. Раненый, какъ мы полагаемъ, при осадѣ Плевны, онъ былъ скомпрометированъ въ какомъ то нечистомъ дѣлѣ, вслѣдствіе чего отдался весь къ услугамъ Третьяго Отдѣленія, которое послало его въ Парижъ... По возвращеніи своемъ изъ Англіи, Германъ Франкъ, только сталъ казаться подозрительнымъ своимъ соотечественникамъ. Истина, впрочемъ, обнаружилась потомъ, въ концѣ прошлаго года, послѣ того, какъ бывшій офицеръ, сдѣлавшійся шпіономъ, съѣздилъ въ Женеву. Потерпѣвшимъ полную неудачу, Германъ Франкъ возвратился въ Парижъ. Но Лагранжъ, боясь скомпрометировать возрождающееся предпріятіе ролью разъ узнаннаго уже шпіона, не хотѣлъ его держать при себѣ болѣе пятнадцати дней и спровадилъ въ Баденъ-Баденъ. Тамъ онъ поступилъ въ распоряженіе Закроффо. Мы не знаемъ, что теперь съ нимъ сдѣлалось».

прежде Судейкинскимъ отдѣленіемъ, такъ кому, какъ не мнѣ, знать, что тамъ есть?» Безобразовъ замялся, а Щербатовъ злобно сказалъ: «Да что объ этомъ толковать, когда это невѣдомо почему установлено? Я, вступя въ должность попечителя, заранѣе подпишу на бумагѣ полное право на всегдашнее, когда вы признаете нужнымъ, свиданіе съ обоими этими господами. Непонятно, кто могъ придумать такой странный уставъ». Вскорѣ послѣ этого разговора пріѣхалъ св. князь Лопухинъ-Демидовъ, завѣдывающій охраной какими-то четырьмя домами. По сообщеніи Лопухина, послѣ долгихъ пересудовъ Шувалова и Безобразова, рѣшили они о выѣздѣ Фіялковскаго сообщить въ Москву; по невозможности и неимѣнію права Исполнительному Комитету дѣлать непосредственныя сношенія съ должностными лицами, просить оберъ-полиціймейстера Козлова телеграфировать объ этомъ отъѣздѣ въ Москву; исполненія этого рѣшенія принялъ на себя Безобразовъ.

Засѣданіе окончилось въ 1 часъ ночи, и я съ Ѳедоровымъ пошли домой пѣшкомъ. Ѳедоровъ на пути замѣтилъ мнѣ, что Щербатовъ нѣсколько рѣзокъ, а Безобразовъ мало что хорошо понимаетъ, и отъ этого выходитъ не мало пустяковины... Я съ Безобразовымъ имѣлъ нѣкоторыя пикантности, а онъ позволилъ себѣ замѣтить, что онъ, завѣдывая агентурою 3 мѣсяца, понимаетъ это дѣло лучше меня и предлагалъ мнѣ порядки отношеній моихъ къ бригадирамъ и агентамъ и при томъ съ какимъ-то авторитетно-начальственнымъ тономъ. Это меня не мало коробило, и я ему сказалъ, что трехмѣсячное управленіе агентурою, и притомъ безъ всякихъ добропорядочныхъ результатовъ, еще не даетъ права судить какъ надо обращаться съ адептами агентуры.

При уходѣ съ засѣданія, Безобразовъ сказалъ, что завтра въ 2 часа дня будетъ у меня.

27 ноября 1881 г. Въ 11 часовъ пошелъ въ канцелярію (домъ № 59), гдѣ долго объяснялся съ бригадиромъ Драницынымъ, наставляя его. Начально онъ какъ бы серчалъ, но услыхавъ, что взглядъ мой такой, что о каждомъ человѣкѣ необходимы подробныя свѣдѣнія не съ цѣлью каранія его за проступки и преступленія, а болѣе для изысканія способовъ къ отклоненію его отъ дѣлъ революціи способами обезпеченія ихъ въ виду полнаго ихъ раскаянія въ преступленіяхъ, это такъ подѣйствовало на Драницына, что онъ обязался во всей точности исполнять мои требованія и созналъ вполнѣ необходимымъ строго держаться высказаннаго мною мнѣнія. Потомъ слушалъ докладъ бригадира Полеводина и ушелъ домой едва въ $2^1/_4$ часа.

Пришелъ Безобразовъ и сказалъ мнѣ, чтобы я завтра въ 12 час,

зашелъ къ князю Демидову и получилъ бы отъ него на расходы по агентурѣ 3 тысячи рублей. Безпокоясь вчерашними выходками Безобразова и, главное, видя безтолковость дѣйствія Дружины, не руководясь никакою системою, я сказалъ: «Денегъ не приму, а вотъ вы возьмите отъ меня данную вами мнѣ тысячу рублей, и сумму эту положилъ къ его рукамъ. Я не желаю оставаться въ вашей Дружинѣ. Я не могу сочувствовать порядкамъ вами (Дружиною) установленнымъ. Къ чему ввязываться въ дѣла лицъ съ новымъ взглядомъ, когда яйца начинаютъ учить курицу? Вы установили разные порядки, признанные вами (т.-е. Дружиною) основательными, все прежнее сочтено неправильнымъ, введена рознь въ полиціяхъ. Ну, такъ и вѣдайте ваши дѣла сами, не путайте себя старыми практиками и призовите насъ лишь тогда, когда убѣдитесь въ непрактичности принятыхъ вами порядковъ. Не думайте, я не сразу брошу возложенную на меня обязанность, я даю вамъ двухнедѣльный срокъ на пріисканіе лица взамѣнъ меня, и все это время буду служить безъ всякаго платежа, вполнѣ даромъ, такъ какъ я не могу исполнять дѣло связаннымъ по тѣмъ правиламъ, которые не только идутъ въ разрѣзъ съ моими понятіями, но и зловредны по моему мнѣнію. Нечестно браться, да еще за деньги, за такіе дѣла, которымъ не сочувствуешь. Конечно, я потеряю тысячъ около 2-хъ за свое необдуманное хорошо соглашеніе на просьбу Н. К. Шмидта, но что же дѣлать? Лучше все потерять, чѣмъ быть нечестнымъ къ своему труду».— «Всеволодъ Никаноровичъ,—заговорилъ Безобразовъ.—Что вы дѣлаете? Вы необходимы намъ; васъ всѣ знаютъ за честнаго, умнаго полезнаго человѣка; вы должны намъ помогать. Наша Дружина не самовольная, утверждена и основана по волѣ Государя, она необходима нынѣ. Если что васъ стѣсняетъ, тотчасъ же будетъ устранено; я сегодня же побываю у Козлова и Шмидта и даю вамъ слово, что все будетъ такъ сдѣлано, какъ вы желаете».— «Я болѣе мѣсяца у васъ,—сказалъ я,—и что же? начально долго не зналъ, что и какъ говорить моимъ товарищамъ, назначеннымъ ѣхать со мною въ Архангельскъ; говорилъ имъ что-то несвязное. Потомъ вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не могу вступить на должность, встрѣчая разныя преграды къ надлежащей дѣятельности, начинаю допускать мысли въ этой медленности нежеланье сочленовъ вашихъ допускать меня къ прямымъ дѣйствіямъ. Я не изъ тѣхъ, который бы льстился вашимъ жалованьемъ: не нужно мнѣ его, если оно не соотвѣтствуетъ моимъ мыслямъ; жилъ безъ него, проживу и долѣе. Меня не прельститъ содержаніе: совѣсть, честь моя дороже денегъ; я не могу итти противу своихъ идей. Извините, не могу и не могу оставаться, скажите объ этомъ Н. К.

Шмидту и проч.». Безобразовъ сталъ меня еще болѣе успокаивать, увѣрять, что все мною высказанное будетъ сдѣлано такъ, какъ я желаю. «Тогда дѣлать нечего,—сказалъ я ему,—останусь еще недѣли на двѣ, посмотрю, что выйдетъ изъ этого». Безобразовъ сидѣлъ у меня часа два, если не больше, и уѣхалъ сконфуженный не мало. Посмотримъ, что будетъ, и если я увижу, что будетъ все устроено такъ, что можно выполнить должность, то останусь. Разговорясь съ Безобразовымъ о причинѣ выхода въ отставку графа Шувалова, онъ сказалъ: «N сказала Шувалову: «вы мужа моего на ножъ наводите». Это заставило Шувалова высказаться, что онъ тутъ не причемъ: напротивъ, работаетъ въ защиту ....., но это не успокоило N, и Шуваловъ подалъ въ отставку, несмотря на просьбы ..... Тутъ что то не досказано Безобразовымъ, но, тѣмъ не менѣе, можно предполагать навѣрное, что Шуваловъ подалъ въ отставку, не обдумавъ хорошо сути дѣла. Что удивительнаго, если жена заботится о мужѣ, опасается всего? На это надо лишь толково отвѣчать. По словамъ Безобразова, гр. Шувалову предлагали флигель-адъютантство, но и это не измѣнило его желаніе вытти вовсе въ отставку.

Принялся я за чтеніе дѣлъ начальника 1 бригады. Прочтя донесенія этого бригадира, я пришелъ къ убѣжденію, что и онъ ничего толковаго не собралъ и не сдѣлалъ ни одного надлежащаго изслѣдованія, что я написалъ на каждомъ его донесеніи, съ указаніемъ, чѣмъ оно должно быть пополнено.

(Продолженіе слѣдуетъ).

(Изъ письма кн. С. А. Оболенской 1821 г.).

Изъ помѣщичьей жизни прошлаго столѣтія.

Въ моихъ рукахъ находится крупное собраніе писемъ, дневниковъ и записокъ моего прадѣда, двухъ дѣдовъ и бабушекъ (со стороны отца и матери) и, наконецъ, корреспонденція моихъ родителей. Документы эти обнимаютъ періодъ времени съ конца XVIII вѣка до половины пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Отецъ и дѣдъ со стороны отца (Давыдовы) не занимали сколько-нибудь выдающагося положенія въ обществѣ или на государственной службѣ и, хотя дѣдушка со стороны матери въ этомъ отношеніи нѣсколько выдѣлялся, но корреспонденція ихъ и записки, о которыхъ я говорю, носятъ исключительно частный, семейный характеръ, быть можетъ интересный, но лишь въ бытовомъ отношеніи.

Дѣдушка князь Андрей Петровичъ Оболенскій занималъ одно время (въ 1817—25 г.г.) почетную должность попечителя московскаго университета, оставивъ по себѣ добрую память человѣка гуманнаго и просвѣщеннаго. Иныя изъ имѣющихся у меня бумагъ могутъ дать правдивую, хотя лишь отрывочную, картину помѣщичьяго уклада и крѣпостного быта начала прошлаго столѣтія, а также обрисовать нѣкоторыя черты изъ жизни московскаго общества той же эпохи, и это побудило меня составить изъ имѣющагося у меня семейнаго архивнаго матеріала небольшіе, непритязательные бытовые очерки. Настоящую главу я посвящаю сороковымъ и пятидесятымъ годамъ XIX вѣка, пользуясь для этого, какъ матеріаломъ, записками отца и вообще корреспонденціей моихъ родителей.

Кн. А. П. Оболенскій.

I. Сороковые и пятидесятые годы.

Бракъ моихъ родителей состоялся въ 1833 г.[1]).

Супружеская жизнь моихъ родителей, длившаяся 25 лѣтъ, прошла для нихъ вполнѣ счастливо и въ рѣдкомъ единеніи и близости. Разставаться имъ приходилось не часто, въ большинствѣ только въ лѣтнюю пору, но тѣмъ не менѣе писемъ ихъ другъ къ другу у меня сохранилось множество, въ особенности писемъ матушки. Письма ея—почти исключительно на французскомъ языкѣ, но съ часто встрѣчающимися русскими фразами, написанными не безъ ошибокъ, тогда какъ французскій текстъ и стилемъ, и въ грамматическомъ отношеніи, безупреченъ, адресованныя отцу, отличавшемуся большой аккуратностью, подшиты въ отдѣльныя тетрадки съ обозначеніемъ, въ большинствѣ случаевъ, года, къ которому они относятся. На оболочкѣ пачки писемъ 1839 г. рукою отца изображено слѣдующее характерное для той эпохи четверостишіе:

Ses lettres de 1839.

«C'est toi, qui tiens ma main, quand je marche dans l'ombre
«Et les rayons du ciel me viènnent de tes yeux!
«Mon destin est gardé par ta douce prière:
«Elle veille sur moi, quand mon ange s'endort...[2])

---

[1]) Какъ письменное воспоминаніе объ этомъ событіи, у меня сохранился слѣдующій документъ, подписанный «Княгиня Софья Павловна Оболенская» (моя бабушка, родная сестра князя Павла Павловича Гагарина, извѣстнаго тѣмъ, что подъ его предсѣдательствомъ были разсмотрѣны Государственнымъ Совѣтомъ и утверждены судебные уставы Александра II): «Реэстръ приданаго княжны Софьи Андреевны Оболенской». Реэстръ написанъ на двухъ, скрѣпленныхъ шелковымъ шнурочкомъ, твердыхъ, словно пергаментныхъ, листахъ пожелтѣвшей бумаги четкимъ краснымъ почеркомъ. Начинается онъ перечнемъ «Божіего Милосердія»,— всего 7 иконъ, при чемъ одна изъ нихъ обозначена такъ: «образъ съ мощами преподобнаго Нила Столбянскаго въ серебряной вызолоченной ризѣ». Послѣ иконъ слѣдуетъ перечень наиболѣе цѣнныхъ вещей, потомъ серебра; въ этомъ отдѣлѣ имѣется такой заголовокъ: «Серебряный нахтишъ» (рукомойникъ, тазъ и т. д.); въ отдѣлѣ бѣлья поражаетъ количество его; такъ, напримѣръ, рубашекъ голландскаго полотна, платковъ и чулокъ—по 6 дюжинъ, «кофточекъ перкалевыхъ» 15 штукъ, 174 столовыхъ салфетокъ при 13 скатертяхъ. Затѣмъ множество платьевъ, сшитыхъ и въ кускахъ, а въ томъ числѣ платья «изъ пунцоваго шали», изъ «бѣлаго шали», «бланжевое, шитое спицелью, «малиновой матеріи», 12 разныхъ капотовъ и изъ нихъ два ватошныхъ, платье изъ «Букъ-муслину, шитое белью съ золотомъ», 18 шемизетокъ и «канзу», 8 шарфовъ разныхъ цвѣтовъ, одинъ изъ которыхъ «блондовый»; имѣются «кусокъ малиновой Терно», шуба черно-бурой лисицы—«покрыта голубымъ атласомъ», 6 дюжинъ разныхъ перчатокъ, 5 дюжинъ атласныхъ башмаковъ, 12 паръ кожанныхъ и «2 пары туфлевъ», 12 банокъ помады, 6 голубыхъ перьевъ и «пукетъ Марабу». Я сохранилъ орографію безъ измѣненія.

[2]) Ея письма 1839.

«Это ты, кто ведетъ меня за руку, когда я бреду въ темнотѣ
«И небесный свѣтъ льется на меня изъ твоихъ очей!
«Судьба моя охраняется твоей нѣжной молитвой:
«Она охраняетъ меня, когда мой ангелъ-хранитель засыпаетъ...

Отецъ чрезвычайно любилъ путешествія и малыя, и большія и, предпринимая ихъ, не щадилъ себя, обѣгая и осматривая въ посѣщаемыхъ мѣстахъ рѣшительно все, что, хотя сколько-нибудь, могло представиться интереснымъ; при этомъ отецъ обычно велъ записки или даже дневники, часть которыхъ сохранилась. Всю жизнь отецъ стремился попасть за границу, много разъ совсѣмъ было собирался уже выѣхать изъ Россіи, но каждый разъ, въ послѣдній моментъ, являлось какое-либо препятствіе, и ему такъ и не удалось побывать въ Западной Европѣ. Отецъ составилъ самъ повѣствованіе о неудачныхъ попыткахъ заграничнаго путешествія, изложивъ его въ предисловіи къ дневнику поѣздки въ Одессу и Крымъ, состоявшейся въ 1846 году. Вотъ начало предисловія:

«Найденная знаменитымъ Лафатеромъ съ Галемъ путешественная косточка находится именно у меня; съ годами она ростетъ, а съ нею вмѣстѣ, не по днямъ, а по часамъ, ростетъ во мнѣ яростное желаніе странствовать по Божіему міру. Несмотря на то, наконечникъ моего странническаго посоха только что не дѣвственъ. За недостаткомъ истинныхъ путешествій я съ ребяческимъ малодушіемъ вписываю въ главу странствій даже поѣздку для освидѣтельствованія Буньковскаго моста подъ Богородскомъ[1]). Едва я сажусь въ экипажъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ путешествовать, хотя бы во время Буньковской поѣздки,—ужъ у меня мостъ и Богородскій острогъ на второмъ планѣ и даже много дальше; ужъ я не совѣтникъ губернскаго правленія[2]), а путешественникъ. Я немедленно вооружаюсь наблюдательностью, какую Богъ послалъ, вооружаюсь съ смѣшнымъ излишествомъ; смотрю на Богородскихъ чиновниковъ не какъ на подчиненныхъ, а какъ на Гоголевскіе типы. Однимъ словомъ, за неимѣніемъ Левантскаго, пью ячменный кофе. А путешественная косточка ростетъ и ростетъ и съ нею вмѣстѣ ростетъ яростное желаніе странствовать».

Затѣмъ въ предисловіи слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ мать отца поссорилась, по поводу достоинствъ врачей Шмита и Буяльскаго, съ дружившей съ нею семьей, съ которой она сговорилась поѣхать въ Парижъ съ отцомъ, которому было тогда 9 лѣтъ, и отказалась изъ-за ссоры отъ заграничной поѣздки. Произошла эта первая путешественная неудача отца въ Петербургѣ въ 1816 году. Бабушка Софья Ѳоминишна жила тогда, послѣ смерти дѣдушки, вдвоемъ съ единственнымъ сыномъ въ Петербургѣ, получая отъ прадѣда, пребывавшаго въ Тамбовской губерніи, въ своемъ имѣ-

[1]) Московской губерніи.
[2]) Отецъ служилъ въ Москвѣ, но очень не долго.

ніи, на содержаніе всего 5000 руб. (асс.), что и тогда казалось небольшой суммой. Поэтому жили они очень скромно на Выборгской сторонѣ; изъ оконъ ихъ дома была видна церковь Іоанна Богослова, стоявшая «за лабораторіей,—за лѣскомъ, виднѣвшимся изъ нашей улицы, выходившей прямо въ поле», куда отецъ ходилъ гулять и взбирался на «небольшой курганъ, стоявшій посреди пространныхъ огородовъ, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что путь туда пролегалъ не улицею, а прямо изъ нашего сада, черезъ калитку, узкою тропинкою, протоптанной между сплошными грядами капусты и луку».

Второе покушеніе на заграничную поѣздку имѣло мѣсто, когда отцу минуло 17 лѣтъ, что было въ 1827 году. «Я только что,—пишетъ онъ въ предисловіи,—кончилъ курсъ ученія въ блаженной памяти университетскомъ пансіонѣ[1]) съ правомъ на чинъ XII класса и съ разными намеками на то, что есть на свѣтѣ различныя науки, изученіемъ которыхъ человѣкъ,при желаніи и при удобномъ случаѣ, можетъ заняться. Да еще, при выпускѣ, на торжественномъ актѣ, намекалъ Дмитрій Львовъ на пользу наукъ вообще и исторіи въ особенности; но намекъ его былъ слишкомъ продолжителенъ,—листовъ пять печатныхъ, поэтому его никто не слушалъ». Дѣдъ отца остался однако доволенъ полученнымъ имъ воспитаніемъ и рѣшилъ было, по совѣту молодого офицера Ладыженскаго, для завершенія ученія отправить отца на три года въ Гейдельбергъ. Отецъ возликовалъ и замечталъ о томъ, «какъ волосы у меня будутъ лежать на плечахъ, а отчаянная фуражка съ признакомъ козырька на ухѣ». Но судьба вторично обидѣла его; въ тотъ же день, когда отцу была объявлена обрадовавшая его резолюція Федора Андреевича (моего прадѣда), матушка его сообщила, «что сама намѣревается сопутствовать мнѣ и переселиться въ Гейдельбергъ на все время моего тамъ пребыванія. Съ удовольствіемъ,—заключила она,—готова я принести эту жертву для сына. Какое-то мудреное чувство овладѣло мною. Ладыженскій сдѣлалъ, впрочемъ довольно вѣжливо, гримасу. Дѣдушка нахмурилъ брови, замолчалъ, три раза пустилъ юлою кольцо съ своего пальца по столу и, молча, ушелъ въ кабинетъ. Дѣло было утромъ. Ладыженскій, простившись съ нами, пошелъ къ дѣдушкѣ, котораго мы не видали до самаго обѣда. За обѣдомъ дѣдушка былъ не въ духѣ и не въ мѣру молчаливъ, а вечеромъ онъ сказалъ матушкѣ, что передумалъ и ни подъ какимъ предлогомъ не желаетъ отправлять меня за границу. Вотъ тебѣ и путешествіе! Вотъ тебѣ и Гейдельбергъ!»

---

[1]) Въ Москвѣ.

Разстроились еще въ теченіе жизни отца четыре попытки попасть за границу по различнымъ, дѣйствительно неожиданно налетавшимъ, но непреоборимымъ, препятствіямъ, и отцу въ его любви къ путешествіямъ пришлось ограничиться предѣлами Россіи. Приготовленія къ заграничнымъ экскурсіямъ доставляли отцу неизчислимо много хлопотъ: съ невѣроятной аккуратностью онъ доставалъ, выписывая ихъ изъ-за границы, всевозможные путеводители и руководства, составлялъ точные и подробные маршруты, обозначая въ нихъ не только числа выѣзда и пріѣзда, но даже часы, выписывая на особыхъ листкахъ четкимъ почеркомъ, для каждаго города и мѣстечка, гдѣ предполагалъ останавливаться, все, достойное осмотра, и намѣчая даже цѣны въ гостиницахъ, прогоны и стоимость проѣзда по почтовымъ трактамъ, на пароходахъ и на открытыхъ тогда уже кое-гдѣ желѣзныхъ дорогахъ. Да и не такъ просто и легко было въ тѣ отдаленныя уже времена выѣхать изъ Россіи. Въ 1844 г., напримѣръ, пошлина на заграничный паспортъ для каждаго лица равнялась 50 рублямъ, а какъ примѣръ того, насколько не легко было получить сей драгоцѣнный документъ,—чѣмъ очевидно обуздывалось желаніе русскихъ гражданъ знакомиться съ существовавшими въ Европѣ порядками, приведу отрывокъ изъ письма отца къ одной знакомой.

15 декабря 1850 г.

... Дѣло въ томъ, что, вернувшись въ Кулеватово[1]), я впалъ въ обычное сумасшествіе и принялся за составленіе маршрутовъ. Надо признаться, что во время оно это дѣло было много проще теперешняго. Бывало возьмешь дорожную карту Европы и любой путеводитель, отмѣтишь главные пункты; прочтешь объ нихъ въ путеводителѣ, соединишь ихъ, согласно картѣ, мысленными ломанными линіями, разочтешь расходы денежные и расходы времени съ обозначеніемъ и завтраковъ, и обѣдовъ и ночлеговъ, да и дѣло съ концомъ. А нынѣ не то: только что сегодня кончилъ маршрутъ совсѣмъ на очистку,—глядишь завтра, поганый нѣмецъ открываетъ какую-нибудь новую часть желѣзной дороги. Дѣлать нечего,—выправишь, передѣлаешь, пожалуй и перебѣлишь... Глядь,—тотъ же, или подобный нечистый нѣмецъ, еще куда-нибудь отщепнетъ пару другую чугунныхъ колей. Просто бѣда: стѣсненіе такое, что и сказать неможно. А тутъ еще Прусскій король началъ кюммель тянуть. Оно было сначала и ничего, да, глядя на него, ударились въ пойло и бурши и филистеры и весь нѣмецкій синклитъ. У него-то,—у короля,—пошумитъ малость

[1]) Имѣніе отца въ Тамбовской губерніи.

въ головѣ, онъ побурлитъ немножко съ Раудевицемъ, помашетъ нѣмецкимъ флажкомъ, да и выспится у себя во дворцѣ.—А народъ-отъ нѣмецкій не то: какъ расходится, такъ и не уймешь. Пьянъ-то онъ не пьянъ, а въ головѣ шумитъ, и главное руками машетъ. Домашется пожалуй до того, что станутъ палить изъ пушекъ и прочихъ инструментовъ. Тогда и выйдетъ суспиція: какъ и куда ѣхать? Такъ вотъ оно дѣло какое: нельзя настоящаго маршрута написать.

Да и кромѣ маршрута хлопотъ, на охотника, есть числа: слѣдуетъ заграничный пашпортъ выправлять, дорожный мѣшокъ шить, деньги мѣнять, да и много кой-чего наберется. Займусь, думаю себѣ, сначала, главнымъ,—пашпортомъ. Вотъ я и обратился къ людямъ столичнымъ; пишу Митѣ[1]) такъ и такъ молъ: по слабости своего здоровья и тому подобное, какъ молъ, по Вашему мнѣнію, слѣдуетъ приступить къ дѣлу нашему брату, степняку. А, говоритъ, какъ? извѣстно, говоритъ, какъ: надо, говоритъ, подать прошеніе, выходитъ свидѣтельство; а какое, говоритъ, это прошеніе и какое свидѣтельство, Богъ его знаетъ. Ваша сторона малоизвѣстная. Отъ васъ нетокма что заграницу, да и никуда съ заграничными пашпортами не ѣзжали. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я рѣшился отправиться къ самому источнику всякой проявляющейся въ нашей губерніи власти.

Надо вамъ сказать, что 4 ноября ждали въ Тамбовъ Наслѣдника, а проводивъ его, губернаторъ самъ собирался въ Питеръ. Думаю себѣ, дамъ я имъ встрѣтить и проводить Наслѣдника; а то вѣдь за хлопотами ничего отъ нихъ не добьешься. Между тѣмъ на свободѣ, съ хромымъ майоромъ [2]) сообща, описали мы мои болѣзненные припадки (замѣтьте—истинные, ничуть не вымышленные) и назвали ихъ, какъ слѣдуетъ, по-латынѣ. Съ этимъ грустнымъ листомъ въ карманѣ отправился я 5-го числа послѣ обѣда въ Тамбовъ.

На половинѣ дороги узналъ я, что Наслѣдникъ еще не бывалъ, что его ждутъ съ часу на часъ и что изъ уваженія къ колесному его экипажу по предлежащему ему пути уничтожаютъ санную дорогу: снѣгъ засыпаютъ пескомъ и слѣдъ засыпавшихъ заметаютъ. Дѣлать нечего,—выѣхалъ, такъ не ворочаться опять; ѣду далѣе. Въѣзжаю въ Тамбовъ,—торжество такое, что и опи-

---

[1]) Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, занимавшій въ то время должность товарища предсѣдателя департамента палаты гражданскаго суда.

[2]) Майоръ Петръ Яковлевичъ. Докторъ, проведшій, въ качествѣ домашняго врача, почти всю жизнь въ имѣніи отца.

сать неможно: по обѣимъ сторонамъ улицы тротуары застроены чрезвычайно прочными подмостями для иллюминаціи. Во всемъ городѣ, кромѣ монахъ, только двое усовъ осталось, да и тѣ что за усы! Сами посудите: одни у N...го предводителя подстриженые и держутся, можно сказать, на ниточкѣ; едва получится свѣдѣніе, что виденъ экипажъ Наслѣдника,—прощай усы! А у другого предводителя усы и того хуже!

Между тѣмъ въ день моего пріѣзда вечеромъ благодѣтельное Тамбовское начальство получило офиціальное свѣдѣніе, что Наслѣдникъ не заѣдетъ въ Тамбовъ. На слѣдующее утро вѣсть эта сдѣлалась извѣстна всему городу, и Тамбовское благородное дворянство, движимое чувствомъ вѣрноподданической преданности, желая ознаменовать столь пріятное для него событіе, положило собрать извѣстный капиталъ, процентами съ котораго содержать одного пансіонера въ Тамбовскомъ корпусѣ, одного въ благородномъ пансіонѣ при Гимназіи и одну пансіонерку въ Институтѣ, именуя ихъ пансіонерами: 1-го—Наслѣдника, 2-го—Его сына, и 3-ю—Наслѣдницы. Все это прекрасно; но что прикажете дѣлать съ отличнымъ 8-пудовымъ тельцомъ, живыми стерледями и осетромъ, приготовленными дворянствомъ, въ особенности купечествомъ, для его Высочества? Дѣло простое—съѣсть. Вотъ состоялся огромный обѣдъ у губернатора, куда и я грѣшный попалъ. Тутъ-то начались тѣ спичи, которые впослѣдствіи преслѣдовали меня. Не знаю каковы прочіе, а наши Тамбовскіе спичи тѣмъ хороши, что ежели мѣстные ораторы много думаютъ при мысленномъ составленіи ихъ, за то не говорятъ, что думаютъ. Такъ и губернаторъ, вставъ съ бокаломъ въ рукѣ, преисполненный чувства, умолчалъ о тельцѣ, осетрѣ и стерледяхъ, но увѣрилъ почтеннѣйшую публику, что, питая къ ней глубокое уваженіе и признательность, пригласилъ за тѣмъ, чтобы проститься съ нею передъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, гдѣ, замѣчу, климатъ весьма вреденъ для породы губернаторовъ. Впрочемъ онъ объ этомъ свойствѣ столичнаго климата, какъ и о тельцѣ съ компаніею, умолчалъ.

Въ чаду торжества я едва могъ добиться, чтобы губернаторъ назначилъ мнѣ время, когда я могу переговорить съ нимъ о дѣлѣ... Переговоры были недолги: онъ уже сдалъ управленіе вице-губернатору, сказалъ, чтобы я уже прямо къ нему обратился съ просьбою о выдачѣ паспорта, а самъ обѣщалъ хлопотать въ Петербургѣ лично о скорѣйшемъ разрѣшеніи, и за это обѣщаніе я принужденъ былъ присутствовать на прощальномъ обѣдѣ, который давали предводители губернатору. Тутъ народу было гораздо меньше, нежели на тельцѣ, за то торжества и спичей въ десятеро болѣе.

Вернулся я въ Кулеватово и засталъ тамъ милое семейство Сабуровыхъ, прибывшее праздновать съ нами 11-е ноября.

Вскорѣ съ тою же цѣлью подъѣхалъ извѣстный вамъ Аполлонъ Кругликовъ съ женою. Добрые пріятели наши пріѣхали на саняхъ по прекрасной зимней дорогѣ, отъ которой 12-го числа не осталось и признаку: дождь все согналъ. Поневолѣ они остались въ Кулеватовѣ дожидаться возвращенія зимы и прождали недѣль около трехъ. Славно провели мы это время, при чемъ Федя испытывалъ способности свои въ преданности къ нѣжному полу. Между тѣмъ подошло и 24-е число съ двумя именинницами. Оно сопровождаемо было сюрпризами, шарадами, куплетами, чувствомъ и прочимъ. Не обошлось и безъ спича съ моей стороны, извлекшаго сладостныя, но обильныя, слезы у обѣихъ добрыхъ старушекъ (Соня и Сабурова); нѣжнымъ объятіямъ счету не было. 26-го числа все было совершенно высохло, но 27-го опять всѣ отсырѣли по случаю разставанья.

Проводивъ дорогихъ гостей, я расположился вновь яростно заняться окончаніемъ подробнаго маршрута, какъ вдругъ, уже въ декабрѣ, получаю изъ Тамбова свѣдѣніе, что дѣло о разрѣшеніи мнѣ выѣзда за границу въ теченіи почти мѣсяца не только не подвинулось впередъ, но напротивъ, немного попятилось и что по этому случаю присутствіе мое въ Тамбовѣ необходимо. Въ сани и въ губернію! Застаю всю нашу власть въ полномъ недоумѣніи: не знаютъ, что со мной и дѣлать; въ законѣ, на мою бѣду, очень ясно и подробно изложено, какъ и что дѣлать при представленіи въ Министерство объ исходатайствованіи заграничнаго паспорта. Всѣ дѣльцы стали въ тупикъ: что-нибудь, говорятъ, не такъ, вѣроятно что-нибудь еще подразумѣвается. А тутъ еще въ прошломъ году получено губернаторомъ секретное предписаніе Министра по этому предмету. Вице-губернаторъ нашъ сталъ на дыбы. Призвалъ врачебную управу: ты,—говоритъ,—не такъ выдала свидѣтельство о болѣзни Давыдову; его, говоритъ, надо освидѣтельствовать въ присутствіи полиціи, губернатора и губернскаго предводителя.—Да помилуйте, говоритъ, ваше превосходительство, вотъ законъ, въ немъ ничего подобнаго не сказано, и я,—говоритъ,—выдала Давыдову свидѣтельство именно такъ, какъ въ законѣ положено.—Я, говоритъ, и знать вашего закона не хочу; у меня, говоритъ, есть секретное Министерское предписаніе; ты, говоритъ, должна дѣйствовать на основаніи этого предписанія. Покажите мнѣ его, ваше превосходительство.—Вотъ еще что выдумала:—да какъ же я могу показывать секретное предписаніе? На то оно и секретное, чтобы о немъ никто не зналъ. Въ такомъ случаѣ какъ же я его исполню?—А мнѣ какое дѣло—

исполняй!—Съ величайшимъ трудомъ комиссіонеръ мой удостоился прочтенія этого предписанія и увы! не нашелъ въ немъ ни одной изъ тѣхъ страстей, о которыхъ проповѣдывалъ вице-губернаторъ; ларчикъ открывался необыкновенно просто; отъ того то онъ и не понялъ ничего. Присутствіе мое и личные переговоры съ властями и крупными, и мелкими, сгладили, наконецъ, всѣ препятствія, и 8-го декабря пошло въ Питеръ представленіе о разрѣшеніи мнѣ выѣзда за границу. Тамъ еще пройдетъ это представленіе черезъ многія мытарства; и признаюсь вамъ, дорогой другъ, я не очень покоенъ на его счетъ. Я столько разъ собирался неуспѣшно за границу, что я уже потерялъ вѣру въ возможность осуществить эту мою давнишнюю мечту. Пишу Митѣ и прошу его содѣйствія».

Паспортъ по изложенному въ приведенномъ письмѣ ходатайству отецъ получилъ въ январѣ 1851 года. Это—документъ, напечатанный на твердой бумагѣ большого размѣра на двухъ языкахъ; въ заголовкѣ его значится: «По указу Его Императорскаго Величества»..., а подписанъ документъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ, при обозначеніи чина, всѣхъ его почетныхъ должностей и полученныхъ знаковъ отличія.

Но еще раньше этой неудавшейся, несмотря на полученный паспортъ, заграничной поѣздки, а именно: лѣтомъ 1846 г., отцу удалось совершить, съ семействомъ, крупное путешествіе по Россіи,—въ Одессу и Крымъ. Путешественниковъ было, кромѣ трехъ слугъ и горничной,—5 взрослыхъ и трое дѣтей (отъ 10—14 лѣтняго возраста), а именно: Василій Васильевичъ и Софья Андреевна Давыдовы, гувернеръ Е. Я. Щибальскій, князь Николай Андреевичъ (братъ моей матери) и княжна Аграфена Александровна Оболенскіе. Давыдовымъ пришлось сперва перевезти остальныхъ дѣтей изъ Тамбовской губерніи къ старикамъ Оболенскимъ въ ихъ подмосковное (въ предѣлахъ Подольскаго уѣзда) имѣніе «Троицкое». Переѣздъ этотъ обошелся родителямъ не легко; вотъ какъ отецъ описываетъ его: «Вообще я не суевѣренъ, но на пути нашемъ въ Троицкое напало на меня раздумье. Неблагополучнѣе этого переѣзда и вообразить ничего нельзя: препятствія и остановки на каждомъ шагу. Мы употребляли по 8 часовъ на переѣздъ станціи въ 24 версты, карета постоянно завязала [1]) и была выручаема съ величайшимъ затрудненіемъ. Наконецъ однажды къ ночи и карета и коляска сѣли. Несмотря на толпу сопровождавшихъ насъ, нанятыхъ мною, крестьянъ выручку экипажей должны были отложить до слѣдующаго утра; мы про-

[1]) Дѣло было въ маѣ мѣсяцѣ.

вели ночь въ болотѣ: едва шагъ изъ экипажа—и по колѣна въ трясину. Да мало ли чего съ нами не приключилось дорогой! Въ Каширѣ нѣкій господинъ Нарышкинъ не хотѣлъ меня выпускать не только изъ города, но и съ постоялаго двора, потому что каширскіе ямщики, предварительно нанятые для него, разочли, что меня везти выгоднѣе и заложили приготовленныхъ для Нарышкина лошадей въ мои экипажи. Нарышкинъ во всѣхъ регаліяхъ (Станиславъ на шеѣ) отправился къ городничему просить о задержаніи меня, а между тѣмъ къ воротамъ занятаго нами постоялаго дома приставилъ почетный караулъ изъ двухъ будочниковъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что буфеля при выѣздѣ моемъ посторонились и почтительно сняли шапки, а собравшаяся около нихъ толпа со смѣхомъ замѣчала, что жаль мало Нарышкинъ солдатъ поставилъ».

Несмотря на дурныя предчувствія, путешествіе въ Крымъ прошло благополучно; во время переѣзда и въ Одессѣ отецъ велъ аккуратно безъ пропусковъ дневникъ, изъ котораго я и приведу выдержки, характеризующія старинный способъ дорожнаго передвиженія и тогдашнюю курортную жизнь, мѣстами же передамъ лишь содержаніе дневника.

Путешественники съ самаго начала въ восторгѣ отъ того, что ѣдутъ по шоссе и безъ задержекъ, хотя Оку около Серпухова пришлось переѣзжать на паромѣ, что длилось болѣе часа. Довольны они также нѣкіимъ Студзинскимъ—содержателемъ вольнаго почтоваго тракта и станцій. Черезъ Тулу проѣхали рано утромъ безъ длительной остановки. «Города за неимѣніемъ времени не осматривали, а на рысяхъ замѣтили, что острогъ хорошъ и не похожъ на прочіе остроги, а у заставы орлы стоятъ на такихъ великолѣпныхъ орнаментахъ, что имъ даже немножко совѣстно передъ проѣзжающими. Вывѣски: 1) Тульскій мастеръ своего издѣлія (прошу замѣтить башмачникъ). 2) Pariker Esipow. 3) Magasin desuinetranger». Со станціи Лапотково шоссейное благополучіе путниковъ кончилось, пришлось съѣхать на простую большую дорогу.

Въ селѣ Сергіевскомъ записано... «Сергіевское, князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина, прекрасное, богатое селеніе на берегу Плавы, съ виднымъ господскимъ домомъ, садомъ и церковью. Крестьянскаго строенія, подобнаго здѣшнему, я не видалъ: большинство домовъ красивы и щеголеваты. Гостиница съ вывѣскою: Почтовая станція и вновь открытое заведеніе для господъ проѣзжающихъ подъ названіемъ гостиница Новогеоргіевская. А людямъ поѣсть нечего, т.-е. готоваго. Служитель гостиницы, со свойственною русскому человѣку любознательностью, не умѣлъ

назвать рѣки, протекающей въ селеніи. Въ гостинницѣ неизбѣжный уголокъ съ претензіями на магазинъ тульскихъ вещей. Народъ съ прошедшей станціи замѣчательно красивъ». Въ Скуратовѣ экипажъ два раза завязалъ, и его вытаскивали мѣстные крестьяне за «приличное вознагражденіе». Въ Мценскѣ записано: «Начали попадаться бѣлыя валяныя шапки на мужикахъ вродѣ тѣхъ, какія на московской сценѣ въ Аскольдовой могилѣ»... «Мценскъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ городовъ; у заставы спросили, кто проѣзжаетъ, на что было отвѣчено: Авдулины. Остановились мы въ гостинницѣ «для проѣзжающихъ благородныхъ особъ»; въ ней много назидательныхъ картинъ; въ особенности хорошо горитъ Варшава, и еще лучше Россъ шагаетъ черезъ Балканы». Изъ дневника между прочимъ видно, что въ карету путешественниковъ запрягаютъ 9 лошадей, хотя по положенію слѣдовало бы закладывать 10.

Курскія впечатлѣнія: «Боже мой! Что это такое! Дождь не умолкаетъ ни на минуту. «Бугомолки» непрерывной вереницей тянутся «у Курскъ», въ который наконецъ и мы въѣхали воротами, сооруженными иждивеніемъ курскаго дворянства въ 1823 г. неизвѣстно для чего. Улица, идущая отъ заставы къ монастырю, хороша: начинается она подобіемъ старой Конюшенной и оканчивается сплошными каменными домами, изъ коихъ одинъ даже въ четыре этажа. Наконецъ на углу этой улицы Полторацкая гостиница,—такая скверность, какой и вообразить не можно, даже принимая въ разсчетъ и то, что ее содержитъ русскій. Говорятъ, что лучшей нѣтъ во всемъ городѣ. Что-то не вѣрится. Извозчикъ, извозчикъ! На этотъ зовъ подъѣзжаетъ ко мнѣ милостивый государь съ усами и бритою бородой въ нѣмецкомъ платьѣ, на парѣ лошадей, запряженныхъ въ дрожки, весьма подвижные: станешь на одну подножку,—она изъ учтивости опускается до земли; зато другая стремится къ небесамъ. Поѣхалъ. Почтовая гостиница гдѣ то въ закоулкѣ, довольно чиста, но свободенъ только одинъ маленькій номеръ. Въ другую: скверно; въ третью—еще хуже. Что будешь дѣлать! Вернулся и расположилась честная компанія въ грязной Полторацкой гостинницѣ, откуда по крайней мѣрѣ видъ хорошъ. Извозчикъ, проѣздивъ со мною 20 минутъ, содралъ съ меня цѣлковый, говоря, что нельзя менѣе: время,—молъ, ярмарочное, всѣ извозчики въ «коренной». Что такое обѣдъ въ Полторацкой гостинницѣ! Зеленые щи еще съѣдобны, но, начиная съ пирожковъ, въ которые вмѣсто пикана положена была лежалая говядина, и до конца все отвратительно. Трактирный служитель въ оправданіе представляетъ два обстоятельства: 1) что все заведеніе въ «коренной», 2) что обѣдъ дѣланъ не для

насъ, а вообще. Многіе ли, говоритъ, смыслятъ въ ѣдѣ? Лишь бы побольше порціи, а то ѣдятъ все. Дождь не перестаетъ, а въ гостинницѣ отвратительно. Потребовали мой паспортъ. Ну что жъ, далъ!»

На слѣдующій день: «Дождь идетъ, идетъ и идетъ. «Бугомолки» не теряютъ присутствія духа и также идутъ, идутъ и идутъ. Образъ Знаменія Богородицы столько же привлекаетъ ихъ, какъ и маленькая ярмарка съ продажею кушаковъ, тесьмы, крестовъ и т. п. крестьянской мелочи. С. А. купила тоже четыре пунцовые кушака съ желтыми полосами за два двугривенныхъ... На площади ближе къ монастырю выставлено нѣсколько образовъ съ кружками для сбора подаянія; завтра они пойдутъ въ «коренную». Вчера они также были выставлены, а на ночь ихъ уносятъ... Дворъ гостинницы мощеный, но чистъ быть не можетъ, потому, между прочимъ, что съ верхней галлереи въ краткое время моего наблюденія вылито было на дворъ два полные таза разныхъ нехорошихъ вещей... Толпа на площади чрезвычайно густа. Не довольствуясь сборомъ въ кружки, поставленныя у образовъ, монахи безпрерывно и скорымъ шагомъ снуютъ по улицамъ съ звенящими кошельками... При входѣ въ соборъ я былъ непріятно пораженъ запахомъ, нисколько не похожимъ на ладанъ; густая, страшная толпа народу въ загонѣ, отгороженномъ временно поставленною деревянною, некрашенною и грязною рѣшеткою съ небольшимъ отверстіемъ, сквозь которое пропускаютъ отъ времени до времени по нѣскольку человѣкъ приложиться къ чудотворной иконѣ, осыпанной жемчугами и драгоцѣнными каменьями и стоящей около клироса праваго придѣла. Надъ самымъ отверстіемъ сидитъ на верхнемъ брусѣ рѣшетки гарнизонный солдатъ съ палкою въ рукахъ и не допускаетъ народъ тѣсниться около прохода, при чемъ кричитъ во все хайло и грозится палкой. У чудотворной иконы стоитъ монахъ, а подлѣ почти лежитъ, прислонясь къ колоннѣ иконостаса, другой монахъ съ крестомъ въ рукахъ. На противоположной сторонѣ, подлѣ самой иконы, стоитъ какой то молодецъ въ нанковомъ полосатомъ халатѣ съ огромнымъ металлическимъ блюдомъ, полнымъ приношеній, и постоянно кричитъ: Божіей Матери давайте! Давайте Божіей Матери!... По возвращеніи домой я увидалъ съ балкона необыкновенное движеніе въ толпѣ на площади. Отъ монастыря въ направленіи къ намъ двигается медленно телѣга; на облучкѣ сидитъ нѣчто въ родѣ солдата, народъ толпами подбѣгаетъ къ телѣгѣ и скоро возвращается; нѣкоторые, казалось, что-то клали въ телѣгу. Оказывается, что буфель везетъ мертвую женщину, которую, говорятъ, раздавили въ соборѣ, а народъ бѣжалъ глядѣть на мертвую

и класть деньги и свѣчи на погребеніе»... На слѣдующій день: «Дождь и дождь всю ночь. Несмотря на это площадь покрыта народомъ, и это съ 5 часовъ утра... Безъ 10 минутъ въ десять часовъ двинулась процессія при повсемѣстномъ перезвонѣ. Народу столько, и онъ до того промокъ, что на балконѣ, съ котораго мы смотрѣли, непріятно было стоять отъ издаваемаго имъ тяжелаго запаху. Впереди процессіи шла шеренга драгунъ, потомъ образъ, за нимъ восемь огромныхъ фонарей, украшенныхъ цвѣтами, съ зажженными мѣстными свѣчами и несомыхъ каждый нѣсколькими десятками человѣкъ, потомъ цехи со своими значками, красивѣйшими московскихъ, затѣмъ образъ Божіей Матери въ большомъ и богатомъ кіотѣ, украшенный цвѣтами (я думаю, что до сотни человѣкъ несло его на плечахъ); далѣе крестъ, духовенство и, наконецъ, чудотворная икона, несомая губернскимъ предводителемъ Сонцевымъ и, кажется, вице-губернаторомъ. Квартусъ великолѣпно держалъ надъ нимъ зонтикъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ богомольцевъ густою сплошною толпою, какъ лава, текли вплоть за процессіею и, ежели бы не дѣятельное распоряженіе жандармовъ, то не обошлось бы безъ несчастій при втокѣ этой массы съ широкой площади въ улицу. Видъ этой толпы очень торжественъ и какъ будто немного страшенъ. Мы видѣли и слышали трехъ кликушъ, изъ которыхъ одна очень искусна; жаль только, что во время припадка, несмотря на то, что ихъ ведутъ подъ руки, онѣ имѣютъ неосторожность выбирать, гдѣ бы ступить посуше...

Харьковъ. Подъ городомъ зданіе больницы, красивое, съ тополями и подлѣ дачка съ густымъ садомъ; еще ближе загородный домъ Кузина, знаменитаго откупщика,—недуренъ, но глупъ, потому что около него ни прута... Харьковъ рѣшительно не похожъ ни на одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ; красивъ, славно обстроенъ, съ большимъ числомъ каменныхъ, часто сплошныхъ домовъ, испещренныхъ вывѣсками; между прочимъ направо Остапенко, черезъ нѣсколько шаговъ Тупенко и много другихъ «енковъ». Почему это ямщики обыкновенно рекомендуютъ гостиницы, что похуже? Такъ и нынѣшній ямщикъ увѣрилъ, что нѣтъ лучше гостиницы какъ у Савелихи, посмотрѣлъ — дрянь; къ счастью одинъ только номеръ былъ свободенъ. Поѣхали далѣе; гостиница бывшая Матузка, а теперь Сонки, весьма и весьма порядочна. Въ одной гостиницѣ съ нами стоятъ Щепкинъ и Живокини; видѣлъ обоихъ, оба играютъ здѣсь и на будущей недѣлѣ ѣдутъ въ Одессу...

... Были въ нѣсколькихъ магазинахъ, и должно сказать правду, что они не уступаютъ московскимъ... Около часа ходили къ ре-

сторану Крейтлера насчетъ котлетъ, предварительно заказанныхъ. Котлеты мелкія, обыкновенныя съ отрицательными достоинствами. Наружность комнатъ не блистательная, только въ ожиданіи насъ сильно накурено было ванильными свѣчками. Ввечеру бенефисъ Млотковской, и мы въ бельэтажѣ № 1. Театръ весьма милъ и довольно полонъ, кромѣ бельэтажа, однимъ словомъ какъ слѣдуетъ быть въ заправскомъ театрѣ, не исключая и обстановки пьесъ. Къ стыду московской сцены должно сознаться, что здѣсь несравненно лучше московскихъ. Бенефиціантка, женщина гораздо за сорокъ, отличная актриса и въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ даже очень мила. Толченовъ весьма недуренъ, жена его сносна, также недурны Бобровъ и въ особенности Домбровскій; Ладина—хороша. Я остался очень доволенъ петербургскимъ Григорьевымъ 1-мъ... Щепкинъ былъ нехорошъ въ матросѣ: какъ сначала заплакалъ, такъ и ревѣлъ до самаго конца,—нѣтъ, не хорошо! зато въ «Тяжбѣ» хорошъ, только что горячки было перепущено рубля на два. «Русскіе въ Баденѣ» сошли очень хорошо, а «Дочь русскаго актера» еще лучше. Одно нехорошо: спектакль кончился въ часъ пополуночи; да и новая гусарская форма больно нехороша. Забылъ сообщить еще одну театральную особенность: въ одномъ изъ антрактовъ Домбровскій вышелъ объявлять о завтрашнемъ спектаклѣ, а по уходѣ его весьма много голосовъ и довольно долго съ хлопаньемъ кричали: Домбровскаго!.. Сегодня ѣдемъ, а между тѣмъ начинаетъ дождить. Вдругъ барабанъ! Что такое? Барабанщикъ одинъ ходитъ по улицѣ и барабанитъ что есть мочи. Это значитъ, что въ магазинѣ Витковскаго получены вновь различные заграничные товары, о чемъ симъ почтеннѣйшей публикѣ и объявляется».

«*Камина*. Переѣздъ удивительный, съ горы на гору и лѣскомъ: вязы, дубы, ясень, липы, груши, кленъ... прелесть! По рѣдколѣсью нашутъ, окрестность,—точно паркъ. Станція—одинокая хата и подлѣ лѣсокъ съ соловьями. Молодая путешественница такъ восхищена, что дошла до слабости и даже пустилась впередъ пѣшь съ Николаемъ Андреевичемъ... *Валки*. На прошедшей станціи на нѣсколько верстъ идетъ аллея изъ ясеней, между которыми изрѣдка попадаются осины. Когда я въ каретѣ, или вѣрнѣе за каретой[1]), догналъ молодыхъ путешественниковъ, то засталъ ихъ въ совершенномъ разслабленіи отъ чудесной рощи и отъ соловьевъ, которые дѣйствительно отмѣнно хороши, только «старичка» не дѣлаютъ. Хороша здѣшняя сторона, очень хороша!

[1]) Отецъ съ Н. А. Оболенскимъ сидѣли въ колясочкѣ, придѣланной къ задку дорожной кареты; тогда такія сидѣнья были весьма въ ходу.

А Студзинскаго[1]) вспомнишь и вспомнишь не разъ! Съ первой же станціи за Харьковомъ начались непріятные переговоры и нельзя не прибѣгнуть къ угрозамъ. Станціонный смотритель сначала дѣйствовалъ гордо, а потомъ пошелъ на уклончивость и величалъ меня полковникомъ... Городъ Валки не сердитъ; онъ, какъ кажется, живетъ на дачѣ; сверхъ того не устанешь, ходя по лѣстницамъ: двухъ-этажныхъ домовъ я не видалъ... Курьезно, на городъ не похоже, а мило. Вездѣ вмѣсто досчатыхъ заборовъ частоколъ, выкрашенный охрою, и столбики мѣломъ. Лучшее зданіе въ городѣ уѣздное училище, да и то въ одинъ этажъ. Посреди улицы высокій шестъ; на двухъ третяхъ его высоты маленькая черная дощечка съ бѣлой надписью: «шоссе», котораго здѣсь и не бывало.

Полтава. Выѣзжаемъ со станціи подъ лучами палящаго солнца; на западѣ черная туча, и на ней какъ-то грозно отдѣлялись бѣлыя зданія Полтавы. Туча близится и разражается грозою надъ знаменитымъ городомъ. Предстояли пески, поэтому въ карету заложили 9, а въ тарантасъ 5 лошадей... Наконецъ дождь совершенно прекратился, шлагбаумъ миованъ, и путники,—въ Полтавѣ, видъ на которую со въѣзда прекрасенъ. Но не радуйтесь за нихъ: имъ предстоитъ взобраться на высокую, очень высокую гору по скользкой глинѣ. Ежели вы не имѣете понятія о Полтавской грязи, то вы очень счастливы; это, какъ говорила харьковская хохлушка, съ которой мы сидѣли рядомъ въ театрѣ, «чонтъ што» (понимай: чортъ знаетъ что). Двинулись и не поднялись и четверти горы, какъ лошади стали; ноги ихъ скользятъ, а карета ни съ мѣста, хоть что хочешь. Сначала мы съ Н. А. облегчили задъ кареты и заскользили по скату горы, потомъ,—что будешь дѣлать,—мы, дѣлать нечего, высадили и барынь съ дѣтьми. Вся эта компанія съ величайшимъ трудомъ и съ огромнымъ количествомъ грязи на обуви доплелась кое-какъ до половины горы и остановилась на какомъ-то подобіи лужайки; а лошади все-таки ни на шагъ впередъ. Приложили еще двухъ лошадей изъ тарантаса,—ничего! Переложили другихъ лошадей къ дышлу,—опять ничего! Я рѣшительно потерялъ надежду видѣть когда-либо карету свою на вершинѣ Полтавской горы. Наконецъ ямщикъ слѣзъ съ козелъ, взялъ самую поровистую лошадь подъ уздцы и... о во сторгъ! карета двинулась. Медленно дотащилась она до привала женъ и дѣтей и приняла ихъ въ свои обширныя объятія. Я, несмотря на то, что былъ въ резиновыхъ калошахъ, рѣшился подняться на гору пѣшкомъ, опасаясь напрасно обременять

[1]) Студзинскій—содержатель вольной почты отъ Москвы до Харькова.

экипажъ. Но, Боже мой, что это былъ за всходъ! Сверху солнце такъ и жаритъ, липкая грязь пристаетъ къ ногамъ, калоши скользятъ такъ, что упаси Творецъ, а ты лѣзь въ крутую гору, да еще безъ палки. Какая-то прачка съ толстыми икрами, пожалѣвъ меня, сказала, что за два часа это мѣсто было сухо... Гостиница много лучше курской. Послѣ многихъ освѣжительныхъ омовеній и нѣсколькихъ стакановъ чаю, компанія собралась, несмотря на грязь, эксплуатировать городъ... Путешественники, подстрекнутые разсказомъ Жданова[1]), непремѣнно пожелали видѣть Институтскій садъ... Подъѣхавъ къ зданію Института, добираемся до швейцара шагомъ по круглому двору. Кое-какія головки выглядываютъ изъ оконъ. Выходитъ швейцаръ и, разумѣется: что Вамъ угодно? А вотъ, мой милый, я пріѣзжій (другими словами путешественникъ), ѣду въ Одессу и желаю видѣть Институтскій садъ. Да какъ же это? Этого не можно, надо доложить начальницѣ. Сдѣлай милость. А какъ прикажите доложить? Надворный Совѣтникъ Давыдовъ съ женой. А эти (указывая на молодыхъ путешественниковъ) также съ Вами? Да, это родственники наши князь и княжна Оболенскіе. Швейцаръ воротился очень скоро, сказавъ: приказали просить. Я оставилъ загрязненную свою шинель на дрожкахъ, снялъ калоши, прибодрился и въ ходъ. Подходимъ къ стекляннымъ дверямъ, ведущимъ въ садъ, и... о конфузъ, весь институтъ въ лицахъ передъ глазами! Старшій путешественникъ, смекнувъ, что и начальница тутъ же, говоритъ С. А.: «il faudra faire des phrases». Въ это время дверь отворяется, и начальница самолично передъ путниками. Тутъ была минута не совсѣмъ хорошая; она, хоть и очень коротка была, да неловко. Однако молодцы скоро справились. С. А. начала: молъ, Madame, извините, такъ и такъ, по своему нездоровью, насчетъ морскихъ ваннъ, а это вотъ мужъ, любитъ путешествовать, много наслышанъ о Вашемъ садѣ, даже, молъ, Ждановъ на этотъ счетъ книжку написалъ, такъ въ нѣкоторомъ родѣ хотѣлъ самолично... А тутъ ужъ и самъ старшій путешественникъ вмѣшался и пошелъ съ комплиментами, да все это деликатнѣйшимъ манеромъ, съ тонкостями и на французскомъ діалектѣ—такъ и разсыпается, словно ему кто подсказываетъ. На что свои,—и тѣ подивились, а начальница видитъ, что тутъ словами не возьмешь, говоритъ:я за удовольствіе себѣ поставлю, сдѣлайте одолженіе! Моргнула какой-то институткѣ—молъ—зонтикъ; та ей сейчасъ зонтикъ, и пошли, а за нами три дѣвицы. Дорогой наши не ударили лицомъ въ грязь, до всѣхъ самыхъ тончайшихъ предметовъ коснулись, несмотря на то, что у

---

[1]) Путеводитель по Россіи.

молодого путешественника всѣ брюки въ грязи. Повела начальница нашихъ молодцовъ показывать виды. Всѣ хороши, а одинъ отличный: видна часть города, монастырь, Ворскла и даль... чудесно! Тутъ попросила она ихъ присѣсть. Плохо пришлось Н. А.— наровитъ прикрыть штаны фуражкой, да и фуражка то не тово— бросковое дѣло! Однако сошло хорошо. Видѣли и грецкія орѣшины съ плодами, и какъ вишни спѣютъ, и тому подобную огородину, какъ-то виноградъ и проч. Наконецъ подходимъ опять къ дому, а институтки такъ и гуляютъ; чуть на которую посмотришь, а она сейчасъ книксенъ. Хороши цвѣты — шиповникъ пунцовый. Mesdemoiselles, faites un bouquet! Это вотъ сейчасъ и букетъ готовъ и поднесенъ А. А. (молодой путешественницѣ)... Ну тутъ ужъ и пошло!... Много было наговорено подобнаго, а на прощаніи и еще пуще...

Проѣхали Александровскую улицу, въ концѣ которой виднѣется Полтавскій памятникъ. Ежели бы эта улица была мощена, т.-е. хорошо мощена, такъ было бы очаровательно: по обѣимъ сторонамъ итальянскіе тополи, реверберы на веревкахъ по серединѣ улицы... Соборъ хорошъ; два мѣстные образа; подъ ними гербы князя Долгорукова-Крымскаго съ рѣзными украшеніями и съ слѣдующими надписями:

Подъ образомъ Божіей Матери:

Преславный гербъ лаврами вѣнчанна
Князь Долгорукаго въ войнѣ и мирѣ славна
Кой скипетру Россійскому Кримъ покорилъ
И Россамъ путь на Черномъ морѣ тѣмъ открылъ.

Подъ образомъ Спасителя:

Гербъ сей предводителя славный войскъ россійскихъ
Князя Долгорукаго въ областяхъ Кримскихъ
Воздвигшаго для Россіи славны
Кой именемъ Василій Михайловичъ званый.

... Ѣдутъ путники покупать вино и конфеты на дорогу. Есть у васъ кондитеръ? Есть. Вези! Привезъ; домишка гнусной наружности, безъ кондитерской вывѣски; есть, правда, вывѣска надъ дверями, но та гласитъ—казенный питейный домъ. Входятъ; отчаянная рожа встрѣчаетъ ихъ въ грязной комнаткѣ съ кроватью и какимъ-то мудренымъ угольникомъ. Конфетъ нѣтъ, а пирожное есть. Ѣдутъ дальше. «Вновь прибывшій мужской портной партикулярныхъ дѣлъ мастеръ». Ѣдутъ далѣе: «Погребъ купчихи Волохиловой съ разными французскими и бѣломорскими винами». На

зло вывѣскѣ взято вино черноморское. Ни конфетъ, ни даже порядочныхъ финиковъ и ни одного лимона въ городѣ нѣтъ...

Павлышъ. При выѣздѣ изъ Кременчуга мостъ черезъ Днѣпръ длиннѣе версты. Днѣпръ хорошъ массою воды. Мы уже въ поселеніи[1]). Однообразно до утомленія; по дорогѣ на каждыхъ 50 саженяхъ каменные столбы; чистыя мазанки, крытыя черепицей; зеленая поливная черепица очень хороша. Солдатъ о чемъ-то бьетъ въ барабанъ... *Елизаветградъ.* Городокъ порядочный: есть бульваръ тополевый, и острогъ, и мостъ, и прочія удовольствія... Лошади скверныя, несъѣзженныя, содержатели мошенники закладываютъ съ плутовствомъ, стараются заложить въ большой экипажъ лошадей поплоше, отъ того чуть горка, путешественники стоятъ и начинается перекладка, продолжающаяся иногда болѣе получаса... *Николаевъ.* Ѣхали путешественники путемъ-дорогою, по заведенному уже порядку, т.-е. быстро по гладкой степи, уставленной копнами и стогами сѣна; видѣли станъ косцовъ съ довольно большою палаткою. Рожь сильно зрѣетъ, солнце сильно печетъ; все это хорошо, только начали они подниматься на гору и поднялись. Тогда мгновенно представился передъ ними широко и живописно раскинувшійся Николаевъ и красивый величественный лиманъ съ транспортными судами и пароходами; кое-гдѣ мелькали челночки, казавшіеся какими то поплавками. Что сталось съ старшимъ путешественникомъ при видѣ широкаго воднаго раздолья—описать невозможно, да и не нужно. Переѣхали мы Пигулъ по плашкоутному мосту, по обѣимъ сторонамъ котораго разбросаны небольшія морскія суда. Влѣво верфь, вправо какое то большое зданіе, а по ту сторону лимана станція. С. п.[2]) все еще въ восторгѣ. У заставы потребовали подорожную,—нужды нѣтъ,—восторгъ продолжается. Вотъ и городъ и морской офицеръ, объявившій, что князь Андрей Сергѣевичъ[3]) третьяго дня «ушелъ»... Налюбовавшись вдоволь лиманомъ и движеніемъ судовъ, путники двинулись въ Спасскій садъ. На бывшей верфи Перовскаго спастится большой 80-ти пушечный корабль. Бывшій Потемкинскій дворецъ, а теперь вокзалъ въ Спасскомъ саду, очень милъ: зала прекрасная, кругомъ зданія крытая галерея, а потомъ тополи и гущина, и птица-соловей поетъ. Оттуда двинулись на обсерваторію, но осматривать ее не могли, потому что астрономъ Снорре былъ занятъ съ учениками. Зато ужъ адмиралтейство путешественники знаютъ, какъ свои пять пальцевъ... Потомъ осмотрѣна была верфь. Лѣсъ, изъ котораго строятся ко-

[1]) Военномъ.
[2]) С. п.—старшій путешественникъ.
[3]) Оболенскій, двоюродный братъ матушки, въ то время служившій въ черноморскомъ флотѣ въ чинѣ лейтенанта.

рабли, вымоченъ для прочности предварительно въ известковомъ растворѣ. Линейный корабль строится съ іюня 1842 года. Адмиралтейская пушка прогремѣла полдень...»

Одесса. Съ перваго шагу Одесса не полюбилась путешественникамъ: они въѣзжали при такой пыли, что глаза ѣло, нельзя было ничего разсмотрѣть порядочно; «видно только что городъ неподобный, а больше ничего. Началось пріисканіе помѣщенія. Всѣ путники остались въ экипажахъ. С. п. отправился одинъ. Въ петербургской гостиницѣ заломили по 800 рублей въ мѣсяцъ за 5 комнатъ,—дѣло неподходящее. Факторъ тутъ какъ тутъ, ведетъ въ Лондонъ—тамъ 500 рублей. с. п. даетъ 450 р., не взяли, въ Новороссійской уступаютъ 5 комнатъ за 400 р. Въ Парижѣ и въ Варшавской свободныхъ номеровъ нѣтъ. Въ Ришельевской только одинъ... Послѣ долгой возни, при содѣйствіи фактора Бермана, нанята въ домѣ архитектора Бофора квартира негоціанта Лихтенштейна, переѣхавшаго на лѣто на хуторъ. Въ ней 9 комнатъ и десятая кухня; цѣна невысока—350 рублей въ мѣсяцъ съ хорошею мебелью и полнымъ комплектомъ матрацовъ для всѣхъ... Часовъ около пяти пошли въ «Палерояль» обѣдать къ Карутѣ. Палерояль (офиціально—театральная площадь) большое зданіе покоемъ, безъ двора; ногами онъ упирается, но не совсѣмъ плотно, въ театръ. Внутри зданія (какъ бы во дворѣ садъ и стѣны его, обращенныя въ этотъ садъ, заняты сплошными, однообразными, очень хорошими магазинами, между которыми два ресторана и два кондитера. Магазины отдѣлены отъ сада широкимъ асфальтовымъ тротуаромъ, который здѣсь не лопается, какъ московскій; а противъ ресторановъ и кондитеровъ, въ саду, большія палатки со столиками и стульями. Вездѣ народъ: читаютъ газеты, ѣдятъ мороженое, пьютъ чай, кофе, курятъ сигары, болтаютъ, а тирольцы откалываютъ свои горловыя штуки, тиролька же нѣтъ, нѣтъ, да и пойдетъ съ блюдечкомъ по гривенники, которымъ однако-жъ небольшой урожай. Путешественники усѣлись за большой столъ и съ наслажденіемъ истребили очень хорошій обѣдъ. Столъ чрезвычайно дешевъ: порція каждаго кушанья стоитъ 15 копѣекъ серебромъ, и порціи такъ велики, что мы, бравши по шести, семеро наѣдались досыта и не доѣдали всего поданнаго. Послѣ обѣда ѣли порядочное мороженое въ палаткѣ и шлялись по магазинамъ. Магазины хороши, но не вдругъ показались дешевыми,—надо торговаться. С. п. отправился въ турецкія бани. Бани эти совершенное наслажденіе. Греки моютъ отмѣнно съ прищелкомъ, баня вся каменная, т.-е. и полъ, и лавки, и стѣны, и сводъ; кейфъ послѣ бани на широкомъ диванѣ, въ двухъ теплыхъ ароматическихъ простыняхъ, чудесный; усталость—какъ съ гуся

вода.... Многое начинаетъ устраваться: воду наняли, дурныя сливки носятъ на домъ, насчетъ обѣда покойны: за сто карбованцевъ въ мѣсяцъ мадамъ Карута угощаетъ насъ отличнымъ обѣдомъ съ прислугою, бѣльемъ, серебромъ и прочими прекрасными вещами, ѣдимъ стерляди, какъ снятки... Всѣ въ восторгѣ отъ Палерояля, въ особенности молодая путешественница; эта жизнь такъ нова для нея, такъ не похожа на нашу обыкновенную московскую жизнь, что дѣйствительно не можетъ не нравиться... Въ 5 часовъ вечера путешественники отправились въ оперу. Къ сожалѣнію дебютъ ихъ былъ не очень благопріятенъ: давали «Лючію», а они слышали и видѣли въ ней Сальви. Театръ довольно хорошъ и оригиналенъ: ложи разгорожены плотными стѣнками, слѣдовательно составляютъ отдѣльныя комнатки, оклеенныя различными бумажками. Здѣсь партеромъ называютъ—и справедливо—большой загонъ за креслами, гдѣ скамеекъ очень мало, а охотники получаютъ свое удовольствіе по большей части стоя. Цѣна кресла въ оперѣ 1 рубль, ложи 7 рублей 14 к. и 5 рублей 71 к., входъ въ партеръ 45 к. Духоты большой нѣтъ, благочинно, несмотря на то, что капельдинеры въ холщевыхъ пальтахъ. Оркестръ небольшой, но прекрасный; въ особенности хороши мѣдные инструменты. Хоры вѣрны, да малы: мужскихъ голосовъ девять, а женскихъ не считалъ, да ихъ почти и не слышно. Декораціи и костюмы не только хористовъ, но и первыхъ лицъ, плохи и обстановка вообще не блистательная... Труппа составлена не изъ отличныхъ, но весьма порядочныхъ пѣвцовъ, зато почти равной силы, одинъ другого не давитъ... Напротивъ въ ложѣ сидѣлъ панъ Галецкій; онъ очень милъ: густая остроконечная борода, круглый полуфрачекъ суроваго цвѣта, отчаянный полосатый шарфъ,—синій съ бѣлымъ, съ огромнымъ бантомъ, концы котораго широко лежатъ на плечахъ, а изъ праваго грудного кармана торчитъ яркій малиновый фуляръ... На Итальянской улицѣ магазиновъ почти нѣтъ, но, какъ и на всѣхъ одесскихъ улицахъ, на каждомъ шагу «Cantina con diversi vini». Красивый двухэтажный домъ гр. Браницкой больше ничего, какъ амбаръ для пшеницы. Далѣе много такихъ домовъ съ балконами и колоннами и такимъ же назначеніемъ. Чернорабочіе провѣтриваютъ зерно, шевелятъ, просушиваютъ его на торпищахъ, разостланныхъ на улицѣ, чѣмъ занимаютъ половину ея. Ришельевская улица красивѣе: на ней много пирамидальныхъ тополей, бѣлыхъ акацій и вязовъ. Съ Успенской улицы начинаются заведенія ремесленниковъ, съ Почтовой магазины, которые съ Греческой становятся сплошными... Здѣсь вообще всѣ одѣты со вкусомъ: костюмы, будучи совершенно европейскими, носятъ на себѣ

какой то особый отпечатокъ. Шума и безпорядка на улицахъ никакого, а между тѣмъ полиціи рѣшительно не видать. Лишь черезъ недѣлю, и то по настоятельному требованію путешественниковъ, домовый дворникъ отнесъ паспорты ихъ въ полицію. С. п. ѣздилъ сегодня къ Ахлестышеву (военному губернатору Одессы); добрякъ и милый человѣкъ, старый солдатъ, какъ онъ самъ выражается про себя. Много разныхъ вещей говорилъ Ахлестышевъ объ одесскихъ порядкахъ; между прочимъ замѣчательно, что ежегодно приходитъ сюда изъ великороссійскихъ губерній тысячъ до пятнадцати безпаспортныхъ... Къ вечеру были въ представленіи Щепкина. «Мирандолина» со стороны Щепкина сошла хорошо, кромѣ костюма. Кравченко сносна, а Соколовъ несносенъ. Живокини такъ разсмѣшилъ Андрюшу[1]), что онъ не стерпѣлъ, взвизгнулъ, и весь театръ обернулся на нашъ бенуаръ. Ну ужъ «Москаль-чаривникъ» шелъ безподобно. Щепкинъ превосходенъ, а Григорьевъ въ роли солдата убѣдилъ, что онъ отличный и разнообразный актеръ. Послѣ спектакля, разумѣется, Палерояль и чай».

Путешественники пробыли въ Одессѣ почти два мѣсяца—до 14-го августа. Такое долгое пребываніе было вызвано тѣмъ, что они пользовались морскими купаніями, предписанными московскими врачами, а кн. Н. А. Оболенскій бралъ грязевыя ванны на лиманѣ. Лечебное заведеніе на лиманѣ уже существовало тогда, но въ очень маломъ размѣрѣ и достаточно примитивно организованное: грязевыя ванны Оболенскій, страдавшій подагрой и ревматизмомъ ногъ, бралъ, опуская ноги въ вырываемую для него на берегу яму. Пребываніемъ въ Одессѣ путешественники остались чрезвычайно довольны, ихъ плѣнялъ складъ общественной жизни въ Одессѣ, рѣзко отличавшійся отъ московскаго,—гораздо болѣе простой, свободный, близкій европейскимъ нравамъ. Время они проводили въ частыхъ поѣздкахъ по окрестностямъ, на Малый Фонтанъ (тутъ имѣлась примитивно сооруженная, уже не дѣйствовавшая, машина для откачиванія питьевой воды въ бочки), на дачу Рено, на хуторъ Ланжерона, на лиманъ, хуторъ Картаци, Стурдзы, въ нѣмецкую колонію Либенталь и т. п. Во время ихъ пребыванія въ Одессѣ туда на нѣсколько дней заходилъ военный фрегатъ «Флора», на которомъ плавалъ родственникъ ихъ кн. А. С. Оболенскій; они часто бывали на фрегатѣ и, при содѣйствіи Оболенскаго, предпринимали разнообразныя прогулки по морю на парусахъ, на веслахъ, съ музыкой и т. п. Очень часто посѣщали театръ,

---

[1]) Сынъ «старшаго путешественника», 12 лѣтъ.

итальянскую оперу (давали слѣдующія оперы: Севильскій цырульникъ, Норма, Лючія, Ломбарди, Эрнани, Отелло, Монтекки, Эдинбургская плѣнница, Робертъ д'Еверё, Моисей—по афишѣ «Петръ пустынникъ» и Il ritorno di columella da Padova, соч. Фіараванти) и драматическія представленія съ участіемъ Щепкина и Живокини. Общество, въ большинствѣ, было достаточно многочисленно; въ дневникѣ часто упоминаются слѣдующія фамиліи: гр. Орловъ съ женой (красавицей), Столыпины, Козловы, Базилевскіе, Шидловскіе, кн. Витгенштейнъ, Радзивилъ, Пущинъ, Денисовы, Сущовъ, Рахмановы, Штакельбергъ, бар. Корфъ, кн. Гагаринъ, Малиневскій. Между одесситами было много поляковъ. Между собственниками магазиновъ встрѣчались итальянцы, караимы и въ значительномъ количествѣ евреи. Такъ какъ Одесса въ то время была porto franco, то при каждомъ выѣздѣ изъ черты города производился таможенный досмотръ, но очень поверхностно и учтиво, какъ простая формальность.

15 августа путешественники, оставивъ дѣтей подъ надзоромъ гувернера въ Одессѣ, отправились на пароходѣ «Дарго» въ Крымъ. Выѣздъ изъ Одессы описанъ въ дневникѣ такъ:... «Насилу выбрались изъ дома: то то не готово, то другое. Станутъ искать зонтикъ и найдутъ узелъ съ чаемъ, который безъ того забыли бы захватить. Заказанныя бріоши еще въ печи; шляпка А. А. еще не готова... однако двинулись. На таможнѣ разбирали всю поклажу, но были весьма милы, что вовлекло с. п. въ великодушіе, выразившееся карбованцемъ. Вещи на пароходѣ и уже разобраны по мѣстнымъ каютамъ. Пароходъ теперь некрасивъ: заваленъ разными тюками, зашитыми въ рогожи экипажами и пассажирскою крупною поклажей... Путешественники, подобно большинству пассажировъ 1-го разряда, частью и 2-го, провели ночь на палубѣ, на вынесенныхъ для того матрасахъ,—въ каютахъ за духотою невозможно было оставаться». Въ дневникѣ цитированъ списокъ пассажировъ (57 человѣкъ), въ которомъ между прочими, значатся: «Болеславъ и Георгій Корабелли, Одесскій мѣщанинъ Горштейнъ, три татарина, крестьянка Анна Рѣпнова, мраморщикъ Рока Маринати съ пятью крестьянами и дѣвкою, помѣщикъ Гижицкій съ товарищемъ и слугой, коллежская совѣтница Наталья Гришевичева съ дѣвицей Ольгой Дмитріевной и прислугой, садовникъ Ровбзо, полтавка Акулина, Жанетта Форманъ, Англичанинъ Мартинъ, пруссачка Виргинія Ришкордъ, грекъ Петала».

Въ Ялтѣ путешественники оставили пароходъ и достали себѣ, не безъ труда,—при содѣйствіи мѣстнаго аптекаря, экипажъ «ящикъ, въ которомъ спереди и сзади на ремняхъ повѣшены

кресла,—каждое для двухъ; прислуга отправится на перекладныхъ... За подорожною с. п. отправился самъ. На бѣду его уѣздный казначей (мѣстность Ялты такъ романтически хороша, что можно бы, кажется, объ закладъ побиться, что въ такомъ очаровательномъ уголкѣ не можетъ быть уѣздныхъ казначеевъ) отдыхалъ послѣ обѣда. Присяжный счетчикъ ни за что не рѣшался разбудить его,—молъ—съ супругою изволятъ отдыхать. Взамѣнъ казначея добытъ, хотя и не скоро, помощникъ его—заика. Пока закладывали лошадей, путешественники отлично выкупались. Выѣхали изъ Ялты, побранившись съ содержателемъ гостиницы, который за два часа постоя и воду для умыванія хотѣлъ взять 6 рублей... Пили чай въ Юрсуфѣ у гостепріимнаго садовника... *Бахчисарай*. Дорога отъ Симферополя до самаго Бахчисарая прескучная, точно великорусская степная губернія. Почтовая станція здѣсь устроена въ двухъ верстахъ отъ города. Видъ его поразителенъ для русскаго: всѣ лавки и мастерскія совершенно открыты,—передней стѣны нѣтъ... Изъ кофейни туристы пошли осматривать дворецъ. Общій наружный видъ и нѣкоторыя комнаты, въ особенности кабинетъ хана и диванъ, прекрасны; сѣни также очень хороши. Реставрированъ дворецъ усердно, но глупо: диваны сдѣланы такіе, какіе въ Европѣ называютъ турецкими, т.-е. на полъ-аршина выше прежнихъ, отчего на покрытіе ихъ не достало прежней отличной, шитой золотомъ, зеленой шелковой матеріи; сдѣлали къ стѣнѣ подставку изъ бѣлаго холста,—будто бы, въ видахъ сбереженія, часть верхней подушки покрыта полотномъ. Вообразили комнату Маріи Потоцкой и надъ каминомъ сдѣлали луну съ крестомъ. Надъ одной дверью, отдѣланной въ чисто восточномъ вкусѣ, поставили русскаго двуглаваго орла. Сѣни съ фонтанами превосходны, но содержатся не такъ, какъ бы слѣдовало: въ бассейнѣ одного изъ нихъ виноградная кожица, куски хлѣба и оглоданныя куриныя кости... *Севастополь*. Городъ довольно хорошъ; въ особенности хороша церковь на горѣ съ фасадомъ, снятымъ съ храма Тезея; хороша оборонительная казарма на берегу рейда, изъ оконъ которой, обращенныхъ къ морю, выглядываютъ триста орудій большого калибра... Въ заключеніе отправились на корабль «12 апостоловъ». Что это за красивая громада! Устройство линейнаго корабля извѣстно,—описывать его нечего; скажемъ только: 120-ти пушечный, и довольно. Пройдешь по палубѣ отъ кормы до носа и усталъ. Въ адмиральской каютѣ шесть комнатъ, изъ которыхъ три очень просторныя и роскошно меблированныя съ чудеснымъ наружнымъ балкономъ, офицерскія каюты чрезвычайно просторны. Капитанъ—Корниловъ въ Англіи... *Байдары*. Дорога и станція

въ продолженіе, примѣрно, верстъ шести, идетъ красивыми извилинами въ гору. По горѣ роскошный лѣсъ; почти всѣ ближнія къ дорогѣ деревья до половины ствола срублены татарами, ворующими лѣсъ, и, несмотря на то, благодаря благословенному климату, здоровехоньки и одѣты густою зеленью. Въ теченіе всего подъема Байдарская долина кокетливо показывается съ разныхъ сторонъ; отсюда,—не то что съ пріѣзда,—она заслуживаетъ свою репутацію живописной долины. Потѣшивъ взоръ путника своими татарскими деревнями, бархатною зеленью травы и свѣтлыми ручьями, она, наконецъ, скрывается изъ глазъ. Дорога, врѣзавшись въ чащу, версты черезъ полторы вдругъ круто поворачиваетъ влѣво, подходитъ подъ строящіяся между двумя отвѣсными скалами гранитныя ворота и, какъ бы по знаку волшебника, выводитъ путника мгновенно на южный берегъ; вправо подъ ногами море, влѣво голая, страшная, обрывистая скала. Отсюда дорога идетъ постепенно внизъ, изгибаясь по боку горы, огибаетъ небольшую скалу съ крестомъ на вершинѣ и потомъ, въ продолженіе версты, тянется по одному направленію... *Мисхоръ*. Не доѣзжая до царской Оріанды всякій путникъ поразится видомъ вызолоченнаго креста на яблокѣ, поставленнаго на вершинѣ очень высокой утесистой горы. Царская Оріанда не въ приборѣ: дорога въ нее узка и крута. Достраивается довольно большой, изъ мѣстнаго бѣлаго мрамора, дворецъ съ пошлою офиціальною физіономіею, кромѣ фаса, обращеннаго къ морю, который хорошъ. Около дворца со всѣхъ сторонъ планируютъ каменную гору на большое пространство,—хоть конную бригаду учи!.. Можетъ быть, это со временемъ будетъ и хорошо, а теперь какъ то прискорбно смотрѣть, что выравниваютъ такія прелести, да и денегъ эта нивелировка унесетъ довольно. Садъ не въ большомъ порядкѣ... Отправились назадъ, не восхитившись особенно ничѣмъ, кромѣ живописной полукруглой колоннады на вершинѣ узкаго утеса, точно наперстокъ на пальцѣ. Виноградникъ здѣшній въ отличномъ положеніи. Мѣстоположеніе другой Оріанды, принадлежащей великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, лучше царской, но такого запущенія и отвратительной небрежности и нечистоты, какія господствуютъ здѣсь повсюду, кромѣ двухъ дорожекъ, ведущихъ отъ въѣзда, и вообразить невозможно ... Въ четырехъ верстахъ не доѣзжая Ялты чудесная дача графа Потоцкаго—Ливадія. Въ ней нѣтъ тѣхъ дикихъ поразительныхъ красотъ, которыми изобилуютъ остальныя дачи южнаго берега, зато вся она какъ то особенно мила, привлекательна и содержится въ отличномъ порядкѣ.. *Пароходъ Дарго*.... Графиня Киселева сидитъ на палубѣ въ собственномъ креслѣ, стоящемъ у спуска въ каюту и что-то вяжетъ; мальчишка

внукъ валяется на коврѣ и играетъ со своей собакой. При графинѣ: докторъ-полякъ, гувернеръ-итальянецъ, поваръ-французъ и горничная-француженка. Графиня яростно читаетъ газеты. Кромѣ графини замѣчательны: татарскій князь, ѣдущій въ Мекку на поклоненіе; онъ служилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ въ татарскомъ полу-эскадронѣ; хорошо говоритъ по-русски; носитъ смазные сапоги, а для очищенія поганьской совѣсти надѣваетъ на нихъ, какъ галоши, желтые сафьянныя туфли; какъ станетъ молиться, такъ туфли долой и щеголяетъ въ сапогахъ, а Магометъ думаетъ, что онъ босой. Потомъ пожилой монахъ-армянинъ съ наперснымъ эмалевымъ крестомъ, въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ, съ очками на лбу, говорящій хорошо по русски, итальянски и французски: онъ отправляется въ Венецію, гдѣ воспитывался... *Одесса.* Пылью и жаромъ встрѣтила туристовъ Одесса. Напившись кофе, с. п. пошелъ купаться; купальня опустѣла, вода сдѣлалась свѣжѣе... Какъ тошна теперь кажется Одесса послѣ восхитительныхъ береговъ волшебнаго Крыма. Даже писать нельзя—такъ пыльна Одесса! Пале-рояль пустѣетъ... Пора домой... Эбенштейтъ водилъ с. п. во вновь открытый казино, который съ утра до вечера полонъ; устроенъ чисто, много въ немъ карточныхъ столовъ, покрытыхъ не сукномъ, а черной кожей, отличный билліардъ, но играютъ какъ въ карты, такъ и на билліардѣ мало:все больше толкуютъ о коммерческихъ дѣлахъ. Большинство посѣтителей въ шляпахъ. Штрафъ начинаютъ взыскивать съ 10 часовъ вечера».

Въ 1843 г. отецъ ѣздилъ съ матушкой въ Петербургъ, и тоже велъ дневникъ этой поѣздки, совершенной конечно на лошадяхъ и тоже въ собственной дорожной каретѣ, при чемъ путникамъ не мало пришлось страдать отъ мѣстами очень плохой дороги (поѣздка совершалась въ маѣ). Какъ видно изъ дневника, мостовыя въ Петербургѣ въ то время были немногимъ лучше московскихъ, очень плохи. Остановились Давыдовы въ гостинницѣ Coulon, платя за № въ бельэтажѣ 35 рублей въ недѣлю, а за карету четверней 125 рублей въ недѣлю. Изъ ресторановъ въ дневникѣ упоминаются Излеръ, Доминикъ и Жоржъ (обѣдъ у котораго на троихъ съ бутылкой шампанскаго стоилъ 55 рублей); у Смурова въ комнатахъ за магазиномъ ѣли устрицы, запивая портеромъ. Отецъ остался очень доволенъ французскимъ театромъ, а также, русской оперой, въ которой, между прочимъ, принималъ участіе итальянецъ теноръ Рубини, а изъ русскихъ пѣвцовъ отличались Степанова, Семенова и Артемовскій. Александровскій театръ менѣе удовлетворилъ отца; въ дневникѣ значится: «Каратыгинъ ревѣлъ немилосердно, за что ему сильно хлопали, жена его не от-

ставала отъ него. Я отвыкъ отъ этихъ ужасныхъ возгласовъ, за то и поразили они меня: невыносимо дурно. Потомъ шелъ водевильчикъ; Максимовъ очень хорошъ, Григорьевъ первый также, даже и Самойлова не дурна». Одобрительный отзывъ имѣется также о полиціи, которая «много учтивѣе московской».

Въ описаніи большихъ поѣздокъ отца по Россіи,—въ Пензу, Саратовъ и т. п.—обращаетъ на себя вниманіе бездна мелкихъ дорожныхъ приключеній, неизмѣнно непріятнаго характера, какъ то: отсутствіе лошадей на станціяхъ, прижимки «вольныхъ ямщиковъ», непролазная грязь, въ которой застреваютъ и ломаются экипажи, даже крѣпкіе тогдашніе тарантасы, отсутствіе сносной пищи на остановкахъ, грязь станціонныхъ помѣщеній и присутствіе въ гостиницахъ и губернскихъ городовъ, ужъ не говоря про уѣздные, клоповъ и прочей нечисти. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи переѣздъ моей матери съ дѣтьми изъ Москвы въ Кулеватово (гдѣ въ это время былъ отецъ) въ самыхъ первыхъ числахъ марта (въ 1849 году). Сборы матушки изъ Москвы длились очень долго, ибо все являлись препятствія,—то чье-либо нездоровье (между прочимъ одного изъ дворовой прислуги, ѣхавшей съ нею,— фельдшера Пучкова), то жестокіе метели и холода, то вѣсти о непроѣздной изъ-за ухабовъ и массы снѣга дороги. Матушка, судя по ея письмамъ, была въ отчаяньѣ и чуть не ежедневно мѣняла рѣшенія свои ѣхать или не ѣхать. И такое положеніе длилось не меньше мѣсяца.

Матушкѣ приходилось въ годы, когда семья Давыдовыхъ проводила зиму въ Москвѣ, переѣзжать съ дѣтьми весною въ Кулеватово, а осенью обратно, и эти переѣзды давались, особенно осенью, очень не легко. Къ нимъ задолго готовились, «людей» съ тяжелымъ багажемъ, въ особомъ фургонѣ, отправляли впередъ, запасались провизіей, теплымъ платьемъ, день отъѣзда нерѣдко откладывался изъ-за дождей и непроѣзжей дороги, иной разъ на долгій срокъ; въ день выѣзда всегда служили напутственный молебенъ, а въ Москвѣ, кромѣ того, приглашали Иверскую; по дорогѣ заѣзжали къ знакомымъ или роднѣ (около Козлова Сабуровы, въ Рязанской губерніи Оболенскіе и т. п.), гдѣ случалось пробыть, тоже въ ожиданіи улучшенія погоды и дороги, подолгу,— недѣлю и больше. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ письма матушки къ отцу изъ Александровки, отъ Сабуровыхъ, гдѣ ей неожиданно пришлось прожить, выжидая прекращенія лившихъ дождей, съ 7-го по 17-е сентября:... «Я прямо въ отчаяньѣ отъ нашего опозданія, но съ другой стороны—это счастье, что я отложила выѣздъ; по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ Тамбова и изъ «Дворіковъ», дорога ужасная, въ сутки дѣлаютъ только одну

станцію, а около Ряжска экипажи застреваютъ и по суткамъ сидятъ, пока изъ деревни не приходитъ народъ вытаскивать!..»

Отецъ съ семьей въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія проводилъ въ деревнѣ не только лѣто (въ Кулеватовѣ, Спасскомъ тожъ), но и зиму, выѣзжая временно по дѣламъ въ Тамбовъ, а также въ Москву, въ послѣднемъ случаѣ обычно уже съ матушкой и дѣтьми, при чемъ они останавливались у стариковъ Оболенскихъ (родители матушки) въ ихъ большомъ домѣ на Рождественкѣ (въ настоящее время тамъ гостиница, бывшая Берлинъ). Тамбовское имѣніе отца было изъ крупныхъ,— при двухъ селахъ Кулеватовѣ и Вирятинѣ. Кулеватовская усадьба представляла изъ себя какъ бы городокъ, настолько она была застроена жилыми, въ большинствѣ каменными, и нежилыми зданіями; большой двухъ-этажный домъ вмѣщалъ въ себѣ около тридцати комнатъ, не считая прихожихъ, коридоровъ и кладовыхъ; кромѣ него имѣлся большой флигель, контора, больница, рядъ строеній для жилья дворовыхъ, водяная мукомольная мельница со своими жилыми строеніями, столярная, слесарная, шорная мастерскія, кузница, конный дворъ съ манежемъ, скотный дворъ, амбары, сараи, баня, аптека и т. п. При домѣ имѣлось два сада, изъ которыхъ одинъ, липовой аллеей, велъ къ каменной церкви, а при садѣ имѣлись грунтовые сараи для шпанскихъ вишенъ и грушъ, оранжереи и теплица, а при домѣ, прилегавшій къ кабинету отца, зимній садъ. Въ большомъ саду протекала многоводная рѣка Челновая, на возвышенномъ берегу которой была построена помѣстительная, жилая лишь въ лѣтнее время, галлерея. Почти всѣ строенія были возведены еще прадѣдомъ, но садовая часть была доведена до совершенства уже отцомъ, такъ же, какъ весьма обширная, хорошо составленная и постоянно пополнявшаяся, библіотека. Дворня была весьма многочисленна: кромѣ домашней прислуги разныхъ категорій, имѣлись свои столяры, токари, слесаря, кузнецы, бондари, шорники, сапожники, портные, каменщики, кучера, конюхи, садовники, огородники, повара, хлѣбникъ и т. д.; во флигелѣ дѣвушки и женщины ткали полотна, вышивали и занимались другими рукодѣльными работами. Большинство мастеровыхъ еще мальчиками отдавались въ ученіе, многіе въ Москву (садовники и повара); при дворнѣ имѣлись свои фельдшеръ, учитель (онъ не шелъ дальше преподаванія грамоты русской и церковно-славянской и церковнаго пѣнія) и бухгалтеръ; управляющій былъ тоже изъ своихъ людей. Несмотря на сравнительную затруднительность почтовыхъ сношеній со столицами и съ «заграницей», отецъ постоянно выписывалъ изъ первыхъ рукъ всевозможныя новости по

части садовой и плодовой культуры и домашняго обихода, книги и журналы. При усадьбѣ состоялъ, войдя въ семью отца какъ равноправный членъ, докторъ; при дѣтяхъ, по мѣрѣ того какъ они выходили изъ возраста, требующаго ухода лишь нянекъ и дядекъ, состояли гувернеры, гувернантка и учителя, русскіе и нѣмцы (гувернантка была изъ французской Швейцаріи), а въ томъ числѣ хорошо извѣстные впослѣдствіи Москвѣ Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ и выдающійся педагогъ Владиміръ Петровичъ Шереметьевскій. Дѣти (братья мои и я лично), воспитывались дома до поступленія въ университетъ; въ деревню пріѣзжали разъ, или два въ недѣлю, преподаватели музыки (фортепіано, скрипка, віолончель), чистописанія и рисованія (Стрибольтъ изъ Моршанска и Гравертъ изъ сосѣдняго имѣнія кн. Голицыныхъ и Прокунинныхъ—Сосновки). Отецъ не былъ псовымъ охотникомъ и не увлекался лошадинымъ спортомъ, а потому на усадьбѣ не было обычныхъ въ ту пору въ помѣщичьемъ быту псарни съ доѣзжачими, выжлятниками и вообще охотничьей обстановки, а также наѣздниковъ. Конный заводъ существовалъ, но не было ни рысистыхъ, ни скаковыхъ лошадей, и дѣло ограничивалось заботой о хорошихъ выѣздныхъ и рабочихъ лошадяхъ. Вообще на усадьбѣ и въ домашнемъ обиходѣ кулеватовскихъ помѣщиковъ имѣлось больше культурности, чѣмъ въ большинствѣ тогдашнихъ дворянскихъ гнѣздъ. Это отражалось и на управленіи вотчиной, т.-е. крестьянами и дворовыми, и вообще на веденіи хозяйства. Эксплуатаціи крѣпостныхъ людей не было, но бывали случаи, хотя очень рѣдкіе, тѣлеснаго наказанія, къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ совсѣмъ однако прекратившіеся. Крестьяне обоихъ селъ были по своему состоятельны: избы, иныя каменныя, и хозяйственныя постройки на дворахъ, были солидны, и а гумнахъ по осени становилось по-многу кладушекъ хлѣба; скота и лошадей было достаточно и хорошаго качества, огороды и конопляники стояли обширные и хорошо содержимые, многіе крестьяне промышляли зимой извозомъ, торговлей, скотомъ и рыбой (внѣ своей округи), рыбачили и жили вообще исправно. Одѣвались крестьяне хорошо, во все крѣпкое (кафтаны, поддевки, кушаки, поярковыя шляпы гречниками), а женщины, особенно дѣвицы, и красиво; весною и въ лѣтніе праздники на селѣ и на ближнемъ выгонѣ стояло большое веселье, и чудныя народныя пѣсни,—окончательно забытыя теперь и вытѣсненныя отвратительными романсами и нелѣпыми частушками, оглашали, вечерами,—особливо въ покосъ,—на-далеко окрестности села. Дворня жила совершенно обособленно отъ села; каждая семья имѣла свое особое помѣщеніе (комнату въ одномъ изъ флигелей или свой домикъ);

имъ отводились, на каждую семью, огородная земля около рѣчки; обшивались, обувались и одѣвались дворовые, конечно, на господскій счетъ, домашними средствами; всѣ получали, по количеству членовъ семьи, мѣсячину, а служащіе и ремесленники небольшое опредѣленное денежное жалованье; заболѣвшіе помѣщались въ больницу. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, лѣтомъ, дворовая молодежь водила на большомъ дворѣ усадьбы хороводы съ пѣніемъ и пляской, занималась играми въ городки, бабки, лунки, а зимой катались съ устраиваемой въ саду ледяной горы; всѣ дворовые мальчики обязательно обучались грамотѣ. И зимой и лѣтомъ, по нѣсколько разъ въ годъ, на усадьбѣ устраивалось послѣ обѣдни праздничное угощенье для крестьянъ, подавались пироги и водка, для непьющихъ—чай, а женщинамъ и дѣтямъ лакомства (орѣхи, пряники) и подарки (платки, ленты).

Гостей бывало въ Кулеватовѣ немного и не часто; въ этомъ отношеніи жизнь родителей тоже отличалась отъ общепринятаго въ тѣ годы помѣщичьяго обихода, при которомъ пріемъ у себя и поѣздки въ гости были явленіями обычными; выпиваніе также совсѣмъ не признавалось и не допускалось отцомъ, и водка даже не подавалась обычно къ обѣденному столу. Кромѣ своего интимнаго общества—домашній докторъ, учителя свои и наѣзжавшіе, въ Кулеватовѣ чаще другихъ бывали сосѣди Огаревы (старуха вдова и нѣсколько ея дочерей), усадьба которыхъ была всего въ верстахъ трехъ, Голицыны и Прокунины изъ Сосновки (20 верстъ), Кругликовы изъ Дегтянки (верстъ 25,) и болѣе отдаленные сосѣди-друзья Сабуровы (верстъ 60). Но обычно въ Кулеватовѣ, въ семьѣ родителей, проживали уже не въ качествѣ гостей, а какъ постоянные нахлѣбники, кто-либо изъ близкихъ имъ людей, нуждавшихся въ кровлѣ временно, а то и окончательно поселившіеся у Давыдовыхъ.

Вотъ какъ отецъ описываетъ свою жизнь въ Кулеватовѣ зимою (въ 1849 году), въ отсутствіе матушки и части дѣтей, бывшихъ въ то время въ Москвѣ, откуда отецъ незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ въ деревню: «*30 Генваря*». Прошелъ день мирной Кулеватовской жизни, и все было бы очень хорошо, еслибъ ты была съ нами. Семейный кружокъ нашъ въ деревнѣ такъ сжился, мы такъ вмѣстѣ живемъ, что это совершенное наслажденіе. Ты знаешь, что мы отлично доѣхали до Рязани, не имѣя нигдѣ задержки въ лошадяхъ, но съ Рязани начались наши мученія: лошади сбитыя, полусытыя, дорога несносная, не столько по ухабамъ, сколько потому что узка, вся изрыта и торчитъ бугромъ»... Вотъ продолженіе его письма: «Мавра Андреевна (крѣпостная экономка) опять съ новаго года совсѣмъ оглохла. Майоръ

(докторъ) неизмѣнимъ, только что эмансипировался, много разъѣзжалъ и въ Тамбовъ, и въ Моршу, и по сосѣдямъ. Послѣ завтрака пошелъ съ дѣтьми по оранжереямъ и нашелъ ихъ въ удовлетворительномъ положеніи. Цвѣтная часть задержана: гіацинтовъ цвѣтетъ только еще 7 горшковъ, камелія одна, лимонныя деревья въ хорошемъ видѣ... Леонтій Ивановичъ (старикъ столяръ) вчера кончилъ большой разборный столъ для столовой; равномѣрно кончили ширмочки для гостинной около печи, гдѣ мебель, по твоему желанію, перекрыта. Майоръ изъ оставленныхъ мною ему померанцевъ, сдѣлалъ два напитка; изъ нихъ водица отлично удалась. Послѣ обѣда я занялся съ дѣтьми разборкой прошлогодняго Siècle. Вечеръ мы заключили общимъ чтеніемъ прекрасныхъ писемъ объ Испаніи Боткина и потекла наша мирная жизнь обычною чередою... Егоръ Фроловичъ вернулся изъ Моршанска, продавъ разнаго хлѣба 1690 четвертей и 150 кулечковъ гороховой муки на сумму 1.1639 рублей ассигнаціями, а цѣны вообще таковы: овесъ сухой, подсѣянный, 8 мѣръ въ гребло, по 7 р. 60 к., мука урожая 1847 года и рожь нынѣшняго урожая въ одной цѣнѣ 11 р. 65 к. Мука ржаная урожая 1845 г.—12 р. 15 к. за куль... Послѣ кофею до 10 часовъ я занимался съ Егоромъ Фроловичемъ разными пріятными и полезными разговорами, потомъ до 11 часовъ заставлялъ Андрюшу писать подъ диктовку (очень неуспѣшно, на одной страницѣ онъ сдѣлалъ 23 ошибки), потомъ привелъ въ порядокъ письма, потомъ Мавра Андреевна прислала мнѣ попробовать купленное мною въ Москвѣ прованское масло, а послѣ завтрака гулялъ съ дѣтьми и, между прочимъ, заказалъ Исаю сдѣлать гору, По возвращеніи началъ заниматься библіотекой и, кстати, попрошу тебя узнать у Кистера не можетъ ли онъ прислать мнѣ въ Тамбовъ книги, оставленныя мною въ Москвѣ для которыхъ ты вели купить ящикъ, потомъ докончилъ разборку и устройство моихъ садовыхъ бумагъ. Въ 4 часа предстоялъ ботаническій урокъ, но Федя забылъ въ Москвѣ ботаническую тетрадь. Послѣ обѣда читалъ журналы, затѣмъ была астрономическая бесѣда съ дѣтьми и кончилась общимъ пріятнымъ чаепитіемъ... О столѣ Кати я не забылъ, но еще не заказалъ его, потому что Леонтій оканчиваетъ биллiардъ, а потомъ мнѣ надо прибавить полокъ для журналовъ. Вотъ весь мой день!.. Вечеромъ читали Греча, но онъ несносно сухъ, несмотря на приторныя остроты. Часовъ въ 9 явился ко мнѣ Семенъ Никитинъ и съ озабоченнымъ видомъ объявилъ (у Егора голова болитъ) что изъ Вирятина присланъ нарочный: овинъ горитъ. Отправилъ туда Исая, пожарныя трубы и Семена, а самъ не поѣхалъ, слишкомъ погодисто... Еще до кофія явился Исай съ донесеніемъ о Вирятинскомъ

пожарѣ; огонь быстро затушили, и сгорѣло очень немного. Нынче прибыли гости и, къ сожалѣнію, пробыли весь день, но еще до нихъ я успѣлъ заняться съ Андрюшей, писалъ каталогъ, завтракалъ, писалъ къ Готье[1]). Въ фортепіанахъ нашихъ были безпорядки въ механизмѣ, рамку подъ клавіатурой повело, надо было подклеить сукно, да нѣкоторые молоточки покривились. Все это справилось, но строй еще не совсѣмъ хорошъ, а настройщикъ никакъ не могъ оставаться дольше. Всѣ наши гости, не исключая князя Василья Павловича[2]) ночуютъ у насъ и всѣ просидѣли до полуночи въ пріятномъ бездѣйствіи... Послѣ блиновъ, еще по хорошей погодѣ, поѣхалъ я къ сосѣдушкѣ (Огаревой). Насилу доѣхалъ до нея, такъ домъ занесло снѣгомъ, что надо объѣзжать задами, черезъ внутренній дворъ... Вечеромъ, конечно, читали; кончили письма Герцена и принялись за большой романъ Диккенса «Торговый домъ Домби и сынъ»...

Лѣто матушка, за самыми рѣдкими исключеніями, вызывавшимися поѣздками къ старикамъ Оболенскимъ въ Троицкое, проводила съ младшими дѣтьми всегда въ Кулеватовѣ. Въ сельское, садовое и даже домашнее хозяйство она не вникала, предоставляя все управленіе въ Кулеватовѣ Егору Фроловичу, садовнику Іону Павловичу и экономкѣ Маврѣ Андреевнѣ. Кулеватовская домашняя жизнь и въ отсутствіе отца проходила по той же, приблизительно, программѣ, какъ и при немъ, за исключеніемъ личныхъ его уроковъ дѣтямъ. Въ теченіе дня или вечерами, если не предпринималась большая прогулка, происходило общее чтеніе. По воскресеньямъ и праздникамъ всѣ обитатели Кулеватова (иные изъ учителей, случалось, уклонялись отъ этой обязанности) отправлялись къ обѣднѣ. Въ хорошую погоду предпринималась прогулка съ дѣтьми по рѣкѣ въ большой лодкѣ съ четырьмя гребцами изъ молодыхъ дворовыхъ, въ недалекій лѣсъ; тамъ въ котловинѣ, окруженной высокими могучими соснами, устраивался чай и подавались разныя деревенскія лакомства. Въ грибную пору матушка съ дѣтьми и многочисленными дѣвушками (горничными и швеями) ѣздила на цѣлый день, взявъ съ собой провизію, въ дальній лѣсъ по грибы. И дѣти, и дворовыя дѣвушки очень любили такія поѣздки, при которыхъ набиралось обычно великое множество «бѣлыхъ грибовъ» (березовыхъ не брали ужъ), и лѣсъ въ теченіе цѣлаго дня оглашался веселымъ ауканьемъ и пѣснями дѣвицъ, радостно занимавшихся, вернувшись домой, и разборомъ, сортировкой и чисткой грибовъ. Осенью такія экспе-

---

[1]) Московскій французскій книжный магазинъ.
[2]) Голицынъ.

диціи предпринимались, но уже безъ матушки и дѣтей, а подъ водительствомъ старшей горничной Авдотьи Ивановны; тутъ набирались рыжики, бѣлянки, волнушки, солившіеся потомъ Маврой Андреевной. Съ дѣтьми же матушка ѣзжала тоже, въ сопровожденіи многочисленнаго женскаго штата, въ лѣсъ за орѣхами. Въ отношеніи пріема гостей и выѣздовъ къ сосѣдямъ, особенно въ послѣднемъ отношеніи, матушка еще болѣе отца держала себя отрицательно Но въ 1855 г. лѣтомъ матушкѣ, въ отсутствіе отца, пришлось оказывать гостепріимство многочисленнымъ гостямъ, — севастопольскимъ ополченцамъ. Какъ извѣстно въ этому году помѣстное дворянство въ Россіи составило изъ «своихъ» крестьянъ ратническія ополченія, подъ командой, въ большинствѣ, своихъ же помѣщиковъ—отставныхъ офицеровъ, и двинуло ихъ, по призыву правительства, на защиту Севастополя. Тамбовская губернія не отстала отъ другихъ, и въ ней сформировалась большая дружина, находившаяся подъ общимъ командованіемъ отставного генерала, богатого козловскаго помѣщика и конно-заводчика Жихарева. Ополченіе дѣлилось на команды по уѣздамъ, и вотъ дружина моршанская. темниковская и еще какая-то проходили въ походномъ строю мимо Кулеватова, лежавшаго на большой дорогѣ, связывающей Тамбовъ съ Моршанскомъ и сѣверными уѣздами губерніи. Въ Кулеватовѣ и близъ лежащихъ селахъ Отъясахъ и Перкинѣ назначались дневки и мѣстное населеніе чествовало и угощало ратниковъ. Матушка отправляясь встрѣчать ополченцевъ на большую дорогу, изъ церкви выходилъ съ крестомъ священникъ, ратники размѣщались по избамъ крестьянъ, а офицерство матушка приглашала на усадьбу, гдѣ подавался торжественный съ тостами обѣдъ, и нерѣдко офицеры имѣли и ночлегъ. Одно изъ ополченій оставалось подъ Кулеватовымъ довольно долго, и обитатели усадьбы вступали въ дружбу—въ оособенности молодежь,—съ ополченскими офицерами, веселившими кулеватовцевъ пѣсенниками, плясомъ и вообще оживленіемъ однообразной деревенской жизни.

Изъ переписки отца съ матерью въ лѣтніе мѣсяцы усматривается, что климатическія условія въ нашей мѣстности въ лѣтнюю пору мало измѣнились къ настоящему времени. Зима же была несравненно суровѣе: и морозы были крѣпче, и снѣга выпадало больше, раньше устанавливался зимній путь, и зима дольше боролась съ весною. Но въ лѣтніе мѣсяцы встрѣчались и въ сороковыхъ, и пятидесятыхъ годахъ тѣ же хозяйственныя невзгоды что и теперь: жестокія весеннія засухи (въ маѣ и началѣ іюня), длительные дожди въ іюлѣ и августѣ, мѣшавшіе уборкѣ хлѣбовъ и приводившіе помѣщиковъ въ отчаяніе, хотя имъ въ то время,

при крѣпостномъ правѣ и даровомъ трудѣ находившихся въ ихъ распоряженіи крестьянъ, сравнительно легко было справляться съ полевыми работами. Отецъ самъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, т.-е. самъ опредѣлялъ порядокъ веденія его, поручая непосредственное исполненіе управляющему, котораго затѣмъ контролировалъ, но лично отецъ занимался, и притомъ съ увлеченіемъ, садоводствомъ и плодоводствомъ. На зиму заготовлялась и, когда родители жили въ Москвѣ, доставлялась туда масса провизіи въ видѣ варенья, смоквъ, сушеныхъ, вяленыхъ, консервированныхъ ягодъ и плодовъ, соленій, и т. п. Вообще въ Москвѣ родители пользовались въ домашнемъ обиходѣ кулеватовскими продуктами, какъ-то мукой, крупой, овощами, масломъ, битою птицей и другой провизіей, привозившейся въ Москву съ осени и зимой цѣлыми обозами.

Выѣзды отца въ Тамбовъ носили исключительно дѣловой характеръ, и онъ тамъ оставался очень недолго, не принимая, въ сущности, участія въ мѣстной жизни, о чемъ свидѣтельствуетъ оказавшееся у меня, къ сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ, письмо отца къ матушкѣ, написанное въ Тамбовѣ во время дворянскихъ выборовъ (въ концѣ сороковыхъ или началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія). Вотъ этотъ отрывокъ:

«9-го декабря. Тамбовъ».

Собирается побоище великое, но безтолковое и спѣшное со стороны губернатора, и я боюсь, что онъ потерпитъ пораженіе, но такъ какъ этотъ вопросъ политическій, требующій для полнаго объясненія, вступленія и подробнаго развитія нѣкоторыхъ началъ, то объясненіе его отлагается до свиданія, а теперь слѣдуетъ отчетъ о моихъ поступкахъ:

Въ 9 часовъ утра Яковъ Сабуровъ, на вопросъ мой, увѣдомилъ меня, что въ 12 часовъ всѣ ѣдутъ со своими предводителями къ губернскому предводителю и оттуда къ губернатору, и что мнѣ за неимѣніемъ настоящаго предводителя слѣдуетъ ѣхать къ Хвощинскому (нашему депутату), живущему у Кутайсова, противъ квартиры его, Сабурова, то онъ и проситъ меня заѣхать прежде къ нему, что я и исполнилъ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали къ Хвощинскому и застали его садящагося въ карету съ Кутайсовымъ. У губернскаго предводителя собралось моршанскихъ дворянъ только трое, именно: Кутайсовъ, Александръ Хрущовъ и я. Арапова я нашелъ чрезвычайно разстроеннымъ и потеряннымъ: онъ сказалъ дворянамъ, довольно некстати, что каждые три года онъ имѣетъ удовольствіе видѣть у себя всѣхъ дворянъ и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я сѣлъ на первое мѣсто на диванъ, чѣмъ я

его, однако, безъ особеннаго ломанья, не потѣшилъ. Тутъ я познакомился съ Х., отъ котораго намъ, какъ отъ козла, ни шерсти не будетъ, ни молока. Тутъ же подошелъ ко мнѣ С. (ужасная фигура!) и объявилъ, что онъ давно питаетъ желаніе познакомиться со мною. «Я уже имѣю честь быть знакомъ съ Вами.—Да, у Степана Петровича? Но теперь Василій Васильевичъ... Мнѣ еще нужно переговорить съ Вами (на ухо): Все что Вамъ будетъ угод...— Яковъ Ивановичъ, я рѣшительно ни во что не вступаюсь и не желаю вступаться». Тѣмъ исторія и кончилась. Явился Соловой. Передъ отъѣздомъ нашимъ къ губернатору, куда однако Араповъ не поѣхалъ, онъ сказалъ мнѣ: надѣюсь В. В., что я буду имѣть честь видѣть Васъ у себя и безъ мундира... У губернатора внизу, кромѣ жандарма, никого, тогда какъ было шубъ до сотни, безъ лакеевъ. На верху, въ дверяхъ изъ офиціанской въ залу, камердинеръ его въ парадномъ ливрейномъ кафтанѣ, и болѣе ничего. Пріемъ въ гостиной, а чехлы на мебеляхъ не сняты. Впрочемъ держалъ себя очень хорошо, кромѣ того, что одѣтъ былъ не въ полную форму. Мы съ нимъ очень хороши, и потому ты ничего не опасайся. Онъ мнѣ давалъ читать приготовленную имъ рѣчь, которая очень учтива. Потомъ пришелъ жандармъ звать обѣдать къ губернатору. Въ два часа пріѣхалъ ко мнѣ Пильховскій, потомъ N, который надоѣлъ ужасно и грозится непремѣнно пріѣхать со мною въ Кулеватово въ субботу. Ну, другъ мой, несмотря на все мое желаніе исполнить твою волю, не могу за этотъ его ужасный замыслъ. Его ставятъ въ кандидаты губернскаго предводителя, только какъ очистительнаго козла, чтобы сбить съ толку Араповскую партію. Затѣмъ явился ко мнѣ Долотовскій съ искреннимъ желаніемъ быть исправникомъ. Въ три часа я поѣхалъ съ визитами, сперва къ Арапову, съ которымъ были деликатные разговоры и ни полслова о выборахъ. Вдругъ вбѣгаетъ N—скій предводитель и, не видя меня, съ восторгомъ говоритъ: еще преданный Вамъ дворянинъ! И подаетъ ему бумагу. Тутъ я, уѣхалъ. Гагарины въ фальшивомъ положеніи: желаютъ быть губернскимъ предводителемъ и не увѣрены въ выборѣ. За обѣдомъ у губернатора уже никого изъ прислуги не было въ ливреяхъ, зато чехли съ мебели сняты. Жена его не обѣдала съ нами, но до обѣда мы видѣли ее, т.-е. тѣ, кто хотѣлъ, въ ея кабинетѣ. Обѣдъ былъ приличный, только Булгаковъ озадачилъ тѣмъ, что когда подали кушать, то онъ сѣлъ прежде всѣхъ за столъ и сидя приглашалъ садиться. Онъ сидѣлъ посерединѣ длиннаго стола, противъ него сѣлъ Сабуровъ и пригласилъ меня въ сосѣди. Все шло очень хорошо. Во время жаркого подали шампанское, которое долго стояло въ рюмкахъ, наконецъ кто-то всталъ и провозгласилъ: Ваше Пре-

восходительство! Ваше здоровье! И всѣ за нимъ. Яковъ Сабуровъ спрашиваетъ Булгакова: дадите Вы намъ еще по бокалу?—Не знаю.—А то бы мы выпили за здоровье князя (указывая на сидѣвшаго подлѣ Булгакова Гагарина). Вопросъ былъ неумѣстный и неловкій, хотя Арапистовъ и не было. Булгаковъ покачалъ головой и остался въ непріятномъ положеніи, потому что Гагаринъ былъ свидѣтелемъ и предложенія, и отказа. Наконецъ Булгаковъ въ объясненіе и въ успокоеніе пошепталъ что-то Гагарину, а Сабурова, за дурное поведеніе, назвалъ раза три шутомъ гороховымъ. Затѣмъ исторія кончилась, только Булгаковъ сильно уговаривалъ всѣхъ пріѣхать въ клубъ, почему я вынужденъ былъ записаться въ члены. Въ кабинетѣ Соловой ужасно шумѣлъ, а Кутайсовъ пришелъ говорить, что Александръ Хрущовъ рѣшительно отказывается отъ предводительства. «Ну что, Давыдовъ, вѣдь, я знаю, ты не пойдешь. Не Наполинскаго же выбирать! Выбирайте лучше меня. Хочу на послѣдяхъ покомандовать». Надо тебѣ замѣтить, что мы съ нимъ такіе друзья, что глядя на нашу дружбу, сторонніе люди плачутъ. Даже отъ Арапова къ губернатору ѣхали вмѣстѣ къ каретѣ. Онъ очень счастливъ, что Лейхтенбергскій покупаетъ его имѣніе и послалъ уже довѣренность на совершеніе купчей.—Ну смотри же, Кутайсовъ,—говорю я ему, ежели ты прокутишь оставшіяся у тебя деньги, то тебя надо просто палками бить.—Нѣтъ, братъ, ужъ довольно попробовалъ. Если бы не дѣти, такъ другое дѣло, а то дѣти.

Часу въ девятомъ прибыли Кругликовы, изъ которыхъ Павелъ отправился скоро къ себѣ, а мы съ Дмитріемъ, напившись чаю, поѣхали въ клубъ, гдѣ застали немного,въ томъ числѣ и Булгакова. Особеннаго ничего не произошло, только Николай Хрущовъ такъ смѣшенъ, что мочи нѣтъ. Онъ подошелъ ко мнѣ знакомиться и смѣшилъ до умору. Въ двѣнадцатомъ часу вернулись домой, и я, раздѣвшись, принялся писать къ тебѣ»...

Н. Давыдовъ.

Изъ переписки А. Ѳ. Гильфердинга съ И. С. Аксаковымъ.

(Къ тридцатилѣтію со дня смерти И. С. Аксакова).

Ольга Григорьевна Аксакова передала редакціи «Голоса Минувшаго» довольно значительную переписку различныхъ лицъ съ И. С. Аксаковымъ [1]). Здѣсь мы печатаемъ нѣсколько писемъ извѣстнаго русскаго слависта Александра Ѳедоровича Гильфердинга (1831—72 г.), концентрирующихся около двухъ опредѣленныхъ эпизодовъ и представляющихъ значительный интересъ какъ для личной біографіи обоихъ адресатовъ, такъ и для характеристики славянофильской идеологіи. Въ этомъ отношеніи особенно примѣчательно послѣднее письмо, затрагивающее вопросы, не потерявшіе и нынѣ своего жгучаго интереса. Въ обоихъ случаяхъ Гильфердингъ, пожалуй одинъ изъ наиболѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ славянолюбовъ, даетъ горячую отповѣдь Аксакову.

Оба эпизода связаны съ литературной дѣятельностью двухъ писателей на пользу «славянскаго дѣла» и возникли на почвѣ столкновенія редактора и сотрудника. Первый эпизодъ находится въ связи съ изданіемъ «Русской Бесѣды», которую, какъ извѣстно, негласно редактировалъ Аксаковъ въ 1858 г. По предложенію Аксакова Гильфердингъ велъ въ журналѣ обзоръ славянскихъ народовъ [2]). На ряду съ этимъ Гильфердингъ далъ статью въ «С.-Петерб. Вѣд.» о славянскихъ народностяхъ. Аксаковъ запротестовалъ и облекъ этотъ протестъ въ принципіальную форму: нельзя о славянахъ писать въ газетахъ западническаго направленія. Противъ этой узости, противъ претензіи славянофиловъ на какую-то монополію и обрушивается Гильфердингъ [3]). *С. М.*

---

[1]) См. письма М. Г. Черняева и П. А. Кулаковскаго о Сербіи въ «Гол. Мин.» 1915 г. № 9.

[2]) См. письма И. С. Аксакова къ русскому свящ. въ Вѣнѣ М. Ѳ. Раевскому у. «Пис. сьм.» т. IV ч. II.

[3]) Аксаковъ требовалъ монополіи не только по отношенію къ западникамъ; онъ желалъ ея и для Москвы, гдѣ только можетъ культивироваться истинное «народное русское чувство». «Санктпетербургская руссомані́я» рѣшительно не нравится Аксакову. Это «ложь», какъ писалъ Аксаковъ въ «Днѣ» (1862 № 31) по поводу журнала Достоевскаго «Время», имѣвшаго славянофильскій оттѣнокъ.

I. Аксаковъ-монополистъ славянскаго дѣла.

10 апрѣля 1858 г.

Почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ,

Ваше письмо отъ 4 апрѣля (которое я получилъ только въ среду, 8-го) удивило меня сначала, но потомъ удивленіе мое прошло, какъ скоро я вникъ въ смыслъ Вашихъ словъ. Вы сами дали мнѣ ключъ къ разгадкѣ. Любовь къ Славянамъ, какъ и всякая другая любовь, слѣпа, пишете Вы. Совершенно согласенъ, но слѣпъ бываетъ и фанатизмъ, слѣпы бываютъ и другія страсти. «Вотъ «Спб. Вѣдомости» открываютъ отдѣлъ для извѣстій о славянахъ, и значеніе газеты этимъ увеличивается», подсказываетъ одна изъ этихъ страстей: «чего добраго, и *Московскія Вѣдомости*. и *Русскій Вѣстникъ*, и *Современникъ*, и *Отеч. Записки* и всѣ журналы и газеты послѣдуютъ этому примѣру, и вся Русская публика станетъ узнавать о Славянахъ, ей откроется Славянскій міръ, который до сихъ поръ принадлежалъ мнѣ исключительно: sic nos non nobis. «Это несчастное, слѣпое sic nos non nobis и привело Васъ къ ужаснувшему меня своею безнравственностью заключенію, что предпріятіе, клонящееся къ распространенію извѣстій и свѣдѣній о Славянахъ въ Русской публикѣ, есть предпріятіе «не только безполезное, но и *вредное*».

Оно дѣйствительно вредно, но для Австріи, потому что одна изъ важнѣйшихъ причинъ недостатка сочувствія и бездѣйствія Русскаго общества въ отношеніи къ Славянамъ есть именно незнаніе ихъ; знакомство тотчасъ возбуждаетъ сочувствіе къ нимъ и дѣятельность въ ихъ пользу, и стало быть все, что способствуетъ у насъ ознакомленію съ ними, вредно только для Австріи. Для сочувствія Славянамъ даже не нужно Славянофильскаго приготовленія. Доказательствомъ служатъ всѣ тѣ Западники, лишь бы они были люди, желающіе добра,—которые, побывавъ въ Славянскихъ земляхъ, возвращаются оттуда съ искреннимъ сочувствіемъ къ Славянамъ. Читали ли Вы прекрасную статью Пыпина, сильнаго западника, о Чехахъ (въ *Соврем.*), написанную вслѣдствіе того, что онъ прожилъ два мѣсяца въ Прагѣ и узналъ тамъ Славянъ[2]). Такихъ примѣровъ я знаю много. Потомъ уже знакомство съ Славянами и сочувствіе къ нимъ приводитъ часто западниковъ къ сочувствію Русской народности, отъ которой ихъ отдѣляетъ слишкомъ много предразсудковъ и началъ, вложенныхъ воспитаніемъ и общественною жизнію.

[1]) Изданo отдѣльно Л. Э. Бухгеймомъ. *А. Н. Пыпинъ*, «Мои замѣтки» М. 1901.

Таково значеніе распространенія свѣдѣній о Славянахъ въ Русской публикѣ. Потому съ Вашимъ мнѣніемъ о томъ, что это наше предпріятіе вредно, вполнѣ соглашались люди, стоящіе еще за традицію Австрійской политики и saint alliance, и если бы самъ Государь не вступился за это предпріятіе, то Ваше и ихъ мнѣніе восторжествовало бы, и предпріятіе было бы задавлено.

Повѣрьте мнѣ, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, я говорю отъ искренней любви къ Вамъ и къ дѣлу. Искорените въ себѣ это пагубное опасеніе sic nos non nobis, оно Васъ, человѣка свѣта и добра, привело къ тому, что Вы въ данномъ случаѣ раздѣляете мнѣніе и даже стремленіе людей тьмы, сторонниковъ Австріи (я говорю, стремленіе, потому что запретить мнѣ пользоваться для Славянскаго отдѣла *Спб. Вѣдомостей* Вашими газетами, которыя иногда лежатъ у меня безъ пользы цѣлую недѣлю, когда не бываетъ оказіи въ Москву, есть единственное, что Вы могли сдѣлать, чтобы помѣшать или повредить этому предпріятію). Повѣрьте мнѣ, патента на Славянскую идею, какъ и на всякую другую, не берутъ, и знамя Славянскаго дѣла, кто бы его ни сталъ носить, все-таки возвратится, какъ прекрасно сказалъ А. С. Хомяковъ въ одной своей неизданной Французской статьѣ, все-таки возвратится къ своему законному обладателю, т.-е. къ тому, кто сталъ подъ нимъ съ искреннею любовью и съ полнымъ отсутствіемъ личнаго чувства.

Я вполнѣ понимаю ту (несознаваемую можетъ быть) досаду, которую Вы испытывали, когда услышали, что другіе будутъ пользоваться дѣломъ, которое Вы считаете своимъ. Но слѣдовало ли давать этому личному чувству такой просторъ, что оно довело Васъ до мнѣнія, будто дѣло, которое Вы называли полезнымъ, когда дѣлали его сами, стало вреднымъ, съ тѣхъ поръ, какъ не Вы, а Егоръ Петровичъ Ковалевскій [1]), я и другіе взялись за него. Я не спорю: Вы писали бы о Славянахъ лучше, живѣе и цѣльнѣе насъ; но когда Вамъ писать нельзя, непростительно и радоваться тому, что по крайней мѣрѣ другіе будутъ писать о нихъ по своему крайнему разумѣнію.

Тѣ аргументы, которыми Вы стараетесь доказать мнѣ вредоносный характеръ предпріятія, имѣющаго цѣлію распространить въ Россіи свѣдѣнія о Славянахъ, суть чистые софизмы, позвольте сказать, внушенные Вамъ чувствомъ досады на sic nos non nobis. Если бы не было этого ослѣпляющаго чувства, то Вы не смѣшали бы нашего предпріятія съ изданіемъ въ *Петербургѣ Славянскаго*

[1]) Директоръ азіатскаго департамента въ это время и тов. предсѣдателя Географическаго Общества, много печатавшаго въ своихъ «Запискахъ» по славянскимъ вопросамъ.

органа, которое я считалъ и считаю до сихъ поръ невозможнымъ и даже вреднымъ. Дѣйствительно, органъ, *посвященный* Славянской *идеѣ*, долженъ имѣть редактора, всецѣло принадлежащаго этому направленію и почву народно-Русскую: иначе онъ былъ бы дѣйствительно, какъ Вы говорите, искусственнымъ выродкомъ. Но что имѣетъ общаго съ такимъ органомъ и съ необходимыми для него условіями открытіе въ *Спб. Вѣд.* или всякой другой газетѣ отдѣла политическихъ и литературныхъ извѣстій о Славянахъ? Развѣ Славяне имѣютъ значеніе только для одной партіи, а не для всей массы Русскихъ читателей? Дай Богъ, напротивъ, чтобы извѣстіе о нихъ проникло во всѣ газеты Русскія, чтобы всякій Русскій зналъ о нихъ, ибо знакомство, какъ я сказалъ, есть первый шагъ къ сочувствію.

Другой софизмъ: Вы пишете, что западный духъ Петербургской газеты, несовмѣстный съ понятіемъ о Славянской или Русской народности, нарушитъ систему Славянскаго дѣла и проч. Я Вамъ уже сказалъ, что у насъ рѣчь идетъ о Славянахъ, какъ о современномъ міровомъ фактѣ, съ которымъ нужно знакомить Россію, а не о Славянской идеѣ: этого факта духъ Петербургской газеты не исказитъ, развѣ только если бы она стала писать ложь о Славянахъ, но этого бояться, кажется, нечего: 1) потому, что извѣстія о Славянахъ она получаетъ по возможности вѣрныя, 2) потому, что ея собственный интересъ передъ публикою требуетъ правдивости. Конечно, Славянское дѣло чистое: но если Вы требуете для него только дѣятелей чистыхъ, то кто изъ насъ чистъ? Считать вреднымъ, что распространять свѣдѣнія о Славянахъ, о сочувствіи къ нимъ будутъ Петербургскія газеты, значитъ то же самое, какъ если бы Вы сочли вреднымъ, что человѣкъ, не совсѣмъ добродѣтельный или благомыслящій въ томъ или другомъ случаѣ, дѣлаетъ доброе дѣло или стоитъ за благую мысль. Далѣе Вы пишете: что Славяне не будутъ знать, гдѣ друзья, гдѣ враги, потому что враги явятся къ нимъ подъ личиною дружбы. Помилуйте, какъ можно въ такомъ громадномъ міровомъ вопросѣ давать такое значеніе личности. Для Славянъ единственный другъ, имѣющій значеніе, есть Русскій народъ и Русское правительство, насколько оно представляетъ въ себѣ мысль и стремленія народа. Славяне знаютъ, что по мѣрѣ того, какъ Русскій народъ будетъ сознавать себя и Русское правительство будетъ сознавать свой народъ и свое призваніе, этотъ другъ будетъ съ ними сближаться. Что же значитъ для Славянъ дружба крошечныхъ личностей, какъ я, Вы, Краевскій и другіе? Мы можемъ только, каждый въ нашей крошечной сферѣ, помогать сближенію съ Славянами ихъ великаго, единственнаго друга, Россіи, раз-

сѣвая, по мѣрѣ нашихъ силъ, тьму невѣжества и предразсудковъ, отдѣляющихъ ее отъ Славянъ. Дѣлаемъ ли мы это искренно или нѣтъ, это для дѣла, для неминуемаго историческаго дѣла, все равно, лишь бы мы способствовали его ходу: историческое дѣло отбрасываетъ всѣ чуждыя ему стихіи, привносимыя личностями; искренность же или неискренность нашей дѣятельности будетъ судима Богомъ, который для историческихъ дѣлъ употребляетъ всякія орудія.

Вы пишете, что взглядъ, выраженный въ Вашемъ письмѣ, раздѣляютъ Ваши Московскіе друзья. Я этому, признаться, не вѣрю; но какъ Вашъ взглядъ на этотъ предметъ бросаетъ тѣнь на мою собственную личность и какъ я дорожу очень мнѣніемъ обо мнѣ Конст. Серг. [1]), А. С. Хомякова, О. Ѳ. Кошелевой [2]), Ѳ. В. Чижова, то я *покорнѣйше прошу* Васъ сообщить имъ это мое объясненіе.

Разумѣется, послѣ того, что Вы мнѣ сказали, дарованное мнѣ Вами нѣкогда право вскрывать пакеты, получаемые для Васъ отъ Раевскаго[3]), прекращается въ самый день полученія Вашего письма, но прежде его полученія я нашелъ два новыхъ пакета съ газетами, доставленныхъ мнѣ въ Департаментъ. Я вскрылъ ихъ (не получивъ отъ Васъ ожидаемаго указанія по телеграфу), но Вы увидите по наклейкамъ, что газетъ я не развертывалъ. Только южно-Славянскія газеты отдалъ я (все-таки до полученія Вашего письма) одному товарищу, недавно воротившемуся изъ Бѣлграда, который взялся писать по этой части въ Слав. отдѣлъ *Спб. Вѣд.*, и признаюсь не отобралъ у него этихъ газетъ, потому что мнѣ совѣстно бы было сказать ему, что Московскій Славянофилъ почитаетъ вреднымъ давать публикѣ извѣстія о Славянахъ и по этой причинѣ не хочетъ, чтобы другіе пользовались печатными матеріалами, ему принадлежащими. Газеты же, у меня находящіяся, хоть еще не отосланы, за неимѣніемъ оказіи, но Вы можете быть увѣрены, что съ тѣхъ поръ ихъ не трогалъ, и что вообще буду доставлять Вамъ всѣ принадлежащіе Вамъ матеріалы по возможности скоро и не пользуясь ими (въ ущербъ *Русской Бесѣды*, какъ Вы пишете). Но какъ я не знаю, достаточно для Васъ этого увѣренія отъ Петербургскаго чиновника и отъ человѣка, запятнавшаго свою честь желаніемъ распространять въ Россіи, мимо Васъ, свѣдѣнія о Славянахъ, то я не буду впредь даже брать къ себѣ на домъ пакетовъ Вашихъ отъ Раевскаго, а буду прямо отсылать ихъ изъ Министерства къ Е. С. Шеншиной;

[1]) Аксакова.
[2]) Жена Ал. Иван.
[3]) Свящ. М. О. Раевскій.

по пріѣздѣ же Раевскаго сюда (въ Маѣ мѣсяцѣ) Вы можете, если угодно, устроить съ нимъ корреспонденцію такъ, чтобы она проходила не черезъ мои руки.

Вы пишете, что сообщеніе мнѣ, для Славянскаго отдѣла *Спб. Вѣд.*, печатныхъ матеріаловъ, проходящихъ черезъ Петербургъ изъ Вѣны въ Москву, приносило бы «ущербъ *Русск. Бесѣдѣ*, т.-е. нашему Славянскому дѣлу» (замѣчу кстати, что слово *нашъ* я отношу единственно къ Вашей личности, а нисколько не къ моей, потому что мой умъ еще не возвысился до понятія о Славянскомъ дѣлѣ; какъ о чьей бы то ни было монополіи, и я считаю его принадлежащимъ безъ различія всѣмъ тѣмъ, кто стоятъ за него, безъ различія пола, возраста, партіи, мѣста жительства и проч.). Итакъ то, что я заимствовалъ изъ Вашихъ газетъ до полученія Вашего письма, очевидно, по смыслу Вашихъ словъ, принесло нѣкоторый ущербъ *Русской Бесѣдѣ*, т.-е. *Вашему* Славянскому дѣлу. Чтобы какъ-нибудь вознаградить этотъ ущербъ, посылаю Вамъ новую книгу, *мнѣ* принадлежащую, именно Хорватскій альманахъ Лентиръ т.-е. Мотылекъ. Тамъ есть замѣчательная повѣсть «Два Славена» Кукулевича-Сакцинскаго: она замѣчательна какъ первое, сколько я знаю, произведеніе такого рода, имѣющее канвою движеніе Славянскихъ народностей въ Венгріи съ 1847 года; въ ней также очень ярко обрисованъ контрастъ стремленій Поляка съ стремленіями его южныхъ собратій. Полезно бы было перевести эту повѣсть цѣликомъ или въ сокращеніи...

Прощайте, искренно желаю, чтобы это чистосердечное и любящее письмо возбудило въ Васъ не гнѣвъ, котораго оно не заслуживаетъ по своему искреннему желанію Вамъ добра, а сознаніе, что Ваша мысль, какъ она выразилась въ Вашемъ письмѣ ко мнѣ, увлеклась исключительностью и личностью.

Прощайте, желаю Вамъ и всѣмъ Вашимъ здоровья, желаю, чтобы Вы всѣ радостно встрѣтили Свѣтлый Праздникъ.

Не поминайте лихомъ Вашего

А. Гильфердинга.

Письмо Гильфердинга вскрываетъ довольно отчетливо истинную подкладку тѣхъ правъ, которыя предъявляетъ Аксаковъ на славянство. Подкладка, очевидно, болѣе эгоистическая, быть можетъ, вполнѣ естественная для редактора. Аксаковъ рьяно смотритъ, чтобы не было «ущерба» его журналу. На той же почвѣ въ концѣ года происходитъ новый инцидентъ.

«Отвѣчайте мнѣ, пожалуйста, скорѣе,—пишетъ Гильфердингъ,—не будетъ ли Вамъ противно, если я отдамъ въ *Русскій*

Вѣстникъ нѣсколько отрывковъ своего путешествія въ Турціи, которое печатается въ *Запискахъ Географич. Общества*. Радъ бы былъ помѣстить ихъ у Васъ, но въ *Бесѣду* будущаго года уже нельзя, поздно будетъ, а въ *Парусъ*, о которомъ я сначала думалъ, не годится: 1) также потому, что поздно будетъ, 2) потому, что такая вещь слишкомъ тяжеловѣсна для газеты».

Каковъ былъ отвѣтъ Аксакова, видно изъ новой горячей реплики, которую подаетъ Гильфердингъ, человѣкъ, принадлежавшій, по выраженію его біографа К. Н. Бестужева-Рюмина, «къ числу самыхъ мирныхъ... людей».

«Ну не совѣстно ли Вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, писать мнѣ такія вещи? Нужно имѣть сильную дозу терпѣнія и дружбы, чтобы не разозлиться при выходкахъ о *способности* отдать статью въ *Русск. Вѣстникъ*, о выгодахъ, о похвалахъ критиковъ и проч. Къ счастію, я не обидчивъ: и доказательство тому передъ Вами,—именно, то, что я Вамъ отвѣчаю. Но на меня тяжелое и непріятное впечатлѣніе произвело убѣжденіе, полученное изъ Вашего письма,— что Вы мною вовсе не дорожите. Кто дорожитъ кѣмъ-нибудь, тотъ говоритъ съ нимъ такъ, чтобы не оскорбить его нравственнаго чувства; а для моего нравственнаго чувства одна изъ самыхъ оскорбительныхъ вещей—фанатизмъ. Я не фанатикъ и врагъ фанатизма; примите это въ разсчетъ, когда будете соображать, достоинъ ли я почетнаго наименованія *Вашего* или нѣтъ: отъ Вашего усмотрѣнія вполнѣ зависитъ признать меня такимъ или нѣтъ, Вы можете быть увѣрены, что я не способенъ, изъ желанія нравиться, подлаживаться подъ чей бы то ни было тонъ, фанатическій или всякій другой, не согласный съ моимъ характеромъ и мнѣніемъ. Касательно вопроса, вызвавшаго Вашу выходку, скажу слѣдующее: я радуюсь успѣху всякаго журнала, всякой книги, хотя бы и разногласныхъ со мною мнѣній, коль скоро этотъ журналъ, эта книга дѣйствуютъ въ пользу мысли, знанія, просвѣщенія, ибо я увѣренъ, что всякое такое предпріятіе въ окончательномъ итогѣ ведетъ къ торжеству истинныхъ убѣжденій; потому я не смотрю враждебно ни на какой журналъ (кромѣ какъ на тѣ, которые проповѣдаютъ обскурантизмъ и подлость), и несогласенъ съ тѣми людьми, которые обращаются съ ними какъ съ непріятелями, au quel il faut couper les vivres, т.-е. не давать статей. Примѣняя теорію къ практикѣ, я обѣщалъ Польскому журналу *Слово* матеріалы свои о Померанскихъ Славянахъ, обѣщалъ не отказать, въ случаѣ возможности, въ содѣйствіи Обществу распространенія грамотности въ Россіи, которое пригласило меня къ тому чрезъ ненавистнаго Вамъ

космополита Лакіера[1]), и отдалъ въ *Отечеств. Записки* ввѣренную мнѣ статью Герцеговинскаго Архимандрита Памучина (Біографію Али-паши Мостарскаго),—впрочемъ потому только, что она также назначается въ *Записки Географич. Общества* и не можетъ итти въ *Бесѣду*, по краткости времени и вслѣдствіе того, что по содержанію она слишкомъ сходна съ «Лѣтописью Герцеговины», уже напечатанною во 2-мъ №. «Ну, коли нейдетъ въ *Бесѣду*, такъ слѣдовало бы оставить для однѣхъ *Записокъ Географич. Общества*,» скажете Вы: «что за дѣло, что бѣдный Памучина лишится вознагражденія, которое можетъ дать ему журналъ, лишь бы статья не досталась врагу». А я противнаго мнѣнія, и считаю даже полезнымъ, если въ журналахъ западниковъ публика будетъ читать о Славянахъ. Конечно было бы смѣшно и дико отдать въ *Отеч. Зап.* или *Вѣстникъ* статью прямо противоположную ихъ основнымъ взглядамъ, какъ, напр., статью «Западные Славяне»; но гдѣ нѣтъ противоположности, какъ, напр., въ простомъ разсказѣ о путешествіи въ Боснію, я не вижу въ этомъ ничего дикаго и безнравственнаго (о Боже, какъ ослѣплены мои очи Петербургскимъ туманомъ!). Я говорю это не потому, чтобы хотѣлъ непремѣнно тамъ помѣстить продолженіе своего «Путешествія»: иначе я не спросилъ бы Вашего совѣта и не обратился бы сперва къ *Бесѣдѣ* и *Парусу*. Я полагалъ только, что у Васъ помѣщеніе его было бы неудобно, т.-е. слишкомъ поздно. А что въ такомъ случаѣ я предпочелъ бы отдать статью въ *Вѣстникъ*, чѣмъ осудить ее на однѣ *Записки Географическаго Общества*, лишь бы не дать пищи врагу,—это можете объяснить не неспособностью къ нравственному подвигу, но, если хотите, естественнымъ желаніемъ человѣка, подвергшаго себя году жизни въ Босніи[2]) (жизни не совсѣмъ пріятной и удобной),—видѣть результаты этого года жизни не совершенно пропавшими для своихъ соотечественниковъ

Я пришлю вамъ корректурные листы своего путешествія, уполномочивая васъ печатать ихъ у себя (если это можетъ быть сдѣлано не позже, какъ въ теченіе января мѣсяца), или приготовить ихъ къ помѣщенію въ *Вѣстникъ* или другомъ журналѣ и отдать ихъ туда: въ послѣднемъ случаѣ прошу Васъ только дать знать, чтобы я могъ написать въ редакцію

Прощайте, будьте здоровы.

Весь Вашъ

А. Гильфердингъ.

---

[1]) А. Б. Лакіеръ—писатель статистикъ.

[2]) Въ 1856 г. Гильфердингъ былъ назначенъ русскимъ консуломъ въ Босніи. Результатомъ его пребыванія здѣсь и была вышедшая въ 1859 г. книга «Боснія, Герцоговина и Старая Сербія». Упоминаемая въ перепискѣ статья была напечатана въ январской книгѣ «Бесѣды».

II. Объ истинномъ «принципѣ народности».

Въ 1862 г. Аксаковъ издаетъ «День». Гильфердингъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сотрудничаетъ попрежнему въ газетѣ и посылаетъ въ маѣ статью о Финляндіи.

... «Получили ли мою статью о Финляндіи—пишетъ онъ 2 мая Аксакову—довольны ли ею? Прошла ли благополучно? Если бы, чего я боюсь, цензоръ вздумалъ вымарать тѣ встрѣчающіяся въ статьѣ оговорки, напр., относительно Польши и др., безъ которыхъ большинство читателей стали бы толковать статью въ превратномъ смыслѣ, оскорбительномъ какъ для меня, такъ и для Вашей газеты, то лучше статьи не печатайте вовсе: предметъ такъ щекотливъ и важенъ, тутъ такъ легко, въ случаѣ уничтоженія того или другого слова, той или другой фразы, сдѣлаться въ глазахъ читателей проповѣдникомъ идей, совершенно противныхъ нашимъ убѣжденіямъ, что я *весьма* серьезно прошу Васъ обратить на это вниманіе и отстаивать цѣлость статьи, въ случаѣ же неудачи уничтожить ее»...

Но Аксаковъ статью Гильфердинга не помѣстилъ по мотивамъ совсѣмъ инымъ,—неожиданнымъ для автора. Признанный литературный вождь тогдашнихъ славянофиловъ мотивировалъ свой отказъ нежеланіемъ «выставлять правительство въ роли покровителя демократическихъ стремленій», но Гильфердингъ не безъ основанія усмотрѣлъ за этой формальной мотивировкой иную сущность—извѣстный централизмъ, скрытое русификаторство подъ прикрытіемъ началомъ проповѣди «народности», и пишетъ яркое посланіе въ защиту правъ народностей:

Спб. 6 мая 1862 г.

«Почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ,

Я совершенно согласенъ, что не слѣдовало печатать мою статью о финнахъ и латышахъ, если бы, какъ Вы пишете, цензура *непремѣнно* вычеркнула изъ нея то, что придаетъ ей характеръ общественный, и сдѣлала изъ нея нѣчто правительственное: я такъ и писалъ Вамъ. Но сожалѣю, что Вы не попытались провести статью черезъ цензуру, потому что это, по моему мнѣнію, могло удасться, сожалѣю не для себя лично (ибо статья непремѣнно повредила бы мнѣ въ практической жизни), а ради самаго дѣла, которое чрезвычайно важно и значеніе котораго, къ несчастію, Вы, сколько я замѣчаю, не довольно цѣните. Вы боитесь, что мы «надоумимъ поляковъ», указывая имъ на простой народъ и значеніе для насъ его элементовъ: помилуйте! Неужели они такъ глупы,

чтобы этого не понимать, и неужели должно скрывать какую-нибудь правду изъ-за того, что, дескать, соперникъ нашъ можетъ ею воспользоваться? Вы говорите что финляндцы любятъ русскаго императора, а не Россію: весьма естественно, потому что русское общество, Россія, ничѣмъ не заявляло ни малѣйшаго сочувствія къ дѣлу Финляндіи,ни малѣйшаго участія къ ея народности; я хотѣлъ прервать это гробовое молчаніе,—и Вы мнѣ говорите, что было бы «неблагоразумно показывать таинныя побужденія», руководящія правительствомъ, благопріятствующимъ финской народности. Помилуйте, что съ Вами сдѣлалось, на какой точкѣ зрѣнія стоите Вы? Я развиваю мысль о взаимномъ сочувствіи народностей русской и финской, какъ о плодѣ всего ихъ историческаго развитія, какъ о естественномъ и необходимомъ послѣдствіи всего *нашего* воззрѣнія, а Вамъ идутъ на умъ таинныя побужденія правительственныя.

Я вижу, что Вы не совсѣмъ уяснили себѣ вопросъ о *народностяхъ* (какъ уже замѣтилъ это изъ разговора съ Вами въ Москвѣ на счетъ малоруссовъ), что Вы не вполнѣ признаете *коренного* начала равноправности каждой народности, что въ Вашемъ представленіи Москва еще не стоитъ носительницею чистой идеи славянскаго братства и не чужда какого-то превосходства и права господства великорусскаго элемента во имя началъ государственнаго и общественнаго перевѣса: иначе Вамъ не могло бы показаться опаснымъ разоблачать тайныя побужденія въ покровительствѣ народнымъ стихіямъ, ибо такое покровительство представлялось бы Вамъ внутреннею потребностью *народныхъ* началъ русскихъ, совершенно безкорыстною, не заключающею въ себѣ и слѣда тайныхъ побужденій, въ которыхъ неловко признаваться. Подумайте объ основныхъ началахъ славянофильскаго ученія и вы увидите, что прямой и неизбѣжный логическій результатъ его—свободное развитіе народныхъ элементовъ во всякой мѣстности, безусловная равноправность народностей и внутренняя необходимость для каждой народности, если она сильнѣе, быть союзницей слабѣйшей въ устраненіи того, что можетъ стѣснить ея свободное развитіе. Если Вы *этого* не признаете, то Вы отвергаете тѣмъ самымъ цѣликомъ все славянофильское ученіе (которому, какъ увѣряетъ Бестужевъ-Рюминъ, принадлежитъ будущность Россіи), вы оправдываете Петра и его преемниковъ, уничтожавшихъ народныя начала великорусскія, оправдываете поляковъ въ западной Руси, оправдываете Австрію въ славянскихъ земляхъ. Нельзя же налагать великорусскія народныя начала на томъ основаніи, что онѣ *истинны*, потому что на этомъ же основаніи дѣйствуютъ и поляки въ Руси,

и нѣмцы въ славянскихъ земляхъ и дѣйствовалъ Петръ въ своей имперіи; можно и должно ихъ отстаивать и требовать ихъ полнаго признанія, потому что они есть, какъ созданіе народа и его исторіи, точно такъ же какъ начала финской и латышской народностей; истина же великорусскихъ народныхъ началъ должна явиться въ братолюбивомъ признаніи всего, что наравнѣ съ ними создано народомъ, и этимъ только путемъ можетъ она достигнуть признанія со стороны другихъ народностей. Я увѣренъ, что тутъ между нами никакого разноглассія быть не можетъ. Но, какъ я замѣтилъ, Вы недостаточно уяснили себѣ эту точку зрѣнія, и это ввело Васъ, простите за откровенность, въ столь печальную inconséquence относительно малороссовъ. Вы стали съ ними въ антагонизмъ, тогда какъ они наши естественные союзники, «кость отъ костей» славянофильскаго ученія. Могло ли это ученіе, требующее развитія народныхъ началъ нашихъ, имѣть въ Малороссіи другое послѣдствіе, какъ не развитіе малорусской народной литературы? И не чувствуете ли Вы, что на юго-западѣ именно эти самостоятельные малороссы единственные наши союзники, единственные спасители русскаго дѣла отъ поляковъ и принциповъ, ими представляемыхъ? Какъ сказалъ Елагинъ, Бѣлоруссія была бы спасена для насъ если бы тамъ пѣлъ бѣлорусскій Шевченко. Прочтите въ февральской книгѣ *Основъ* за этотъ годъ статью Кулиша «Полякамъ объ украинцахъ», и скажите мнѣ, дерзнулъ ли бы хоть одинъ изъ писателей великорусскихъ *съ такой силою* отстаивать права русской народности отъ польскихъ притязаній? А вѣдь Кулишъ считается, изъ всѣхъ малороссовъ, еще самымъ склоннымъ къ полякамъ. И съ такимъ-то направленіемъ Вы вошли въ безцѣльный антагонизмъ, губящуій Ваши силы и Ваше значеніе въ западномъ краѣ, потому только, что не достаточно уяснили себѣ принципъ и удержали въ себѣ, вѣроятно для Васъ самихъ незамѣтный, остаточекъ мнѣнія о правѣ государственнаго господства народности великорусской надъ другими. Отъ того всѣ эти оскорбительныя для малорусской литературы мнѣнія Ваши, которыя весьма естественно вызывали колкіе отзывы о *Днѣ*, какъ представителѣ Москвы XVII вѣка, и произвели странную «bouderie» между защитниками русскаго начала вообще и защитниками этого же начала въ примѣненіи къ потребностямъ малорусскаго края. Оттого Вы рѣшились помѣстить у себя такую позорную[1]) вещь

[1]) Когда я перечиталъ письмо, мнѣ пришло сомнѣніе—не обидетесь ли Вы этимъ? Ради Бога, простите. Въ то время какъ я писалъ эти строки, я рѣшительно позабылъ о Васъ, какъ о человѣкѣ, и имѣлъ въ виду только представителя идеи и отношеніе къ этой идеѣ несчастной статьи Соковенки. Потому и не зачеркиваю написаннаго, а объясняю его смыслъ.

(простите выраженіе, другое не могу употребить) какъ статью Соковенки. Давно сбирался я сказать Вамъ о ней, нынѣче пришлось къ слову. Грубѣйшаго невѣжества въ отношеніи филологическомъ (а это главное основаніе статьи) нельзя себѣ представить: точно такъ же, какъ Соковенка выводитъ изъ словъ *вода*, *ходить*, и т. д, тождество малорусскаго языка съ великорусскимъ, я выведу, пожалуй, тождество языковъ польскаго и сербскаго съ великорусскимъ или уничтожу великорусскій языкъ въ пользу любого славянскаго нарѣчія. Включенныя въ статью мѣста на малорусскомъ нарѣчіи даже мнѣ, мало знающему его, но имѣющему нѣкоторое понятіе о славянской рѣчи вообще, служатъ свидѣтельствомъ того, что Соковенко не знаетъ и азбуки малорусской; а ко всему этому прибавьте тонъ статьи, который могъ бы оскорбить всякаго человѣка, любящаго свой народъ, а тѣмъ болѣе дѣятелей народности, едва начинающей свое общественное и литературное поприще, а потому самому особенно чувствительной къ оскорбленіямъ.

Извините, что я написалъ Вамъ такъ много, не въ оправданіе своей статьи, о которой я уже забылъ, а для уясненія принципа, столь существенно важнаго, по моему убѣжденію, что отъ него въ значительной долѣ зависѣть будетъ успѣхъ или неуспѣхъ нашего дѣла и ученія. Если мы примемъ принципъ народности безусловнымъ своимъ знаменемъ, то всѣ встанутъ съ нами;если мы будемъ непослѣдовательны и останемся при мечтѣ или тайномъ замыслѣ о преобладаніи нашей народности, то наши естественные союзники сдѣлаются нашими врагами, какъ уже чуть чуть не сдѣлались малоруссы, и мы погубимъ себя внутреннею ложью, допущенною въ наше ученіе.

Я намѣревался, въ слѣдъ за статьею о финнахъ и прочихъ мелкихъ народностяхъ Россіи, написать для Васъ статью о народностяхъ бѣлорусской и въ особенности малорусской, чтобы безпристрастнымъ разборомъ вопроса устранить разъ навсегда недоразумѣнія между малоруссами и «Днемъ» и высказать дѣйствительно законный взглядъ нашъ на ихъ направленіе. Если Вы согласны со мною на счетъ великой важности предмета, то начните *вы* съ финновъ, латышей, эстовъ и литвиновъ: не печатайте моей статьи, а пусть она послужитъ Вамъ матеріаломъ: Вы можете сами, хоть по тому же поводу, по которому написана была моя статья, поговорить о народностяхъ перусскихъ въ Россіи: Вы лучше меня изложите предметъ такъ, чтобы онъ не могъ подать повода къ ложнымъ толкованіямъ. Я Вамъ уступлю все, что можно найти въ моей статьѣ для себя пригоднаго съ тѣмъ только, чтобы Вы затронули и разъяснили эту сторону воззрѣній нашихъ въ смыслѣ

вполнѣ безкорыстномъ, въ смыслѣ безусловной равноправности, полнаго братолюбія ко всѣмъ племенамъ. Ибо если можетъ когда-нибудь осуществиться завѣтъ Хомякова, который, какъ человѣкъ геніальный (я въ этомъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе изъ чтенія его историческихъ записокъ), провидѣлъ въ зародышѣ все будущее развитіе началъ, имъ поставленныхъ, если можетъ осуществиться этотъ завѣтъ: «всѣ народы обнявъ любовію своею, скажи имъ таинство свободы», то надобно начать съ народовъ ближайшихъ: сначала подумайте о малоруссѣ, о бѣлоруссѣ, о латышѣ и финнѣ, о томъ, чтобы имъ былъ открытъ просторъ свободнаго развитія, и тогда наша забота о другихъ племенахъ, отъ насъ независящихъ, будетъ вполнѣ законна и никому не покажется плодомъ корыстныхъ политическихъ замысловъ. И не станемъ даже о мордвѣ писать: «какая нибудь мордва», какъ у Васъ вырвалось въ одной изъ Вашихъ статей.

Итакъ, я не для себя лично прошу Васъ, а настаиваю передъ Вами во имя коренного принципа всѣхъ нашихъ убѣжденій, поднять и разъяснить въ *Днѣ* вопросъ, о которомъ я Вамъ писалъ. Затѣмъ, если захотите, можете поручить мнѣ исполнить задуманный планъ статей объ «*Основѣ*» и народностяхъ малорусской и бѣлорусской. За нихъ, можетъ быть, я взялся бы лѣтомъ, въ деревнѣ. Переговорите также съ Кояловичемъ серьезно объ этомъ дѣлѣ касательно Бѣлоруссіи и Литвы. Буду ждать отвѣта, въ увѣренности, что въ письмѣ моемъ, при всей его откровенности, Вы не могли найти ничего оскорбительнаго или несогласнаго съ истиннымъ духомъ Вашихъ же собственныхъ убѣжденій.

Прощайте, будьте здоровы. Я надѣюсь ѣхать въ деревню около 15 мая

Еще слово. Сейчасъ прочелъ въ *Днѣ* статью въ опроверженіе г. Соковенки. Я очень доволенъ этою статьею и ея помѣщеніемъ у Васъ, но признаюсь, весьма недоволенъ Вашею замѣткою къ этой статьѣ. Во-первыхъ, тонъ холоденъ и дышитъ неискренностью. Во-вторыхъ: Вы называете пылкость малорусса, защищающаго свою родную рѣчь, «интереснымъ фактомъ». Такое барское выраженіе понятно и извинительно въ устахъ француза или англичанина, смотрящаго съ высоты своего цивилизованнаго величія на усилія какого-нибудь варварскаго племени, которое туда же лѣзетъ съ притязаніями на самостоятельное развитіе. Мнѣ такъ и слышится англичанинъ. Англичанинъ сказалъ бы *непремѣнно* и не могъ сказать иначе, какъ: it is an interesting fact, that a party in Moscow требуетъ признанія своихъ народныхъ началъ». Но откуда *у Васъ* берутся такія выраженія? Они будутъ проскакивать для Васъ самихъ невольно и незамѣтно, пока Вы не уясните

себѣ вполнѣ того принципа, о которомъ рѣчь въ этомъ многословномъ посланіи. Наконецъ въ-третьихъ, вы называете *домашнимъ* дѣломъ малороссовъ, «ergo» дѣломъ до великороссовъ не касающимся, ихъ споръ *о принципахъ* (такой характеръ, имѣетъ, очевидно, споръ Соковенки съ его противниками: это не есть споръ о какихъ-нибудь личныхъ интересахъ). Я пожалуй готовъ назвать домашнимъ дѣломъ, до насъ не касающимся, споръ о принципахъ въ Германіи, въ Америкѣ, въ Японіи; но когда спорятъ о *принципахъ* малороссы, да еще о такихъ существенныхъ принципахъ, какъ права народности, народного языка и проч., то я рѣшительно не согласенъ, чтобы это было только ихъ домашнее дѣло, до насъ не касающееся и въ которомъ мы не обязаны придерживаться той или другой стороны: иначе я тѣмъ самымъ объявилъ бы малороссовъ чужими для себя, поставилъ бы ихъ *внѣ* русскаго народа, поставилъ бы ихъ въ умственномъ и нравственномъ къ намъ отношеніи на одну доску съ испанцами, датчанами и тому под.

Прощайте, весь вашъ *А. Гильфердингъ.*

Софья Николаевна Ковалевская и ея время.

(1850—1891).

Прошло уже 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла одна изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, С. В. Ковалевская, урожденная Корвинъ-Крюковская. Скончалась С. В. отъ случайной болѣзни—воспаленія легкихъ, схваченной ею во время переѣзда изъ Берлина въ Швецію, гдѣ она работала въ Стокгольмскомъ университетѣ въ качествѣ ординарнаго профессора математики. «Кто бы могъ ожидать,—пишетъ въ одномъ изъ писемъ тетка ея (сестра матери С. В.), С. Ф. Шубертъ,—такого несчастія, такой преждевременной смерти. Она все стоитъ у меня передъ глазами, какою мы видѣли ее весной, полной энергіи, свѣжести, предпріимчивости, и никакъ не вѣрится, чтобы смерть могла коснуться этого выдающагося и прелестнаго созданія. Да, вы правы, это огромнѣйшая потеря для друзей, для родныхъ, для науки, для всего образованнаго міра! Одна моя знакомая весьма вѣрно сказала про Софью Васильевну, что она заслужила всеобщее уваженіе не только высокой степенью, которой достигла въ области науки, но и тѣмъ, что устранила закоренѣлые предразсудки, доказавъ, что женщина можетъ быть удивительно ученой, а вмѣстѣ съ тѣмъ остаться вполнѣ женственной, скромной и привлекательной» [1]).

Ниже мы помѣщаемъ письма этой дѣйствительно удивительной женщины, всегда такъ много желавшей и такъ многаго достигшей. Письма эти открываютъ намъ не только мягкую, поэтическую душу, черезъ край переполненную жаждой новой, необычной для того времени жизни, но и живой кусочекъ великой эпохи,

---

[1]) Изъ письма С. Ф. Шубертъ къ генералу А. И. Косичу отъ 18 февраля 1891 г. С. В. умерла 29 января 1891 г. въ 4-мъ часу утра.

вскормившей и самого автора писемъ, и всѣхъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ.

60—70-е годы не разъ подвергались анализу, болѣе или менѣе глубокому, болѣе или менѣе улавливающему *ось*, вокругъ которой тогда все вертѣлось. Но ничто такъ ярко и такъ полно не обнажаетъ намъ *психологіи* и *стремленій* тогдашнихъ дѣятелей, какъ ихъ письма. Даже воспоминанія являются матеріаломъ уже менѣе достовѣрнымъ: написанныя большею частью post factum, они не сохраняютъ всѣхъ конкретныхъ очертаній событій и, кромѣ того, весьма часто переплетаются съ переживаніями болѣе поздней эпохи. Въ письмахъ же, а также въ дневникахъ, точно зафиксированы всѣ малѣйшіе оттѣнки живыхъ движеній и именно потому они являются цѣннѣйшимъ матеріаломъ для всякаго рода изслѣдованій.

Читая эти письма дѣятелей 60—70 годовъ, такъ полно начинаешь представлять себѣ обстановку, создавшую «Нигилистку», «Отцовъ и дѣтей», «Новь», «Что дѣлать», «Когда же придетъ настоящій день», пьесы Островскаго или буйную публицистику Писарева. Начинаешь понимать и негодованіе Тургенева по адресу тѣхъ, кто видѣлъ въ Базаровѣ карикатуру на тогдашнюю молодежь [1]). Умный и тонкій Тургеневъ схватилъ суть эпохи даже въ заглавіи: «Отцы и дѣти», а его упрекаютъ въ карикатурности типовъ! Что значитъ,—судить на отдаленіи, безъ подлиннаго прикосновенія къ живой борьбѣ тѣхъ далекихъ дней. Взять хотя бы женскій вопросъ. Развѣ теперешнему женскому поколѣнію, свободно уѣзжающему изъ дому, свободно входящему въ прекрасно устроенные храмы науки,—высшіе женскіе курсы,—не кажутся карикатурой похожденія дѣвушекъ 60—70-хъ г.г., всѣ эти поиски фиктивныхъ мужей («консервовъ»), обманы стариковъ, закостенѣлыхъ въ своихъ предразсудкахъ, все это трепетное ожиданіе какой-то небывало-новой жизни? И не наивно ли смѣшнымъ кажется теперь «геройство», состоящее въ томъ, чтобы уѣхать въ Петербургъ и слушать лекціи Сѣченова или Грубера? А между тѣмъ тогда для сестеръ Корвинъ-Крюковскихъ и ихъ единомышленницъ эти шаги были подлиннымъ геройствомъ, ибо они означали *радикальный* разрывъ съ отцовскими традиціями,

---

[1]) «Какъ?—пишетъ И. С. Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ къ А. П. Философовой,—и Вы, Вы говорите, что я въ Базаровѣ хотѣлъ представить карикатуру на молодежь. Вы повторяете этотъ... извините безцеремонность выраженія—безсмысленный упрекъ! Базаровъ,—это мое любимое дѣтище, изъ-за котораго я разсорился съ Катковымъ, на котораго я потратилъ всѣ, находящіяся въ моемъ распоряженіи краски—Базаровъ, этотъ умница, этотъ герой—карикатура?!!»

они знаменовали собой прыжокъ въ неизвѣстность,—дорогу неясную, туманную и не всегда безопасную для этихъ піонеровъ. Геройствомъ было не только это полное противопоставленіе своего *новаго* пути всему старому, но и твердая рѣшимость достигнуть на немъ реальныхъ результатовъ.

Совершенно неправильно многіе изслѣдователи 60-хъ годовъ называютъ «нигилистическое», «радикальное» теченіе того времени безпочвеннымъ. Гораздо болѣе правъ Шелгуновъ, называвшій шестидесятниковъ «идеалистами земли». Въ движеніи тогдашнихъ дѣтей противъ отцовъ чувствуется подлинная земля, жизненный реализмъ, вполнѣ исполнимыя—при другихъ условіяхъ—задачи. Задачи эти тогда лежали отнюдь не въ области политики. Политики въ истинномъ значеніи этого слова еще не могло быть тамъ, гдѣ массы народныя только-только начали расправлять свои члены послѣ вѣкового ношенія цѣпей.

Что же было? «Мы бѣдны и глупы»,—писалъ Писаревъ, но вѣдь раньше его тѣ же слова повторяли всѣ очевидцы Крымской кампаніи и ея заключительнаго финала—тяжелаго для Россіи парижскаго мира... Поднять производительныя силы страны, чтобы избавиться отъ бѣдности, широко развить просвѣщеніе, чтобы не быть «глупыми»—подъ этими простыми лозунгами пошло первоначально великое движеніе, завязывая впослѣдствіи на своемъ пути такіе узлы, которые не развязаны и до сихъ поръ. Освобожденіе крестьянъ, какъ первый шагъ на пути къ иному хозяйственному строю, покрытіе Россіи сѣтью школъ и высшихъ учебныхъ заведеній, организація общественныхъ силъ для работы среди освобожденнаго народа,—вотъ историческія задачи, которыя прекрасно были поняты тогдашней «радикальствующей» интеллигенціей. Это пониманіе сказалось и въ томъ необычайномъ общественномъ подъемѣ, почти энтузіазмѣ, которые такъ характерны для того времени. Однако, исполненіе этой, исторіей диктуемой, *государственной* программы не могло совершаться безъ ломки, безъ полной ломки, старыхъ формъ жизни. Уже одинъ первый пунктъ ея—освобожденіе крестьянъ—перевертывалъ вверхъ дномъ весь старый укладъ жизни. Въ самые глухіе углы, жившіе еще вполнѣ патріархальной жизнью, стали докатываться всякаго рода «новшества», замышляемыя и совершаемыя тамъ, наверху, въ петербургскихъ сферахъ, а вмѣстѣ съ этими новшествами выростали изъ земли и новыя идеи. Какъ и всегда бываетъ въ бурныя эпохи, идеи эти прежде всего поражали молодые умы. Пока старый, дремлющій помѣщикъ, чиновникъ или священникъ обернутъ головы, чтобы разглядѣть поближе безпокоющее ихъ новое явленіе, молодые дѣти ихъ уже охвачены новыми вѣяніями

съ ногъ до головы, уже смотрятъ критическими глазами на весь старый бытъ, уже готовы къ борьбѣ, уже ищутъ способовъ самозащиты отъ старыхъ, цѣпкихъ правилъ стариковскаго міра. Вырастаетъ великая тяжба отцовъ и дѣтей, со всѣми вытекающими изъ нея семейными трагедіями, обостреніями угловъ, со всей свойственной всякой борьбѣ утрировкой основныхъ разногласій. «Какъ, откуда и какимъ образомъ появились въ нашемъ домѣ новыя идеи—сказать трудно», пишетъ въ своихъ превосходныхъ «Воспоминаніяхъ дѣтства» С. В. Ковалевская [1]). «Извѣстно, что таково уже свойство всякой переходной эпохи—оставлять по себѣ мало слѣдовъ... Окаменѣлые экземпляры вполнѣ развитыхъ типовъ всюду находятся во множествѣ, ими биткомъ-набиты всѣ музеи, но радъ-радешенекъ бываетъ палеонтологъ, если ему гдѣ-нибудь случайно удастся выкопать черепъ, нѣсколько зубовъ, кусочекъ отдѣльной кости какого-нибудь переходнаго типа, по которымъ онъ можетъ возсоздать въ своей научной фантазіи тотъ путь, какимъ совершилось развитіе». Сама С. В. и въ своихъ воспоминаніяхъ, и въ «Нигилисткѣ» старательно пыталась возстановить переживанія этой переходной эпохи и, надо ей отдать справедливость, дѣлала это съ мастерствомъ чуткаго естествоиспытателя, интересующагося соотношеніями формъ и условіями ихъ происхожденія. Описанія ея до такой степени тожественны съ другими документами той же эпохи, что иногда приходится даже удивляться однообразію и какому-то внутреннему единству переживаній. «Жили себѣ жители Палибина [2]) мирно и тихо; росли и старились; ссорились и мирились другъ съ другомъ; ради препровожденія времени спорили по поводу той или другой журнальной статьи, того или другого научнаго открытія, вполнѣ увѣренные, однако, что всѣ эти вопросы принадлежатъ чуждому, удаленному отъ нихъ міру и никогда непосредственнаго соприкосновенія съ ихъ обыденной жизнью имѣть не будутъ. И вдругъ, откуда ни возьмись, совсѣмъ рядомъ съ ними объявились признаки какого-то страннаго броженія, которое несомнѣнно подступало все ближе и ближе и грозило подто-

---

[1]) С. В. Ковалевская была дочерью генералъ-лейтенанта Василія Васильевича Корвинъ-Крюковскаго,—потомка венгерскаго короля Матвѣя Корвина, чрезвычайно ревностнаго покровителя наукъ и искусствъ. Мать ея, Елизавета Федоровна Шубертъ, внучка извѣстнаго астронома Шуберта, была дочерью генерала Шуберта, чрезвычайно много потрудившагося въ дѣлѣ насажденія высшихъ военно-учебныхъ учрежденій. Несмотря на эту просвѣщенную атмосферу, и семья Крюковскихъ не смогла разрѣшить спокойно вопроса о «дѣтяхъ» и ихъ стремленіяхъ.

[2]) Палибино—имѣніе Крюковскихъ въ Витебской губ., гдѣ провели все свое дѣтство и юность обѣ сестры.

читься подъ самый строй ихъ тихой, патріархальной жизни. И не только съ одной какой-нибудь стороны грозила опасность; она шла какъ-будто разомъ, отовсюду. Можно сказать, что въ этотъ промежутокъ времени, отъ начала 60-хъ до начала 70-хъ г.г., всѣ интеллигентные слои русскаго общества были заняты только однимъ вопросомъ: семейнымъ разладомъ между старыми и молодыми. О какой дворянской семьѣ ни спросишь въ то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились съ дѣтьми. И не изъ-за какихъ-нибудь вещественныхъ, матеріальныхъ причинъ возникали ссоры, а единственно изъ-за вопросовъ чисто теоретическаго, абстрактнаго характера. «Не сошлись убѣжденіями»,—вотъ только и всего, но этого «только» вполнѣ достаточно, чтобы заставить дѣтей побросать родителей, а родителей—отречься отъ дѣтей». Какъ похоже это описаніе Ковалевской на воспоминанія, напр., Писарева, тоже помѣщичьего сынка, любимаго, баованаго. «Уже въ 1858 и въ 1859 г. студенты, поступившіе въ университетъ, не были похожи на насъ, студентовъ III и IV курсовъ. Поступая въ университетъ, мы были робки, склонны къ благоговѣнію, расположены смотрѣть на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и какъ на манну небесную. Новые студенты, напротивъ того, были смѣлы, развязны и оперялись чрезвычайно быстро, такъ что черезъ какіе-нибудь два мѣсяца послѣ поступленія они оказывались хозяевами университета и сами поднимали въ студенческихъ кружкахъ дѣльные и серьезные споры. Они затѣвали концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ, приглашали профессоровъ читать публичныя лекціи для той же благотворительной цѣли; они устроили студенческую библіотеку, а мы, старые студенты, считавшіе себя цвѣтомъ университета и солью русской земли, мы остались въ сторонѣ, изобразили на лицахъ своихъ иронію и стали повторять стихъ Грибоѣдова: «шумите вы и только». Но скоро оказалось, что иронія наша никуда не годится, потому что новые студенты распоряжаются умно и успѣшно; оказалось, что движеніе и мысль пошли мимо насъ, и что мы отстали и превращаемся въ книжниковъ и фарисеевъ». Не только тихіе дворянскіе уголки, но и петербургскіе «книжники и фарисеи» почувствовали на себѣ удары этой новой волны, стихійно надвигающейся со всѣхъ сторонъ. Осью движенія все болѣе и болѣе отчетливо становилось всестороннее *освобожденіе личности*, раскрѣпощеніе индивидуальности отъ путъ всякаго рода дореформенныхъ авторитетовъ. «Всѣ ищутъ счастья,—писалъ Писаревъ,—но истинное счастье человѣкъ можетъ найти лишь тогда, когда станетъ самимъ собой, когда найдетъ возможность свободно проявлять свои мысли и чувства и опре-

дѣлить влеченіе своей природы». А какъ опредѣлить или дать ходъ этимъ влеченіямъ, когда васъ со всѣхъ сторонъ сторожатъ условности, предразсудки, гибельные для всякаго порыва души, для всякой выявляющейся способности. Въ воспоминаніяхъ С. В. находимъ указаніе, какъ рѣзко отнесся отецъ къ попыткѣ сестры ея Анюты писать повѣсти въ «Эпохѣ» Достоевскаго. Достоевскій находилъ у ней подлинный талантъ, но можно ли было стать писательницей въ семьѣ Крюковскихъ, когда самая переписка Анюты съ Достоевскимъ, съ«незнакомымъ мужчиной», привела отца въ неописуемую ярость? Чтобы спасти себя, свою индивидуальность отъ засасывающей тины старыхъ, цѣпкихъ условностей, развѣ не нужно было создать внутри себя совершенно новый міръ, новую мораль, какъ защитныя средства для борьбы? Для того времени вполнѣ естественно было это нѣсколько утрированное, «базаровское», противопоставленіе своихъ новыхъ цѣнностей всему старому, отрицаемому. «Тѣ условія, —писалъ тогда Писаревъ,—при которыхъ живетъ масса нашего общества, такъ неестественны и нелѣпы, что человѣкъ, желающій прожить дѣльно и пріятно, долженъ совершенно оторваться отъ нихъ. Это возможно, такъ какъ если вы однажды навсегда рѣшитесь махнуть рукой на пресловутое общественное мнѣніе, какое слагается у насъ изъ очень неблаговидныхъ матеріаловъ, то васъ, право, скоро оставятъ въ покоѣ; сначала потолкуютъ, подивятся, или даже ужаснутся, но потомъ, видя, что вы не обращаете вниманія и что эксцентричности ваши идутъ своимъ чередомъ, публика перестанетъ вами заниматься». Если такъ писалъ и говорилъ мущина, передъ которымъ и тогда были открыты дороги довольно разнообразныя, то что должна была чувствовать женщина, для которой не было никакихъ путей, когда даже первая открытая женская гимназія была учреждена лишь въ 1858 году [1]).

Радикальный «Современникъ» долженъ былъ поучительнымъ тономъ доказывать элементарныя истины, что природа женщины не мѣшаетъ ей понимать науки, что науки эти должны преподаваться женщинамъ такъ же, какъ онѣ преподаются мущинамъ,— но даже и онъ не могъ удержаться отъ спеціальныхъ указаній на особенности этой женской природы. Такъ въ 1850 г., («Современникъ» 1850 г., т. XX, стр. 11) Мацкевичъ настаиваетъ, чтобы женщинъ особенно обучали астрономіи, «наукѣ безконечнаго,

---

[1]) 15 марта 1858 г. государь утвердилъ проектъ инспектора Павловскаго института, Н. А. Вышнеградскаго, объ открытомъ, всесословномъ женскомъ училищѣ по типу мужскихъ гимназій, но съ сильно укороченной программой. Вышнеградскій затѣмъ долженъ былъ долго разъяснять родителямъ смыслъ этого «совершенно неслыханнаго дотолѣ заведенія для дѣвочекъ».

въ которой генію женщины суждено полное торжество... Кто можетъ ручаться, что эти организаціи, столь слабыя, нѣжныя, столь способныя проникать въ будущее, не откроютъ въ природѣ завѣсъ, передъ которыми останавливается нашъ умъ?» Можно себѣ представить переполохъ, когда женщины не удовольствовались «неслыханнымъ заведеніемъ», гимназіей, стали стучаться въ университеты, и пожелали заниматься не только астрономіей?

Несмотря на то, что во главѣ этого женскаго движенія тогда стояло не мало женщинъ съ весьма высокимъ положеніемъ (А. П. Философова, Н. П. Стасова, Е. И. Конради, М. В. Трубникова, жена и дочь военнаго министра Милютина, Е. А. Штакеншнейдеръ [1]) и др.), министръ народнаго просвѣщенія, Д. А. Толстой, упорно не разрѣшалъ женщинамъ слушать университетскія лекціи и лишь въ видѣ уступки этому, дѣйствительно широкому тогда движенію разрѣшилъ «устраивать общія публичныя лекціи, т.-е. лекціи совокупно для мужчинъ и женщинъ, на основаніи существующихъ о публичныхъ лекціяхъ постановленій» (разрѣшеніе это дано 21 дек. 1868 г.). А когда затѣмъ открылись Владимірскіе и Аларченскіе курсы, которые могли посѣщать женщины, то профессорскія программы для нихъ цензуровались III отдѣленіемъ! Естественно, поэтому, стремленіе русскихъ женщинъ уѣхать за границу, гдѣ для нихъ тогда было уже возможно (хотя и не во всѣхъ европейскихъ странахъ) пріобрѣтеніе какъ высшаго общаго, такъ и спеціальнаго научнаго образованія.

Всѣ эти идеалистическія стремленія тогдашнихъ передовыхъ женщинъ къ знанію, къ освобожденію личности, къ выявленію своего человѣческаго естества подкрѣплялись еще и чисто-матеріалистическими соображеніями. Стасовой, Философовой, Милютинымъ, а въ началѣ и сестрамъ Крюковскимъ [2]), не нужно было стремиться къ знанію ради заработка, ради профессіи. Но уже рядомъ съ ними тогда же выдвинулось не мало женщинъ, для которыхъ знаніе той или другой было профессіей, единственнымъ средствомъ къ жизни. Евг. Вл. Конради (впослѣдствіи редакторъ «Недѣли») должна была жить литературнымъ трудомъ,

---

[1]) Въ прошеніи, поданномъ 11-го мая 1868 г. ректору петербургскаго университета, проф. Кесслеру, о томъ, чтобы въ стѣнахъ университета въ свободные отъ занятій студентовъ часы профессора читали лекціи для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ, находимъ 400 подписей, въ томъ числѣ жены и дочери военнаго министра Д. Милютина, графини А. И. Толстой, графини В. Ростовцевой, Ю. Абазы.

[2]) Впослѣдствіи, какъ извѣстно, С. В. должна была жить съ дочерью исключительно на свой заработокъ: небольшая доля средствъ (30.000 руб.), полученныхъ ею послѣ смерти отца, была прожита во время ея ученья и жизни въ Петербургѣ.

М. В. Трубникова уже съ 1871 работала въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ, Суслова, Кашеварова,—зарабатывали средства врачебной практикой и многое множество другихъ, менѣе извѣстныхъ женщинъ вынуждены были жить своимъ трудомъ. Этотъ аргументъ въ пользу болѣе серьезной постановки женскаго образованія, меньше всего могъ разсчитывать на признаніе: для женщины все же оставался выходъ,—замужество. Кромѣ того многія тогдашнія женщины стремились жить «своимъ трудомъ» изъ тѣхъ же идеалистическихъ побужденій, изъ жажды полной независимости личности, слѣдовательно, не изъ-за безвыходной нужды. А вѣдь именно эти-то стремленія и были предметомъ самыхъ ярыхъ нападокъ. Правда, напр., «Сынъ Отечества» (1859 г.) все же представлялъ нѣкоторыя отрасли труда женщинамъ,—по мнѣнію его, онѣ могутъ быть булочницами, ибо всякая стряпня противна природѣ мужчины, могутъ работать въ мастерскихъ у портныхъ, башмачниковъ, шляпочниковъ, перчаточниковъ; могутъ тереть и составлять краски при убранствѣ жилищъ, окрашивать двери, косяки, вставлять окна. Могутъ замѣнять швейцаровъ, а въ маленькихъ домахъ и дворниковъ, могутъ работать въ типографіяхъ, быть переплетчицами, прислугой въ трактирахъ, баняхъ и пр. [1]). Но быть Софьей Ковалевской, Сусловой, Кашеваровой,—это значитъ посягать на «природу» женщины, на ея «женственность». Эта «природа», женственность», мѣшающія женщинамъ заниматься мужскимъ трудомъ, встрѣчаются какъ аргументъ, у самыхъ разнообразныхъ круговъ того времени. Результатомъ этого было, какъ и всегда бываетъ, еще болѣе настойчивое исканіе выхода со стороны женщинъ. Былъ и другой результатъ. «Когда желаніе женщинъ учиться,—говоритъ извѣстный педагогъ В. Сиповскій,—вызвало вражду, когда даже высокообразованные мужчины не могли отрѣшиться отъ кавалерскаго отношенія къ учащимся женщинамъ, то онѣ возненавидѣли «женственность», какъ помѣху къ достиженію своей страстной мечты. Уничтожили женственность до нелѣпости, до сумасбродства: нарядились въ мужской костюмъ, остригли волосы, надѣли синія очки, усвоили угловатыя манеры, напускной цинизмъ... Оторвались безвозвратно отъ стараго порядка жизни, сжегши свои корабли, эти поборницы права женщины на образованіе должны были устраивать свою жизнь «по-новому». А какъ ее устроить, «по-новому», когда двери многихъ профессій для нихъ закрыты? Сколько элементовъ для реальной борьбы было заложено уже въ одномъ этомъ противорѣчіи!

---

[1]) Цитир. по Е. Лихачевой. Матеріалы для исторіи женск. образов.

Нельзя не вспомнить превосходнаго письма по этому поводу М. В. Трубниковой къ г-жѣ Бутлеръ, предсѣдательницѣ сѣверо-англійскаго совѣта для женскаго воспитанія (Лондонъ). Г-жа Бутлеръ задумала издавать международный женскій журналъ (въ 1869 г.) и обратилась для полученія свѣдѣній о русскомъ женскомъ движеніи и объ экономическомъ положеніи женщины къ Гр. Ник. Вырубову,—философу-позитивисту, послѣдователю О. Конта [1]). Г. Вырубовъ отвѣтилъ ей слѣдующимъ письмомъ: «Вы просите меня доставить вамъ нѣсколько данныхъ насчетъ экономическаго положенія женщины въ Россіи. Я отвѣчу вамъ, что положеніе это, конечно, неудовлетворительно, но навѣрное лучше, чѣмъ въ западной Европѣ. Пролетаріатъ вовсе, такъ сказать, не существуетъ въ Россіи, потому что мануфактурное производство почти равняется нулю, и нѣтъ тѣхъ громадныхъ центровъ населенія, которые такъ могущественно привлекаютъ деревенскихъ жителей. Среднее сословіе составляетъ вездѣ въ Россіи ничтожнѣйшее меньшинство. Въ Россіи есть два дѣйствительно могущественныхъ сословія: дворянство, вообще не богатое, и народъ—вовсе неимущій, но котораго матеріальныя потребности такъ ограничены, что ему всегда есть чѣмъ жить». Г. Н. Вырубовъ повторялъ въ данномъ случаѣ господствующее въ 60-хъ г.г. убѣжденіе въ отсутствіи въ Россіи пролетаріата. Между тѣмъ къ 60-мъ г.г. разоряющееся отъ невыгоднаго крѣпостного труда дворянское сословіе выдѣляло уже немало дворянскаго «пролетаріата», нуждающагося въ личномъ заработкѣ. Въ своей «Нигилисткѣ» С. В. Ковалевская удивительно мѣткими штрихами обрисовала этотъ экономическій переворотъ: «Послѣ эманципаціи все въ домѣ сразу перемѣнилось. Доходы съ имѣнія такъ уменьшились, что пришлось все хозяйство поставить на иную ногу... Приходилось отказываться отъ одной прихоти за другой, но денегъ все-таки не хватало, а концы все не сходились съ концами... У всѣхъ сосѣдей дѣла шли на тотъ же ладъ. Помѣщики утратили почву подъ ногами и стояли недоумѣвающіе, ничего не понимая въ томъ, что съ ними творилось. Объ удовольствіи или весельяхъ не было и помину. Когда соберутся два-три помѣщика вмѣстѣ—сидятъ и плачутся, и отводятъ душу жалобами на мужиковъ и на правительство. Всѣ наиболѣе молодые и энергичные между ними въ отчаяніи махнули рукой на хозяйство и уѣхали въ Петербургъ искать службы. Въ усадьбахъ остались одни старики».

---

[1]) Жилъ постоянно въ Парижѣ, гдѣ былъ вмѣстѣ съ Э. Литтре редакторомъ журнала «Philosophie positive», и занималъ каѳедру по всеобщей исторіи въ Collège de France.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному былъ нерѣдко катастрофой для отдѣльныхъ людей и заставлялъ ихъ иногда радикально мѣнять не только свою жизнь, но и всѣ свои взгляды. Это выбрасываніе людей изъ сѣдла также не мало способствовало всеобщему броженію, о которомъ говоритъ С. В., какъ о характерномъ явленіи эпохи. Самое появленіе въ обществахъ и литературѣ идей такъ называемыхъ «разночинцевъ» говоритъ также весьма недвусмысленно о выдѣленіи пролетаріевъ среднимъ и даже низшимъ сословіемъ того времени. Гораздо правильнѣе отвѣчала тогда на письмо г-жи Бутлеръ М. В. Трубникова (отъ 1-го апрѣля 69 г.): «Письмо моего соотечественника (Вырубова), сообщенное мнѣ вами, высказываетъ вамъ, что у насъ въ Россіи есть, собственно говоря, всего только два класса общества: дворянство и народъ, что среднее сословіе составляетъ меньшинство, а пролетаріатъ, такъ сказать, вовсе не существуетъ. Все это такъ только по имени, а не на самомъ дѣлѣ, и это я попробую изложить вамъ; къ сожалѣнію, я не могу подтвердить свои слова цифрами, потому что у меня нѣтъ (за границей) [1]) подъ руками статистическихъ данныхъ. И потому я скажу, что большинство русскаго народа, т.-е. $^3/_4$ его (общая цифра народонаселенія—67.000.000) состоитъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, среди которыхъ женщины работаютъ наравнѣ съ мужчинами, имѣютъ экономическое положеніе, одинаковое съ ихъ мужьями,—и изъ землевладѣльцевъ, жены и дочери которыхъ обезпечены отъ всякой нужды; но четвертая часть, городское народонаселеніе, состоитъ изъ мелкихъ купцовъ, мелкихъ чиновниковъ, духовенства и мелкаго дворянства, которое было достаточно, пока можно было эксплоатировать свои земли, но въ настоящее время, не имѣя капиталовъ, принуждено продавать свои земли». Въ этой массѣ городского населенія «ежегодно все болѣе и болѣе вырастаетъ контингентъ замужнихъ и незамужнихъ женщинъ, равномѣрно (съ мужчинами) нуждающимися въ работѣ, если не желаютъ умереть съ голода или проституироваться... Какія карьеры открыты этимъ женщинамъ? Для невѣжды—иголка и домашнія заботы: рукодѣльный промыселъ очень недалеко простирается и потому занимаетъ очень немногихъ женщинъ. Для образованной женщины—ремесло преподавательницы и повивальной бабки... Но число женщинъ, имѣющихъ право на трудъ и стремящихся получить его, все только увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣзненнѣе чувствовался недостатокъ средствъ, ощущаемый жен-

---

[1]) Трубникова писала это письмо изъ Ниццы, гдѣ она въ это время жила.

щиною, лишенною прочнаго образованія, профессіи и спеціальности... Всѣ эти факты доказываютъ, что спеціальное образованіе (для женщинъ) не есть фантазія, а истинная, настоятельная потребность». Трубникова безусловно права,—экономическій факторъ сыгралъ не малую роль въ напряженности идеалистическихъ стремленій женщинъ 60—70-хъ г.г., и его нельзя скидывать со счета при оцѣнкѣ движенія этой эпохи. Но главную роль, конечно, игралъ не тотъ или иной отдѣльный факторъ, а вся совокупность сложившихся тогда отношеній. Проф. В. М. Хвостовъ, авторъ книги объ историческихъ судьбахъ женщины, разсматриваетъ современное женское движеніе, какъ важный шагъ въ нравственной революціи человѣчества, какъ процессъ, въ результатѣ котораго будутъ основательно пересмотрѣны наши нравственные принципы» [1]). Въ 60-хъ годахъ эти нравственные принципы,—ихъ пересмотръ и утвержденіе въ жизни, играли такую огромную роль, что не могло не выдвинуться на самый видный постъ и женское движеніе. Мало этого: можно смѣло сказать, что всѣ основы современнаго женскаго вопроса были уже заложены тогда, въ 60—70 г.г., первыми піонерками въ борьбѣ за освобожденіе женщины. Идеалистки земли, не останавливавшіяся ни передъ какими жертвами ради защиты принципа, идеала, справедливой и нравственной жизни, женщины этой эпохи выдвинули не мало женскихъ типовъ, до которыхъ еще не доросли многія и многія и теперь, черезъ 50 долгихъ лѣтъ...

Такова была эпоха, выдвинувшая Софью Васильевну Ковалевскую. Невидимыми, не всегда уловимыми путями проникали идеи освобожденія въ самыя тихія и глухія мѣста напряженно жившей тогда Россіи, и вербовали своихъ адептовъ изъ наиболѣе чуткихъ элементовъ молодежи. Не осталось въ сторонѣ и живописное Палибино, родовое имѣніе генерала Крюковскаго въ Витебской губ. Все было тогда у юныхъ сестеръ Крюковскихъ, старшей Анны и младшей Софьи: красота, средства, возможность блистать въ своемъ, привычномъ обществѣ, надежда на замужество и спокойную жизнь. Но что-то вдругъ задѣло, закружило юныя головы, и пропало очарованіе стараго гнѣзда, потянуло въ новыя дали, и жизнь раздвинулась передъ ними въ иномъ, неизмѣримо болѣе широкомъ масштабѣ. Этого значенія великой эпохи нельзя забывать при оцѣнкѣ отдѣльныхъ лицъ того времени.

Личность, какъ и теперь, значила много, ея внутреннія силы

---

[1]) *В. М. Хвостовъ.* Женщина и человѣческое достоинство. Москва 1914.

были исходной точкой для ея дальнѣйшаго развитія. Но этимъ внутреннимъ силамъ эпоха придавала необычайную яркость, живучесть и упоръ, она снабжала ихъ крыльями орла, могущаго легко взлетать на очень большую высоту.

Предлагаемыя вниманію читателя письма С. В. Ковалевской чрезвычайно ярко рисуютъ путь, какимъ пришлось ей вначалѣ итти къ этимъ верхамъ міровой славы. Сестра ея, Анна, не смогла развить своего литературнаго таланта и быстро угасла духовно, отдавшись, главнымъ образомъ, страстной любви къ мужу, доставлявшей ей много страданій.[1]) Напротивъ, С. В. довела до конца—напряженной волей и неустанной работой—свои юношескія мечты о духовной и матеріальной независимости женщины, о правѣ ея на творческую роль въ общей культурѣ. Къ несчастью, культура эта развивается столь медленно, что и теперь еще не очень многія женщины могутъ сказать, что завѣты шестидесятниковъ и самой Софьи Васильевны Ковалевской ими исполнены. Все еще заѣдаетъ женскую жизнь рутина, инертность, неспособность къ самостоятельному творчеству, и, быть можетъ, именно потому такъ безконечно пріятно читать эти милыя, дорогія дѣвичьи мечты Ковалевской о новой, совсѣмъ новой жизни...

Ек. Кускова.

Письма С. В. Ковалевской 1868 г.[2])

I. Передъ отъѣздомъ.

1[3]).

25 іюля. Палибино.

(въ Петербургъ къ Вл. Онуф.)

Надѣюсь, что вы уже теперь въ Петербургѣ, хорошій Владиміръ Онуфріевичъ! Безъ васъ очень скучно въ Палибинѣ, но я много занимаюсь и надѣюсь, что шесть недѣль пройдутъ себѣ какъ-нибудь. Мы съ Анютой цѣлый день сидимъ въ своей ком-

---

[1]) Попавши за границу, въ Парижъ, А. В. Крюковская увлеклась идеями коммуны, принимала тамъ горячее участіе въ политикѣ, затѣмъ вышла замужъ за коммунара Жаклляра (во время коммуны приговореннаго къ смертной казни, но вырученнаго отцомъ А. В.).

[2]) Всѣ письма С. В. Ковалевской подобраны дочерью ея, Софьей Владимировной Ковалевской. Право собственности на эти письма принадлежатъ ей; право печатанія ихъ, какъ и литературныхъ произведеній С. В., предоставлено ею Литературному Фонду. Примѣчанія къ письмамъ сдѣланы Е. Д. Кусковой, которой Литературный Фондъ поручилъ подготовить къ печати произведенія С. В.

[3]) Письмо относится къ 1868 г., когда Вл. Онуфр. Ковалевскій былъ уже женихомъ С. В. Родители, конечно, и не подозрѣвали тогда, что предстоящій бракъ ихъ дочери будетъ фактичнымъ.

натѣ; я почти уже кончила первый листъ переводовъ и повторила довольно много изъ химіи, но больше всего занимаюсь математикой. Слѣдовательно не безпокойтесь, чтобы я обогнала васъ въ другихъ предметахъ. Послѣ вашего отъѣзда мы уже получили одно, сверхъсчетное письмо отъ Жанны[1]); узнавъ о благополучномъ окончаніи сватовства, она тотчасъ же написала намъ; но новаго у нея ничего не случилось и о *хорошихъ людяхъ* она не имѣла извѣстій. Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидаемъ теперь писемъ отъ васъ, хорошій братъ[2]). Если въ субботу или въ воскресенье вы поѣдете къ Жаннѣ, какъ собирались, то въ будущую субботу мы уже узнаемъ объ этомъ.

Какъ ваши дѣла? Воображаю себѣ, какъ вы бѣдный суетитесь теперь, чтобы наверстать потерянное время. Не забудьте написать, пришло ли ваше письмо во-время и вообще не случилось ли какихъ непріятностей. Безъ васъ пришло два письма на ваше имя, которыя мама и отправитъ къ вамъ сегодня. Ужъ не отъ Марьи ли Алекс.[3]) заграничное? Не лѣнитесь писать намъ. Мнѣ позволили писать вамъ даже безъ цензуры. Каково? Но я не знаю, будутъ-ли читать ваши письма; во всякомъ случаѣ я сама буду открывать ихъ, поэтому приложите P. S. Съ отцомъ мы видимся только за обѣдомъ и ужиномъ, и эти краткія свиданія проходятъ въ томъ, что отпускаемъ другъ другу колкости, впрочемъ, я больше отмалчиваюсь.

Отъѣздъ мамы и Анюты въ Петербургъ рѣшенъ на 11-ое. До тѣхъ поръ Жанна ужь вѣрно устроитъ у васъ хоть одно свиданье съ П. Тк.[4]), такъ что и вамъ придется съ нимъ познакомиться. Я бы ужасно хотѣла знать, какъ вы его найдете.

Новаго у насъ не случилось ничего; впрочемъ, случилось большое горе, а именно нашъ прелестный, огромный красный червякъ прогрызъ картонную коробку, въ которую мы его посадили, и скрылся; эта потеря тѣмъ еще чувствительнѣе, что въ коробкѣ мы нашли много желтой паутины, такъ что, вѣроятно, онъ уже собирался превращаться въ куколку. Акваріумъ нашъ въ жалкомъ состояніи, особенно много развелось этихъ бѣлыхъ, гадкихъ червяковъ, почти только они одни еще и остались въ живыхъ. *Друзья* благоденствуютъ. *Единственный другъ* здоровъ.

---

[1]) Анна Михайловна Евреинова.

[2]) Своего мужа С. В. звала «братомъ», Жанну—«сестрой». Въ 60—70 г.г. люди, связанные общностью идей, часто считали себя братьями по духу, почему и называли другъ друга братьями и сестрами.

[3]) Бокова, впослѣдствіи Сѣченова.

[4]) П. Н. Ткачевымъ.

Въ болотѣ за садомъ кричитъ болотная курица; вотъ вамъ всѣ наши новости.

Крѣпко, крѣпко жму вашу руку, хорошій, дорогой братъ. Анюта хочетъ приписать вамъ нѣсколько словъ; она читаетъ теперь Little Dorrit и жалѣетъ, что мы лучше это не выбрали, чтобы читать съ вами; я теперь не читаю романы, а оставляю ихъ для дней моего уединенія, т.-е. когда Анюта будетъ въ Петербургѣ.

Не забывайте и пишите.Сестра ваша *Софья Крюковская.*

Принялись ли вы уже за изученіе Баденскихъ и Штутгардтскихъ окрестностей? Не теряйте времени. Мнѣ сегодня надо писать еще посланіе тетушкѣ и дядѣ Ѳедѣ. Знаете ли какая интересная личность живетъ въ Невелѣ и ужасно жалѣла, что васъ не видѣла? Какъ бы думали?—ваша кормилица и разсказывала, что никогда ей не приходилось видѣть такого плаксиваго ребенка, какъ вы. Она вѣрно захочетъ поглядѣть на васъ въ сентябрѣ. Вы непремѣнно должны узнать ее и тѣмъ поддержать поэтичность вашихъ раннихъ воспоминаній. Пріѣзжайте. Мама ужасно безпокоилась о какой-то банкѣ варенья, которую Степанъ изъ excès de zèle сунулъ вамъ въ мѣшокъ, и поручила мнѣ спросить васъ, не случилось ли у васъ въ мѣшкѣ плачевной каши. Вотъ я и всю страницу исписала, Анютѣ и мѣста не осталось писать, впрочемъ интереснаго и не было ничего писать. Поэтому кланяюсь вамъ отъ ея имени и ужъ окончательно и въ послѣдній разъ прощаюсь сама.

2.

1-го Августа. Четвергъ.

Ваше письмо, хорошій братъ, очень насъ обрадовало, тѣмъ болѣе,что мы его совсѣмъ не ожидали. Въ тотъ же день мы, само собой разумѣется, получили также письмо отъ Жанны, но о немъ я не стану писать вамъ, такъ какъ до сихъ поръ вы уже вѣрно видѣлись съ ней и хорошенько переговорили. Я вамъ сказать не могу, съ какимъ нетерпѣніемъ ждемъ теперешней субботы; я только боюсь, что вы не могли быть въ Петергофѣ раньше вторника или среды, поэтому письмо ваше отправили только въ четвергъ, и мы такимъ образомъ совсѣмъ не получимъ его эту недѣлю. Я думаю, что Марья Александровна если не пріѣхала, то вѣрно на дняхъ пріѣдетъ въ Петербургъ? А что вашъ братъ? Вамъ никакъ не удастся уговорить его остаться до нашей свадьбы? Пишите обо всемъ этомъ подробно, но главный интересъ теперь для насъ разумѣется въ *хорошихъ* людяхъ, или, какъ вы ихъ

называете, консервахъ[1]). Это слово напоминаетъ мнѣ, что письма ваши попадаютъ теперь прямо въ мои руки, и отецъ даже не проситъ показать ихъ ему, а мать ограничилась тѣмъ, что я прочла ей его вслухъ, выпуская двусмысленныя мѣста. Покуда я писала это, я вспомнила еще что-то, но такъ какъ это глупость и касается чего-то совсѣмъ другого, то не напишу теперь, а скажу при случаѣ.—У насъ съ вашего отъѣзда ровно ничего не случилось. Анюта и мама выѣзжаютъ черезъ десять дней, т.-е. какъ и было рѣшено, 11-го. Мама останется въ Петербургѣ не много дольше двухъ недѣль, но Анюту, по всей вѣроятности, оставятъ въ Павловскѣ до самой свадьбы. Въ это время почти что *необходимо* подыскать годные консервы для нея, потому что, вѣроятно, отъѣздомъ въ Петербургъ родные торопиться не будутъ и протянутъ до самой зимы, и было бы очень желательно, чтобы она могла разсчитывать ужъ на что-либо вѣрное. Впрочемъ, я напрасно пишу все это. Черезъ десять дней вы сами гораздо лучше переговорите объ этомъ. Я учусь довольно много; особенно занимаюсь математикой и хотя мнѣ приходится иногда жалѣть, что некому объяснить мнѣ темныя мѣста, но все-таки я кое-какъ подвигаюсь. Я перевожу теперь второй листъ Дарвина и надѣюсь прислать вамъ съ Анютой три первыхъ листа. Недавно нашла я у себя въ карманѣ письмо вашего англійскаго корреспондента объ изданіи библіи. Я боюсь, не нужно ли оно вамъ; если такъ, то напишите и я перешлю его. Жаль, что я не знаю, что надо отвѣтить на него, а то написала бы за васъ. Что ваши дѣла? Я надѣюсь, что пріѣздъ Марьи Алекс., вашего брата[2]), Ив. Мих.[3]) и т. д., развлечетъ васъ немножко отъ нихъ и не допуститъ васъ до «мрачнаго отчаянія».—Не знаю, что еще писать вамъ. Съ родными мы находимся въ полномъ ладу, т.-е. совсѣмъ не разговариваемъ и по возможности меньше видимся, это у насъ родъ обоюднаго соглашенія, и я убѣждена, что отцу оно столько же нравится, сколько и намъ. Вообще за занятіями время проходитъ довольно скоро; черезъ десять дней мнѣ будетъ, разумѣется, гораздо скучнѣе, но я боюсь только одного, *а именно*(ваше любимое слово въ переводахъ), чтобы на отца со скуки не нашелъ нѣжный стихъ, остальное же все будетъ отлично, т.-е. я такъ буду учиться, что перегоню одну извѣстную мнѣ особу. Я *непремѣнно* разсчитываю застать еще Марью Алекс. Не забудьте при слу-

---

[1]) Условное обозначеніе для молодыхъ людей, которые согласились бы вступить въ фиктивный бракъ съ Анной Васильевной и Анной Михайловной, чтобы и имъ помочь выбраться изъ родительскаго дома.

[2]) Ал. Он. Ковалевскаго, извѣстнаго русскаго эмбріолога.

[3]) Сѣченова.

чаѣ замолвить нѣсколько словечекъ за Гейдельбергъ. Я разсчитываю на ваше краснорѣчіе также, какъ на зиму въ Цюрихѣ. Нѣтъ ли извѣстій о Сусловой? Какъ вы нашли Жанну и что ея здоровье? Когда произойдетъ свиданье съ интересными личностями[1]), т.-е. когда вы увидитесь съ ними? Вотъ вамъ сколько вопросовъ, славный, хорошій братъ нашъ. Пожалуйста, пишите скорѣе, поменьше волнуйтесь дѣлами и кончайте ихъ скорѣе. Я бы ужасно хотѣла видѣться съ вами поскорѣе и мнѣ иногда очень скучно безъ васъ. Я ужасно много думаю о зимѣ и буду не менѣе васъ счастлива, когда вы бросите всѣ эти дѣла, и мы вмѣстѣ возьмемся за хорошее ученье. Прощайте. Анюта и я крѣпко жмемъ вашу руку. Ваша сестра С. *Крюковская.*

Если въ эту субботу не будетъ письма, то мы до слѣдующей будемъ злиться и непремѣнно вообразимъ себѣ, что вы сбѣжали.

3.

Палибино, 8 августа.

Изъ вашего письма я вижу, хорошій братъ, что время вы не теряете и много успѣли сдѣлать въ эти три недѣли. Я очень рада, что вы уже взяли квартиру; вообще меня очень радуетъ все, что что сколько-ниб. относится къ нашему будущему житью. Я вамъ сказать не могу, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю сентября мѣсяца; впрочемъ, я надѣюсь, что и августъ не пройдетъ даромъ; я бы такъ хотѣла, чтобы поскорѣе рѣшилась судьба сестеръ; это будетъ ужасно досадно, если теперь, т.-е. до сентября, еще ровно ничего для нихъ не устроится! У насъ все по-старому. Мы считаемъ дни отъ субботы до субботы, такъ что съ вашего отъѣзда для насъ прошло два дня и третій кончается.Въ воскресенье выѣзжаютъ Анюта и мама; я буду очень рада, когда ужъ онѣ выѣдутъ; не говоря о томъ, что я буду рада, что Анюта въ Петербургѣ,но мнѣ самой будетъ пріятно думать, что первая часть моего послѣдняго заточенія,какъ мы въ шутку называемъ это съ Анютой, прошла и можно прямо считать дни до *освобожденія*. Я собираюсь завести себѣ паука, какъ одинъ итальянскій физикъ, о которомъ я читала вчера трогательную исторію въ «All the yeor round»; или же буду изливать мою нѣжность на щуку въ нашемъ акваріумѣ, которая, между прочимъ, жива и здорова. Я пишу вамъ всѣ эти глупости, потому что о серьезномъ вы переговорите съ Анютой во вторникъ; къ тому же я въ настоящую минуту очень устала, потому что весь день училась, а письмо

---

[1]) Съ консервами.

должно быть готово сегодня же. Помните какъ мы бывало торопились по четвергамъ? Я всегда, когда получаю ваше письмо, жалѣю, что некому писать для васъ адресъ. Чтобы исправить вашъ почеркъ, совѣтую вамъ писать побольше и почаще, разумѣется ко мнѣ.

Я перешлю вамъ съ Анютой первые два листа переводовъ; я боюсь, что вы будете поражены, *какъ мало я дѣлаю успѣховъ*; *впрочемъ, я и сама ихъ много перечеркала*[1]). Прощайте милый, хорошій братъ. Пишите обо всемъ подробно.

Крѣпко жму вашу руку. *Софья Крюковская.*

4.

15 августа. Четвергъ.

Дорогой мой братъ! Въ настоящую минуту я, кажется, вижу васъ мысленно въ Павловскѣ, окруженнаго вереницей тетушекъ, бабушекъ etc., но такъ какъ съ вами Анюта, которая ужъ вѣрно спасаетъ васъ по мѣрѣ силъ, то вовсе васъ не жалѣю, я скорѣе хотѣла бы быть на мѣстѣ, хоть, напр., tante Amelie. Вчера я, разумѣется, также была съ вами цѣлый день; но все же попрошу васъ описать мнѣ его подробно; вообще, пожалуйста, не лѣнитесь и пишите, ваши письма дойдутъ до меня всего безопаснѣе. Я сейчасъ опять перечитала ваше послѣднее письмо. Меня ужасно злитъ недовѣрчивость Сѣченова къ нашимъ проэктамъ; что за нелѣпый человѣкъ! Но мы докажемъ этимъ практичнымъ людямъ, насколько мы дѣйствительно практичнѣе ихъ и какъ много хорошаго они теряютъ по своей трусости и резонерству.

Но хорошія извѣстія о *двухъ* докторахъ помирили меня со всѣмъ. Пожалуйста, мой милый, хорошій, славный братъ, познакомьтесь съ ними поскорѣе. Видите ли, оно *очень* необходимо, чтобы Анюта видѣлась съ ними официально теперь до сент., и я сейчасъ объясню вамъ почему: если она увидитъ ихъ теперь раза два, три, то тотчасъ же начнетъ восхвалять ихъ матери, а мать сейчасъ обрадуется, что и съ этой стороны романтизмомъ вѣетъ и въ октябрѣ отпуститъ ее гораздо охотнѣе къ намъ. Вообще пожалуйста, дорогой мой братъ, поговорите съ Анютой серьезно (я не пишу ей объ этомъ, боясь, что письмо попадется мамѣ), и рѣшите какъ лучше—торопить ли свадьбой или подождать пока что-нибудь успѣетъ здѣсь, т.-е. у васъ, устроиться?

Что значитъ ваше: «я теперь не могу очень много заниматься»? *Совсѣмъ не могу* было бы, я думаю, болѣе у мѣста: да? Ваше из-

[1]) Въ подлинникѣ именно такая фраза; вѣроятно, С. В. хотѣла добавить: какъ много я дѣлала ошибокъ.

вѣстіе объ открытіи Германа совсѣмъ меня не огорчаетъ, а напротивъ. Пускай плачутъ тѣ, знаменитость которыхъ была построена на мышечномъ токѣ, а намъ какое дѣло? Теперь намъ и время учиться и придумать что-либо въ замѣнъ мышечнаго тока. Знаете, *въ мутной водѣ рыбу удить*. Но скажите пожалуйста, что это за грустное опасеніе, что насъ не пустятъ въ Гейдельбергъ? Вѣдь это будетъ очень гадко? Я такъ привыкла къ мысли о Гейдельбергѣ, что для меня это будетъ настоящимъ ударомъ. Но вѣдь мы все-таки попытаемся, неправда ли? Мнѣ кажется, что Сѣченовъ каркаетъ, какъ ворона, и только предсказываетъ намъ всякія гадости просто изъ зависти. Пожалуйста не вѣрьте ему, мой хорошій братъ. Вы увидите, какъ хорошо это у насъ все пойдетъ, и Мар. Алекс. еще къ намъ перетащимъ.

. . . . . .

Я опять начинаю писать глупости, а собиралась настрочить вамъ очень дѣльное и разумное посланіе. Но я цѣлый день занимаюсь такъ серьезно, что рада поболтать и глупости. Вы не безпокойтесь, что я *очень* обгоню васъ; я большую часть дня занимаюсь математикой; во-первыхъ, потому что потомъ, не смогу ей такъ много заниматься, а, во-вторыхъ, потому, что въ настоящую минуту она одна въ состояніи отвести на время мои мысли отъ Петербурга и заставить забыть о существованіи всякихъ *консервовъ, плановъ, свадебъ*, etc.

Что вашъ братъ[1])? Неужели и сидитъ такъ въ этомъ городишкѣ? Развѣ вы не могли au hasard послать ему телеграмму, прося его повторить адресъ? Удержите его до свадьбы, пожалуйста. Мнѣ *очень* хотѣлось бы его видѣть. О шаферахъ не безпокойтесь. Мы ужъ отыщемъ здѣсь какихъ-либо молодцовъ. Сегодня я сижу и злюсь; впрочемъ, по правдѣ сказать, это несправедливо. Вотъ видите, у насъ сегодня случай на Невель и мнѣ ужасно досадно, что я не могу имѣть надежду получить письма. Я ужасно боюсь, что вы теперь всѣ начнете надѣяться одинъ на другого; вы на Анюту, Анюта на Жанну, Жанна на васъ,—и я останусь безъ писемъ. А теперь у насъ будетъ гораздо чаще случай изъ города, такъ какъ самъ отецъ начнетъ заботится объ этомъ. Онъ очень скучаетъ безъ матери и, разумѣется, j'en paie les pots cassés. Отдала ли Анюта вамъ мои переводы? Напишите, если найдете какія-либо особенно conspicions ошибки! Прощайте, мой хорошій, славный братъ. Крѣпко жму вашу руку. Пожалуйста, употребляйте время съ наибольшей пользой. У меня терпѣнья хватитъ до 10-го августа включительно, при сильной необходи-

---

[1]) Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій.

мости дотяну до 15-го, а если очень нужно до 17-го; затѣмъ начну торговаться за каждый день, какъ нищій, ожидающій братьсвъ; вы знаете эту сказку?

Прощайте. Не забывайте и пишите. Преданная вамъ

Софья Крюковская.

Вы можете писать все совершенно безопасно. Если ужъ очень хотите быть осторожнымъ, то только на мѣсто именъ Анюты и Жанны, описывая ихъ, ставьте какія-либо другія имена.

5.

Палибино, (кон. іюля).

Мой хорошій, славный братъ! Мнѣ кажется, что уже Богъ вѣсть какъ долго я не видѣла васъ и не получала ни отъ кого изъ васъ извѣстій; время идетъ довольно тихо; хотя я и не даю себѣ скучать и хотя мысли о развязкѣ и о будущемъ нашемъ хорошемъ житьѣ и о всѣхъ нашихъ планахъ совершенно было бы достаточно, чтобы подкрѣпить меня на много, много недѣль. Изъ вашего послѣдняго письма я вижу, что вы рѣшительно собираетесь меня избаловать и, хотя по правдѣ, это должно было бы встревожить меня, но я утѣшаю себя тѣмъ, что вамъ же первому будетъ хуже, если я стану дряннои, избалованной, никуда негодной дѣвченкой. Это ужасно гадко, что вы не прислали мнѣ Гофмана; мысль о двухъобъемности газовъ не даетъ мнѣ покоя; зато я превосходно поняла, какъ измѣряютъ газы (помните ту главу въ Roscoe[1]), которую мы никакъ не могли одолѣть съ вами). Я также поняла устройство офтальмоскопа и къ вашему пріѣзду буду хорошо знать глазъ; но право, право я не много занимаюсь химіею и физіологіею—всего два несчастныхъ часа въ день. Вообще каждый часъ отдѣльно проходитъ очень скоро, и только въ общей сложности время кажется долгимъ. Я цѣлый день сижу одна; отецъ, кажется, убѣдился, что отъ меня развлеченія мало и теперь оставляетъ въ покоѣ. Когда я буду навѣрное знать время вашего пріѣзда, то буду ждать еще гораздо терпѣливѣе; впрочемъ, я уже заранѣе стараюсь приготовить себя къ самому позднѣйшему сроку, который только возможно благоразумно допустить. Вотъ будетъ счастливый день, когда я сяду писать вамъ *послѣднее* письмо изъ Палибина! Вообще я *ужасно* счастлива, когда думаю о зимѣ и о томъ, какъ хорошо мы устроимся.

---

[1]) Roscoe—Генри-Энфилдъ Роско, англійскій химикъ (рѣчь идетъ объ измѣреніи молекулярнаго вѣса газовъ).

Мой хорошій, славный, милый братъ, я право не думала, что когда-либо подружусь съ кѣмъ-либо такъ хорошо и крѣпко, какъ съ вами! Одно только немного безпокоитъ меня, это то, что Анютѣ придется прожить здѣсь еще цѣлый мѣсяцъ послѣ того, какъ я уѣду. Я навѣрное знаю, что она будетъ очень скучать и ей будетъ очень тяжело. Поговорите, пожалуйста, съ ней объ этомъ серьезно и, если увидите, что это очень страшитъ ее, то не торопите развязкой, чтобы она осталась подольше въ Петербургѣ. Видите ли, я очень хорошо знаю, что мѣсяцъ проходитъ очень скоро и поскучать немного не важность, но все-таки! Словомъ пожалуйста, мой милый, славный братъ, устройте все съ Анютой къ лучшему.

У меня это время разболѣлись глаза, я прикладываю компрессы изъ холоднаго чая и жалѣла, что некому впустить за меня лимоннаго сока въ глазъ. У насъ въ окрестностяхъ ужасно много больныхъ, какъ всегда бываетъ осенью; каждый день ко мнѣ приходятъ иногда до десяти человѣкъ за лекарствами; я читаю лечебникъ и злюсь, что еще не докторъ. Вообще я думаю, что у меня можетъ со временемъ развиться страсть лечить.

Моя утѣшительница щука скончалась, и увы, самымъ плачевнымъ и непочетнымъ образомъ; у меня живетъ теперь медвѣдка, но отъ нея радости не много. Я усердно перевожу Дарвина; не знаю почему я себѣ вбила въ голову, что вы пріѣдете именно въ то время, какъ я буду кончать послѣднюю страницу; но, кажется, я приложила къ этому un excès de zèle и кончу гораздо раньше. Переводъ мой нѣмецкихъ стиховъ я нашла, но тѣ двѣ строчки никакъ не могу разобрать, пожалуйста, одолѣемте ихъ ужъ общими силами. Что вашъ братъ? Я ужасно буду рада, если мнѣ удастся познакомиться съ нимъ.

Не знаете ли вернулся ли Страннолюбскій?[1]) Вы и не воображайте себѣ, что вамъ удастся избѣжать математики; если вы и льстили себя этой надеждой, то бросьте ее. Вообще, мой бѣдный, бѣдный Владиміръ Онуфріевичъ, вамъ придется вести тяжелую жизнь, и я васъ отъ души жалѣю.

Прощайте, или лучше до-свиданья, мой дорогой, славный и хорошій другъ. Не забывайте вашу маленькую сестру; пишите почаще, поподробнѣе и пріѣзжайте какъ только можно скорѣе. Крѣпко жму вашу славную руку. Ваша сестра

Софья Крюковская.

---

[1]) Страннолюбскій, Алек. Ник., преподаватель математики въ Морскомъ училищѣ; извѣстный педагогъ и борецъ за женское образованіе. Въ 60-хъ г.г. читалъ лекціи во многихъ женскихъ кружкахъ, на Аларчинскихъ курсахъ; до самаго послѣдняго времени проявлялъ много энергіи въ дѣлѣ расширенія женскаго образованія.

6.

Палибино. Четвергъ.

Милая моя дорогая, безцѣнная, лучшая Анюта![1]) Вчера (середу) имѣла я неожиданное счастье получить твое письмо; знаешь ли, что оно цѣлый переворотъ во мнѣ совершило! Странное дѣло! Мы въ самомъ дѣлѣ живемъ какъ будто одною жизнью съ тобой. Я здѣсь въ Палибинѣ рѣшительно ощущаю какъ бы отголосокъ каждаго твоего чувства. Вчера, читая твое письмо, на меня находило ужасно странное чувство, какъ будто я просто дѣлаюсь однимъ человѣкомъ съ тобою и понимаю каждое твое ощущеніе, гораздо больше, чѣмъ было въ письмѣ; никогда еще не сознавала я въ такой степени, какъ нужны мы другъ для друга и какая неразрывная связь между нами. Милая безцѣнная сестра; что бы ни было съ нами, какъ бы ни опошлялась и не подшучивала судьба, но покуда мы вдвоемъ, мы сильнѣе и крѣпче всего на свѣтѣ—въ этомъ я твердо убѣждена. Для меня это время было не очень веселое, само собой разумѣется, но знаешь ли, я право рада, что не поѣхала въ Петербургъ. Я очень много, и главное, регулярно занималась и не скучала ни одной минуты. По вечерамъ, когда, уставши учиться, я начинала расхаживать по комнатѣ, на меня даже находили минуты восторга. Странное дѣло, хотя для меня лично все кажется хорошо и вѣрно устраивается, но никогда еще не чувствовала я такъ сильно нашего зловѣщаго фатума и необходимости *аскетизма*. Не знаю, отъ страха ли за тебя или отъ усиленныхъ занятій и одиночества, но страхи мои и мрачныя предчувствія такъ сильны, что мнѣ по временамъ трудно убѣдить себя, что это одинъ вздоръ. Милая, милая, безцѣнная Анюта, ты положительно необходима для меня. Наша дружба съ тобой можетъ и *должна* доставить намъ довольно счастья для всей нашей жизни; и это даже не аскетизмъ—не желать и не искать другого счастья. Это напоминаетъ мнѣ стихъ изъ Гейне,

«Исходилъ я всѣ страны земныя
Чтобы дома найти, что такъ долго искалъ».

Сегодня для меня грустный и тревожный день, и только письмо твое поддерживаетъ меня. Вотъ видишь, я *убѣждена*, что извѣстіе о каретѣ задержитъ маму и брата въ Петербургѣ[2]), я пригото-

---

[1]) Сестра С., В. Анна Васильевна. Письмо написано въ концѣ іюля.
[2]) Рѣчь идетъ о каретѣ, въ которой должны были вернуться мать С. В. и Вл. Оп., и которая, какъ опасалась С. В., могла сгорѣть во время пожара на почтовой станціи.

вилась, или, лучше сказать, старалась, насколько могла, приготовить себя еще къ цѣлой недѣлѣ уединенія, но все-таки ты знаешь сама, какъ обманываешь себя въ подобныхъ случаяхъ; и чѣмъ больше я убѣждаю себя, что братъ не можетъ пріѣхать завтра, что и ожидать его нелѣпо, тѣмъ больше вздрагиваю отъ каждаго шороха и тѣмъ труднѣй мнѣ находить какой-нибудь интересъ въ обычныхъ занятіяхъ. Согласись, не обидную ли штуку сыграла со мной судьба; если бы не эти послѣднія, такія положительныя извѣстія, что мама пріѣдетъ завтра въ пятницу, я бы и не ждала бы ее и терпѣнья, у меня хватило бы еще пожалуй на мѣсяцъ; теперь же, хотя я и знаю, что всѣ эти новости ровно ничего не значатъ, такъ какъ вы еще не знали тогда про карету, но все-таки... Словомъ, мнѣ очень сдается, что завтра, да и послѣ завтра, да и вплоть до вашего пріѣзда изслѣдованіе кривыхъ будетъ казаться мнѣ безъ всякаго интереса, а связь между минусами, логарифмами и воображаемыми количествами совершенно нелѣпою.

Милая, милая Анюта, я знаю, что все это очень, очень малодушно и право я стараюсь убѣдить себя въ этомъ, но меня очень облегчаетъ подѣлиться съ тобой моимъ горемъ; а ты, когда получишь это письмо, то знай, что я уже облагоразумилась; къ тому же тогда ужъ и не до того будетъ. О, какъ досадно мнѣ, что вы не отложили вашей поѣздки до послѣ моей свадьбы, тогда все было бы иначе! Но вѣдь, оставляя въ сторонѣ ужасную скуку, которую тебѣ придется вынести въ Палибинѣ, и которой я вполнѣ знаю цѣну, право, право я убѣждена, что мнѣ удастся устроить для тебя что-либо вѣрное и положительное. Какъ раскаиваюсь я теперь, что мы прежде упускали это изъ виду, и главное, не довольно принимали въ соображеніе, что даже на время не слѣдуетъ намъ отдѣляться другъ отъ друга. Безцѣнная моя, вчера я такъ намечталась объ аскетизмѣ, что мнѣ казалось, да и теперь кажется, верхомъ нелѣпости, нелогичности и трусости для насъ съ тобой бояться чего-либо на свѣтѣ, пока мы съ тобой такъ увѣрены другъ въ другѣ; сегодня же я волнуюсь и бѣшусь и злюсь, думая о завтрашнемъ днѣ. Строгій, суровый. . . аскетизмъ—это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ мелкія, безцѣльныя непріятности и разочарованія. Меня же судьба какъ нарочно поддразниваетъ и подзадориваетъ; я увѣряю тебя, что находила даже нѣкоторую прелесть въ моемъ полномъ уединеніи и день всегда проходилъ незамѣтно—отъ математики къ физіологіи, отъ физіологіи къ химіи, отъ химіи къ переводамъ и все это аккуратно, по часамъ; въ награду же и въ развлеченіе—часъ въ день Little Dorrit.

Но когда я бывала поутру тупа, лѣнива или непонятлива, то оставляла себя безъ этого послѣдняго блюда. Словомъ, я вела себя такъ, какъ будто надо мною постоянно бдительный взоръ Маргариты Франц[1]). Теперь же конецъ этимъ невиннымъ удовольствіямъ! Когда я думаю объ аскетизмѣ, мнѣ всегда представляется маленькая, очень бѣдная комнатка въ Гейдельбергѣ, очень трудная серьезная работа, общества никакого (съ братомъ [2]) ужъ это не аскетизмъ, а счастье, аскетизмъ весь въ томъ, что я *одна);* два раза въ недѣлю получаются письма отъ Анюты, которая съ своей стороны *очень* занята, но на будущую зиму собирается перебраться также въ Гейдельбергъ, т. к. ей необходимо быть въ Россіи только лѣтомъ. Она привезетъ съ собой нѣсколько другихъ барышень, которыхъ развила и освободила, но которыя всѣ далеко не подходятъ къ намъ и для насъ *лично* не могутъ быть ничѣмъ. Я готовлюсь къ экзамену, пишу диссертацію. Анюта приводитъ въ порядокъ свои путевыя замѣтки; потомъ я занимаюсь самостоятельно, еще позднѣе мы вмѣстѣ устраиваемъ колонію, я ѣду въ Сибирь. Нахожу тамъ пропасть трудностей, разочарованій, но *пользу* непремѣнно могу принести. Анюта пишетъ замѣчательное сочиненіе; мнѣ удается сдѣлать открытіе, мы устраиваемъ женскую и мужскую гимназію; у меня свой физическій кабинетъ. Медициной я теперь перестаю заниматься, занимаюсь физикой или приложеніемъ математики къ политической экономіи и статистикѣ (это ad libitum). Возлѣ насъ цѣлая семья нашихъ protégés. У насъ всѣхъ троихъ сѣдые волосы, но по старой памяти меня сестры величаютъ ребенкомъ, и Анюта бранится за калоши (я ни разу не вышла въ садъ безъ нихъ, даже на террасу безъ нихъ не спустилась). Когда я дѣлаю открытія, а Анюта пишетъ свои прекрасныя сочиненія, мы дѣйствительно моложе самыхъ юныхъ изъ нашихъ воспитанницъ. Ну, чѣмъ это жизнь не блаженство, а вѣдь это *самая* аскетическая жизнь, которую я могла придумать и она зависитъ только исключительно отъ насъ *двоихъ*; я нарочно отстраняю въ мечтахъ даже Жанну и милаго хорошаго, славнаго брата, присоединяю же ихъ, и что это выйдетъ за жизнь! Для меня *только* трудно жить одной; мнѣ непремѣнно надо имѣть кого-нибь., чтобы каждый день любить, вѣдь ты знаешь, какая я собаченка.

Моя милая, милая дорогая, я такъ увлеклась писавши тебѣ, что и забыла о своей тоскѣ, которая сильно обуревала меня, когда я начала писать. Вчера тоже нашло на меня мрачное рас-

---

[1]) Гувернантка С. В., Маргарита Францовна Смитъ, англичанка.
[2]) Т.-е. Влад. Он.

положеніе духа, *предчувствія*, но я развеселилась, вспомнивъ о «время, бремя».

Я думаю мои предчувствія не умнѣе этого, а ты какъ полагаешь?

Ну, недѣльку потерплю и все-таки можетъ быть корень квадратный изъ—1 пересилитъ даже и разочарованіе.—Прощай; чтобы показать, что совсѣмъ не жду завтра брата, прилагаю письмо къ мамѣ. Очень поклонись отъ меня брату, если онъ въ Петербургѣ. Твоя на вѣки *Софа*.

7.

Моя милая, безцѣнная Анюта!

Вчера заразъ получила я *четыре* письма отъ васъ, мои неоцѣнимые, чудные, хорошіе, дорогіе. Я не могу сказать тебѣ, какъ я была счастлива и какъ совѣстно было мнѣ читать твои письма, моя лучшая, на которыя я разумѣется сперва набросилась. Я бы ужасно много хотѣла сказать тебѣ, но имѣю время лишь для двухъ строкъ. Благодарю тебя за твой дневникъ. Моя голубка дорогая, мысль о тебѣ и о твоемъ будущемъ одиночествѣ не оставляетъ меня ни на минуту. Какъ мнѣ совѣстно, что я встревожила тебя моей скукой, но я право была нездорова тогда; теперь же совершенно здорова, очень благоразумна, не черезъчуръ занимаюсь и постоянно думаю о тебѣ и о твоихъ наставленіяхъ.

Пожалуйста не отчаивайся, моя чудная сестренка. Если бы даже и ничего ты не сдѣлала въ это время, то я убѣждена, что буду счастливѣе тебя, когда пріѣду въ Петербургъ. Крѣпись, моя чудная дѣвочка. Не имѣю времени больше ни одной минутки. Поцѣлуй Жанну, я и передъ ней виновата, потому что, не получивъ отъ нея письма въ прошлую субботу, очень на нее озлилась.

Твоя преданная всей душой сестра *Софа*.

Воскресенье.

Хотя карета и сгорѣла, но все-таки уговори маму и брата ѣхать скорѣе. Они навѣрное найдутъ экипажъ въ Витебскѣ.

8.

Милая безцѣнная Анюта моя!

Вчера имѣла я радость получить твое послѣднее письмо изъ Петергофа и сегодня хочу написать тебѣ нѣсколько строкъ, такъ какъ онѣ все-таки дойдутъ до тебя? день до нашего свиданья, котораго я жду съ самымъ невыразимымъ нетерпѣніемъ. Вчера,

получивъ твое письмо и хорошенько потолковавъ съ милымъ братомъ, мы рѣшили отложить нашу свадьбу до 15-го[1]). Сама посуди, 4 дня не составляютъ ни малѣйшей разницы для моего ученья, но мнѣ очень важно провести четыре лишнихъ дня съ тобою и нашею безцѣнною Жанною. Я тотчасъ же хотѣла сказать это мамѣ, но братъ совѣтуетъ не говорить до твоего пріѣзда, т. к. иначе будетъ казаться, что мы поссорились съ нимъ; когда же ты пріѣдешь, то будетъ очень естественно, что я расчувствовалась, увидавъ тебя. Я согласилась на это, такъ какъ въ маминомъ желаніи удержать меня подольше и сомнѣваться нельзя.

. . . . . .

Мы вчера весь вечеръ толковали о тебѣ, моя чудная сестра. Насъ обоихъ очень огорчило твое письмо, ужъ про меня, конечно, и говорить нечего, но и братъ очень былъ тронутъ имъ. Чудная, милая, лучшая и единственная Анюта, ради Христа не грусти, подумай сама, намъ достанется быть въ разлукѣ только одинъ мѣсяцъ отъ 15-го сентября до 15-го октября, и большую часть этого мѣсяца ты проведешь съ безцѣнною Жанною. 15-го же окт. братъ непремѣнно пріѣдетъ за тобой, это также вѣрно, какъ что онъ увезетъ меня 15-го сент. Родные *должны* отпустить тебя; если ты не уломаешь ихъ на это, то вина будетъ твоя; въ крайнемъ случаѣ братъ увезетъ тебя просто силой. Въ это же время мы непремѣнно устроимъ что-нибудь въ Петербургѣ. Если N. оселъ, то онъ долженъ представить своихъ докторовъ, а пожалуй съ ними и лучше еще будетъ; подумай сама N. и NN[2]), хоть и не герои, но все-таки очень хорошіе люди, и нельзя представить себѣ, чтобы они рѣшительно не приняли участія въ насъ, особенно, когда мы, такъ сказать, будемъ ихъ людьми; хотя братъ вовсе не ихъ человѣкъ, а несравненно больше *нашъ*.

А что братъ употребитъ всѣ усилія, чтобы пристроить тебя, то въ этомъ, Анюта, я думаю ты сама увѣрена. Чудная, дорогая, хорошая Анюта! Какъ я жажду видѣть тебя! Я много бы много хотѣла сказать тебѣ, но въ письмѣ все не такъ выходитъ. Ты мнѣ положительно необходима, безъ тебя я въ постоянномъ страхѣ, что испорчусь или вообще совращусь съ нашего тѣснаго, аскетическаго, единственно вѣрнаго пути. Ты понимаешь, что я хочу сказать, и не читай этого Жанѣ, она не такъ пойметъ. Я съ истиннымъ сумасшествіемъ жду тебя; очень вѣроятно, что ты увидишь во мнѣ много несовершенствъ и слабостей, которыхъ я сама, какъ

---

[1]) 15 Сентября 1868 г.

[2]) Лица, очень извѣстныя въ петербургскомъ обществѣ, къ которымъ сестры Крюковскія обращались за помощью въ дѣлѣ устройства фиктивнаго брака.

ни стараюсь, но не *умѣю* замѣчать въ себѣ. Духовная моя мама, помни, что ты же избаловала меня и что твоя вина, если я теперь ужъ не могу обойтись безъ тебя. Я запаслась въ этотъ мѣсяцъ духомъ кротости, терпѣнія и смиренномудрія и, какъ это ни странно, готова to kiss the rod that governs me[1]).—Я себя не помню отъ радости, когда думаю, что черезъ 3-е сутокъ увижу тебя!— Не читай этой послѣдней страницы Жаннѣ, я лучше сама напишу ей нѣсколько строкъ. Прощай моя лучшая, чудная Анюта; братъ крѣпко жметъ тебѣ руку; онъ теперь fait sa sieste и почиваетъ. Мы читаемъ съ нимъ физику и мечтаемъ, какъ будемъ учиться зимой и устроимъ также лекціи для всѣхъ юныхъ неофитокъ. До свиданія. Люби меня крѣпче, крѣпче, и помни, что другой Софы у тебя никогда не будетъ. А Софа навсегда останется твоей нераздѣльною собственностью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Цѣловать ту палку, которая бьетъ меня.

Ф. Ф. Эрисманъ о Россіи.

Смерть Федора Федоровича Эрисмана всколыхнула старое... И только необычайность современныхъ событій стушевала нѣсколько остроту этихъ горькихъ воспоминаній.

Двадцать лѣтъ назадъ офиціальная Россія выбросила за бортъ одного изъ выдающихся людей, пришедшихъ добровольно отдать силы своего ума, таланта и знаній на служеніе чужой странѣ, не слишкомъ уже богатой культурными и научными работниками. Швейцарецъ по рожденію, Эрисманъ такъ полюбилъ Россію, несмотря на ея язвы и недуги, что, пріѣхавъ въ 1869 г., остался здѣсь и сталъ работать въ странѣ, далекой по своей структурѣ отъ его свободной родины.

Что побудило его на такой шагъ? Это—люди, съ которыми онъ встрѣтился въ Россіи; это—интеллигенція, которая привлекла его свѣтлый умъ и благородное сердце, съ которой у него нашлось созвучіе въ душевныхъ потребностяхъ еще при встрѣчѣ съ эмигрантами 60-хъ гг. Воспоминанія послѣ катастрофы въ письмахъ къ друзьямъ о пребываніи въ Россіи, въ письмахъ, выдержки изъ которыхъ мы помѣщаемъ дальше, необычайно ярко изображаютъ то, что привлекало Эрисмана въ Россіи, что заставляло его въ періодъ расцвѣта силъ работать только для Россіи, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, создавшіяся для научной и общественной дѣятельности. Онъ началъ послѣднюю въ тотъ моментъ, когда интересъ къ общественнымъ дѣламъ въ Россіи, по его выраженію въ 1879 г., находился на «Nullpunct'ѣ»; когда изъ его работъ часто «по независящимъ обстоятельствамъ», столь роковымъ для русской общественной жизни, получалась «чепуха», и тѣмъ не менѣе онъ предпочиталъ работать тамъ, гдѣ «до сихъ поръ мальчики остаются «безъ штановъ» и въ ближайшемъ будущемъ штаны для нихъ не предвидятся» (1881 г.). И главнымъ образомъ потому, что «живя за границей и видя офиціальность здѣшнихъ отношеній и отсутствіе простоты и сердечности даже между образованными людьми, еще болѣе цѣнишь ту теплоту и простоту, которая насъ окружаетъ въ Россіи».

На страницахъ «Голоса Минувшаго», пожалуй, не мѣсто оцѣнивать научныя заслуги Эрисмана — это будетъ сдѣлано спеціалистами и отчасти уже сдѣлано было въ некрологахъ передъ свѣжей могилой. Не о научныхъ заслугахъ Эрисмана, въ качествѣ замѣчательнаго гигіениста создавшаго эту науку въ Россіи; не о заслугахъ его общественныхъ въ качествѣ земскаго работника, создавшаго общественную санитарію, т-.е. давшаго наукѣ практическое примѣненіе въ той области, гдѣ она могла служить, что рѣдко бываетъ, интересамъ демократіи—не объ этомъ будемъ мы говорить въ нашей замѣткѣ: когда передъ читателемъ пройдутъ письма Эрисмана, онъ пойметъ, какая безсмыслица возможна у насъ въ Россіи и, пожалуй, только у насъ.

Видный ученый, профессоръ московскаго университета (1882 г.), популярный общественный дѣятель, столь много сдѣлавшій для своей какъ бы новой родины, вынужденъ былъ покинуть Россію въ 1896 г., оставить всѣ свои начинанія, вновь натурализоваться въ Швейцаріи и здѣсь, какъ свободный гражданинъ свободнаго государства, примѣнить свои многообразные таланты на различныхъ поприщахъ общественной работы. Одинъ изъ «отцовъ» города Цюриха, одинъ изъ членовъ кантональнаго правительства, одинъ изъ вождей швейцарской рабочей партіи—Эрисманъ могъ найти широкое поприще для своей кипучей энергіи, и, конечно, онъ нашелъ здѣсь и всеобщее признаніе, и оцѣнку заслугъ своихъ со стороны согражданъ. Эрисманъ былъ удаленъ изъ университета и долженъ былъ уѣхать изъ Россіи. Въ свое время на основаніи «секретной» переписки власть имущихъ мы уже разсказывали подробно на страницахъ журнала [1]) ту университетскую исторію, которая оборвала научную и общественную дѣятельность Эрисмана въ Россіи. То былъ знаменательный въ жизни московскаго университета 1894 годъ, когда 42 профессора, отстаивая принципъ университетской автономіи, подали петицію-протестъ московскому генералъ-губернатору вел. кн. Сергію Александровичу по поводу дѣйствій университетской и полицейской администраціи. Профессоръ-демократъ былъ, конечно, однимъ изъ иниціаторовъ протеста противъ насилія и однимъ изъ защитниковъ высылаемыхъ студентовъ. На него и пала главная кара министерства народнаго просвѣщенія, солидарно дѣйствовавшаго съ министерствомъ внутренней охраны: 26 іюня 1896 г. Эрисманъ «секретнымъ предложеніемъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія былъ уволенъ отъ занимаемой должности безъ объясненія при-

[1]) См. «Московскій университетъ въ 1894 г.» «Голосъ Мин.» 1913. № 5.

Библиотека

Ѳ. Ѳ. Эрисманъ.

чинъ... съ правомъ подать прошеніе объ увольненіи отъ службы въ теченіи трехъ дней, но таковымъ правамъ—говорится въ аттестатѣ, выданномъ правленіемъ Московскаго университета—не воспользоваться».[1])

Эрисманъ покинулъ Россію. Въ дни памяти Эрисмана въ засѣданіи московскаго гигіеническаго общества уже оглашалось замѣчательное письмо его, присланное вскорѣ послѣ удаленія изъ Россіи въ общество, предсѣдателемъ котораго онъ былъ. Въ немъ Эрисманъ, между прочимъ, писалъ:

«Буря разразилась въ совершенно неожиданное для меня время. Она снесла меня, она смела меня съ лица русской земли, вырвала меня съ корнемъ изъ того положенія, которое когда-то мнѣ казалось несокрушимымъ, и выбросила меня на берегъ житейскаго океана лишеннымъ всего, что было мнѣ дорого,—университетской и общественной дѣятельности, друзей, товарищей....

Мнѣ часто кажется,—заканчивалось письмо,—что моя жизнь кончена,—и до извѣстной степени это несомнѣнно, потому что такъ любить, какъ я любилъ свою дѣятельность въ Москвѣ, можно только одинъ разъ»....[2])

Передъ нами рядъ аналогичныхъ писемъ за многіе годы, адресованныхъ одному изъ друзей Эрисмана, доктору Евграфу Алексѣевичу Осипову, по иниціативѣ котораго Эрисманъ былъ приглашенъ въ 1879 г. въ московское губернское земство для постановки санитарнаго дѣла и въ частности для обслѣдованія фабрикъ и заводовъ московскаго района. Эрисманъ, уже тогда зарекомендовавшій себя значительными трудами по общественной и школьной гигіенѣ, съ большой охотой отозвался на предложеніе московскаго земства. Это не былъ ученый, способный ограничиваться только кабинетными работами—его тянуло къ практической дѣятельности. «Правду сказать,—писалъ Эрисманъ Осипову 18 ноября 1879 г.,—я вамъ лично очень благодаренъ за то, что вы мнѣ доставили возможность работать на такомъ поприщѣ, на которое я безъ васъ не попалъ бы. Я въ сущности всегда стремился къ обработкѣ вопросовъ изъ области *общественной* гигіены, но до сихъ поръ могъ сдѣлать весьма мало, такъ какъ я былъ совершенно предоставленъ своей собственной, частной, иниціативѣ»...

Въ 1877—78 г.г. Эрисманъ руководилъ дезинфекціонными работами на театрѣ военныхъ дѣйствій; въ 1879 г. начинается грандіозное изслѣдованіе санитарнаго состоянія Московской

---

[1]) Въ нашемъ распоряженіи находится теперь переписка Эрисмана съ гр. Капнистомъ (тогдашнимъ попечителемъ округа) и Боголѣповымъ (ректоромъ университета), вскрывающая факты, интересные по связи съ удаленіемъ Эрисмана. Поэтому мы вернемся къ этому эпизоду въ одной изъ слѣдующихъ книгъ журнала.

[2]) «Рус. Вѣд.» 1915 г. № 282.

губерніи, въ результатѣ котораго явилось 19 печатныхъ томовъ и обслѣдованіе 1080 фабричныхъ заведеній и быта 114.000 рабочихъ—трудъ, названный въ постановленіи земскаго собранія очередной сессіи 1896 г. трудомъ «классическимъ», служащимъ «основаніемъ для всѣхъ мѣропріятій земства въ этой области [1]). Общественные интересы Эрисмана сказались въ самой постановкѣ вопросовъ: комиссія изслѣдовала не только санитарію, но и бытъ, условія найма, заработную плату, рабочій день, однимъ словомъ, давала полную картину, условій жизни рабочаго населенія [2]).

На почвѣ этой именно работы и завязалась долголѣтняя, тѣсная дружба, установившаяся между Эрисманомъ и Осиповымъ. Съ отъѣздомъ за-границу дружба не ослабѣваетъ. Осиповъ—одинъ изъ тѣхъ, кто собою какъ бы олицетворяетъ ту Россію, которую любилъ и для которой работалъ Эрисманъ. И въ интимныхъ письмахъ изъ Цюриха, выдержки изъ которыхъ предаются теперь гласности, какъ нельзя ярче выступаетъ душевное состояніе человѣка, насильно отторгнутаго отъ любимаго дѣла.

Приведемъ, однако, прежде еще два письма Ф. Ф. Эрисмана, которыя обращены ко всѣмъ товарищамъ и рисуютъ съ той же выпуклостью, что и интимная переписка, тежелыя переживанія Эрисмана. Первое письмо датировано 10 декабря 1896 г.

«Милые и дорогіе товарищи,—писалъ Эрисманъ—передо мною лежитъ Ваше письмо, доставленное мнѣ Иваномъ Васильевичемъ Поповымъ[3]), и я не только читалъ и перечитывалъ его, я всей душой перечувствовалъ каждую мысль, каждое слово его. Я знаю, Вы не обвините меня въ сантиментальности, если я скажу, что чтеніе этого письма вызываетъ во мнѣ цѣлую бурю, что при воспоминаніяхъ о недавнемъ прошломъ, которыя имъ вызываются, я готовъ расплакаться, какъ ребенокъ, и чувствую себя совершенной сиротой. Правда, моя жизнь и раньше не всегда протекала гладко, и даже въ самый лучшій, самый свѣтлый—московскій періодъ ея я неоднократно

---

[1]) Собраніе постановило выразить «сожалѣніе земства» о прекращеніи дѣятельности Эрисмана. Постановленіе было отмѣнено Московскимъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Сенатъ, по жалобѣ собранія, въ 1899 г. призналъ рѣшенія присутствія «не имѣющимъ достаточныхъ основаній».

[2]) Подробный некрологъ Ф. Ф. Эрисмана напечатанъ докт. Н. Ф. Михайловымъ въ № 8 «Вѣстника Воспитанія» за 1915 г.; см. также статью проф. Хлопина въ «Вѣсти. Евр.» № 1.

[3]) Завѣдующій нынѣ санитарнымъ отдѣломъ московскаго губернскаго земства. Письмо, въ свое время распространявшееся въ гектографированномъ видѣ, получено нами отъ И. В. Попова.

переживалъ тяжелыя минуты, иногда, въ особенности въ послѣдніе годы, было такъ невыносимо тяжело, что мысль—бросить все и уѣхать за-границу неоднократно приходила въ голову. Но я никогда прежде не испытывалъ такого гнетущаго настроенія, какое овладѣло мною въ настоящее время. Очевидно, и раньше, имѣя въ виду возможность переселенія за-границу, недостаточно ясно сознавалъ силу и крѣпость тѣхъ многочисленныхъ нитей, которыми я привязанъ къ Россіи и къ русской жизни, не достаточно оцѣнивалъ прочность тѣхъ корней, которыми я приросъ къ русской почвѣ,—я очевидно забылъ, что по складу мыслей, по стремленіямъ, по жизненнымъ привычкамъ, я сталъ гораздо больше русскимъ, чѣмъ швейцарцемъ, забылъ, что нельзя безнаказанно оставить страну, въ которой протекли лучшіе годы жизни, въ которой такъ много работалъ, любилъ и страдалъ. И теперь, когда противъ желанія мнѣ пришлось оставить и дѣятельность, и друзей и товарищей, когда я одинъ нахожусь въ чужой странѣ (хотя и на родинѣ), всѣ отрицательныя стороны русской общественной жизни отступаютъ для меня на задній планъ, всѣ пережитыя тяжелыя впечатлѣнія стушевываются, и моему умственному взору представляется только то, что въ Россіи есть хорошаго, свѣтлаго, симпатичнаго, теплаго, задушевнаго, мнѣ представляется наша коллективная работа на земской нивѣ и на всероссійскихъ съѣздахъ врачей,—мнѣ представляются нашъ клиническій городокъ и, въ частности, мое любимое дѣтище—Гигіеническій Институтъ; я точно живыхъ вижу передъ собой всѣхъ друзей и товарищей по работѣ, и мнѣ ничего не стоитъ присутствовать въ моемъ воображеніи среди Васъ; я ясно вижу черты лица каждаго изъ васъ, слышу Ваши голоса, жму Ваши руки и бесѣдую съ Вами. И долго, долго я могу предаваться такимъ мечтаніямъ, пока какое-нибудь явленіе изъ суровой дѣйствительности не напомнитъ мнѣ, что онѣ—«безсмысленны» и что все это—ничто иное, какъ сладкій сонъ и самообманъ. И именно эта свѣжесть воспоминаній всего недавно пережитаго, которая, съ одной стороны, согрѣваетъ душу и заставляетъ сердце сильнѣе биться, усугубляетъ, съ другой стороны, тяжесть теперешняго положенія. Сравнивая здѣшнюю жизнь съ русской, здѣшнихъ людей съ русскими, я нахожу огромную разницу: здѣсь все болѣе или менѣе упорядочено, размѣренно, всякій знаетъ свои права и обязанности и преслѣдуетъ въ жизни опредѣленныя цѣли, на все имѣются свои законы и правила, которые строго соблюдаются какъ частными людьми, такъ и властями; но зато люди мнѣ представляются холодными, замкнутыми, съ узкими общественными инстинктами. Въ Россіи, наоборотъ, вышеупомянутыхъ прелестей нѣтъ, или онѣ находятся

лишь въ зародышевомъ состояніи, закона въ ней часто не видно изъ-за произвола отдѣльныхъ личностей; въ ней слишкомъ много людей, желающихъ взять палку и быть капралами; имѣющіе права часто не признаютъ за собой никакихъ обязанностей, а несущіе обязанности—не пользуются никакими правами; люди часто бываютъ безтолковы, безшабашны и не имѣютъ понятія о гражданскомъ долгѣ,— но зато они отзывчивы, съ теплой душой, съ болѣе широкимъ взглядомъ на жизнь; у нихъ не все такъ размѣренно, разсчитано, такъ убійственно опредѣленно, какъ здѣсь. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что идеалистовъ, людей проникнутыхъ желаніемъ работать для другихъ, людей, движимыхъ глубокой вѣрой въ торжество какихъ-нибудь альтруистическихъ идей, и главное—людей не удовлетворенныхъ будничной, буржуазной жизнью, что такихъ людей въ Россіи больше, чѣмъ здѣсь. Если въ настоящее время я указываю на эту разницу, то я дѣлаю это для того, чтобы Вы, дорогіе товорищи, поняли, почему я чувствую себя здѣсь чужимъ, почему я страшно скучаю по Россіи по своей тамошней дѣятельности, наконецъ просто по русскимъ людямъ и прежде всего, конечно, по своимъ земскимъ товарищамъ. Можетъ быть, я еще недостаточно осмотрѣлся здѣсь; можетъ быть, здѣшніе нравы имѣютъ что-то холодное только на первый взглядъ можетъ быть съ ними впослѣдствіи примиришься въ виду всего того хорошаго, что здѣсь несомнѣнно имѣется; но въ настоящее время процессъ ассимиляціи съ здѣшней жизнью представляется мнѣ далеко не легкимъ. И если я раньше былъ преданъ земской идеѣ и высоко ставилъ настоящихъ земскихъ дѣятелей,—если и раньше видѣлъ въ нашей земской медицинѣ «сокровище» русской земли, то тѣмъ больше цѣню я это сокровище въ настоящее время, когда я положительно страдаю отъ отсутствія въ моей жизненной сферѣ земскаго элемента. Да, дорогіе товарищи, держитесь крѣпко земской идеи, земскаго дѣла; лелейте эту идею, сплачивайтесь все крѣпче и крѣпче во имя ея, храните ее какъ зеницу ока,—она всегда будетъ для Васъ источникомъ радости, она всегда согрѣетъ Вашу душу, освѣтитъ Вашъ жизненный путь лучезарнымъ пламенемъ. Мое же самое искреннее желаніе заключается въ томъ, чтобы снова стать въ Ваши ряды и рука объ руку съ Вами работать на пользу русскаго, всѣми нами любимаго народа. Земство vivat, crescat, floreat in aeternum!

Ф. Эрисманъ.

Друзья и товарищи слишкомъ хорошо помнили Эрисмана. Черезъ два года съѣздъ врачей горячо привѣтствуетъ своего прежняго соратникова. И насильственно отрѣзанный членъ «земской семьи» изъ далекой Швейцаріи шлетъ свой отвѣтъ;

«Только что получилъ вашу телеграмму. Вы не можете себѣ представить, какъ она меня взволновала. Было бы невѣрно, если бы я сказалъ, что она освѣжила во мнѣ воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, о лучшихъ годахъ моей жизни. Память объ этомъ во мнѣ и въ настоящее время не менѣе свѣжа, чѣмъ два года тому назадъ. Но ваша телеграмма усилила мою тоску по Россіи, по Москвѣ, по друзьямъ и товарищамъ, по всему, что я тамъ оставилъ, она усилила ту жгучую боль, которую я всегда ощущаю, когда думаю о прошедшемъ, когда сравниваю то, что было, съ тѣмъ, что есть. О какъ мнѣ хотѣлось бы быть среди Васъ, какъ я сразу почувствовалъ бы наплывъ новыхъ силъ, если бы я могъ участвовать на Вашихъ засѣданіяхъ, какъ мнѣ снова хотѣлось бы служить русскому земству,Россіи, русскому народу!... Тогда снова у меня явилась бы цѣль жизни, опредѣленная задача, которой у меня теперь нѣтъ и безъ которой трудно существовать. Мнѣ кажется, что Россія меня испортила для здѣшней жизни. Она овладѣла мною и измѣнила мои вкусы. Въ здѣшнихъ дѣлахъ я участвую умомъ, а не сердцемъ. Они мнѣ до сихъ поръ чужды, какъ и здѣшніе люди. Мнѣ часто кажется невозможнымъ прожить здѣсь остатокъ моей жизни. Мнѣ представляется, что я здѣсь не свой человѣкъ, а гость, что я нахожусь здѣсь какъ бы въ командировкѣ и черезъ нѣкоторое время долженъ обязательно вернуться туда, гдѣ осталось все, что мнѣ было дорого... Несбыточныя мечты! Какъ охотно я сказалъ бы вмѣстѣ съ Лермонтовымъ: «И вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко». Между тѣмъ мнѣ приходиться сказать: не вѣрится, а плачется, и страшно тяжело. Какъ живо представляю себѣ картину открытія съѣзда: масса народа, приподнятое настроеніе, желаніе работать, выяснить назрѣвшіе вопросы, дать имъ желанное направленіе, любовь и интересъ къ своему дѣлу на всѣхъ лицахъ, священный огонь въ глазахъ... Какіе Вы всѣ счастливые, какъ я завидую Вамъ... Посылаю вамъ отвѣтную телеграмму, которую адресую на имя предсѣдателя Управы. Спасибо вамъ, дорогой Евграфъ Алексѣевичъ, спасибо Дмитрію Николаевичу[1]), спасибо всѣмъ членамъ съѣзда, дорогимъ товарищамъ, за добрую память обо мнѣ, объ отрѣзанномъ членѣ ихъ земской семьи.

Всей душой Вашъ

Ф. Эрисманъ.

1898 г. 17-го сентября.

---

[1]) Жбанкову.

Эти товарищескія письма прекрасно дополняетъ упомянутая выше личная переписка Ф. Ф. Эрисмана и Е. А. Осипова.

1898 г., 5 апрѣля.

Дорогой Евграфъ Алексѣевичъ! «Сколько лѣтъ, сколько зимъ» мы ничего не слышали о Васъ, не имѣемъ отъ Васъ извѣстій. А между тѣмъ мы часто вспоминаемъ Васъ. Мы такъ свыклись съ Вами, что теперь въ нашей душѣ, въ нашемъ сердцѣ, тамъ, гдѣ были Вы, остался большой пробѣлъ, никѣмъ и ничѣмъ не выполняемый. Какъ часто я забѣжалъ бы къ Вамъ, если бы это было возможно. Я чувствую себя здѣсь очень одинокимъ. Правда, у насъ здѣсь есть кое-какіе знакомые, преимущественно русскіе; у насъ по воскресеньямъ даже установились «журъ-фиксы», на которыхъ собирается человѣкъ 10—15. Но все это большею частью люди, живущіе здѣсь временно, также мало органически связанные съ здѣшней жизнью, какъ и мы сами. Близкихъ людей или же такихъ, съ которыми мы были бы связаны общимъ дѣломъ, нѣтъ. Мнѣ иногда кажется, что я точно преждевременно сошелъ въ могилу, что жизнь собственно уже за мною и что я ничего больше отъ нея не могу требовать. Къ тому, что происходитъ вокругъ меня, я отношусь довольно индифферентно; меня гораздо больше интересуетъ русская жизнь, чѣмъ здѣшняя. Я чувствую, что вмѣстѣ съ Москвой судьба унесла значительную часть моей души. Я настолько сроднился съ Москвой, съ Россіей, что вдали отъ нея чувствую себя изгнанникомъ.

Тѣмъ не менѣе Вы не должны думать, что я опустилъ руки. Я работаю очень много; но опять-таки главнымъ образомъ для Россіи. Главная моя работа за нынѣшнюю зиму состояла въ составленіи краткаго курса гигіены для студентовъ и врачей, который въ теченіе мая мѣсяца выйдетъ у Карцева[1]). Я много сидѣлъ надъ этой книжкой и мнѣ кажется, что она вышла довольно удачной.

Кромѣ того я занимался журнальной литературой, читалъ лекціи рабочимъ и учителямъ и производилъ изслѣдованія въ школахъ. Меня не тянетъ къ занятію каѳедры, но весьма возможно, что я буду читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Вообще я не заснулъ и верчусь, тороплюсь, какъ и прежде, имѣю работы больше, чѣмъ могу исполнить,—но душа моя тамъ, у Васъ...

При такихъ условіяхъ моя судьба собственно трагическая. Вѣдь смѣшно сказать, но въ сущности оно такъ, что, несмотря

---

[1]) Московскій издатель.

на мои привязанности къ Россіи, мнѣ тамъ мѣста нѣтъ, потому что именно тѣ пути, по которымъ я шелъ бы съ удовольствіемъ, мнѣ не открыты...

1898 г., 13 сентября.

...Намъ было очень пріятно видѣть Колю [1]); вѣдь это все же—плоть отъ Вашей плоти и кость отъ Вашей кости. Онъ напоминалъ мнѣ недавнее прошлое, всю московскую жизнь, все то, что составляетъ, такъ сказать, фокусъ, центръ тяжести моего земного пребыванія, вершину моей кривой. Нѣтъ, никогда я не забуду всего этого, и сожалѣніе о томъ, что такъ рано была обрѣзана моя жизненная нить, умретъ только вмѣстѣ со мною.

Я стараюсь найти интересъ въ здѣшней жизни и верчусь въ разныхъ сферахъ; но при всемъ томъ не могу согрѣться для окружающей меня обстановки такъ, какъ это нужно было бы для плодотворной и широкой дѣятельности. Въ этомъ и заключается мое несчастье, что я все оглядываюсь назадъ и сравниваю настоящее съ прошлымъ... Работать для Россіи еще и теперь для меня составляетъ наслажденіе...

17/29 марта 1900 г.

...Къ сожалѣнію я не могу ѣхать съ нимъ [2]) вмѣстѣ,—не могу оторваться отъ всякихъ срочныхъ работъ и общественныхъ дѣлъ. Тянетъ меня, конечно, въ Москву; но, съ другой стороны, я боюсь ее, боюсь, что мнѣ будетъ невыносимо больно увидѣть всѣ тѣ мѣста, гдѣ я когда-то былъ счастливъ, я видѣть тѣхъ людей—друзей и товарищей,—съ которыми вмѣстѣ я прожилъ лучшую часть своей жизни. Зачѣмъ бередить старыя раны, въ сущности еще не зажившія и все еще болѣзненныя.

Моя привязанность къ Москвѣ нисколько не уменьшилась за эти 4 года. Но именно потому, что я такъ люблю Москву, будетъ лучше, если я пока не увижу ея. Странно! Вѣдь я тутъ на своей родинѣ, у меня постоянно страшно много работы и притомъ отчасти весьма симпатичной; и тѣмъ не менѣе я не могу побороть въ себѣ тоску по Россіи и по русскимъ людямъ, не чувствую себя здѣсь *своимъ* человѣкомъ. Все это хорошо, но все это—не то...

18/XI 1900 г.

...Я до сихъ поръ страшно тоскую по Россіи, по Москвѣ, повсѣмъ друзьямъ и пріятелямъ, и иногда мнѣ кажется, что нѣтъ, нѣтъ не выдержу, и полечу туда, куда меня тянетъ. И въ самомъ

---

[1]) Сынъ Осипова, извѣстный теперь психіатръ въ Москвѣ.

[2]) Въ это время старшій сынъ Эрисмана, нынѣ доцентъ при каоедрѣ психологіи въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, ѣхалъ въ Россію.

дѣлѣ, отчего я не ѣду, отчего я мучаюсь зря?.. Отчасти задерживаютъ дѣла, которыя у меня здѣсь завязались, отчасти—боязнь, что мнѣ потомъ будетъ еще скучнѣе, что я набалуюсь тамъ у Васъ, среди хорошихъ и симпатичныхъ людей... Но—ничего не подѣлаешь; надо теперь тянуть лямку до конца. Работаю я много и по общественнымъ, и по личнымъ дѣламъ, и я не устаю, могу работать пока попрежнему; въ этомъ мое спасенье. Занимаюсь также въ садикѣ, гдѣ развожу ягоды и массу фруктовыхъ деревьевъ, такъ что мы ѣдимъ свои абрикосы, персики, сливы, груши и яблоки. Нынче мы съ одного дерева сняли болѣе 600 грушъ, которыми наслаждаемся до сихъ поръ. Этимъ физическимъ трудомъ я и поддерживаю свое бренное тѣло. Дѣла у меня разнообразныя, начиная съ научныхъ работъ и кончая рефератами по профессіональной гигіенѣ портныхъ, маляровъ, наборщиковъ и проч. ;по городскимъ дѣламъ также много хлопотъ»...

Естественно, что Эрисману, свыкшемуся за тридцать почти лѣтъ съ обстановкой русской жизни, столь чуждой западноевропейскому обычаю, вращавшемуся въ нервной атмосферѣ бившейся за право существованія русской интеллигенціи, казалась щвейцарская жизня слишкомъ прозаичной и обыденной. Ему было скучно въ этой дѣловой атмосферѣ, къ которой за долгіе годы не могъ привыкнуть. Надо оговорить, что постепенно тоска прошла. Эрисманъ привыкъ къ своимъ милымъ швейцарцамъ, нашелъ душевныхъ друзей. Таковъ онъ былъ въ послѣдніе годы нашего личнаго знакомства съ нимъ. Это вовсе не значитъ, что симпатіи и горячая привязанность его къ Россіи ослабѣла.

Русское общество также никогда не забывало Эрисмана. Наступила политическая весна, всплыло вновь имя Эрисмана, явилась надежда на его возвращеніе въ Россію..

По этому поводу Эрисманъ пишетъ одному изъ своихъ *молодыхъ* друзей

36 декабря 1904 года.

...Спасибо за Вашу добрую память обо мнѣ. Замѣтка въ «Русск. Вѣд.» есть маленькое, частичное проявленіе того подъема духа, того политическаго воодушевленія, которое недавно охватило значительную часть русскаго интеллигентнаго общества, первымъ выразителемъ котораго, среди представителей университета, выступилъ К. А. Тимирязевъ. Вы говорите, что мнѣ, навѣрно, будетъ пріятно знать, что меня въ Россіи помнятъ и любятъ. Это—справедливо. Здѣшняя среда не балуетъ. Люди здѣсь холодные... У нихъ и нѣтъ никакой потребности къ теплымъ

сердечнымъ отношеніямъ и потому они сами не страдаютъ отъ этого холода. Тѣмъ болѣе чувствителенъ онъ для насъ, привыкшихъ къ болѣе высокой температурѣ человѣческихъ отношеній. Никогда въ Россіи я не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ здѣсь; никогда я не страдалъ тамъ отъ такого отсутствія около меня людей. Вотъ почему мнѣ дѣйствительно пріятно, когда на меня падаетъ лучъ теплоты изъ дальней Россіи, когда душа моя, готовая остыть въ здѣшнемъ холодѣ, снова согрѣвается какимъ-нибудь выраженіемъ сердечнаго отношенія оттуда. Другихъ послѣдствій разныя заявленія относительно меня (одесскій медиц. фак. единогласно постановилъ пригласить меня на каоедру въ Одессу), конечно, не могутъ имѣть. Это ясно по разнымъ причинамъ, «независящимъ» и «зависящимъ». Кромѣ того, эти извѣстія наводятъ на меня грустныя размышленія. Они мнѣ рельефно напоминаютъ все, что я потерялъ въ Россіи, вслѣдствіе удара, нанесеннаго мнѣ 8 лѣтъ тому назадъ грубой рукой административнаго произвола. Вѣдь не менѣе 2-хъ лѣтъ я находился подъ страшнымъ впечатлѣніемъ этого удара, и я теперь еще удивляюсь, какимъ образомъ я могъ вынести тогда обрушившееся на меня несчастье. Лишь мало-по-малу я могъ привыкнуть къ мысли о потерянномъ раѣ, и я началъ жить снова лишь послѣ того, какъ для меня открылись новые горизонты общественной дѣятельности»...

Надо ли что-либо еще добавлять или пояснять въ этихъ письмахъ,—характерныхъ и для личности Ф. Ф. Эрисмана, столь замѣтной въ нашей общественной средѣ, и для тѣхъ политическихъ условій, которыя дѣлали до послѣдняго момента невозможнымъ возвратъ Эрисмана въ Россію? Оставаясь за-границей Эрисманъ, какъ свидѣтельствуютъ приведенныя письма, продолжалъ работать для любимой имъ Россіи. Многіе помнятъ и другую его работу—также для Россіи и русскихъ, когда онъ такъ много дѣлалъ вмѣстѣ съ семьей своей для всѣхъ невольныхъ русскихъ изгнанниковъ, находившихъ въ годы безвременья пріютъ въ университетахъ свободной и гостепріимной Швейцаріи.

Для казенной Россіи Эрисманъ не былъ нуженъ, но онъ былъ дорогъ, и также дорога будетъ и память о немъ, Россіи мыслящей, Россіи передовой, Россіи, любящей свое отечество.

С. Мельгуновъ.

Мелочи прошлаго.

Дворянскій полкъ.

Въ 1882 г. 14 марта въ ресторанѣ Демута въ Петербургѣ бывшіе воспитанники Дворянскаго полка (съ 1855 г. Константиновскаго кадетскаго корпуса) праздновали 75-лѣтнюю годовщину своей alma mater. Были произнесены соотвѣтствующія торжеству рѣчи и прочтены стихотворенія, посвященныя прошлому Дворянскаго полка. Празднованіе затѣмъ было подробно описано въ «Русской Старинѣ» (1882 г. т. XXXIV стр. 797—802).

Въ отчетѣ приводилось, между прочимъ, прочитанное М. Г. Гольмдорфомъ стихотвореніе, заканчивавшееся:

«А мы, храня нашъ духъ Дворянскій,
Мы станемъ всѣ за Русь стѣной;
На всѣхъ ступеняхъ службы Царской
Питомцы мы—семьи одной».

и указывалось, что въ заключеніе поэтъ Д. Д. Минаевъ сказалъ составленный имъ экспромптъ. Текстъ послѣдняго однако не былъ приведенъ. Случайно въ одной тетради, хранящейся въ собраніи рукописей Д. Г. Бурылина, намъ попался этотъ текстъ. Съ этой копіи и печатаемъ остроумный экспромптъ Минаева, не вошедшій въ собраніе его сочиненій.

Эпиграма Минаева.

Не юбилейный я поэтъ—
Я больше склоненъ къ эпиграммѣ,
Но на семейный нашъ обѣдъ,
Такъ братски проведенный нами,
Я радъ откликнуться стихами,
А если и собьюсь съ ноги,
То здѣсь друзья, а не враги!
Была пора. Ею дорожили
Всѣ, въ жизни знающіе толкъ:
На счетъ рабовъ дворяне жили
И процвѣталъ Дворянскій полкъ.
Теперь не то: все измѣнилось,
Забыта выправка носка,
Дворянство крѣпостныхъ лишилось
И нѣтъ Дворянскаго полка...

С. М.

Легенда о освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости [1]).

Когда государь Александръ II, еще будучи наслѣдникомъ, вошелъ въ года, что пора ему было жениться, государь, родитель его, Николай Павловичъ созвалъ Боярскую Думу изъ приближенныхъ людей и объявилъ имъ, что сыну его пора жениться и нужно ему найти невѣсту. Думали, подумали бояре—приближенные люди, да и порѣшили поискать подходящую невѣсту у заморскихъ царей-королей. Государь Николай Павловичъ повелѣлъ снарядить корабль; выбрали искусныхъ въ этомъ дѣлѣ сватовъ, посадили ихъ на корабль и отправили по заморскимъ царямъ-королямъ искать у нихъ невѣсту наслѣднику-сыну государеву.

Ѣздили, ѣздили сваты по разнымъ странамъ-государствамъ и нашли подходящую невѣсту у прусскаго короля. Сосватали ее, какъ слѣдуетъ быть, посадили на царскіе корабли, привезли въ Россію и отдали на три года въ ученіе: чтобы по-русски говорить научилась и русскіе порядки спознала.

Три года училась царевна: по-русски говорить научилась, русскіе порядки спознала, да при свиданіи съ женихомъ и говоритъ ему: «какъ посмотрю на ваши русскіе порядки, то они не хороши, у моего батюшки въ государствѣ такихъ худыхъ порядковъ нѣтъ, чтобы помѣщики не по закону, кого захотѣли и какъ захотѣли, въ солдаты сдавали, чтобы помѣщики безъ суда крестьянъ въ Сибирь ссылали, крестьянъ розгами пороли и всякія неправды надъ ними чинили!

При такихъ худыхъ порядкахъ въ твоемъ государствѣ замужъ за тебя не пойду! Давай мнѣ корабли, я уѣду къ родителямъ въ свое государство!»

Запечалился наслѣдникъ! Очень ему нравилась невѣста, полюбилась она ему! И говоритъ онъ ей: «Знаю, что такіе порядки нехороши; но что же я могу сдѣлать? Такіе худые порядки я невластенъ измѣнить!»

— «Ой! Ты, чудакъ эдакій,—говоритъ ему невѣста,—не можешь измѣнить! Да, ты, когда послѣ папаши вступишь на престолъ, спроси сенаторовъ, на какихъ они правахъ владѣютъ крестьянами, что безъ суда твоего государева надъ крестьянами всякія неправды чинятъ? Ты имъ и скажи, что такіе порядки нехороши и дай имъ указъ, чтобы крестьянамъ воля была и чтобы все дѣлалось въ

---

[1]) Эта легенда записана г. Николаевскимъ въ Петрозаводскѣ, въ 1892 г., со словъ слѣпого. Запись находится въ архивѣ А. А. Титова. *С. М.*

государствѣ твоемъ по закону. Вотъ, если обѣщаешь мнѣ измѣнить порядки въ твоемъ государствѣ, то пойду за тебя замужъ,—а не обѣщаешь измѣнить—не пойду».

— «Хорошо, отвѣтилъ наслѣдникъ, я такъ и сдѣлаю»!

Сыграли свадьбу. Пришло время государь, родитель его, померъ. На престолъ вступилъ наслѣдникъ. Царствуетъ годъ, царствуетъ другой, царствуетъ третій,—да и забылъ дать волю крестьянамъ, какъ обѣщалъ невѣстѣ-государынѣ!

Она и спрашиваетъ его: «Какъ же ты до свадьбы нашей обѣщалъ мнѣ измѣнить худые порядки въ твоемъ государствѣ, дать волю крестьянамъ и не исполняешь своего обѣщанія?»

«Ахъ, да! Я и забылъ про это», отвѣтилъ государь.—Понятно, государь уже не могъ измѣнить своему царскому слову! Пошелъ въ свой кабинетъ, написалъ указъ и на слѣдующій день идетъ въ Сенатъ. «Здравствуйте, говоритъ, гг. сенаторы».—«Здравія желаемъ В. И. В—во», отвѣтили ему сенаторы.

Государь сѣлъ на свое царское мѣсто, да и говоритъ: «Скажите вы мнѣ, г.г. сенаторы, на какихъ такихъ правахъ вы владѣете крестьянами, что безъ суда моего государева въ Сибирь ихъ ссылаете, не по правдѣ въ солдаты отдаете и другія надъ ними неправды чините?» Смутились сенаторы! Не знаютъ, что отвѣтить государю. Иные говорятъ, что права такія имъ по наслѣдству достались, другіе же сказали, что права такія даны раньше другими государями!

— «Нехороши такіе порядки,—сказалъ государь,—и я не хочу, чтобы такіе порядки были въ моемъ государствѣ».

Заспорили сенаторы, да и говорятъ: «Ты, государь, измѣнить такіе порядки не можешь, такъ какъ не имѣешь всѣхъ чиновъ и орденовъ, какіе имѣлъ государь-отецъ твой!»

— «Хотя я и не имѣю еще всѣхъ чиновъ и орденовъ, какіе имѣлъ государь-отецъ мой,—отвѣчаетъ имъ государь,—но такъ какъ такіе порядки не хороши, то я и хочу, чтобы они не были въ моемъ государствѣ,—подписывайте!», и подаетъ имъ указъ. Сенаторы видятъ, что дѣваться имъ некуда,—противу царской воли итти нельзя, подписали указъ, у многихъ слезы текли изъ глазъ и капали на указъ, но ничего подѣлать нельзя было.—Съ того времени и воля крестьянамъ настала, и новые порядки пошли.

Изъ жизни Н. И. Костомарова.

Нашъ извѣстный историкъ Н. И. Костомаровъ до конца своей жизни оставался въ домашнемъ быту вполнѣ безпомощнымъ ребенкомъ, и притомъ ребенкомъ капризнымъ, такъ что женѣ его нужно было много и терпѣнія и самоотверженности, чтобы справляться съ нимъ. Онъ самъ не умѣлъ даже закрыться одѣяломъ: накроетъ грудь, спина открыта—зябнетъ и зоветъ, чтобы его одѣли.

Несмотря на то, что постоянно лѣчившій его Кошлаковъ былъ прекраснымъ врачемъ, онъ всегда увѣрялъ, что никто его натуры не понимаетъ и «лѣчился» по-своему. Лѣченье это заключалось, главнымъ образомъ, въ усиленномъ гуляньи во всякую погоду и особенно въ умываньи холодною водою,—онъ всякій разъ требовалъ, чтобы подольше спускали воду изъ водопровода для того, чтобы она была похолоднѣе.

Однажды, разсказываетъ А. Л. Костомарова въ письмѣ къ Е. Ѳ. Юнге, «слышу его громы на дѣвушку, что вода въ умывальникѣ недостаточно холодна, а у него голова болитъ, нужно освѣжиться. Прихожу съ термометромъ къ умывальнику—четыре градуса всего тепла въ водѣ! И это, по его мнѣнію, не холодна вода!—онъ сердится! Не прошло и десяти минутъ послѣ умыванія, какъ онъ зоветъ меня:—Барыня![1]) правда ваша, что я, должно быть, простудился отъ холоднаго умыванія, потому что у меня ломить стало во лбу и возлѣ глазъ». И дѣйствительно послѣ этого онъ такъ разболѣлся, что пришлось звать Кошлакова.

А разъ, тоже страдая отъ кашля и насморка, онъ, по секрету отъ жены, выкупался въ Невѣ 4-го сентября. «Разумѣется», разсказываетъ Алина Леонтьевна, «ночью кашель усилился, на другой день появилось лихорадочное состояніе, а къ ночи—около 40 градусовъ температура, бредъ и проч.»

Въ другой разъ ему докторъ не позволилъ выходить изъ дома, и онъ принужденъ былъ сидѣть въ комнатѣ. Тогда онъ умудрился «съ утра и до трехъ часовъ пополудни выкурить девятнадцать большихъ трубокъ, не считая папиросъ и сигаръ,—и передъ обѣдомъ вдругъ позеленѣлъ, похолодѣлъ, взоръ помутился, и онъ сталъ кричать:

— Зовите попа! умираю! ударъ со мною дѣлается,—ничего не вижу, не понимаю, самъ себя не помню. ..

«Я послала, разсказываетъ Алина Леонтьевна, вновь за докторомъ, который видѣлъ Николая Ивановича часа три назадъ

---

[1]) Онъ всегда звалъ ее «барыня»—«Гдѣ моя барыня?».

и находилъ его въ хорошемъ положеніи, а сама едва уговорила его перейти съ моею помощью въ другую комнату, гдѣ не такъ накурено, положила ему холодный компрессъ на голову, дала выпить полрюмки крѣпкаго, очень дорогого хересу,—и черезъ нѣсколько минутъ лицо его оживилось, глаза стали яснѣе, а между тѣмъ я открыла въ кабинетѣ и въ его спальнѣ настежъ громадныя окна, выходящія на улицу, чтобы выпустить облака табачнаго дыма, отъ котораго я сама еле двигалась, страдая мигренью. Какъ только, по очищеніи воздуха, окна закрыли (они у насъ на резинахъ и открываются какъ лѣтомъ, вполнѣ), кабинетъ и спальня Николая Ивановича обогрѣлись до тринадцати градусовъ, мы перевели его въ свѣжія комнаты, уложили на постель, и черезъ полчаса онъ уже обратился къ пришедшему на цѣлый день Мордовцеву:—«А чтожъ, купецъ [1]), пора водку пить и обѣдать!».

Обѣдалъ прекрасно и вечеръ провелъ очень хорошо. Сегодня[2]), и даже въ настоящую минуту онъ требуетъ снова трубку за трубкой, я защищаю предписаніе доктора и отвоевываюсь отъ обильнаго куренія: докторъ подтвердилъ, что обморокъ и упадокъ дѣятельности сердца произошелъ отъ отравленія никотиномъ. Николай Ивановичъ сердится. Вотъ, голубчикъ мой, какая у насъ баталія изъ-за трубки», заканчиваетъ она свой разсказъ.

Въ заключеніе приведу еще имѣющееся у меня стихотвореніе, написанное на него—кѣмъ, мнѣ не удалось еще обнаружить:

Къ Н. П. Костомарову.

По скользкимъ плитамъ тротуаровъ,
Лишь свѣтъ замерцаетъ въ окнѣ,
Идетъ генералъ Костомаровъ
Съ мѣшечкомъ и палкой въ рукѣ.

Шубенка его на-распашку,
Открыта для холода грудь,
Надвинулъ на брови онъ шапку
И тронулся медленно въ путь.

А то что за диво?—Смотрите!
Нельзя разобрать ничего,—
Въ калоши иль въ лодки обуты
Почтенныя ноги его?

---

[1]) Костомаровъ всегда звалъ Д. Л. Мордовцева «добродѣтельнымъ купцомъ».

[2]) Письмо писано на другой день.

Грядетъ онъ тяжелой стопою,
Калошами, палкой гремитъ,
И сжатою крѣпко рукою [1])
Прохожему страшно грозитъ.

По дѣлу идетъ на Морскую—
«Не горькаго» масла достать.
Случалось ему зачастую
Мѣшокъ на дорогѣ терять.

А. Новицкій.

[1]) У него была привычка сжимать руки въ кулаки, какъ это дѣлаютъ, обыкновенно, маленькія дѣти.

Серебряный сонъ Саломеи [1].

Драматическій романъ въ пяти дѣйствіяхъ.

ЮЛІЯ СЛОВАЦКАГО.

Переводъ В. М. Фишера.

Дѣйствіе III.

Въ домѣ командира полка. Входятъ *Командиръ*, *Сава* и *Княжна*.

Командиръ. Намъ пора, панъ Сава, съ вами
Экспедиціей заняться,
Бунту голову свернуть;
Время—яркими мечами
Въ ярахъ сумрачныхъ блеснуть;
Время намъ вооружаться
И сплотиться на манеръ
Старыхъ польскихъ командировъ,
И, потомству давъ примѣръ,
Показать, что мы—страны
Коренные властелины,
И что намъ въ грозѣ войны,
Не до чашъ, не до перинъ:
Что, хоть мы безъ кирасировъ
И безъ шлемовъ,—дочерей,
Свѣтлой помощью Франциска,
Не дадимъ мы хлопамъ въ жены!
Сынъ мой водитъ экскадроны,
Очищая даль полей;

[1]) См. «Гол. Мин.» № 1.

Жду къ тому же я вѣстей
Отъ Грущинскаго; онъ близко;
Вѣрно, мчится впереди
И за дѣло взялся жарко.
(Къ княжнѣ).
Ты жъ, хорошенькая Парка,
Жизни пряжу намъ пряди.
Если бъ ты умѣла править
Справедливо,—былъ бы прокъ:
Завтра въ поле выѣзжая
И походы начиная,
Я бъ тебя своей поставить
Замѣстительницей могъ;
Но у панны есть порокъ:
Перстеньки она теряетъ!
Кто подобной довѣряетъ,
Тотъ—болванъ.

Княжна *(смотря украдкой на Саву)*. Панъ Сава слышитъ?

Командиръ. Онъ тебя еще не знаетъ;
Не ему на горе вышитъ
Прихотей твоихъ узоръ.
Твой ему ненуженъ вздоръ.
Что же? скучно безъ Леона?
То-то я и говорю:
День вамъ брачный разукрашу
Я потомъ; свѣтелку вашу
Головами казаковъ
На шестахъ—я озарю!

Княжна. Милый папа, а панъ Сава
Будетъ факеломъ сіять
Въ этой люстрѣ величавой?

Командиръ *(беря ее за подбородокъ)*. Вотъ мой командиръ каковъ!
Кровью бредитъ, власть почуя!
Чуть мой постъ занять успѣла,
Рада головы срѣзать?

Княжна. Да, я бъ рада раздавать...

Командиръ. Тссъ! Дерзить—тебѣ не дѣло.
Пташекъ этихъ,—видишь, Сава,—
Надо шутками питать
И признать за ними право
Смѣхъ сребристый разливать;
И онѣ намъ щебетаньемъ
Время, полное страданьемъ,
Радостно озолотятъ...
Право, слушая ихъ трели,
Забываешь этотъ адъ,
Думаешь, что въ самомъ дѣлѣ
Вся земля—зеленый рай,
Полный радости и блеска.
А за сцены занавѣской
Люди лучшіе за край
Погибаютъ.

Входитъ *Пафнутій* съ мечомъ Грущинскаго въ рукахъ.

Это—кто же,
Этотъ шляхтичъ оборванный?

Пафнутій. Я
Прихожу отъ Грущинскаго.

Командиръ. Что же?
Гдѣ Грущинскій?

Пафнутій. Онъ тамъ—на дорогѣ...

Командиръ. Говори, ничего не тая.
Въ твоемъ взорѣ—призракъ тревоги.
Не погибъ ли старикъ? Умираетъ?
Иль отъ черни мятежной страдаетъ?

Пафнутій. Ясный панъ, внимай съ терпѣньемъ
Ты несчастія трубѣ:
Преисполню я смятеньемъ
Сердце храброе въ тебѣ.
Прочитавъ вчера посланье
Отъ тебя, старикъ, какъ левъ,
Рванулся въ негодованьи,
Гнѣвомъ грознымъ заалѣвъ.
«Что? Я трусъ?»—кричалъ—«я, старый

Ветеранъ саксонскихъ дней?
Мнѣ велятъ ползти, какъ змѣй,
Черезъ ямы, черезъ яры?
Рваться прямо подъ удары
Мужиковъ; чтобы они,
Въ черномъ бѣшенствѣ рѣзни,
Наши головы сажали
На шесты и ихъ потомъ
Нашимъ женамъ показали?!»
Такъ кричалъ онъ; и о тайныхъ
Знаменіяхъ чрезвычайныхъ
Мнѣ разсказывалъ,—о томъ,
Какъ Христосъ къ нему стучался
Трижды въ дверь; объятый сномъ,
Двухъ онъ стуковъ не разслышалъ;
Но когда молиться вышелъ
Въ образную,—то раздался
Третій стукъ,—и этотъ третій
Всѣхъ встревожилъ: челядь, дѣти
И жена—признали зовъ
Господа—призывъ Христовъ.
Тишина пошла отъ стука.
«Это»—молвилъ—«мнѣ наука,
Чтобъ спѣшилъ я подъ знамены:
Самъ Господь ко мнѣ приходитъ,
Въ поле рыцаря выводитъ,
Какъ во дни бывало оны.
Мнѣ пора, пора, пора».
Я изъ устъ его вчера
Это слышалъ. Попеченью
Моему онъ ввѣрилъ дочь,
Здѣсь живущую, подъ сѣнью
Дома твоего,—и въ ночь,
Приготовившись къ походу,
Темнымъ яромъ шли мы къ броду
Ирдынецкому. И вотъ—
Утромъ... (говорить мнѣ горько!)
Утромъ рано, только зорька
Засіяла въ небесахъ,—
Онъ опять меня зоветъ,
Говоритъ опять о снахъ,
О вѣщаньяхъ Вернигоры
О хоругвяхъ... А въ кустахъ

Точно листьевъ разговоры,
Слышался какой-то ропотъ,—
Точно вѣтокъ тихій шопотъ
Старцу несъ успокоенье
И сулилъ ему забвенье.

Вотъ и солнце позолоту
Бросило на ширь полей
И вело насъ на работу,
На страду лихихъ мечей,
О которой намъ упорно
Каркалъ вороновъ хоръ черный.
Шли мы—тѣсный сонмъ друзей,—
Двигая за ротой роту.
Старецъ свелъ насъ въ темный яръ;
Было глухо; солнца жаръ
Не сходилъ туда; какъ въ храмѣ,
Было темно въ этой ямѣ,
Гдѣ мы шли вослѣдъ вождя,
Мысли мрачныя жуя.
Только искры отъ копытъ,
Только блески карабиновъ
Озаряли мрачный видъ
Яркой алочью рубиновъ;
Точно фуріи у скалъ
Съ огненными простынями
Ждали насъ, и насъ хваталъ
Пламень жадными руками.

Утромъ, къ девяти часамъ,
Мы подъѣхали къ сердцамъ
Водъ стоячихъ; было вязко,
По колѣни лошадямъ;
Мы вошли, стянувъ подпруги,
И серебряные круги
Разошлися по водамъ,
Точно мѣсяцы, иль ласка,
Иль привѣтъ отчизнѣ—тамъ,
На прибрежьи...
Вдругъ, невѣдомо откуда,
Къ намъ навстрѣчу много люда
Грузинецкаго. Съ кустовъ,
Съ горъ, змѣиными тропами,

Скатывались къ намъ толпами,
Точно лики мертвецовъ...
Все, казалось, превращалось
Въ топоры, въ ножи; казалось,
Что на водахъ этихъ вялыхъ
Смерть—актриса разыграетъ
Рядъ своихъ трагедій алыхъ,
Трупы псовъ съ людьми смѣшаетъ.
И Грущинскій обозрѣлъ
Долъ съ украинскою силой,
Затрубилъ и всѣмъ велѣлъ
Повторить сигналъ унылый.
Я не вѣдаю, кого
Звать хотѣлъ онъ; взрывомъ смѣха:
Отвѣчало только эхо
Тщетно мужество его,
Гдѣ враговъ кругомъ такъ много!
Думаю, что звалъ онъ Бога,
Что Его увѣдомлялъ
Объ опасности; взывалъ
Къ ангеламъ, какъ сумасшедшій;
Въ небѣ былъ, и лишь сошедши
Къ намъ, пустился на враговъ.
И сверкая сѣдинами,
Онъ грозой летѣлъ предъ нами,
И достигъ ужъ береговъ;
И враговъ рубить ужъ сталъ
Такъ, что воздухъ задрожалъ.
Вдругъ—лицо ему покрыла
Блѣдность страшная, и вдругъ
На устахъ прервался звукъ,
Знамя выпало изъ рукъ,
Мечъ повисъ,—и блѣдность страха,
Чуждая ланитамъ ляха,
Блѣдность вора—обѣлила
Щеки старца,—и была
Столь ужасной та свинцовость,
Та зеленая суровость,
Что насъ въ трепетъ привела.
Этотъ ликъ, бѣлѣй кометы,
Въ серебристыхъ сѣдинахъ,
Угли и мечи въ глазахъ,
Руки къ Господу воздѣты,—
Вижу все еще...

Прошу
Васъ минуточку терпѣнья.
Старца мечъ вамъ приношу,
И словами вамъ привить
Долженъ нынѣ жажду мщенья.
Горе этого отца
Въ сердцѣ, въ длани, до конца
Вы обязаны хранить.
Пусть же этотъ мечъ желѣзный
Руку мстящую найдетъ
И вселенную алой рѣкой ужаснетъ!

Командиръ. Ты повѣсилъ насъ надъ бездной.
Полной призраковъ и страха.

Пафнутій. Я сказалъ вамъ, что, съ размаха
Налетѣвъ, остановился
Старецъ вдругъ и поблѣднѣлъ,
Точно вдругъ окаменѣлъ,
Точно въ Господа воззрился,
Въ солнце, въ глубину небесъ.
На него жъ—враговъ шелъ лѣсъ,
Полный тайнъ, листвы лишенный,
Сверху солнцемъ освѣщенный;
А средь лѣса (горе! горе!
Слушайте и Вернигорѣ
Вѣрьте, вѣрьте!)—на шестахъ
Двѣ головки,—блѣдны—страхъ!
Двигались онѣ, какъ свѣчи,
Какъ двѣ мертвыя луны,
Иль какъ лиліи весны
Надъ могилою убійцы...
Точно радовались обѣ
Высотѣ, полету, встрѣчѣ
И воздушности гробницы...
Двѣ головки шли къ отцу
Умолять его о гробѣ,
О мольбѣ заупокойной...
Головы дѣтей своихъ
Увидавши, принялъ ихъ
Онъ за ангеловъ сначала;
Послѣ—принялъ за святыхъ;
А потомъ все ясно стало

Изступленному бойцу.
Онъ не справился съ собою:
Дыбомъ бѣлый волосъ всталъ;
Въ помѣшательство онъ впалъ;
Указавъ на нихъ рукою
Онъ въ отчаяньи любви
Крикнулъ: «мальчики мои!»
И умолкъ. Уста—грозою
Слезъ жемчужныхъ были сжаты.
Кто-то крикнулъ: «Послѣ станемъ
Думать про свои пенаты
И оплакивать дѣтей,
А теперь, въ кольцѣ огней,
На враговъ смѣлѣе грянемъ!»

Тутъ всѣ старые гусары
Думали, что воинъ старый
Дѣло мщенья имъ поручитъ.
Но старикъ, во гнѣвѣ ярый,
Молвилъ: «Кто меня здѣсь учитъ?!
Дѣло самъ я поведу.
Вотъ я здѣсь свой мечъ кладу.
Здѣсь стоять! а я поѣду
По рябинѣ кровавыхъ слѣду
За останками дѣтей;
Жажду изъ дому вѣстей.
И хотя бъ пришлось мнѣ ноги
Мужиковъ лизать моихъ,—
Все жъ я выпрошу у нихъ
Тѣ головки, чтобы въ Богѣ
Успокоить души ихъ.
Вѣдь же это—поруганье
Дѣтскихъ тѣлъ, святынь терзанье,
Образъ Божій оскверненный,
Алой кровью обагренный,
Выставленный напоказъ
Ужасъ и кошмаръ для глазъ,
Хищныхъ вороновъ приманка!»
Такъ сказалъ и, скорби полный,
Поскакалъ. Его мгновенно
Окружили черни волны.
Видно было, что смиренно
О растерзанныхъ останкахъ

Онъ молилъ, понизилъ тонъ,
Кланяясь все ниже, ниже...
Видно было, что сломленъ
Господа десницей онъ.

Я тогда подъѣхалъ ближе;
Слышу, что ему грозятъ
Тѣлъ дальнѣйшимъ осквернѣньемъ,
О убійствахъ говорятъ
И о вырѣзанномъ домѣ,
О огнѣ и о разгромѣ,
И о крови, и о томъ,
Что жена его щенкомъ
Разрѣшилась...

И тогда
Безоружною рукою
Онъ взмахнулъ, и отъ стыда
Весь зардѣлся... (Стыдъ дѣвичій
Свойственъ старости порою
Съ краской алою въ обличьи,
Если вскрытъ тайникъ священный).
Закричалъ онъ изступленный:
«Сволочь! Вырѣжу васъ, гады!
Твари! Будете не рады
Мести красному огню!
Вашей кровью зачерню
Твердь небесную!... Гусары!
Гдѣ мой мечъ?»... Онъ обернулся,
Поблѣднѣлъ и пошатнулся,—
То слюнявясь, то слезясь;
Видно, въ немъ разсудокъ гасъ.

Въ это время сотникъ старый
Молвилъ: «Гей ты, кумъ и ляхъ!
Почему твои гусары
Все купаются въ волнахъ?
Прикажи, пускай взберутся
На берегъ и намъ сдадутся!»
Слыша то, старикъ вонзилъ
Очи тигра въ чернь и, ими
Засверкавъ, всѣхъ ослѣпилъ
Точно солнцами большими,

Полными огня и крови.
И сказалъ онъ въ гнѣвѣ яромъ:
«Такъ меня къ моимъ гусарамъ
На веревкѣ вы ведите,
И командовать строями
Буду я подъ топорами!»

Тутъ его, поднявъ на пики,
Понесли,—и къ намъ онъ шелъ,
Столь высокій и великій,
И сіялъ на этомъ ликѣ
Мученика ореолъ.
Видно было, что не проситъ
Блѣдный старецъ ничего,
Что остатокъ своего
Живота, дѣтей, свою
Вырѣзанную семью,—
Въ жертву Господу приноситъ
И пріемлетъ наконецъ
Мученическій вѣнецъ.

И на ткани этихъ пикъ,
Какъ на платьѣ Магдалины,
Это солнце, этотъ ликъ,
Столь спокойный въ часъ кончины,
Багровѣющій отъ терній
Мукъ сердечныхъ,—предо мной
Все стоитъ, какъ бы живой.
Знакъ подавъ галдящей черни,
Сталъ молиться онъ,—и вдругъ
Въ этомъ сердцѣ, въ этомъ гробѣ
Всей семьи—родился звукъ,
Грозный, мужественный звукъ,
Трубъ архангельскихъ подобье
Въ Іосафатовой долинѣ,—
И прославится отнынѣ
Этотъ кличъ, команда та:
«За отчизну, господа!...
Я—мертвецъ!» Такъ старецъ грянулъ
Намъ архангельской трубой,
Кровью залился и канулъ
Въ битву... и кошмарный бой
Начался, и мы толпой
Фурій мстительныхъ летѣли,
Ослѣпленные, въ слезахъ.

Командиръ. Меньшимъ воздвигаютъ изваянья
У народовъ; а у насъ въ вѣкахъ
Сохранится скромное преданье:
«Вотъ каковъ былъ рыцарь и отецъ!»
А гусары?

Пафнутій. Гибли подъ ножами
И спастись немногіе сумѣли,
Да и тѣ того стыдятся сами.

Командиръ. Вижу я изъ словъ твоихъ, боецъ,
Что и самъ ты сдѣлалъ очень много.

Пафнутій. Будетъ видно, я ль работникъ Бога.

Командиръ. Кто же ты?

Пафнутій. Чудакъ я, нелюдимъ,
Безъ друзей...

Командиръ. Неправда! Другъ твой—я.
Вотъ рука, а съ ней—и жизнь моя!

Пафнутій. Дочь Грущинскаго отдать прошу я.
Опекунъ я этой сироты.

Командиръ. Гдѣ Салынка?

Княжна. Ахъ, гроза, бушуя,
Съ дубомъ ломитъ розъ лѣсныхъ кусты!

Командиръ. Я страшусь внимать словамъ твоимъ!

Княжна. Опекунъ любезный мой!
Нѣтъ Салюни молодой.
Скрылась нынче безъ слѣда!
Можетъ быть, отецъ кровавый
Рукавомъ своимъ широкимъ
Захватилъ ее туда
Къ озерамъ сереброокимъ,
Гдѣ звучатъ напѣвы славы.
Или, можетъ быть, она,
Какъ листокъ—порывомъ бури,

Духами унесена
Отъ земли въ края лазури.
Осенью листочекъ клена
Въ небѣ ласточкою рѣетъ;
Ясеня листокъ свѣтлѣетъ
Звѣздочкой средь небосклона,
Сирою и золотою.
И, какъ искра къ искрѣ льнетъ,
Какъ за звукомъ звукъ плыветъ,
Полетѣла и она
За покойною семьею.

Командиръ. Стрекотунья! Будь умна!
Говори мнѣ безъ загадокъ!
По причинамъ, важнымъ очень,
Этой панной озабоченъ
Я весьма и дорожу
Ею.

Княжна. *(Въ сторону).* Что же я скажу,
Бѣдная? Своихъ догадокъ
Не открою.

Командиръ. Поскорѣй!
Не тревожь!

Княжна. Она мнѣ снилась
Похищенной Деянирой;
Снилось, что стоялъ при ней
Дѣдъ съ серебряною лирой;
И къ нему она склонилась,
Какъ березка; снилась кроткой
Звѣздочкой...

Командиръ. Не въ снахъ тутъ дѣло!

Княжна. Больше ничего не знаю,
Кромѣ сплетенъ.

Командиръ. Говори жъ!

Княжна. Развѣ я тебѣ трещотка?

Командиръ. Панна, панна, ты дерзишь!
Дѣло важное приспѣло:
Честь дѣвицы тутъ задѣта,
Честь гнѣзда ея всего,
Честь и дома моего,
Дома, гдѣ случилось это...

Княжна. Панъ, и ты меня надменно
Спрашиваешь!

Командиръ. Дѣло стоитъ
Этого!

Княжна *(гнѣвно)* Твоя дѣвица
Львомъ растерзана.—Вотъ все!
(Уходитъ).

Командиръ. Правда?..

Сава *(въ сторону)*. Онъ заскрежеталъ!

Командиръ. Гм!... Ужели я не зналъ,
Что мой Левъ... Нѣтъ, невозможно!
(Входитъ украинскій мужикъ).

Мужикъ. Къ вамъ паничъ письмо прислалъ.

Командиръ. Онъ здоровъ? Съ письмомъ невскрытымъ
Жду отвѣта. Хлопъ, сюда!
Говори: здоровъ онъ?

Мужикъ. Да,
Панъ.

Командиръ. Что значитъ это «да»?
Грозный взоръ въ тебя вперяю:
Отвѣчай!

Мужикъ. Паничъ... онъ раненъ.

Командиръ. Гдѣ же онъ?

Мужикъ. Паничъ въ курганѣ.

Командиръ. Пьянъ ты?

Мужикъ. Заживо паничъ
Похороненъ.

(Командиръ поднимаетъ руку для удара).

Бейте жъ, пане!
За собой вины не знаю.
Хлопы мучатъ панича.

Командиръ. Уберите съ глазъ моихъ долой
Хлопа этого; меня тревожитъ
Черное лицо его. На бой!
Сына моего спасай, кто можетъ!

(Уходитъ).

Слава. Вотъ,что нужно шляхтичу, чтобъ онъ
Вынуть мечъ рѣшился изъ ноженъ!

(Уходитъ).

Пафнутій *(одинъ)*. Ахъ, Украйны не будетъ ужъ болѣ, —
Эти люди мечами ее разнесутъ!
Ахъ не станетъ росою обрызганныхъ розочекъ
въ полѣ,—
Эти люди любовницамъ ихъ раздадутъ!
И рыдать надъ могилами думы устанутъ,
Польскихъ рыцарей пѣсни здѣсь грянутъ!
Ахъ, Украйнѣ погибнуть придется,—
На курганахъ шляхетское знамя взовьется!

(Уходитъ).

Перемѣна I.

У халупы попа. Ночь, озаренная пожаромъ.
Входитъ *Семенко съ мужиками*.

Семенко. Гей! Гробница печали—
Міръ подъ краснымъ пожаромъ,
А сердца наши въ страхѣ,—
Души преданы чарамъ.
При свѣтильникѣ заревъ
Гонта намъ показался;
Заболталъ языкомъ онъ
И на Кодню помчался.
Надо, сотники, снова
Къ топорамъ обратиться

И отъ чаръ этихъ кровью—
Жаркой кровью отмыться.
Господа, надѣваю
Завтра цапли перо я,
А попы намъ навстрѣчу
Поспѣшатъ съ просфорою.
Пусть накормятъ насъ на смерть
Кровью чистой Христовой;
Топоры средь пожарищъ
Засверкаютъ багрово,—
И людьми, отцы, станемъ!

Мужикъ. А що буде съ тою шляхтой?

Семенко. Різать! Буде же имъ страхъ-то!
Скоро въ черныя кладбища
Превратимъ пановъ жилища!
Пусть почувствуютъ тревогу
И широкую дорогу
На сто миль откроютъ намъ,—
Красный шляхъ,—и шляхомъ этимъ
Мы пойдемъ и городъ встрѣтимъ;
Грозно грянетъ городъ—камень
Громомъ всѣхъ колоколовъ,
И распуститъ волосъ—пламень,
Взвоетъ воплями жидовъ.
Кровь мы пустимъ по домамъ,—
И все тихо станетъ тамъ,—
Городъ стихнетъ, какъ могила...
Страхъ, паны,—вся наша сила!
Если бъ чортовы намъ лица,
Крылья огненныя намъ,
Голоса—изъ адскихъ ямъ,
Цвѣта крови—рукавицы,
Если бъ грудь изъ чугуна,
Мысль—какъ молнія, красна,—
Міръ бы нашъ былъ.—Ну, ступайте,
Сотники, и забавляйте,
Какъ умѣете, свой нравъ.
Нынче, полыку въ жены взявъ,
Я хотѣлъ бы ночку съ ней
Провести какъ соловей,
Вамъ же—будетъ погулянка!

Мужики удаляются. Семенко стучится въ хату, и выходятъ *двѣ поповны* въ зеленыхъ платьяхъ, въ золотыхъ кокошникахъ.

Семенко. Сестры, что жъ моя шляхтянка?

Поповна. И на лавку не садится,
И не скажетъ слова съ нами.

Семенко. Что жъ? Рубинами—не съ вами
Ей бесѣдовать. Устами
Можетъ лишь она свѣтиться.
И горѣть, и сердце пить,—
Не стонать, не говорить.
Потому что—чуть застонетъ,—
Ты погибъ; а просьбой тронетъ
Такъ, что въ пламя ты прыгнешь.
Можетъ быть, она глазами
Васъ о чемъ-нибудь просила?

Поповна. И не смотритъ,—не поймешь.

Семенко. Какъ же взорами—огнями
Ей смотрѣть на васъ? Она бы
Ими васъ испепелила.
Иногда поднимешь слабый
Взглядъ на очи—изумруды,—
А блеснутъ... Она нарочно
Съ вами такъ скупа покуда
На слова, на взгляды,—точно
По поверхности ступаетъ
Вашихъ взглядовъ—и летаетъ
По поверхности рѣчей.
Скоро станетъ наша хата
Зачарованная—ей,
Какъ сребристая палата
Изъ павлиныхъ перьевъ, злата.
Можетъ быть, ее терзаетъ
Безпокойство?

Поповна. Все вздыхаетъ.

Семенко. Ахъ, вздыхая постоянно,
Можетъ высохнуть она,
Какъ цвѣтокъ благоуханный
Высыхаетъ отъ своихъ
Благовоній и теряетъ

Съ лепестками краски ихъ.
Вздохи могутъ сердца выпить
Глубь пѣвучую до дна;
Можетъ всѣ словечки выпѣть,
Сердце простудить она.
Дайте жъ на нее взглянуть!
Поскорѣй! А то вздохнуть
Можетъ такъ она глубоко,
Такъ тревожно, что умретъ.

Поповны выводятъ Саломею изъ хаты.

Саломея. Ахъ, какъ страшно! Зарево идетъ!
Панъ Семенко, ты ли тутъ?
Ахъ, безъ мужа одиноко
Грустные часы плывутъ.
Часто стрѣлку часовую
Ручкой двигаю; тоскую;
Солнце сердцемъ тороплю;
Но хоть мѣсяцъ всталъ надъ боромъ,
И собаки взвыли хоромъ,
Знахари бормочутъ сонно,—
Все одна я, все не сплю,—
Безъ супруга, позабыта
Въ хлопской хатѣ, въ день вѣнчанья...
Откровенно мнѣ скажи ты:
Мужъ когда меня возьметъ
Отъ поповенъ этихъ?

Семенко. Панна,
Я не знаю.

Саломея. Можетъ быть,
Ты одной изъ нихъ дружокъ?

Семенко. Братъ.

Саломея. Тогда я поклянусь,
Что онѣ тебѣ не любы.

Семенко. Гей!.. А отчего жъ, паненка?

Саломея. Ахъ, вѣдь обѣ кислы, грубы,
Непріятны. Я боюсь

Даже ихъ прикосновенья.
Я скажу тебѣ: гдѣ попъ,
Тамъ мерещится и гробъ.
Но не думай, мой Семенко,
Что горда я, что смѣюсь
Я надъ вашей простотою
Или брезгаю. Порою
Съ наслажденьемъ я внимала
Звонкимъ пѣснямъ вечерницы;
Погасивъ свѣчу въ свѣтлицѣ,
Я съ сердечною тоскою
Вслушивалась въ ваше пѣнье,
Въ звуки пляски, и впивала
Благовонія лѣсныя.
Плыли голоса живые,
Сребролунны—отъ печали,
Отъ веселья—заунывны,
А отъ криковъ—такъ надрывны,
А отъ эха—такъ протяжны,
Иногда—прозрачнѣй слезъ!
А туманы проплывали
Предо мной, раскрывая
Строй серебряныхъ березъ,
И гирлянда духовъ, тая,
Вдаль летѣла.—Я съ кургана
Въ шубку кутаясь, смотрѣла
На вашъ праздникъ Іордана;
На серебряномъ рѣчномъ
Льду—кадиломъ попъ махаетъ
И въ народъ тройнымъ огнемъ,
Низко кланяясь, бросаетъ:
То погаситъ свѣтъ багряный,
То зажжетъ его въ водѣ...
И несутъ тотъ свѣтъ вездѣ
Межъ народъ и межъ тюльпаны
Изъ хоругвей, гдѣ святыхъ
На кружочкахъ золотыхъ
Нарисованные лики...
И попы, попы...

Семенко. Какъ черти!..

Саломея. Нѣтъ, Семенко. Въ каждой вѣрѣ—
Къ Богу путь и въ небо двери.

Папочка звалъ міръ видѣньемъ,
Опекунъ же—«страхомъ смерти».
Такъ, у батюшки, бывало,
Серебристымъ Рождествомъ,
Предъ опушеннымъ окномъ
Я колядки распѣвала,—
Какъ Господнее сіянье
Озарило пастушковъ;
Пламень, полный трепетанья,
Ярче золота, рубиновъ,
Надъ смиренными раскинувъ
Лучезарный свой покровъ,
Столько радостной тревоги
Въ нихъ вдохнулъ, что всѣ пустились
Въ путь бѣгомъ и по дорогѣ
Спрашивали о Дитяти,
Несшемъ радость благодати,
И—у яслей очутились...
А когда пропѣлъ отецъ,
Что они узрѣли наконецъ,
Какъ нашли у Матери Ребенка—
Господа,—я, малая дѣвченка,
Трепетала вся въ восторгѣ слезъ
И кричала: Родился Христосъ!»
И кричала, хлопая въ ладони:
«Въ ясляхъ родился Спаситель-Богъ»!
А теперь—о Боже! что со мною?

Семенко. Пѣтухи поютъ передъ зарею...
Слезы душатъ... Тяжко... Слушай, панна!

Саломея. Я была, какъ золотой цвѣтокъ;
Лепестки разсыпались нежданно;
Что-то будетъ? Въ одинокомъ лонѣ
Вспоминаній лебеди поютъ...

Входитъ *Леонъ* съ мертвою костью въ рукѣ, преслѣдуемый нѣсколькими мужиками.

Это что? Супругъ мой тутъ?
Въ грязномъ жупанѣ, безъ сабли, въ грязи!

Семенко. Вырвался онъ у чертей?... Разрази...

Леонъ. Мерзавецъ! Мужикъ! Подлый песъ!
Въ лѣсу на меня ты напалъ,
Мои изрубилъ эскадроны,

Въ телѣгѣ кроваваго везъ,
Гдѣ шляхтичъ стоналъ обагренный
И, кровью меня обливая,
Какъ трупъ, подо мною зѣвалъ.
Я плѣнникъ и рваться не стану; въ глаза я
Тебя назову подлецомъ!
Ты кровью моей свою вымылъ ливрею!
Тотъ шляхтичъ... зальетъ тебя кровью своею,
Когда передъ Божьимъ ты станешь судомъ!
Вы—воры! Убійцы! Смотри: я свободенъ,
И этою мертвою костью—Господень
Зажжетъ ее гнѣвъ!—я васъ всѣхъ проучу
И каждому лобъ разсѣку палачу!

Семенко. Ляшокъ на кровь разлакомился. Гей!
Прошу покорно милости твоей
Дать насладиться ночкою медовой
Мнѣ съ женкой молодой моей!

Леонъ. Я—съ этой мертвой костью, съ саблей—ты;
Вдали пожаръ намъ свѣтитъ пурпуровый;
Здѣсь биться станемъ мы въ огнѣ вражды,
Пока не сгинемъ въ молніи багровой!

Семенко *(къ мужикамъ)* Гей, парубки!

Мужики хватаютъ Леона за руки.

Леонъ. Волосы встанутъ мои,
Всѣ зашипятъ они шипомъ змѣи,
Всѣ—точно гады—они засвистятъ!
И—точно молніи—всѣ заблестятъ!
Скованы члены мои
Сволочи черной руками,
Но поражу я тебя — волосами!
Волосъ омолнится мой,
Воздухомъ онъ до тебя долетитъ,
Въ уголь сожжетъ и тебя озаритъ,
Взглядами встрѣтимся тутъ мы съ тобой,
Точно два трупа, предъ встрѣчею—тамъ!
Жизни не надо мнѣ—Богъ видитъ Самъ!
Смерти я, смерти твоей лишь хочу!
За волоса я тебя затащу
Въ кровь и въ могильную грязь,—и зубами

Въ горло вопьюсь тебѣ, чтобы на насъ
Плоть, какъ одежда, въ куски порвалась.
Члены же наши скакали змѣями!
За королевское злато—сребро;
Просто убить тебя—было бъ негоже;
Нѣтъ! Я повѣшу тебя за ребро,—
Такъ, какъ съ помѣщикомъ ты поступилъ.
Ротъ его въ страшное *О* превратилъ,
Давъ ему крылья изъ собственной кожи!
Ангеломъ страшнымъ ты сдѣлалъ его,
Чтобъ ужаснулось Само Божество!
Прежде, чѣмъ духи тебя, супостатъ,
Въ облакъ кровавый иль въ пса претворятъ.
Ребра тебѣ продырявлю я тоже
И заплатаю ихъ—тоже свинцомъ;
Если жъ предстану предъ Божьимъ Судомъ,—
Ты не за это казнишь меня, Боже!

Семенко. Благодѣтель мой! Не ты ли
Далъ мнѣ женку, далъ усадьбу?
Эта женка пахнетъ раемъ!
Съ чѣмъ пришелъ ты? Съ короваемъ?
Ты пришелъ къ слугѣ на свадьбу?
Свадьбу, гдѣ виномъ багрянымъ—
Кровь людская, а приданымъ—
Царство цѣлое могилъ;
А напѣвомъ нашимъ брачнымъ—
Ваша страшная латынь,
Завывающая тамъ,
На могилахъ, по ночамъ,
Средь мертвѣющихъ пустынь.
Страшнан укоромъ мрачнымъ
Нашимъ глупымъ мужикайъ!
Если бъ львомъ ты вправду былъ,
Ты бъ дрался съ панами вмѣстѣ,
Лѣсъ бы кровью оросилъ,
Не серчалъ у топора,
А въ такомъ бы, какъ сегодня,
Настроеньи,—былъ вчера!
Будь ты человѣкомъ чести,
Ты бы милую цѣнилъ
И слуги бъ съ ней не сосваталъ;
Поступалъ бы благороднѣй!

Саломея. Левъ! Скажи ему, что лжетъ!

Семенко. Я—твой мужъ!

Саломея. Леонъ мой милый!
Ты глаза куда же спряталъ?
Подними глаза, въ нихъ—сила!

Леонъ. Если можешь ты повѣрить,
Что драконы есть на свѣтѣ,
Для которыхъ служатъ пищей
Ихъ же собственныя дѣти;
Если ты способна вѣрить
Въ змѣй, родителей ѣдящихъ,
Иль въ вампировъ, на кладбищѣ
Крови жаждою горящихъ—
Крови родичей своихъ,—
Если можешь вѣрить въ нихъ,—
Вѣрь въ меня: я хуже нихъ!

Саломея. Раны растравилъ мои!
Ахъ, я утону въ крови!

Семенко. Вы ее возьмите, сестры!
А тебя, паничъ, топорикъ острый
Иль коса, быть можетъ, ждетъ,—
Иль любовь ея тебя спасетъ.

Поповны вносятъ въ хату Саломею. Семенко идетъ за Леономъ, котораго черезъ погостъ ведутъ мужики.

(Окончаніе слѣдуетъ.

Критика и библіографія.

Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. (XXI томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ 1913—1914).

Тридцатилѣтіе учено-педагогической дѣятельности широко популярнаго у насъ въ Россіи харьковскаго профессора В. П. Бузескула, подавшее поводъ Историко-Филологическому Обществу при Харьковскомъ университетѣ предпринять изданіе этого юбилейнаго сборника, исполнилось еще 4 декабря 1911 года. Но, какъ нерѣдко случается это у насъ, привзошли «къ сожалѣнію, внѣшнія обстоятельства, далеко не благопріятныя для задуманнаго предпріятія», и юбиляръ получилъ этотъ почетный подарокъ чуть не черезъ три года послѣ своего праздника.

Юбилейные сборники играютъ у насъ въ Россіи своеобразную роль: за отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ по исторіи и филологіи (исключая загроможденнаго матеріаломъ и мало доступнаго Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія) они спорадически замѣняютъ таковые, являясь чуть ли не единственнымъ прибѣжищемъ для спеціальныхъ ученыхъ работъ. Здѣсь молодые начинающіе ученые выступаютъ съ своими первыми опытами, а заслуженные мастера дѣла дѣлятся своими иногда весьма цѣнными этюдами и экскурсами Но на ряду съ этимъ «сборникъ въ честь»— въ извѣстной мѣрѣ все-таки принятая въ ученомъ мірѣ форма поздравленія и привѣтствія уважаемаго коллеги или учителя. И выступленіе въ немъ для части, по крайней мѣрѣ, участниковъ, оказывается лишь актомъ соблюденія приличія. Въ сборникъ поэтому можетъ попасть и почему либо залежавшаяся вещь, и случайный поздравительный пустякъ. Разбираемый сборникъ—огромный по размѣрамъ: въ немъ помѣщено 47 статей, занявшихъ чуть не тысячу страницъ большого формата. Здѣсь и историки русскіе и всеобщіе, и словесники, и филологи, и археологи. Здѣсь представители всѣхъ почти нашихъ университетскихъ центровъ: Петербурга, Москвы, Харькова, Одессы, Кіева, Казани. Здѣсь

и признанные dii majores, начиная съ покойнаго Ѳ. Е. Корша, какъ Э. ф.-Штернъ, В. В. Латышевъ, Н. И. Карѣевъ, Г. Э. Зенгеръ, сложившіеся крупные ученые, какъ М. П. Ростовцевъ, С. А. Жебелевъ, Н. И. Новосадскій, А. А. Васильевъ, Б. А. Тураевъ и др., dii minores и совсѣмъ неслыханные дебютанты, какъ В. М. Панина, К. Э. Гриневичъ, Е. П. Байбаковъ, А. Я. Краковъ, А. А. Захаровъ. Дать сколько-нибудь вразумительную оцѣнку всѣхъ 17 статей сборника, конечно, нѣтъ возможности въ краткой журнальной рецензіи. Позволю себѣ уклониться отъ суда надъ статьями по исторіи искусства на такія темы: «Къ исторіи типа хвастливаго воина» Б. В. Варнеке, «Апулійская ваза» Н. П. Щербакова, «Воинъ, защищающій павшаго товарища» В. К. Мальмберга, «Аканоовая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ» Б. В. Фармаковскаго. Мимоходомъ, какъ не спеціалистъ, замѣчу, что изъ восьми статей по исторіи литературы одинъ представляются по меньшей мѣрѣ странными, какъ попытка г. Ирмера извлечь изъ пыли архива Харьковскаго университета и «рекомендовать потомству» нѣкоего Іоганна Августа Метлеркампа, какъ лирика. Этого лектора нѣмецкаго языка при Харьк. университетѣ, умершаго въ 1863 г.— г. Ирмеръ «смѣло рѣшается поставить на ряду со многими выдающимися лириками Германіи». «Онъ обладаетъ сладкими проникающими въ сердце мелодіями, онѣ скользятъ, какъ мимолетное дуновеніе, и, несмотря на свою неуловимость, производятъ чарующее впечатлѣніе. Кажется, будто душа поэта грезитъ...» и т. д.—все въ такомъ же примитивно-безпомощномъ тонѣ. Конечно, лекторъ Метлеркампъ спокойно могъ остаться непотревоженнымъ, но ужъ если слѣдовало покушаться тревожить и передавать потомству, то не съ такими негодными средствами. Странной кажется и попытка А. Кодлубовскаго доказать, что въ основѣ галицко-русскаго сказанія о крестникѣ лежитъ легенда Льва Толстого «Крестникъ», при чемъ моральныя разсужденія Толстого въ духѣ непротивленія злу естественно подверглись ограниченію. Вѣдь чтобы доказать такое заимствованіе, необходимо, кромѣ внѣшняго сходства произведеній, установить хронологическую послѣдовательность и неизбѣжность, очевидность знакомства заимствующаго съ заимствуемымъ. Безъ этого построеніе остается неубѣдительнымъ, а въ данномъ случаѣ и весьма подозрительнымъ. Статьи Н. Ф. Сумцова: «Слово о бездождіи», Н. Н. Дурново «Легенда объ Авдакеѣ» и А. А. Мазона. «Страничка изъ ист. цензуры»—любезные пустячки, просто своего рода визитныя карточки, занесенныя учеными поздравителями ученому виновнику торжества. Изъ статей по исторіи литературы выгодно выдѣляются лишь свѣжо и ярко написанное «Міросозерцаніе гр. А. Толстого»

Н. Н. Кнорринга, гдѣ послѣдній рисуетъ Толстого типичнымъ обывателемъ 70-хъ гг., просвѣщеннымъ, кристалльно-честнымъ, либеральнымъ, но наивнымъ и добродушнымъ въ своемъ либерализмѣ, да «Облоко-Вѣстникъ» П. Г. Риттера, гдѣ читатель знакомится съ замѣчательнымъ творчествомъ индійскаго поэта IV—V в. по Р. Х. Калидасы, автора заинтересовавшей насъ въ прошломъ году драмы «Сакунтала».

Статей по исторіи въ Сборникѣ особенно много. Большинство изъ нихъ таково, что «о нихъ не знаешь, что сказать»— до того онѣ безразличны во всѣхъ отношеніяхъ. С. П. Сингалевичъ на основаніи папирнаго матеріала, собраннаго въ послѣдніе годы, констатируетъ, что въ III в. по Р. Х. въ г. Оксиринхѣ организуется для вѣдѣнія городскими дѣлами—булэ́ вмѣсто прежней коллегіи архонтовъ, что въ члены совѣта избирались лица съ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, но что неизвѣстно, зависѣлъ ли совѣтъ отъ стратега и епистратега. Ю. Кулаковскій старается показать, что правъ былъ покойный проф. Болотовъ, считая датой возвращенія Креста Господня въ Іерусалимъ изъ персидскаго плѣна при имп. Геракліи—мартъ 630-го, а не 629 года, какъ думалъ Перпиче, словно отъ этой доточности хронологіи можетъ быть тепло или холодно даже спеціалисту. В. Савва съ серьезностью, достойной лучшаго примѣненія, разсказываетъ на основаніи архивныхъ данныхъ, что какой то «паробокъ Обрюта Михайловъ сынъ съ января 1551 г. изучалъ въ Москвѣ греч. языкъ, потомъ тѣмъ же занимался Грязнуша Ушаковъ, что кто-то учился датскому языку и что вообще въ XVI в. было нѣсколько случаевъ изученія иностранныхъ языковъ русскими людьми. Къ этой категоріи поздравительныхъ «рукоприкладствъ» слѣдуетъ отнести и статьи обоихъ представителей московской исторической науки въ сборникѣ: И. Н. Бороздина и Д. Н. Егорова. Первый даетъ чрезвычайно бѣглый, поверхностно-случайный и притомъ небезпристрастный (напр., презрительный и несправедливый кивокъ въ сторону такого крупнаго историка, какъ Р. Ю. Виппперъ, поставленнаго рядомъ съ Амфитеатровымъ!) очеркъ современныхъ направленій въ изученіи древней исторіи. Второй «по поводу новаго типа семинарскаго пособія» очень пространно сообщаетъ о томъ, что на семинаріи, который онъ велъ въ 1911/12 году на Московскихъ В. Ж. К., онъ предложилъ въ качествѣ пособія изданіе изучавшагося Ланскаго Анонима проф. Cartellieri, долженствовавшее явиться суррогатомъ рукописнаго оригинала. Послѣ такого рода выступленій—съ истиннымъ удовольствіемъ читаются дѣльныя и безпретенціозныя статьи В. С. Рожицына, «Развитіе въ греческой политической литературѣ ученія о формахъ госуд.

устройства», въ которой новы и интересны его соображенія о политической литературѣ конца V в., а особенно о Полибіи; Е. П. Байбакова—«Происхожденіе эллинистическаго культа царей», весьма основательно и детально аргументирующая положеніе, что наканунѣ македонскаго владычества въ Греціи была подготовлена почва для проникновенія царскаго культа; но что самый фактъ обоготворенія Александра и діадоховъ является первымъ симптомомъ начинающейся оріентализаціи эллинскаго міра; большая, документально обоснованная работа Н. С. Гольдина, рисующая одинъ изъ значительныхъ моментовъ исторіи взаимныхъ отношеній монархіи и земства въ Пруссіи XVIII в., а именно мѣропріятія Фридриха I, передвинувшія прусское государство съ личной уніи на реальную и покончившія съ остатками областной самостоятельности и принципомъ договорныхъ отношеній между «землей» и «властью». Чувствуется рука крупнаго мастера въ статьѣ Н. И. Карѣева о возстаніи 13 вандемьера IV года, въ которой на основаніи изданныхъ Олларомъ полицейскихъ донесеній и опубликованныхъ самимъ авторомъ протоколовъ собраній парижскихъ секцій онъ убѣдительно показываетъ, что большинство участниковъ движенія, приведшаго къ возстанію 13-го вандемьера, вовсе не было настроено роялистически, внося этимъ существенную поправку въ старыя изображенія исторіи конца фрюктидора III года и начала вандемьера IV г. Нельзя не упомянуть и объ остроумномъ, но сдержанномъ этюдѣ С. Б. Жебелева по вопросу, когда и кѣмъ издана исторія Ѳукидида. Основная мысль та, что и біографія Ксенофонта, и хронологическія соображенія скорѣе подкрѣпляютъ, чѣмъ опровергаютъ указанія Лаертія Діогена, что издателемъ труда Ѳукидида былъ Ксенофонтъ. Слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ и рядъ другихъ статей, какъ напр., Е. Г. Кагарова—о «Псевдоксенофонтовой Аѳинской Политіи», гдѣ, по поводу новаго изданія этого замѣчательнаго памятника проф. Э. Калинки, обстоятельно пересматривается литература о немъ; проф. Нетушила,—объ отраженіи Катилинарной смуты въ традиціи о Тарквиніяхъ, М. М. Хвостова—«Общественныя работы въ эллинистическомъ Египтѣ»—и др. работы, дѣлающія громаду сборника интересной и полезной для историковъ, но, конечно, не для большой публики, для которой онъ и не предназначался. Сравнивая сборникъ съ другими аналогичными, появлявшимися въ послѣдніе годы, надо отдать ему предпочтеніе, пожалуй, передъ всѣми: такой роскошный ученый букетъ могло собрать лишь весьма популярное по всей Россіи имя В. П. Бузескула.

К. Успенскій.

Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по крестьянскому дѣлу: т. I, стр. 1—8+1—XVI+1—522, т. II, стр. 1+III+ +1—450 *и приложеніе*, стр. 1—IV+1—558; т. III. *Журналы и меморіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта по крест. дѣлу*: 1—398. Петроградъ. 1915 г.

Этимъ изданіемъ архива Госуд. Совѣта не только обогащается литература офиціальныхъ документовъ, относящихся до исторіи подготовки освобожденія крестьянъ при Александрѣ II-мъ, но имъ восполняются важнѣйшіе первоисточники по исторіи крестьянской реформы, отсутствіе которыхъ въ общедоступномъ видѣ живо сознавалось еще въ 1885 г., когда московское юридическое общество, задумавъ издать сборникъ матеріаловъ по исторіи крест. дѣла, возбуждало ходатайство объ использованіи для своего изданія нынѣ напечатанныхъ матеріаловъ, не получившее «по несвоевременности» тогда удовлетворенія. Правда, въ послѣднее время часть этихъ матеріаловъ,—Журналъ Главн. Комитета по разсмотрѣнію проектовъ Редакц. Комиссій и Журналы и меморіи общаго собр. Госуд. Сов. по проектамъ Главн. Комитета,—была широко использована гг. Евреиновымъ. перепечатавшимъ ихъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, въ своемъ «*Крестьянскомъ дѣлѣ по положенію 19 ф. 1861 г.*» (СПБ. 1913 г., т. II), и П. П. Семеновымъ-Тянъ-Шанскимъ, изложившимъ въ своихъ воспоминаніяхъ изъ «*эпохи освобожденія крестьянъ*» (СПБ. 1913 г., т. II, стр. 265—615) большею частью словами подлинниковъ сужденія, бывшія въ выше названныхъ учрежденіяхъ при разсмотрѣніи проектовъ законоположеній о крестьянахъ, но такого рода перепечатки и заимствованія, конечно, не могутъ замѣнить упомянутыхъ первоисточниковъ, появляющихся впервые in extenso.

Большая часть Журналовъ Секретн. и Главн. Комитетовъ. содержащихся въ I-мъ томѣ за время съ 3 янв. 1857 г. по 30 окт. 1860 г., относится къ распорядительнымъ дѣйствіямъ правительства, касавшимся организаціи разнаго рода центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, возникшихъ по поводу крестьянской реформы, круга и направленія ихъ дѣятельности, а также по разрѣшенію разныхъ вопросовъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ общему вопросу освобожденія крестьянъ. Но на ряду съ Журналами такого содержанія, здѣсь встрѣчаются и Журналы. по которымъ можно прослѣдить развитіе идеи освобожденія крестьянъ, постановку и видоизмѣненіе принципіальныхъ вопросовъ поземельнаго и административнаго устройства освобождаемыхъ крестьянъ, а также и отношеніе правительства къ домогательствамъ многихъ губерн. дворянскихъ комитетовъ получить

выкупъ за личность крестьянъ и отдать имъ лишь въ пользованіе даже усадебную осѣдлость, толкуя послѣднюю ограничительно въ смыслѣ однихъ строеній, безъ усадебной земли. Въ Журналахъ отразилась также и та борьба, которую правительство вело въ періодъ подготовки освобожденія крестьянъ съ обнаружившимся своекорыстнымъ стремленіемъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ отпускать крестьянъ на волю безъ земли и безъ ихъ согласія, отдавать крестьянъ въ рекруты для полученія за нихъ рекрутскихъ квитанцій, усиленно переселять ихъ на новыя мѣста и переводить крестьянъ въ дворовые. По поводу дѣйствій губ. дворянскихъ комитетовъ, несогласныхъ съ «видами правительства» въ крест. дѣлѣ, и внутреннихъ раздоровъ среди членовъ ихъ, состоялся рядъ постановленій Главнаго Комитета по крест. дѣлу, очень интересныхъ для характеристики вожделѣній извѣстной части помѣстнаго дворянства, призваннаго устраивать и улучшать бытъ ихъ крестьянъ.

Второй томъ содержитъ обширный Журналъ Главн. Комитета по разсмотрѣнію проектовъ Редакціи. Комиссіи въ 45 засѣданіяхъ (съ 10 окт. 1860 г. по 13 февр. 1861 г.), а въ приложеніи къ нему проекты положеній о крестьянахъ большинства—шести и меньшинства—трехъ членовъ Глав. Комит. и отдѣльное мнѣніе кн. П. Гагарина по поземельному устройству крестьянъ. Напечатанное въ этомъ томѣ существовало уже въ печатномъ видѣ, но въ маломъ количествѣ экземпляровъ, будучи назначено только для членовъ Госуд. Совѣта; теперь этотъ Журналъ становится общедоступнымъ и составитъ важнѣйшій источникъ для исторіи законоположеній о крестьянахъ, такъ какъ въ немъ подробно изложены основанія, принятыя Редакц. Коммиссіями при кодификаціи постановленій о крестьянахъ и мотивы тѣхъ измѣненій, которыя внесены въ ихъ проекты Главн. Комитетомъ, а также пункты разномыслія въ мнѣніяхъ большинства и меньшинства его членовъ. Любопытно также и отдѣльное мнѣніе кн. П. Гагарина (Приложеніе: стр. 255—300), выступившаго еще въ «приготовительной комиссіи» при Секретномъ Комитетѣ (1857 г.) съ мнѣніемъ «объ отпускѣ крестьянъ цѣлыми селеніями безъ земли и безъ условій», котораго онъ придерживался неуклонно до окончательнаго разрѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Въ Журналахъ и меморіяхъ общаго собранія Госуд. Сов., составляющихъ III томъ, изложены сужденія членовъ его, высказанныя при разсмотрѣніи проектовъ Главнаго Комитета, а по меморіямъ можно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ, при раздѣленіи мнѣній, санкціонировались заключенія, обращавшіяся

потомъ въ законъ. Контрпроектъ 3-хъ: кн. Долгорукова, М. Муравьева и Княжевича собиралъ значительное большинство членовъ Государственнаго Совѣта, но во всѣхъ случаяхъ разногласій, кромѣ одного, Государь утверждалъ мнѣніе той группы,—даже въ меньшинствѣ 8—9 членовъ изъ 45—43-хъ,—которая поддерживала проекты большинства членовъ Главн. Комитета, при чемъ какъ въ этомъ комит., такъ и въ Государ. Совѣтѣ в. кн. Константинъ Николаевичъ, гр. Блудовъ, Ланской и Чевкинъ, проводившіе проекты Редакц. Комиссіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, были единомысленны по всѣмъ вопросамъ.

Въ началѣ меморіи (стр. 181—188 т. III.) приведена въ черновикѣ, правленномъ Александромъ II, рѣчь его, сказанная 28 янв. 1861 г. при открытіи засѣданій Государ. Совѣта по крестьянскому дѣлу; она доселѣ печаталась съ существеннымъ пропускомъ по тексту ея, впервые напечатанному въ «*Русской Старинѣ*» (1880 г. №2, стр. 375), а здѣсь пропускъ возстановленъ, и, какъ можно видѣть, это мѣсто рѣчи, касавшееся отношенія дворянства къ дѣлу освобожденія крестьянъ, было вписано самимъ Государемъ[1]).

Съ появленіемъ въ печати журналовъ по крестьян. дѣлу двухъ вышеназванныхъ учрежденій является возможность «болѣе счастливому преемнику», какъ ожидалъ А. И. Скребицкій, дополнить комментарій его на Положеніе 19 февр. 1861 г., данный имъ въ систематическомъ сводѣ работъ Редакц. Коммиссій [2]) Но для полной исторіи крестьянскаго дѣла въ послѣднихъ двухъ инстакціяхъ потребуется изданіе еще многихъ документовъ изъ дѣлапроизводствъ ихъ, такъ какъ журналы по самому характеру своему содержатъ только результаты дѣятельности ихъ по обсуждавшимся вопросамъ и не даютъ свѣдѣній для изображенія личной обстановки и сокровенныхъ пружинъ дѣйствій лицъ, вліявшихъ на окончательныя рѣшенія. Заявленіе архива, что издаваемыми томами начинается «новый рядъ изданій съ цѣлью ознакомить съ документами, относящимися до преобразованія 19 февр. 1861 г.», вселяетъ надежду, что архивъ, хранящій 251 тома бумагъ, касающихся крестьянской реформы, будетъ и впредь снабжать матеріалами первостепенной важности для исторіи. Нужно только при отборѣ документовъ для напечатанія давать преимущество тѣмъ, съ помощью которыхъ можно написать детальную исторію освобожденія крестьянъ.

---

[1]) Въ юбилейномъ изданіи «*Государственный Совѣтъ 1810—1910*» эта рѣчь была напечатана безъ отмѣченнаго пропуска, но по малодоступности этого изданія рѣчь не появлялась по этому тексту ея.

[2]) *Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II.* Т. I—V, Бонпъ на Рейнѣ. 1862—1868 г.

Изданіе снабжено тремя портретами Александра II и восемнадцатью главныхъ дѣятелей, участвовавшихъ въ подготовкѣ освобожденія крестьянъ; при III томѣ его даны указатели: личный, географическій и предметный, и къ нему приложенъ особый сборникъ автографовъ Александра II на бумагахъ, касавшихся крестьянской реформы; среди нихъ полностью воспроизведенъ черновикъ рѣчи его, сказанной 28 янв. 1861 г., въ собственноручной редакціи. Слѣдуетъ еще отмѣтить ошибочное указаніе, взятое изъ описи, въ оглавленіи I-го тома, что въ засѣданіи Секретнаго комитета 17 янв. 1857 г. заслушана была *«записка неизвѣстнаго»*, а именно Тайн. Сов. Позена (т. I, стр. 1); но это невѣрно: 17 янв. читана была записка «неизвѣстнаго», внесенная въ Комитетъ по высоч. повелѣнію, съ отмѣткою Государя на ней: «вотъ противное мнѣніе отъ неизвѣстнаго. Можно также прочесть въ вашемъ Комитетѣ». Записка эта содержится въ т. 85 (лл. 41—58) запись частныхъ лицъ по крестьянскому дѣлу, а resumé ея изложено въ обзорѣ записокъ (т. 78, лл. 175—193), гдѣ указанъ и авторъ ея—Фишеръ [1]); записка же М. Позена *«о мѣрахъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ»* была читана, по предложенію Государя, въ первомъ засѣданіи Секрети. Комит. 3-го янв. 1857 г. (см. т. I, стр. 1—2 журналовъ, изд. 1915 г.), и хотя авторъ ея не былъ оглашенъ, но она, несомнѣнно, принадлежала перу Позена, что видно изъ отмѣтки въ т. IX (л. 153) дѣла Секретнаго Комит. (арх. госуд. сов.); она нынѣ содержится въ т. 85 (лл. 1—34) записокъ по кр. дѣлу и напечатана Позеномъ въ его «Бумагахъ по крестьянскому дѣлу» (Дрезденъ 1864, стр. 2—30). Анонимность же записки Позена при чтеніи ея 3 янв. 1857 г. объясняется «строгой тайной», которою, по требованію Государя, окруженъ былъ приступъ правительства къ дѣлу «улучшенія быта крестьянъ», а по отношенію къ Позену—и особымъ обстоятельствомъ, о которомъ сообщаетъ г. Никитенко въ своемъ «дневникѣ» (т. I, стр. 488, 1-ое изд. 1895 г.).

Алексѣй Попельницкій.

А. А. Кизеветтеръ. Гильдія Московскаго купечества. Историческій очеркъ. Москва. 1915 г. Извлечено изъ второго тома «Исторіи Московскаго Купеческаго Общества», издаваемой подъ редакціей В. Н. Сторожева.

Новый трудъ А. А. Кизеветтера примыкаетъ къ его предше-

[1]) Тайн. сов. сенаторъ К. И. Фишеръ былъ членомъ отъ Лужскаго у. въ С.-Петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ Комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ Запискахъ его (*«Историч. Вѣстникъ»* 1908 г. № 10, стр. 45—56) изложено содержаніе записки его, представленной въ 1857 г., о которой здѣсь рѣчь.

ствовавшимъ изслѣдованіямъ о Посадской общинѣ въ Россіи XVIII стол. и о Городовомъ Положеніи 1785 г. Поэтому въ новомъ, частномъ своемъ изслѣдованіи авторъ, прежде чѣмъ перейти къ спеціальному предмету изложенія, воспроизводитъ въ краткихъ чертахъ тѣ общія наблюденія въ сферѣ устройства и управленія русскаго города XVIII вѣка, которыя были сдѣланы Дитятинымъ и другими предшественниками А. А. Кизеветтера, а также въ значительной мѣрѣ и имъ самимъ. Здѣсь авторомъ отчетливо выясняется, что хотя въ XVIII стол., какъ и раньше, все торгово-промышленное, ремесленное и чернорабочее населеніе русскаго города составляло такъ называемую посадскую общину, не бывшую «общиной сословно-купеческой», тѣмъ не менѣе, управленіе городомъ фактически остается въ рукахъ первостепеннаго купечества—«сословно-купеческимъ». Такъ было и въ «посадское» время (до Екатерины II), когда для того имѣлось и чисто юридическое основаніе: по регламенту главнаго магистрата, при выборахъ въ учрежденные Петромъ I магистраты «активное и пассивное избирательное право ограничивалось лишь первостатейными мірскими людьми»; такъ было и въ «обще-городское» время въ исторіи русскаго города XVIII в. (по изданіи Екатериной II «Городового Положенія»), потому что, не взирая на всесословныя думы—общую и шестигласную,—учрежденныя по Городовому Положенію для завѣдыванія городскими дѣлами, городской магистратъ, компетенція котораго «перекрещивалась» съ компетенціей обѣихъ думъ, «занималъ высшее руководящее положеніе по отношенію къ всей совокупности городскихъ учрежденій». Въ согласіи съ предшествующей исторической литературой, особенно съ извѣстнымъ сочиненіемъ Дитятина объ устройствѣ и управленіи городовъ въ Россіи, авторъ отмѣчаетъ и значеніе мѣстной коронной администраціи по отношенію, какъ къ Петровскимъ, такъ и Екатерининскимъ городскимъ учрежденіямъ, значеніе на столько ощутительное, что «самодѣятельность этихъ учрежденій», замѣчаетъ А. А. Кизеветтеръ, «носила чисто призрачный характеръ».

Гильдейская организація съ самаго начала явилась той ячейкой, изъ которой развивалось сословно-купеческое городское управленіе рядомъ съ общепосадскимъ.

Городъ Москва не имѣлъ «единой посадской организаціи», и здѣсь вмѣсто нея съ 20-хъ годовъ XVIII стол. рядомъ съ «начальственнымъ магистратомъ» становится «Московская Гильдія» или «Гильдія Московскаго Купечества», организацію и компетенцію которой А. А. Кизеветтеръ обстоятельно, съ массой документовъ въ рукахъ, выясняетъ въ разбираемомъ изслѣ-

дованіи. Это было учрежденіе, разумѣется, сословное, но оно вѣдало дѣла, относящіяся не только до купечества, но до всего посадскаго населенія Москвы. Екатерининское Городовое Положеніе вводило въ городъ обще-городскую организацію, которая должна бы, кажется, была устранить необходимость тѣхъ функцій Московской Гильдіи, которыя находились внѣ круга ея спеціальнаго вѣдомства: ея мѣсто съ удобствомъ заступало собраніе «общества градскаго». Но Московская Гильдія осталась со своими и негильдейскими функціями, и ея собранія слились съ собраніями «общества градскаго». И въ этомъ не было какой-либо существенной замѣны, ибо это сліяніе только лишній разъ подчеркнуло, какому сословію принадлежало первенствующее значеніе въ управленіи городомъ. Оно принадлежало гильдейскому купечеству, и Московская Гильдія, объединяя его, была органомъ главнымъ образомъ его самоуправленія и «въ своей дѣятельности выступала также отъ имени всего «общества градскаго». Замѣна «Московской Гильдіи въ 1805 г. «Купеческимъ отдѣленіемъ дома градскаго общества», чрезъ 58 лѣтъ замѣненнымъ «Купеческой управой и собраніемъ выборныхъ купеческаго общества», еще болѣе рельефно вскрываетъ основное соціальное ядро русскаго города XVIII в. Новый трудъ А. А. Кизеветтера даетъ детальную, тщательно нарисованную картину исторіи «Московской Гильдіи» и является цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу по исторіи русскаго города и купечества. Въ заключеніе—одно маленькое замѣчаніе. Упоминая о запретительномъ указѣ 8 апрѣля 1793 г., авторъ заявляетъ, что этотъ указъ «былъ вызванъ *чисто* (?) политическими мотивами, стоявшими въ связи съ революціонными событіями во Франціи». Не могу согласиться съ категоричностью этого заявленія: «политическій мотивъ» былъ скорѣе предлогомъ для рѣшительной перемѣны въ направленіи нашей торговой политики, а не дѣйствительною причиной, которая заключалась въ стремленіи русскаго правительства улучшить нашъ торговый балансъ и вексельный курсъ.

Н. Ѳирсовъ.

Я. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка. 1780—1792 гг. Изд. Отд. р. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ. Петроградъ. 1915. 4°. Стр. LXII+340. Ц. 2 р.

Заглавіе книги Я. Л. Барскова можетъ дать мѣсто предположенію, что въ ней идетъ рѣчь, если и о весьма существенныхъ, то, во всякомъ случаѣ, о слишкомъ спеціальныхъ предметахъ, способныхъ заинтересовать не всякаго. Такое предположеніе было бы ошибочно.

Русскіе масоны XVIII вѣка—наиболѣе замѣтные представители образованнаго общества; уже поэтому имѣютъ широкій интересъ ихъ мысли и взгляды. Къ тому же переписка масоновъ не есть непремѣнно масонская переписка; въ дѣйствительности лишь часть новаго изданія отведена послѣдней. Въ первой, большей по объему, части находятся письма общаго содержанія, чрезвычайно характерныя для взглядовъ и сужденій тѣхъ русскихъ образованныхъ людей XVIII-го вѣка, которыхъ въ «Русской Старинѣ» (гдѣ первоначально были напечатаны многія изъ этихъ писемъ) такъ неудачно назвали «вольнодумцами», и которые на самомъ дѣлѣ считали своей задачей бороться съ «вольностями» человѣческаго разума. Центральная фигура переписки—«забытый розенкрейцеръ» А. М. Кутузовъ, человѣкъ съ нѣжной и тонкой душой, который однако до такой степени неспособенъ былъ разбираться въ людяхъ и жизни, что, находясь годами въ Берлинѣ бокъ о бокъ съ прусскими розенкрейцерами, подобными Вёльльнеру и Дюбоску,—не могъ понять этихъ людей и продолжалъ вѣрить въ ихъ честность и святость.

Корреспонденты Кутузова—И. В. Лопухинъ, кн. Н. Н. Трубецкой, А. И. и А. А. Плещеевы, Н. М. Карамзинъ и др. Не малую роль въ ихъ перепискѣ играетъ судьба незадолго передъ тѣмъ арестованнаго Радищева—друга молодости Кутузова; послѣдній, не раздѣляя теперь взглядовъ своего «несчастнаго друга», живо интересовался его участью. Письма Лопухина и Трубецкого касаются въ значительной степени масонскихъ дѣлъ московскаго кружка. Наоборотъ, письма Карамзина и Плещеевыхъ, какъ и самого Кутузова къ нимъ, носятъ личный дружескій характеръ. Попадая въ этотъ кружокъ молодого Карамзина, еще не признаннаго друзьями за литературную силу, чувствуешь, что прильнулъ къ свѣжему источнику духовной красоты. Многія письма А. И. Плещеевой и А. М. Кутузова (три письма самого Карамзина къ Кутузову менѣе значительныя) должны по праву занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ эпистолярной литературѣ «дворянской Россіи».

Вслѣдъ за перепиской Кутузова и его круга въ книгѣ напечатанъ интереснѣйшій нѣмецкій масонскій дневникъ, позволяющій хоть отчасти понять интриги берлинскихъ розенкрейцеровъ въ московскомъ масонскомъ обществѣ. Дневникъ этотъ, съ пропусками и ошибками, былъ въ свое время напечатанъ въ «Дополненіяхъ» Пекарскаго, которому остался неизвѣстенъ авторъ дневника, бар. Г. Я. Шредеръ, замѣнившій Шварца послѣ смерти послѣдняго въ кружкѣ Н. И. Новикова.

Третій отдѣлъ книги составляетъ касающаяся спеціально организаціи ордена переписка московскихъ масоновъ съ петербургскими начала восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка; письма эти частью изложены, частью опубликованы были (но не всегда правильно датированы) Ешевскимъ въ его статьяхъ о русскомъ масонствѣ.

Въ видѣ приложенія помѣщены относящіяся къ этому же періоду нѣсколько писемъ Н. И. Новикова и кн. Н. Н. Трубецкого, впервые появляющихся въ печати.

Собранный Я. Л. Барсковымъ существенный матеріалъ по исторіи русскаго масонства освѣщенъ въ интересномъ предисловіи, которое во многомъ идетъ въ разрѣзъ съ установившимися взглядами на роль и значеніе масонства въ Россіи.

Весь строй мыслей членовъ новиковскаго кружка представляется Я. Л. Барскову опредѣленнымъ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ людей ясно выраженнаго консервативнаго уклона. Сношенія съ цесаревичемъ Павломъ рисуются не случайностью, а неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ взглядовъ московскихъ масоновъ новиковскаго толка. Не вполнѣ случайны при этомъ и симпатіи къ державѣ строгаго порядка—Пруссіи, симпатіи, раздѣлявшіяся одинаково цесаревичемъ и его московскими доброжелателями. Эти симпатіи—мостъ, по которому къ намъ перешло розенкрейцерство, плодъ темныхъ политическихъ интригъ берлинскаго «попа» Вёлльнера.

«Берлинскія интриги» нѣкоторымъ покажутся чертой, слишкомъ модернизирующей смыслъ культурной исторіи XVIII вѣка. Въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако, онѣ существовали, и отрицать наличность ихъ нельзя; удѣльный вѣсъ и значеніе ихъ, конечно, были иные, чѣмъ въ наши дни.

Построеніе Я. Л. Барскова представляется мнѣ совершенно убѣдительнымъ, хотя, можетъ быть, и не безповоротно доказаннымъ. Вызовутъ сомнѣнія и частности этого взгляда —напримѣръ, тотъ обликъ И. Е. Шварца, который совершенно заново нарисованъ Я. Л. Барсковымъ. Книга превосходно издана, снабжена тщательными примѣчаніями, указателями и пр., и уже съ этой стороны не можетъ не завоевать всеобщихъ симпатій.

Сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе: Радищевъ посѣщалъ въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка собранія *петербургской* ложи «Уранія», а, конечно, не *петроградской*, какъ сказано на стр. XVIII предисловія.

Г. Вернадскій.

Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе В. С. Иконникова. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Кіевъ. 1915 г. Ц. 4 р. 50 к. Стр. 604.

Если бы авторъ повторилъ первое изданіе своего изслѣдованія безъ всякихъ исправленій и дополненій, то и тогда мы были бы признательны ему. Настолько эта книга, появившаяся впервые 50 лѣтъ тому назадъ, выдѣлилась своей долговѣчностью, настолько обострилась ея библіографическая рѣдкость. Но второе изданіе дало гораздо больше; «исправленное и дополненное» оно оказалось почти вдвое увеличеннымъ. Исправленія и дополненія относятся не столько къ контурамъ построенія, сколько къ содержимому матеріалу. За истекшіе годы литература о Максимѣ Грекѣ и XVI вѣкъ вообще разрослась значительно; вводя ея результаты въ новое изданіе, В. С. Иконниковъ въ достаточной степени использовалъ спеціальныя изслѣдованія. Существенные выводы всей массы работъ, касающихся отдѣльныхъ сторонъ литературной дѣятельности Максима Грека, читатель найдетъ здѣсь слитыми съ первымъ трудомъ маститаго академика.

Для спеціалиста весьма важенъ вопросъ, что новаго даетъ второе изданіе. Съ этой точки зрѣнія мы должны прежде всего обратить вниманіе на главу IV и первую половину XIV, относящіяся къ пребыванію Максима Грека въ Италіи. Годы ученія и жизни Максима Грека въ Италіи обрисованы теперь съ большей опредѣленностью. В. С. Иконниковъ находитъ возможнымъ думать, что Максимъ Грекъ прибылъ прежде всего въ Венецію, которая лежала какъ разъ на пути для грековъ, отправлявшихся въ Италію съ цѣлью изученія наукъ и бѣжавшихъ отъ турокъ. Въ Венеціи была греческая школа, славившаяся своими профессорами; въ ней, по всей вѣроятности, первоначально учился и Максимъ Грекъ. «Быть можетъ, по окончаніи ея, онъ возвратился временно на родину, о чемъ упоминается въ одномъ изъ позднѣйшихъ житій, по поводу смерти его родителей и устройства имущественныхъ дѣлъ, послѣ чего снова направился въ Италію для окончательнаго образованія» (стр. 109). Послѣ Венеціи Максимъ Грекъ жилъ въ Падуѣ, въ знаменитомъ университетѣ которой каѳедру философіи занималъ тогда его соотечественникъ, эпиротъ Николай Томеи, «одинаково уважавшій Платона и Аристотеля и первый ставшій преподавать послѣдняго на Западѣ въ его настоящемъ видѣ» (стр. 111). Отъ Падуи у Максима Грека сохранилось воспоминаніе о «неаполитанскомъ философѣ» Сессѣ, порицавшемъ церковное ученіе и обычаи. Какъ выясняетъ В. С. Иконниковъ, этотъ Сесса не кто иной, какъ Августинъ Нифъ, наз. Сессой по мѣсту рожденія близъ Неаполя. «Онъ учился въ Неаполѣ и

Падуѣ, гдѣ и преподавалъ потомъ (съ 1492—1498). Онъ былъ настоящимъ аверроистомъ и во время своего пребыванія въ Падуѣ вступилъ въ горячую полемику съ Помпонатомъ, противникомъ аверроизма. Сочиненіе же его «De intellectu et daemonilus» вызвало большое возбужденіе въ Падуѣ, грозившее ему опасностью инквизиціи»... (стр. 112). За Падуей слѣдовала Феррара. Изъ тогдашнихъ представителей феррарскаго ученаго общества Максимъ Грекъ вспоминаетъ «Кобезмика феррарскаго» и сообщаетъ о немъ, что «превосходившій иныхъ всякимъ внѣшнимъ ученіемъ, онъ и умирая говорилъ ученикамъ и друзьямъ своимъ: радуйтеся со мною, о возлюбленные мои, завтра почію я въ елисейскихъ поляхъ съ Сократомъ, Платономъ и всѣми героями. До того прельстило его языческое ученіе». Вслѣдъ за г. Забугинымъ В. С. Иконниковъ предполагаетъ, что подъ именемъ Кобезмика скрывается Никколо Леліо Козмико, поэтъ Падуи, долго жившій въ Феррарѣ, петраркистъ, въ своихъ любовныхъ посланіяхъ не чуждый однако излишествъ и распущенности (стр. 113, 114). Изъ Феррары Максимъ Грекъ пріѣхалъ во Флоренцію, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ (съ 1494—по 1498 по крайней мѣрѣ), заставъ здѣсь Анджело Полиціано († 1494) и въ теченіе пяти лѣтъ являясь свидѣтелемъ и слушателемъ проповѣднической дѣятельности Савонаролы. Вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти знаменитаго проповѣдника (1498), Максимъ Грекъ покинулъ Флоренцію и переѣхалъ въ Миланъ, гдѣ жилъ при Людовикѣ Моро, о которомъ подробно разсказываетъ, т.-е. около 1500 г. и, наконецъ, поселился опять въ Венеціи, которую оставилъ лишь въ 1508 г., отправившись на Аѳонъ. Изслѣдователь высказываетъ предположеніе, что ко времени пребыванія въ Венеціи, ко времени общенія съ І. Ласкарисомъ, относятся первыя выступленія Максима Грека въ защиту византійскаго ученія вѣры противъ латинъ (стр. 136). Кромѣ того: «І. Ласкарисъ, самъ преданный интересамъ Греціи и ея церковнымъ преданіямъ, могъ утвердить въ немъ религіозно-политическія чувства, заставившія его возвратиться на родину и послужить ей въ наиболѣе доступной тогда средѣ» (стр. 561). Въ той же Венеціи Альдъ Мануцій и основанное имъ ученое общество и издательское предпріятіе ввели Максима въ кругъ научныхъ занятій, можетъ быть, ближе познакомивъ его съ произведеніями древней литературы и церковными писателями. Уже въ первомъ изданіи, объясняя внутренній переворотъ Максима Грека, отреченіе его отъ языческихъ увлеченій современныхъ гуманистовъ, Иконниковъ выдвигалъ вліяніе Савонаролы. Теперь изслѣдователь далѣе развиваетъ свой взглядъ. Онъ утверждаетъ, что «вся дѣятельность Максима Грека была

какъ бы отраженіемъ того нравственно-религіознаго культа, которому такъ самоотверженно служилъ Савонарола», и считаетъ необходимымъ провести между ними историческую параллель, которая вскрываетъ какъ глубокое сходство ихъ, такъ и существенное различіе. По вопросу о сходствѣ В. С. Иконниковъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Если мы обратимъ вниманіе на то, что говорилъ выше на многихъ страницахъ Максимъ Грекъ о любви, милосердіи, современныхъ порокахъ общества и духовенства и, въ особенности, о вредѣ и употребленіи церковныхъ имуществъ, особенно монашествомъ, то нельзя не замѣтить значительнаго соотвѣтствія между ними и, конечно, прежде всего, потому что оба они исходили изъ одного источника—св. писанія и преданій древней церкви, но, вступивъ на путь борьбы съ злоупотребленіями, Максимъ могъ вспомнить и тѣ впечатлѣнія, какія сохранились въ его памяти о дѣятельности и вліяніи реформы Савонаролы, происходившей на его глазахъ... при чемъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе и тѣ пороки, съ которыми боролся самъ Максимъ, и даже въ способѣ изложенія нравственныхъ требованій можно отмѣтить извѣстное сходство (напр., діалогъ отъ лица Спасителя и Богородицы, бесѣда любостяжателя съ нестяжателемъ, бесѣда ума съ душею)». (стр. 571). Да, сходство неоспоримо, но различіе и въ условіяхъ, и во многихъ сторонахъ дѣятельности обоихъ представляется намъ еще болѣе убѣдительнымъ. «Іеронимъ Савонарола»,—говоритъ В. С. Иконниковъ,—«являлся передъ обществомъ, жившимъ публичною жизнью, обладавшимъ высокимъ образованіемъ и широкими вкусами, весьма требовательнымъ къ рѣчамъ ораторовъ, а съ другой стороны, рѣчи Савонаролы—это живыя импровизаціи, произнесенныя на итальянскомъ языкѣ, со всѣми пріемами ораторскаго искусства, при чемъ самъ ораторъ находился обыкновенно въ экзальтаціи... Максимъ Грекъ на фонѣ русской жизни явился случайно, мечталъ о возвратѣ въ прежнее свое мѣстопребываніе и неблагопріятно сложившимися обстоятельствами втянутъ былъ въ водоворотъ русской дѣйствительности, долженъ былъ говорить и писать на чуждомъ ему языкѣ, по установившимся литературнымъ пріемамъ; однако, обладая живой и отзывчивой натурой, далъ рядъ характеристикъ современнаго русскаго общества, но дальше этого онъ пойти не могъ ни по своему положенію, ни по условіямъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Обоимъ имъ приходилось оправдываться. Савонарола пишетъ «Тріумфъ креста» (Il trionfo del crocc), выдержавшій множество изданій, въ которомъ все христіанское ученіе изложено на основаніи одного лишь естественнаго разума, чѣмъ онъ и стремился

достигнуть лучшей цѣли. Максимъ Грекъ даетъ формальное изложеніе «исповѣданія вѣры» и неправильности его обвиненія, проникнутое, правда, негодованіемъ и печальнымъ сознаніемъ своей безпомощности, но точекъ соприкосновенія между этими двумя произведеніями нѣтъ. У Савонаролы часто стихъ Ветх. или Нов. Завѣта даетъ поводъ къ бесѣдѣ, но вся она состоитъ изъ постоянныхъ отвлеченій въ сторону, ряда обращеній, вопросовъ и отвѣтовъ и просто воззваній; М. Грекъ близко держится избраннаго текста, примѣровъ, часто цѣлаго ряда текстовъ, подтверждающихъ или поясняющихъ его мысль, но которые не позволяютъ писателю такъ свободно пользоваться вниманіемъ читателя. И Савонарола, и М. Грекъ писали въ заключеніе показныя воззванія съ обращеніемъ къ помощи св. «Параклита», но у перваго это поэтическій вопль наболѣвшей и истерзанной души, при чемъ онъ какъ бы совсѣмъ забываетъ, что онъ въ тюрьмѣ, а не на церковной каѳедрѣ; у второго—лишь смиренное молитвенное обращеніе византійскаго монаха» (стр. 572, 573).

Во второмъ изданіи выступаютъ съ большею четкостью не только итальянскіе современники и учителя Максима Грека, но и его русскіе друзья и враги, и въ этомъ смыслѣ можно оправдать новое заглавіе изданія: «Максимъ Грекъ *и его время*». Нельзя не остановиться еще на характеристикѣ отношеній Максима Грека и Вассіана Патрикѣева. Авторъ повторяетъ прежній выводъ, что «общій мотивъ обличеній Вассіана Косого, направленныхъ противъ монастырской жизни, тотъ же, что у М. Грека. Это—представленіе контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и бѣдственнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забытыхъ своими владѣльцами» (стр. 399, 400). Подобное сопоставленіе, думается намъ, могло бы быть проведено далѣе, чтобы выяснить не только общія черты обличеній Максима Грека и Вассіана, но и установить ихъ индивидуальныя особенности, и, такимъ образомъ, на прочную основу поставить вопросъ о вліяніи Вассіана [1]).

Съ библіографіей изданныхъ сочиненій Максима Грека, вѣроятно, произошло какое-то недоразумѣніе. О нихъ говорится въ двухъ мѣстахъ: на стр. 196 и 589, 590. Но ни тотъ, ни другой перечень, ни оба вмѣстѣ не достигаютъ библіографической полноты, такъ, напр., нѣтъ указанія на Хр. Лопа-

---

[1]) Къ изданію приложены два изображенія Максима Грека, извѣстныя и ранѣе, а также его автографъ изъ греческой Псалтыри 1540 г. Жаль только, что изслѣдователь ограничился греческимъ автографомъ и не далъ славянскаго, который находится въ той же рукописи и представляетъ, конечно, болѣе значительный интересъ.

рева, описаніе рукописей Имп. Общества Любителей Древней Письменности, ч. III, гдѣ издано нѣсколько произведеній Максима Грека по одному изъ лучшихъ списковъ, и проч.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что не могъ взять на себя полной передѣлки своего труда. Уважаемый ученый, надо думать, сознавалъ ея необходимость. Это нигдѣ не чувствуется такъ замѣтно, какъ въ X главѣ. Въ оглавленіи 1-го изданія содержаніе этой главы изложено такъ: «Положеніе древне-русскаго общества. Общественныя отношенія: сословія, администрація, власть. Нравственные недостатки общества. Дѣятельность обличителей и Максима Грека въ этомъ отношеніи. Его отношеніе къ власти». Во второмъ изданіи содержаніе той же главы формулировано иначе: «Взаимныя отношенія разныхъ классовъ общества. Мѣстныя и экономическія условія быта. Управленіе и судъ. Нравы общества. Отношеніе къ нимъ обличительной литературы и Максима Грека. Признаки закрѣпощенія. Опасность переворота». По оглавленію мы ожидаемъ встрѣтить совсѣмъ другую картину, чѣмъ въ первомъ изданіи, но когда обратимся къ самой X главѣ, то найдемъ въ ней немного существенныхъ перемѣнъ. И взаимныя отношенія классовъ въ XVI, вѣкѣ и экономическія условія быта останутся для читателя неясными.

В. Ржига.

Д. С. Дарскій. «Чудесные вымослы». О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. Складъ изданія у А. С. Панафидиной. Москва. 1914.

Терминъ «космическое сознаніе», какъ указываетъ г. Дарскій, впервые введенъ былъ канадскимъ психіатромъ Бэккомъ. «Характерной чертой космическаго сознанія является прежде всего чувство космоса, т.-е. міровой жизни и ея порядка; и въ то же время это интеллектуальное прозрѣніе, которое одно можетъ перевести индивидуума въ новую сферу существованія». Новое, преображенное этимъ сознаніемъ человѣчество въ скоромъ времени, по увѣренію Бэкка, наслѣдуетъ землю, а до сихъ поръ вышеуказаннымъ прозрѣніемъ обладали немногіе: основатели религій, пророки, философы и поэты. Разсмотрѣть Тютчева, какъ такого провидца и пророка, и является основной задачей г. Дарскаго.

Г. Дарскій сочувственно ссылается на «мудрость современной теософіи» (стр. 112) и Тютчева цѣнитъ главнымъ образомъ за то, что находитъ у него «ясновидящую воспріимчивость къ вліяніямъ, истекающимъ отъ сверхчувственныхъ міровъ». Духовная организація Тютчева, по мнѣнію Дарскаго, «подчинялась какимъ-то

другимъ законамъ, не общечеловѣческимъ и обязательнымъ»... Въ другомъ мѣстѣ г. Дарскій видитъ въ Тютчевѣ «полное пресуществленіе индивидуальнаго духа, пріобрѣтеніе новыхъ сверхчеловѣческихъ способностей». Въ послѣдней главѣ выражается увѣренность въ возможность грядущаго преобразованія вселенной властію человѣческаго духа; а пока—«лики и образы фантазіи» являются «утробнымъ періодомъ космическихъ преобразованій». Все это, вѣроятно, должно казаться необычайно цѣннымъ и важнымъ для людей, раздѣляющихъ сочувствіе автора къ тайновидѣнію и теософіи.

Въ историко-литературномъ отношеніи книга даетъ мало новаго. Нѣкоторыя отдѣльныя черты духовной организаціи Тютчева выдѣлены у Дарскаго рѣзче и ярче, чѣмъ у его предшественниковъ, но цѣльнаго портрета не получается. Нѣкоторыя стихотворенія Тютчева пріобрѣтаютъ новое интересное освѣщеніе, но предвзятость точки зрѣнія сказывается на каждомъ шагу: то, что могло бы быть истолковано не въ пользу тезиса автора, игнорируется: такъ по поводу стихотворенія «Безуміе» г. Дарскій ограничивается тѣмъ, что называетъ это стихотвореніе «страннымъ» и—проходитъ мимо; зато въ самыхъ простыхъ и невинныхъ строчкахъ Тютчева г. Дарскій старается увидать признаки «космическаго сознанія». И невольно припоминается добродушно-ироническая фраза Герцена по поводу его друзей, фанатиковъ философскаго умозрѣнія: «человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ».

Художественная сторона въ творчествѣ Тютчева оставлена г. Дарскимъ безъ учета. Предвзятыя толкованія стихотвореній Тютчева, переводы поэтическихъ образовъ на языкъ отвлеченныхъ понятій, эта подмѣна золота тютчевской поэзіи ассигнаціями абстрактной мысли, убивающая самую поэзію, въ которой мысль и чувство всегда слиты нераздѣльно,—все это кажется намъ пріемомъ глубоко ложнымъ въ самой своей основѣ. Вотъ, напримѣръ, двѣ строчки Тютчева, такія выразительныя и жуткія:

Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ.

Здѣсь одновременно и мысль, и чувство. А вотъ толкованіе этихъ двухъ строчекъ у г. Дарскаго: «текучее время есть условіе, въ которомъ развивается механическій, причинный рядъ. И когда мысль сосредоточивается на текучести времени, то передъ ней поднимается идея безликой, бездушной необходимости, какъ единственной, верховной, міродержавной силы, которая своимъ

мертвымъ могуществомъ противостоитъ живымъ и трепетнымъ волненіямъ сознательнаго духа». Неужели эти фразы, блѣдныя и многословныя, являются сочувственнымъ проникновеніемъ въ тютчевское творчество, а не упражненіями въ собственномъ абстрактномъ мышленіи?

Впрочемъ, такъ ужъ видно у насъ повелось: въ поэзіи хотятъ видѣть все, что угодно, кромѣ... самой поэзіи. И вотъ одинъ разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, другой — въ приложеніи къ теоріи канадскаго психіатра. Бѣдная поэзія!

Ив. Розановъ.

Архилохъ. Стихотворенія и фрагменты. Перевелъ съ греческаго В. Вересаевъ. 128 стр. Ц. 75 к.

Сафо. Стихотворенія и фрагменты. Перевелъ съ греческаго В. Вересаевъ. 128 стр. Ц. 75. к.

Сафо и Архилохъ занимаютъ въ греческой лирикѣ исключительное мѣсто.—Архилохъ является отцомъ греческой лирики. Онъ первый заговорилъ въ греческой поэзіи о своемъ «я» и запечатлѣлъ свою личность въ поэзіи, которая до сей поры была безличной. Онъ первый ввелъ въ поэзію обыденную жизнь и сталъ основателемъ классическаго реализма. Онъ первый замѣнилъ величавый эпическій гекзаметръ подвижнымъ, художественнымъ ямбомъ и сталъ писать интимнымъ, почти разговорнымъ языкомъ.

Значеніе Сафо въ греческой поэзіи совсѣмъ иное. Сафо первая запечатлѣла въ своихъ пѣсняхъ думу женщины и создала самобытный, безсмертный памятникъ вѣчно-женственному.

Сафо и Архилоха отдѣляетъ другъ отъ друга цѣлая пропасть. Они люди разныхъ эпохъ, разныхъ міросозерцаній, разныхъ соціальныхъ классовъ.—Сафо аристократка и по происхожденію и по духу. Она живетъ красотой. Въ своихъ пѣсняхъ воспѣваетъ она красоту, любовь, роскошь, нѣгу, драгоцѣнные камни, одежды и цвѣты—цвѣты безъ конца: розы, фіалки, златоцвѣтъ, нарциссы. Древніе говорили, что ея пѣсни полны весны, галціонъ и любви. Но главнымъ ядромъ ея пѣнія являются переживанія утонченной души,—именно здѣсь сказывается подлинный реализмъ ея поэзіи. Внѣшній міръ, то, что у Архилоха имѣетъ вполнѣ самостоятельное существованіе, у Сафо только отзвучье душевныхъ переживаній. Она глядитъ на міръ сквозь призму цѣльной, гармоничной души и видитъ въ немъ только прекрасное. Не то у Архилоха. Онъ полурабскаго происхожденія, съ головы до ногъ плебей.

Безшабашный, пламенный поэтъ-воинъ, онъ смѣло, откро-

венно изливаетъ въ своихъ элегіяхъ и ямбахъ всѣ чувства своей многогранной души, всѣ внѣшнія событія своей богатой приключеніями жизни. Въ минуты злобы онъ не брезгаетъ самой цинической насмѣшкой. Обнаженная дѣйствительность откровенно и грубо прорывается въ его произведеніяхъ. Страсти такъ и клокочутъ. Онъ не можетъ ихъ обуздать, потому что въ немъ нѣтъ того душевнаго ритма и гармоніи, которыми богата Сафо. Слова у Сафо то нѣжныя, наивныя, простыя, то страстныя. Ея стихъ удивительно музыкаленъ и ритиченъ. Онъ такъ удивительно гармонируетъ съ содержаніемъ.

Языкъ Архилоха поражаетъ мощью, желчью, безстыдствомъ и въ то же время красочностью, прозрачностью, благородствомъ, изяществомъ. Чеканный, мощный и гибкій ритмъ его стиха мастерски передаетъ настроеніе содержанія.

Нѣжная Сафо и пламенный Архилохъ—два полюса греческой лирики. Несмотря на то, что ихъ произведенія дошли до насъ въ истерзанномъ видѣ, мы чувствуемъ въ нихъ могучій импульсъ той же жизни, которая волнуетъ и радуетъ насъ.

Но передать эти произведенія очень трудно, такъ какъ музыкальная форма ихъ не свойственна русской ритмикѣ. Передать ихъ можетъ только поэтъ.—Къ сожалѣнію, г. Вересаевъ не поэтъ и лишенъ поэтической интуиціи. Онъ переводитъ съ большой любовью, очень тщательно, остроумно. Шагъ за шагомъ, тяжело двигаясь впередъ, идетъ онъ за подлинникомъ. Его переводъ точенъ, дословенъ и не страдаетъ никакими погрѣшностями противъ греческаго языка. Но этотъ переводъ малохудожественъ. Красивыя, пѣвучія пѣсни Сафо звучатъ у г. Вересаева тяжело и громоздко. Читателя, мало-мальски знакомаго съ греческимъ подлинникомъ, коробятъ выраженія, въ родѣ слѣдующаго (Сафо стр. 45):

«Если бушуетъ гнѣвъ въ твоемъ сердцѣ,
Оберегай языкъ твой отъ лая.

Такой переводъ не въ стилѣ Сафо.

Г. Вересаевъ не передаетъ удивительной манеры Сафо воплощать въ одномъ словѣ нѣсколько образовъ. Ея мѣткіе сложные эпитеты, которые такъ сближаютъ ея пѣсни съ народной поэзіей, переведены имъ только описательно, отчего блѣднѣетъ колоритъ ея пѣсенъ. Такъ, напримѣръ, въ молитвѣ Афродитѣ (Сафо, ст. 1) многоговорящіе красивые эпитеты Сафо «poikilóthron'» и «dolopłóke» г. Вересаевъ переводитъ «пестрымъ тономъ славная» и «искусная въ хитрыхъ ковахъ». Между тѣмъ В. Ивановъ, переводя эту же молитву (Алкей и Сафо, ст. 1.), находитъ для

передачи этихъ эпитетовъ соотвѣтственныя русскія слова, совершенно въ духѣ Сафо: «радужно-престольная» и «кознодѣйка».

Стихотворные размѣры у г. Вересаева звучатъ не свободно, не музыкально. Стихъ плохо читается —ритмъ не чувствуется.

В. Ивановъ, несмотря на то, что онъ нерѣдко ради художественной формы жертвуетъ смысломъ, передаетъ тоньше и глубже пѣсни Сафо. Но его переводъ не исключаетъ перевода г. Вересаева: Точный, добросовѣстный переводъ послѣдняго является цѣннымъ дополненіемъ къ художественному, вольному переводу В. Иванова.

Переводъ Архилоха удался гораздо лучше г. Вересаеву. Демократическій Архилохъ ближе, понятнѣе ему по духу и настроенію, нежели Сафо. Стихотворные размѣры Архилоха болѣе свойственны русской ритмикѣ.

Вообще, переводъ Архилоха является очень цѣннымъ вкладомъ въ библіотеку русскихъ переводовъ греческихъ поэтовъ.—Это первый полный русскій переводъ Архилоха. До сей поры русская публика не знала этого греческаго поэта.

Предисловіе къ произведеніямъ Архилоха и Сафо хорошо вводитъ въ кругъ ихъ произведеній.

Т. Левицкая.

Историческое Обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при имп. Петроградскомъ университетѣ подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. 20. Петроградъ, 1915 г.; стр. 221; цѣна 1 р. 50 к.

Осенью 1914 г. исполнилось 25 лѣтъ существованія Историческаго общества при С-Петербургскомъ университетѣ. «Краткій обзоръ» его дѣятельности за двадцатипятилѣтіе, помѣщенный въ настоящемъ томѣ «Историческаго Обозрѣнія», напоминаетъ о плодотворной работѣ Общества. Его живая работа, сосредоточивавшаяся въ теченіе перваго десятилѣтія въ общихъ собраніяхъ, затѣмъ перешла въ секціи Общества. Впрочемъ, дѣятельность основанной еще въ 1891 году педагогической секціи быстро заглохла, и попытка возродить ее въ 1903 г. не удалась. О работахъ секціи всеобщей и русской исторіи даютъ представленіе помѣщенные въ настоящемъ томѣ «Историческаго Обозрѣнія» протоколы Историческаго общества за 1908—1914 г.г. и перечень рефератовъ за 1890—1914 г.г.

Значительная доля «Краткаго обзора» посвящена судьбамъ «Историческаго Обозрѣнія». Задуманное, какъ журналъ историографическихъ обзоровъ и исторической хроники, «Историческое Обозрѣніе »не могло сохранить своего первоначальнаго характера. Недостатокъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ, средствъ и вниманія общества къ подобному журналу заставили превратить

«Историческое Обозрѣніе» въ неперіодическіе сборники матеріаловъ и статей историческаго и историографическаго характера.

Въ настоящемъ 20 томѣ «Историческаго Обозрѣнія» помѣщенъ рядъ спеціальныхъ статей [1]). «Обзоръ русской исторической литературы за 1913 г». Ю. В. Готье мало удовлетворяетъ насъ. Отказываясь отъ извѣстной широты обзора, которая вводила бы читателя въ современную постановку тѣхъ или иныхъ вопросовъ русской исторіографіи, Ю. В. Готье даетъ рядъ небольшихъ критико-библіографическихъ замѣтокъ о тѣхъ или другихъ трудахъ по русской исторіи, удѣляя иногда не болѣе 7—10 строкъ большой книгѣ. Нѣтъ нужды доказывать, что цѣнность такого рода замѣтокъ тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе являются онѣ вслѣдъ за выходомъ книги, и что, опаздывая на $1^1/_2$—2 года, какъ мы имѣемъ это въ настоящемъ случаѣ, онѣ рискуютъ утратить свой интересъ.

Статья Н. Д. Кондратьева «Теорія исторіи А. С. Лаппо-Данилевскаго» помимо краткаго изложенія «Методологіи исторіи» Лаппо-Данилевскаго представляетъ собою дружественную критику его со стороны автора, сочувственно относящагося къ задачамъ популяризаціи и разработки у насъ идей неокантіанства въ области теоріи исторіи.

Вл. Сыроѣчковскій.

Н. Обольяниновъ. Каталогъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій 1725—1860 г. Москва. 1914 г. 4^0. Т. I, XII+335 стр. Т. II, 336—686 стр.

Бѣдность нашей библіографіи общензвѣстна, что же касается иллюстрированныхъ изданій, то первыя описанія таковыхъ появились совсѣмъ недавно, а именно: въ 1898 г. трудъ В. А. Верещагина «Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX стол.» и затѣмъ въ 1908—1910 г. «Матеріалы по библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій», изданные кружкомъ любителей русскихъ изящныхъ изданій; въ обоихъ трудахъ описано всего 1000 книгъ. «Каталогъ» г. Обольянинова обнимаетъ собою подробное описаніе 3038 книгъ съ иллюстраціями и снабженъ цѣлымъ рядомъ указателей: книгъ съ однимъ портретомъ, именъ художниковъ, рисовальщиковъ, граверовъ и литографовъ, портретовъ, видовъ городовъ, монастырей и памятниковъ, литографій, печатенъ, граверныхъ, предметнымъ указателемъ по содержанію иллюстрацій и хронологическимъ указателемъ по годамъ изданія

---

[1]) П. Архангельскій. Выборы въ Екатерининскую комиссію отъ Двинскаго сѣвера. Е. Байбаковъ. Аркадскій союзъ въ Мегалополѣ. Г. Вернадскій. Манифестъ Петра III о вольности дворянства и законолательная комиссія 1754—1766 гг. и др.

книгъ, что, конечно, значительно облегчаетъ наведеніе всякихъ справокъ по «Каталогу».

Появленіе такого подробнаго «Каталога», несомнѣнно потребовавшаго для его составленія огромнаго кропотливаго труда, нельзя не привѣтствовать, такъ какъ насущная необходимость въ такомъ изданіи давно ощущалась всѣми библіофилами. Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе описанія въ «Каталогѣ» одного изъ самыхъ лучшихъ и интереснѣйшихъ иллюстрированныхъ изданій «Художественнаго листка Тимма», издававшагося у насъ въ теченіе 12-ти лѣтъ и, несомнѣнно, составляющаго гордость русской иллюстраціи; объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ «Каталога» не включилъ въ него періодическихъ изданій, предполагая издать ихъ отдѣльно, хотя, казалось бы, надлежало бы включить и эти изданія, тѣмъ болѣе, что ихъ сравнительно немного.

Авторъ «Каталога» ограничился описаніемъ книгъ, вышедшихъ до 1860 г., хотя съ этого года и начинаютъ книги иллюстрироваться по преимуществу механическимъ способомъ: цинкографіями, фототипіями и т. д., но въ то же время до 1890 г. попадается не мало книгъ съ литографіями и слѣдовало бы закончить описаніе 1890 годомъ.

Изданъ «Каталогъ» изящно и, несомнѣнно, составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу библіографію.

В. Адарюковъ.

Царьградъ. Подъ редакціей Ив. Лазаревскаго. Изд. Д. Я. Маковскаго. М. 1915. 78 стр. Цѣна 4 руб.

Царьградъ и окрестности. Историко-художественное описаніе А. Барта. Съ 58 рис. и черт. Съ французскаго перевелъ Н. М. Лаговъ [1]) *Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.* Изд. т-ва А. С. Суворина. П. 1915. 248 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

И та, и другая книжка представляютъ, такъ сказать, альбомы для салона: обиліе иллюстрацій и незамысловатое содержаніе; онѣ сходны между собой и внутренне—по туркофобской идеѣ, какъ указываетъ уже, отчасти, заглавіе въ переводной книгѣ, впрочемъ, идея эта подчеркнута издательствомъ, измѣнившимъ заглавіе подлинника; въ сборникѣ, вышедшемъ «подъ редакціей Ив. Лазаревскаго», Константинополь разсматривается какъ «законное наслѣдіе русской земли».

Въ первой книгѣ собраны разнокалиберныя статьи и замѣтки:

---

[1]) На нѣмецкомъ языкѣ книга Hermann Barth'a появилась въ серіи «Berühmte Kunststätten» уже въ 1901 году.

одинъ какъ бы выхвачены изъ хлесткой газеты, другія—какіе-то жалкіе обрывки и клочки, есть и малограмотныя статьи. Обзоръ вышелъ, такимъ образомъ, неравномѣренъ, и впечатлѣніе отъ него неопредѣленное. Исключеніе составляетъ только историческій очеркъ Турціи, принадлежащій перу проф. Крымскаго, это—pièce de résistance въ сборникѣ, хотя для «альбома» изложеніе суховато. Для редакторской стороны сборника характерно заявленіе г. Беренштама, который начинаетъ введеніе словами: «редакторъ этой книги—этого альбома—поручилъ мнѣ написать къ нему «краткое вступленіе», и г. Беренштамъ, ничтоже сумняшеся, рекламируетъ изданіе, за которое говорятъ имена участниковъ (гг. Гиѣдичъ, Крымскій, Погодинъ и др.). Главное вниманіе, очевидно, было обращено издательствомъ на иллюстраціи, противъ выбора, однако, можно бы возразить. Но есть въ иллюстраціяхъ и передержки: подъ фотографическимъ снимкомъ, изображающимъ константинопольскую манифестацію во дни свободы (въ 1908 г.), стоитъ подпись: «народная манифестація въ Константинополѣ послѣ объявленія войны Россіи».

Центръ тяжести у Барта лежитъ на описаніи памятниковъ византійскаго искусства, впрочемъ, и на сооруженіяхъ турецкой (османской) эпохи авторъ также останавливается. Письмо у автора живое, книжка прочтется не безъ интереса, только новаго въ ней найдется немного. Какія сдѣланы дополненія,—при бѣгломъ просмотрѣ не видно, кое-что, наоборотъ, опущено (напр., описаніе Османскаго музея съ его знаменитымъ «саркофагомъ Александра Македонскаго»). Число иллюстрацій уменьшено почти вдвое, и онѣ много теряютъ, потому что и форматъ книги, по сравненію съ оригиналомъ, также убавленъ: изъ альбомнаго формата книжка обращена въ крохотный, какой-то «карманный справочникъ». И съ исторіей Византіи, и съ новѣйшей исторіей Турціи, да и всего, вѣроятно, Востока, знакомство у переводчика и дополнителя тоже, какъ-будто, невелико. Вотъ одинъ-два перла изъ перевода: дервиши изъ «Бошары» (вмѣсто: Бухары); праздникъ Успенія Богородицы перенесенъ на 25-е іюля (впрочемъ, переводчикъ дѣлитъ тутъ лавры съ авторомъ); греческія цитаты перевраны, и т. д.

Словомъ, русскій книжный рынокъ мало выигралъ отъ появленія этихъ изданій, цѣль у нихъ была явно-коммерческая.

Вл. Гордлевскій.

Изъ текущей литературы.

Штраусъ и Ренанъ въ 1870—71 гг.

Въ «Revue des deux Mondes» помѣщена статья, посвященная полемикѣ, возникшей между Штраусомъ и Ренаномъ въ связи съ поднявшейся франко-прусской войной. Во время этой полемики и Ренанъ, и Штраусъ обмѣнивались письмами съ однимъ швейцарцемъ теологомъ Ш. Риттеромъ, большимъ почитателемъ обоихъ авторовъ «Жизней Іисуса»; черезъ него завязались у нихъ и личныя сношенія. Выдержки изъ писемъ Ренана и Штрауса къ Ш. Риттеру представляютъ значительный интересъ, потому что и французскій, и нѣмецкій писатели, неудовлетворенные происшедшимъ между ними обмѣномъ мыслей, отводили себѣ душу въ обращеніяхъ къ швейцарцу, который, со своей стороны, страдалъ отъ ихъ размолвки и прилагалъ старанія, чтобы въ ихъ отношеніяхъ сохранились прежнія чувства симпатіи другъ къ другу.

Въ самомъ началѣ войны отношеніе къ ней Штрауса и Ренана оказывается существенно различнымъ; т.-е. о противной сторонѣ они говорятъ совершенно по-разному. Французскій философъ не питаетъ враждебныхъ чувствъ къ Германіи; онъ подчеркиваетъ свое уваженіе къ ней, какъ странѣ Реформаціи, онъ заявляетъ, что Гете и Гердеру обязанъ лучшимъ изъ того, что создано имъ самимъ. Онъ испытываетъ главнымъ образомъ скорбь отъ этого столкновенія двухъ передовыхъ европейскихъ странъ:

Штраусъ, напротивъ, смотритъ на дѣло проще. Онъ торжествуетъ отъ успѣховъ Германіи, а о Франціи отзывается такъ: «Не только литература Франціи отличается развращенностью, нѣтъ, развращена самая нація, но до настоящей войны мы не могли ни составить себя понятія о томъ, до какой степени дошло общее гніеніе, до какой степени расшатаны всѣ моральные устои».

Въ самомъ началѣ войны Ренанъ далъ обѣщаніе Ш. Риттеру написать предисловіе къ сборнику штраусовскихъ статей, который тотъ собирался переводить. Штраусъ въ видѣ благодарности отправилъ Ренану свою книгу о Вольтерѣ. Ренанъ отвѣтилъ письмомъ, гдѣ выражалъ Штраусу свою скорбь по поводу начала военныхъ дѣйствій. На это частное письмо Штраусъ отвѣтилъ открытымъ письмомъ, напечатаннымъ въ «Аугсбургской газетѣ». Ренанъ былъ имъ вполнѣ удовлетворенъ. «Статья г. Штрауса въ цѣломъ, писалъ онъ Риттеру, очень хороша, она способна поднять всѣ возвышенные умы обѣихъ націй на философскую точку зрѣнія, столь нужную какъ разъ во время крова-

выхъ событій, среди которыхъ мы живемъ». Таковъ былъ отзывъ Ренана о письмѣ, и онъ лучше всего показываетъ, въ какомъ далекомъ отъ воинствующаго азарта настроеніи находился французскій мыслитель. Онъ какъ-будто не хотѣлъ обращать вниманія на тѣ мѣста штраусовскаго письма, которыя далеко не гармонировали съ возвышенной философской точкой зрѣнія и слишкомъ явственно выражали горделивое довольство прусскими побѣдами и торжество надъ униженной Франціей.

Такъ, вспоминая о пережитыхъ Германіей несчастьяхъ, Штраусъ писалъ: «Въ этой суровой школѣ несчастія и позора, гдѣ ваши соотечественники были такими неблагоразумными учителями, мы научились познавать наши главные недостатки: нашу мечтательность, нашу медлительность, и въ особенности наши раздоры—все, что препятствуетъ нашему національному преуспѣянію. Но мы подобрались, мы боролись съ этими пороками, все упорнѣе стараясь отъ нихъ избавиться. Зато національные недостатки французовъ рядомъ французскихъ властелиновъ поддерживались заботливо. Стремленіе къ блеску и славѣ, желаніе достигнуть этого не молчаливымъ внутреннимъ трудомъ, а авантюристскими предпріятіями, претензіи стоять во главѣ народовъ, то защищать, то эксплоатировать ихъ... и т. д.». «Результатъ, во имя котораго мы боремся—резюмировалъ Штраусъ—это равенство правъ съ европейскими народами и увѣренность въ томъ, что ни одинъ неспокойный сосѣдъ не въ состояніи уже будетъ ни смущать насъ въ нашей мирной работѣ, ни отнимать у насъ плоды нашего труда».

Письмо Штрауса по просьбѣ Ренана напечатано было въ «Journal des Débats», а на слѣдующій день появился и отвѣтъ на него Ренана. Французскій мыслитель опять повторяетъ здѣсь, какъ многимъ обязанъ онъ Германіи; онъ обязанъ ей своей философіей, пожалуй, даже своей религіей. Когда Пруссія въ 1866 году одерживала свои побѣды, онъ радовался имъ и привѣтствовалъ поднятіе Германіи на степень великой державы. Германія осуществитъ можетъ быть то, что не удалось Франціи: научно и раціонально организовать государство. По отношенію къ Франціи Ренанъ совѣтовалъ умѣренность. Неумѣренныя требованія повредятъ не одной Франціи, но и самой Германіи, и всей цивилизаціи. Эльзасъ долженъ остаться французскимъ. Если же его отберутъ, то отвѣтомъ будетъ реваншъ и союзъ съ Россіей. Съ потерей Эльзаса и Лотарингіи нѣтъ больше Франціи. «Если же насъ пощадятъ, мы все позабудемъ и образуемъ вмѣстѣ съ Германіей и Англіей союзъ, задачей котораго будетъ вести міръ по путямъ либеральной цивилизаціи».

Одновременно Ренанъ помѣстилъ о войнѣ статью въ «Revue

des deux Mondes». Тамъ онъ болѣе подробно развивалъ свой тезисъ о необходимости не расчленять Францію. Говоря о томъ, что Францію надо оставить въ прежнихъ границахъ, Ренанъ говорилъ, что въ общемъ онѣ вполнѣ удовлетворительны. Онъ доволенъ, напр., тѣмъ, что Женева и романская Швейцарія не принадлежатъ Франціи. «Онѣ представляютъ убѣжище для эмигрантовъ, бѣгущихъ отъ нашихъ внутреннихъ распрей, а во времена деспотизма служатъ убѣжищемъ для свободной мысли». Ренанъ жалѣетъ только, что раньше во времена полюбовныхъ сдѣлокъ не позаботились о нѣкоторомъ исправленіи границъ (1815 года); можно было бы договориться до войны объ уступкѣ Люксембурга, въ случаѣ, если бы онъ на это пошелъ; можно было бы произвести нѣкоторыя исправленія границы въ областяхъ Сарры и Палатината...

Эти послѣднія невинныя замѣчанія и привлекли къ себѣ прежде всего вниманіе его нѣмецкаго коллеги. Штраусъ понялъ это, какъ желаніе Ренана добиваться этихъ исправленій границъ *теперь*, на счетъ побѣдоносной Германіи. Онъ не щадитъ ироническихъ восклицаній. «Какъ мы должны передать еще новый клочекъ территоріи побѣжденному зачинщику! Нѣтъ, если ужъ такой разсудительный человѣкъ, какъ Эрнестъ Ренанъ, можетъ преподносить подобнаго рода предложеніе, то тѣмъ болѣе у насъ основаній желать, чтобы мы одни продиктовали условія мира подобно тому, какъ мы одни же вели войну». Теперь неумѣстенъ голосъ чувства, и Германіи изъ своей побѣды надо извлечь всѣ полезныя для нея послѣдствія. Штраусъ иронически отзывается о словахъ Ренана, что Франціи необходимъ Эльзасъ, что безъ Эльзаса нѣтъ Франціи. «Франція не можетъ болѣе существовать, если у ней отнимутъ ея нѣмецкія провинціи... Я не желалъ бы дѣлать подобнаго рода признаній, если бы былъ французомъ».

Второй отвѣтъ Штрауса помѣщенъ былъ опять въ «Аугсбургской газетѣ», но въ виду нашествія германцевъ и осады Парижа Ренанъ не зналъ о немъ до весны 1871 г. Въ мартѣ онъ пишетъ Ш. Риттеру.

«Я только на-дняхъ узналъ, что 29 сентября г. Штраусъ напечаталъ свою реплику на мой отвѣтъ. Мнѣ очень хотѣлось бы прочесть ее; не можете ли вы мнѣ ее доставить? Мнѣ жаль только, что Штраусъ продолжалъ этотъ обмѣнъ мыслей въ то время, когда, какъ ему было извѣстно, я не могъ ни читать его возраженій, ни отвѣчать на нихъ. И я тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ, что Штраусъ, повидимому, самымъ страннымъ образомъ исказилъ мои мысли насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Мнѣ разсказывали, что онъ при-

писываетъ мнѣ идею, будто Франція должна требовать себѣ территоріей, потерянныхъ ею въ 1815 году; основывается такое толкованіе на томъ, что въ «Revue des deux Mondes» я разъ или два говорилъ о трактатахъ 1814 г. Я не считаю г. Штрауса способнымъ на такія инквизиторскія передержки. Мой, подробно развиваемый, тезисъ состоитъ въ томъ, что въ вопросахъ территоріальныхъ надо держаться status quo ante bellum, и я не могъ требовать Ландау и Саррлуи, какъ не принадлежавшихъ намъ ante bellum». Глубокой грустью звучитъ конецъ этого письма: «Я пишу въ настоящій моментъ кое-какія разсужденія о нынѣшнемъ положеніи; вѣроятно, это послѣднія политическія страницы, какія я напишу. Цѣлью своей жизни я ставилъ трудъ по сближенію умственному, моральному и политическому Германіи и Франціи. А теперь преступное безуміе низвергнутаго правительства, отсутствіе политическаго такта у французской демократіи, патріотическій задоръ германцевъ и прусская заносчивость образовали пропасть между Германіей и Франціей, пропасть, которую не заполнятъ цѣлыя столѣтія. Я не могу отказываться отъ того, что я раньше говорилъ въ полномъ сознаніи, не могу проповѣдывать ненависти послѣ проповѣди любви. Подобно Гете я долженъ сказать: Какъ, вы хотите, чтобы я проповѣдывалъ ненависть, когда я не чувствую ея въ своемъ сердцѣ? Но когда два милліона французовъ будутъ требовать возвращенія отечества, я не въ состояніи буду говорить моимъ соотечественникамъ, что слушать ихъ не надо. Я умолкну».

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки этого письма Ренанъ получилъ статью Штрауса. Опасенія, что его мысли изуродованы, оправдались, и онъ въ новомъ письмѣ (29 апрѣля 1871 г.) къ Риттеру не скрываетъ своего раздраженія. «Одна изъ слабостей, причиняющихъ намъ, французамъ старой школы, особенно мнѣ, непріятностей состоитъ въ томъ, что выше всего мы готовы поставить деликатность воспитаннаго человѣка; мы требуемъ ея раньше всякаго долга, раньше всякой страсти, раньше всякаго вѣрованія, раньше религіи, раньше отечества. Это причиняетъ намъ много непріятностей, потому что намъ не отвѣчаютъ тѣмъ же самымъ, и вся наша учтивость, вся наша любезность, не встрѣчающая отклика у нашихъ менѣе благородныхъ противниковъ, превращается въ глупость. Правда, я говорю здѣсь о настроеніи, которое скоро совсѣмъ исчезнетъ. Насильственность, грубость завоевываютъ міръ. Нашъ идеалъ слишкомъ изященъ, слишкомъ пропитанъ воззрѣніями джентльменовъ, освободившихся отъ всѣхъ предразсудковъ, отъ корысти, отъ страсти. Его оцѣнятъ, когда его уже не станетъ».

Ш. Риттеръ старается смягчить остроту полемики, объяснить

многое простымъ недоразумѣніемъ, которое скоро должно уладиться. «Я убѣжденъ, — пишетъ онъ Ренану, — что Штраусъ былъ бы глубоко огорченъ, если бы узналъ о тягостномъ впечатлѣніи, полученномъ вами отъ его реплики и отъ тѣхъ недоразумѣній, какія она вызвала. Эти недоразумѣнія впрочемъ, скоро выяснятся...и т. д.». Штраусу Ш. Риттеръ пытается разъяснить его ошибочное толкованіе отвѣта и статьи Ренана, но нѣмецкій философъ рѣшительно стоитъ на своемъ и въ отвѣтномъ письмѣ къ швейцарцу сурово и саркастически пишетъ о Ренанѣ. «Вы,--пишетъ Штраусъ,--выдвигаете въ пользу Ренана тотъ фактъ, что его статья, хотя и появившаяся *послѣ* Седана написана была *до этого*. Я отвѣчаю: Требовать отъ Германіи уступки части территоріи въ пользу *побѣжденной* Франціи было столь же абсурдно и до Седана. Ваше указаніе могло бы дать злому оппоненту право на такую аргументацію. Хорошо, стало-быть, до Седана ходатай за побѣжденную Францію требовалъ для нея Ландау и Саррлуи, требовалъ кусокъ сахару, который кающаяся Магдалина должна опустить въ свою горькую чашу. Послѣ Седана онъ отказывается отъ куска сахару и удовлетворяется status quo. Въ пользу Франціи, поверженной въ прахъ, онъ не требуетъ никакихъ прирѣзокъ, но для Франціи, просто побѣжденной, онъ настаиваетъ на уступкѣ со стороны Германіи небольшой части территоріи. Чего бы онъ потребовалъ въ случаѣ французской побѣды? Вѣроятно естественныхъ границъ, т.-е. Рейна? И пусть ходатай не заявляетъ, что онъ не желаетъ аннексіи безъ согласія на нее населенія. Какой французъ не считаетъ свою націю настолько привлекательной, чтобы не думать, что сосѣднія провинціи готовы броситься въ объятія великой націи... Я вижу здѣсь,—заканчиваетъ Штраусъ,—указаніе на мощный эффектъ, произведенный германской побѣдой на полныхъ предразсудковъ французовъ: претензіи, которыя они высказывали нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, кажутся имъ теперь слишкомъ абсурдными, и они не хотятъ теперь вѣрить, что сами же ихъ выражали».

На второе письмо Штрауса Ренанъ отвѣтилъ въ печати уже послѣ Франкфуртскаго мира. Онъ возражаетъ противъ неправильнаго истолкованія его словъ о трактатахъ 1814 и 1815 гг., настаиваетъ на томъ, что Эльзасъ долженъ былъ оставаться французскимъ, потому что онъ «не хочетъ сдѣлаться частью германскаго государства», говоритъ о будущемъ ростѣ непріязни къ нѣмцамъ въ разныхъ странахъ («Противъ вашихъ соотечественниковъ поднимется широкая волна; въ нихъ будутъ видѣть авангардъ вашихъ армій»), предсказываетъ заключеніе въ будущемъ франко-русскаго союза.

Этимъ кончился обмѣнъ мыслей между Давидомъ Штраусомъ и Эрнестомъ Ренаномъ. Ни къ какому соглашенію они не пришли, и въ душѣ каждаго изъ нихъ остался осадокъ. И Ш, Риттеръ могъ съ полнымъ правомъ въ концѣ 1871 года выражать Ренану «свою глубокую скорбь отъ того, что навсегда разсѣялась мечта, которую я такъ долго лелѣялъ, мечта видѣть два великіе ума соединенными взаимной симпатіей».

Н. Губскій.

Къ Балканскому вопросу. [1])

Положеніе вещей, созданное на Балканскомъ полуостровѣ бухарестскимъ трактатомъ, заключало въ себѣ слишкомъ много сомнительнаго и непрочнаго, чтобы можно было спокойно взирать на будущее. Опасность европейской войны, нависшая надъ Европой въ 1912—13 г.г. и затѣмъ казавшаяся устраненной, на самомъ дѣлѣ осталась прежней и даже стала, быть можетъ, еще болѣе грозной и неотвратимой, рядъ подозрительныхъ и тревожныхъ признаковъ давалъ основанія опасаться новаго взрыва на Балканскомъ полуостровѣ и въ роковой связи съ нимъ—грандіознаго общеевропейскаго пожара. Естественно было сильно возрасти интересу къ Балканамъ вообще и къ историческимъ судьбамъ балканскихъ народовъ въ особенности. Идя навстрѣчу этому возросшему интересу, проф. Пернице, какъ объясняетъ онъ въ своемъ предисловіи, и предпринялъ свою работу, долженствующую познакомить читателя съ исторической эволюціей, продѣланной балканскими народами со времени ихъ появленія, выяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ развитіе и *будущность* этихъ народовъ связаны съ направленіемъ и требованіями восточной политики великихъ державъ. Однако событія въ такой мѣрѣ опередили автора, что закончить свою книгу ему пришлось уже при заревѣ того самаго грандіознаго пожара, который проф. Пернице, когда онъ приступалъ къ своей работѣ, рисовался еще только въ видѣ болѣе или менѣе отдаленной грядущей возможности. Понятно, что въ смыслѣ злободневнаго интереса книга отъ этого только выиграла. Никогда еще, быть можетъ, какъ въ настоящую минуту, когда вниманіе всего міра съ тревогой сосредоточено на страшной трагедіи, разыгрывающейся на Балканскомъ полуостровѣ,—никогда еще, быть можетъ, не представлялось столь необходимымъ появленіе работы, которая по-

[1]) *Angelo Pernice Origine ed evoluzione storica delle Nazioni balcaniche. con sei tavole geografiche.* Ulrico Hoepli, Milano, 1915. (Bollettino storica Villari). pag. XII—628.

могла бы широкому кругу читателей, не спеціалистовъ, разобраться въ происходящемъ на Балканахъ, уразумѣть его основныя причины и такимъ образомъ, по возможности, ориентироваться въ томъ направленіи, въ какомъ можно и должно искать выхода изъ создавшагося положенія. Но понятно также, что именно чрезмѣрная злободневность книги, именно непосредственная близость ея къ текущей, живой дѣйствительности дѣлаетъ трудъ проф. Перниче подозрительнымъ съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять трудъ историческій въ строгомъ смыслѣ этого слова. Поскольку авторъ ведетъ рѣчь о непосредственно къ намъ ближайшемъ времени, современныхъ намъ событіяхъ,—дѣло идетъ объ эпохѣ, для которой «судъ исторіи» еще не наступилъ и наступить не могъ, хотя бы уже потому, что не можетъ еще быть въ распоряженіи историка всѣхъ необходимыхъ для этого матеріаловъ Изъ тѣхъ документовъ, на которыхъ долженъ основываться нелицепріятный, безпристрастный и всесторонне освѣдомленный судъ исторіи, значительная часть еще совсѣмъ даже не написана. Изъ существующихъ же подавляющее большинство находится еще въ недоступномъ взору историка «текущемъ производствѣ» различныхъ государственныхъ учрежденій, въ секретныхъ «дѣлахъ», въ портфеляхъ продолжающихъ еще подвизаться на политической аренѣ государственныхъ дѣятелей; въ подлежащіе архивы эти документы поступятъ еще не скоро, да и тамъ полежатъ еще за семью печатями, пока изъ нихъ окончательно не выдохнется ароматъ современности. Затѣмъ современникъ и свидѣтель событій, выступающій въ роли ихъ историка, можетъ быть не безъ основанія, заподозрѣнъ въ недостаткѣ исторической объективности,—и это по тѣмъ же самымъ основаніямъ, по которымъ не допускается совмѣщеніе въ одномъ лицѣ свидѣтеля и судьи. Наконецъ, для сомнѣнія въ правильности сужденій такого историка-современника имѣется еще такое вѣское основаніе, какъ то, что онъ фактически лишенъ возможности разсматривать трактуемыя имъ событія въ столь существенно необходимой соотвѣтствующей исторической перспективѣ. Такимъ образомъ, поскольку книга проф. Перниче касается, и въ значительной части, современной намъ эпохи, авторъ взялъ на себя очень щекотливую, весьма отвѣтственную и трудно выполнимую задачу. Но нужно отдать ему справедливость, что онъ справился съ нею весьма успѣшно, насколько то, покрайней мѣрѣ, возможно для историка-современника, не забывающаго о необходимости осторожнаго и критическаго отношенія къ источникамъ, всесторонняго обслѣдованія событій и соблюденія возможно большей объективности. Обвиненіе въ болгарофильствѣ, какъ-

то брошенное автору въ итальянской печати, едва ли основательно. Въ чью бы пользу ни клонились выводы и заключенія автора, но разъ они логически вытекаютъ изъ той исторической эволюціи, которая имъ вполнѣ объективно установлена, то незачѣмъ искать ихъ источника въ личныхъ склонностяхъ и симпатіяхъ автора.

Изъ частей, на которыя распадается трудъ проф. Перниче, (авторъ называетъ ихъ *книгами*)—первая охватываетъ періодъ, предшествующій паденію Константинополя и водворенію полулунія на куполѣ св. Софіи. Вторая—описываетъ періодъ оттоманскаго владычества до мира въ Ясахъ. Третья часть посвящена періоду отъ мира въ Ясахъ до берлинскаго конгресса, трактуемому, какъ періодъ возрожденія національностей, когда Турція становится объектомъ усиленныхъ заботъ дипломатіи, начинающей разсматривать ее, какъ государство безусловно необходимое для сохраненія равновѣсія мира въ Европѣ,—когда цѣлость Оттоманской имперіи становится «догмой европейской политики и фундаментомъ мира и порядка», когда вопросъ о политическомъ строѣ Балканскаго полуострова разсматривается «не какъ мѣстная проблема, а какъ проблема, связанная съ великимъ и сложнымъ восточнымъ вопросомъ», и рѣшеніе ея ставится въ зависимость не только отъ требованій, вытекающихъ изъ «отношеній между турецкимъ правительствомъ, ставшимъ непереноснымъ, и его христіанами-подданными, а также и главнымъ образомъ отъ восточныхъ и міровыхъ интересовъ великихъ державъ», когда, тѣмъ не менѣе, «балканскіе народы завоевываютъ себѣ независимость, но постепенно, мало-по-малу, оставляя какой-либо краешекъ своего существа за тѣсными предѣлами, на которые соизволила дипломатія», и когда вмѣстѣ съ тѣмъ «старыя дѣленія, антагонизмы соперничества между областями, родами, церквами снова пробудились, обострились, увѣковѣчились, увеличивая смуту, бѣдствіе, рѣзню»... Времени отъ берлинскаго конгресса до славяно-греко-турецкой войны (1878—1912) посвящена самая обширная, четвертая, глава, въ которой оно характеризуется какъ періодъ «препятствуемаго (contrastato) развитія балканскихъ государствъ», когда «историческая эволюція Балканъ... опредѣляется двумя господствующими факторами: соперничествомъ великихъ державъ на востокѣ и контрастомъ между ихъ политикой и національными стремленіями балканскихъ народовъ»... Здѣсь передъ глазами читателя развертывается трудный и болѣзненный почти, тридцатипятилѣтній процессъ высвобожденія балканскихъ странъ изъ-подъ опеки великихъ державъ, которыя на берлинскимъ конгрессѣ третировали ихъ какъ ничтожныя политическія величины, чьи интере-

сы нѣтъ никакой надобности принимать въ расчетъ, а затѣмъ вынуждены были болѣе или менѣе примириться съ началомъ, признающимъ балканскіе вопросы объектомъ исключительной компетенціи самихъ же балканскихъ народовъ. Послѣдняя, пятая часть охватываетъ періодъ 1911—1914 г. г., характеризуемый лозунгомъ «Балканы—балканскимъ народамъ». Здѣсь рѣчь идетъ о событіяхъ, которыя еще свѣжи въ памяти читателей, но источники и причины которыхъ едва ли многимъ вполнѣ ясны. Уясненію ихъ въ огромной степени содѣйствуетъ тотъ свѣтъ, который авторъ бросаетъ на эти событія, приводя ихъ въ связь съ ходомъ и направленіемъ исторической эволюціи балканскихъ народовъ. Между прочимъ авторъ, считаясь съ роковымъ антагонизмомъ между исторически обусловленными національными стремленіями болгаръ и государственными нуждами сербовъ, предвидитъ неизбѣжность конфликта, нападенія Болгаріи на ослабленную войною съ Австріей Сербію. «Но ради полной свободы,—говоритъ онъ въ заключительныхъ строкахъ своей книги,—ради продолжительнаго умиротворенія, ради будущаго могущества балканскихъ народовъ мы хотѣли бы еще надѣяться, что Лига[1]), отвѣчающая самымъ священнымъ ихъ интересамъ, образуется подъ покровительствомъ Италіи или же Италіи и тройственнаго соглашенія, но мы боимся къ сожалѣнію, что уже поздно и что балканскій вопросъ даже при нынѣшнемъ сложномъ и трудномъ положеніи станетъ снова самой запутанной и страшной европейской проблемой». Мы знаемъ уже, какъ скоро оправдались его опасенія.

Заслуживаютъ вниманія приложенія къ книгѣ. Тутъ прежде всего важные документы, начиная съ сербо-болгарскаго договора 29 февраля 1912 г. съ секретнымъ къ нему дополненіемъ и кончая бухарестскимъ трактатомъ. Имѣется затѣмъ обширная библіографія на четырехъ языкахъ[2]), Но особенной признательности заслуживаетъ авторъ за приложенныя имъ шесть картъ. Тутъ мы находимъ: 1) физическую карту полуострова, 2) карту древнихъ балканскихъ гегемоній, 3) карту балканскихъ государствъ по Санъ-Стефанскому договору съ указаніемъ измѣненій, внесенныхъ берлинскимъ трактатомъ, 4) карту территоріальныхъ вожделѣній балканскихъ народовъ, т-е. тѣхъ предѣловъ, до которыхъ каждый изъ нихъ хотѣлъ бы расширить свои владѣнія, 5) карту областей, занятыхъ воюющими сторонами въ іюнѣ 1913 г., съ показаніемъ того разпредѣленія, какое намѣ-

---

[1]) Т.-е. Лига балканскихъ народовъ, горячимъ сторонникомъ образованія которой является авторъ.

[2]) Англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ. Русская литература вопроса, къ сожалѣнію, совершенно чужда автору.

чено было сербо-болгарскимъ договоромъ 1912 г. и 6) карту политико-территоріальныхъ измѣненій, произведенныхъ на Балканахъ трактатами: лондонскимъ, бухарестскимъ и конференціями: петербургской и лондонской. Эти карты даютъ возможность читателю составить себѣ вполнѣ ясное, такъ сказать, наглядное и конкретное представленіе о существѣ того сложнаго и запутаннаго клубка балканскихъ вопросовъ, вокругъ котораго кипитъ столько братоубійственной злобы, вражды и льется столько невинной крови.

Простое, ясное и вполнѣ общедоступное изложеніе дѣлаетъ книгу пригодной для самаго широкаго круга читателей, и потому въ настоящее время, столь благопріятное для всякаго рода предубѣжденій предразсудковъ и пристрастныхъ сужденій, русскій переводъ этой книги, былъ бы дѣломъ полезнымъ, а потому и нужнымъ и желательнымъ.

Гр. Шрейдеръ.

Изъ исторіи ранняго скопчества [1]).

Слѣдствіе, произведенное въ 1772 г. орловскимъ духовнымъ правленіемъ, обнаружило 246 лицъ, причастныхъ къ квакерско-скопческой сектѣ или ереси. Изъ нихъ къ слѣдствію было привлечено 60 человѣкъ, въ томъ числѣ 33 скопца. Остальныя 186 сектантовъ, среди которыхъ значилось 27 скопцовъ, не были разысканы.

2 іюля 1772 года послѣдовалъ указъ императрицы Екатерины II на имя полковника Волкова съ порученіемъ ему произвести съ своей стороны разслѣдованіе о новой ереси, возникшей въ орловскомъ уѣздѣ. «Слухъ носится,—говорилось въ началѣ указа,—будто бы въ орловскомъ уѣздѣ оказался новый родъ нѣкоторой ереси, и будто бы дѣйствительно въ орловское духовное правленіе приведено уже нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ разныхъ помѣщиковъ, въ той ереси найденныхъ; въ таковыхъ случаяхъ ничего нужнѣе не бываетъ, какъ съ одной стороны утушеніе въ самомъ началѣ подобныхъ безразсудныхъ глупостей, а съ другой сохраненіе и безопасность множества людей отъ прицѣпокъ и

---

[1]) *П. Г. Высоцкій, Первый скопческій процессъ. Матеріалы, относящіеся къ начальной исторіи скопческой секты.* Москва 1915 (изъ Записокъ Московскаго археологическаго института, томъ XXXVII. Цѣна 3 руб. XIX+346 стр.

забираній, въ какомъ ни есть нижнемъ судебномъ мѣстѣ, паче же отъ всякихъ иногда невиннымъ людямъ быть могущихъ привязокъ и притѣсненій». Въ виду этого, полковнику Волкову было поручено истребовать къ себѣ изъ духовнаго правленія самое дѣло о скопцахъ и всѣхъ людей, привлеченныхъ къ нему. Какъ видно, до императрицы доходили свѣдѣнія о безчеловѣчномъ обращеніи духовныхъ властей XVIII столѣтія съ еретиками при производствѣ о нихъ розысковъ. Провинціальные администраторы знали объ этомъ хорошо и по временамъ рѣшительно отказывались выдавать духовнымъ консисторіямъ или правленіямъ людей, привлекаемыхъ по обвиненію въ принадлежности къ ереси или расколу. Такъ поступили въ 1761 г. оренбургская губернская и исетская провинціальная канцеляріи. Мотивируя свой отказъ въ присылкѣ «квакерцовъ» въ тобольскую духовную консисторію, онѣ писали, что консисторія постоянно требуетъ и забираетъ чрезъ своихъ сыщиковъ множество заводскихъ и деревенскихъ жителей по одному пустому подозрѣнію въ расколѣ, держитъ забранныхъ у себя продолжительное время, вымогаетъ съ нихъ взятки, подвергаетъ допросамъ съ пристрастіемъ, вслѣдствіе чего жители исетской провинціи находятся въ постоянной тревогѣ, волнуются, разбѣгаются по лѣсамъ и предаются самосожженію [1]).

Взявъ въ свои руки дѣло, полковникъ Волковъ прежде всего долженъ былъ установить, «кто сей ереси зачинщикъ и кто ея надъ другими въ дѣйство производилъ». Зачинщиковъ и скопителей предписывалось послѣ допроса высѣчь кнутомъ въ мѣстахъ ихъ проповѣди и навсегда сослать въ Нерчинскъ, ихъ сотрудниковъ—«высѣчь батожьемъ и сослать въ фортификаціонную работу въ Ригу», а остальныхъ, «слѣпо повиновавшихся безумству наставниковъ», «разослать на прежнія ихъ жилища» и отдать подъ надзоръ помѣщиковъ и начальства. Сверхъ того, указъ внушаетъ Волкову при слѣдствіи «поступить для изысканія правды безъ всякаго истязанія и самымъ кратчайшимъ образомъ» и «сіе дѣло трактовать, какъ обыкновенное гражданское, и отнюдь не инако; и для того и въ раздѣленіи винъ стараться, чтобы наказаны были гражданскія преступленія».

Въ данномъ указѣ несомнѣнно отразился взглядъ на дѣло самой императрицы Екатерины II. Въ этомъ легко убѣдиться

---

[1]) Интересно возраженіе противъ этого обвиненія, представленное въ св. синодъ тобольскимъ митрополитомъ Павломъ. По его словамъ, «раскольники самопроизвольному сожигательству себе предаютъ не отъ забиранія ихъ ко изслѣдованію указному, но по прельщенію и волшебнымъ чарованіямъ злымъ къ тому раскольническихъ ихъ наставниковъ волшебниковъ и лжеучителей». (Дѣло тобол. д. конс- о квакерахъ 1760—5 г., № 131, л. 32—33).

изъ слѣдующаго интереснаго письма ея къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, написаннаго въ томъ же 1772 г. 22 іюня: «Кн. Алекс. Алекс.! При семъ прилагаю записку, врученную графомъ И. Чернышевымъ графу Панину, который мнѣ ее вручилъ. Вы изъ оной усмотрите, что въ Орловскую духовную консисторію или правленіе трактуется сіе скаредное дѣло; но какъ артикулъ ереси наиделикатнѣйшій, по моему мнѣнію, всегда и лучше ихъ утушить, нежели слѣдованіемъ сдѣлать ихъ гласны, то я думаю, чтобъ приказать, какъ и откудова Вы положите за пристойное, чтобъ Орловскій воевода оныхъ людей требовалъ къ себѣ и тѣхъ или того, который операцій таковыхъ дѣлалъ, высѣкъ такъ, какъ тѣхъ сѣкутъ, кои руку или ногу съ умыслу отрубятъ. Кладенымъ же дуракамъ не знаю что дѣлать, если закона о семъ нѣтъ; а кажется, и сослать надобно въ работу къ другимъ мужикамъ въ Сибирь; по существу же дѣла они довольно уже наказаны. Не прогнѣвайтесь, что я должна входить въ такое скаредное раздробленіе и не осуждайте меня, ибо я сіе дѣлаю по чину моему: императрица иногда должна то выговорить, отъ чего Екатерина бы ушей заткнула. Впрочемъ остаюсь къ Вамъ какъ всегда Благожелательна. Екатерина» [1]).

Въ силу Высочайшаго именного указа полковникъ Волковъ прибылъ 17 іюля въ Орелъ, немедленно истребовалъ изъ духовнаго правленія дѣло о скопцахъ вмѣстѣ съ привлеченными къ нему разнаго званія людьми и образовалъ для дальнѣйшаго производства слѣдствія особую комиссію. При наличности почти исчерпывающаго матеріала въ дѣлопроизводствѣ духовнаго правленія комиссія полковника Волкова очень быстро, въ двѣ недѣли, справилась съ своей задачей. Самостоятельно разслѣдовать комиссіи пришлось только вопросъ о зарожденіи скопческой ереси въ орловскомъ уѣздѣ. Съ этой цѣлью былъ передопрошенъ бѣглый крестьянинъ села Брасова, сѣвскаго уѣзда, Андрей Блохинъ. Нѣсколько раньше, на духовномъ слѣдствіи, Блохинъ показалъ, что лѣтъ 14-ти онъ бѣжалъ изъ своего села и пристalъ къ нищимъ—слѣпой женщинѣ и ея поводырю, крестьянину села Столбища Кондратію Трифонову, ходилъ съ ними по ярмаркамъ, питаясь лѣтъ шесть мірскимъ подаяніемъ. Странствуя онъ узналъ, что въ селѣ Траснѣ, орловскаго уѣзда, есть учитель вѣры, называемой христовщиной, крестьянинъ Михаилъ Никулинъ, который наставляетъ, какъ достигнуть спасенія. Блохинъ отыскалъ его и временно поселился въ его домѣ. Въ это время Никулинъ училъ его «пива и вина не пить и грѣха тяжкаго не творить, съ женами не спать, по скачкамъ и по игрищамъ не

[1]) Письма Екатерины II къ князю А. А. Вяземскому (Изъ дѣлъ департамента Государственнаго Казначейства).

ходить, матерно не браниться, оное-де есть святое и праведнэ, дѣло: молодцамъ не женитца, а дѣвкамъ замужъ не ходить- а женившимся съ женами плотски не совокупляться, женамъ спать на ложѣ, а мужу на другомъ, для чего-де ради надлежитъ всякому, хотящему спастися и пребывающему въ такой вѣрѣ, скопиться». Принявъ это ученіе, Блохинъ отправился въ деревню Богдановку къ сообщнику Никулина крестьянину Осипу Степанову и въ его моленной самъ раскаленнымъ желѣзомъ оскопилъ себя. Его примѣру послѣдовалъ Кондратій Трофимовъ, самъ учитель Никулинъ и множество другихъ. За время проживанія у Никулина Блохинъ былъ принятъ въ квакерскую ересь дѣвкой Акулиной Ивановной и посѣщалъ собранія сектантовъ въ разныхъ мѣстахъ.

Теперь, въ комиссіи Волкова, Блохинъ заявилъ, что онъ «первой въ сей ереси находящійся, который оскопился, и что прежде ево никто не оскапливался; а произошло оное оттого, что въ вѣрѣ ихъ наикрѣпчайше подтверждено, что отнюдь никому зъ женщинами плотского сожитія не имѣть, почитая оное за наитягчайшій грѣхъ, но какъ человѣческая плоть, не взирая на то запрещеніе, принуждала иногда искать женскаго пола, отъ котораго и самое жестокое бичеваніе отвесть было не въ силахъ, разсуждалъ онъ, Блохинъ, съ... бѣглымъ крестьяниномъ Кондратіемъ Никифоровымъ (онъ же Грифоновъ), да съ крестьяниномъ Михайлою Никулинымъ, что отъ грѣха того развѣ-де однимъ только скопленіемъ избавляться можно, приводя тому въ примѣръ скотъ, который по лехченіи уже блуда не дѣлаетъ; и, поговоря о томъ, черезъ нѣсколько времени спустя, когда возжелалъ онъ вышеупомянутаго грѣха, то для укрощенія своей плоти, о томъ не сказавъ никому, онъ самъ себя ... раскаленнымъ желѣзомъ оскопилъ; а какъ Трифоновъ и Никулинъ узнали, что онъ, Блохинъ, оскопился и выздоровѣлъ, тоиони оба потомъ сами себя оскопили, да и протчія ужъ скопиться начали отъ ихъ, Блохина и Никифорова, и отъ того скопленія никто не умиралъ».

Провѣривъ это показаніе допросомъ Гнѣушева и Никулина, комиссія Волкова установила три разряда лицъ, причастныхъ къ дѣлу: зачинщикъ ереси—Андрей Блохинъ, его сотрудники—Алексѣй Сидоровъ и Михайла Никулинъ и невмѣняемые простецы; изъ нихъ послѣдніе были отпущены по домамъ, а Блохину съ его сотрудниками были назначены наказанія согласно съ Высочайшимъ указомъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе главнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ, изданныхъ г. Высоцкимъ. Для исторіи русскаго сектантства они важны въ двухъ отношеніяхъ: благодаря имъ,

отчасти заполняется ощутительный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о квакерской ереси или христовщинѣ (позднѣйшей хлыстовщинѣ) за вторую половину XVIII столѣтія и впервые вводятся въ научный оборотъ новыя данныя по запутанному вопросу о возникновеніи скопческой секты.

О христовщинѣ за время послѣ закрытія второй московской слѣдственной о раскольникахъ комиссіи 1745—1752 годовъ и до начала XIX вѣка, когда появилась записка священника Сергѣева о хлыстахъ («Изъясненіе раскола, именуемаго христовщина, или хлыстовщина»), историки русскаго сектантства доселѣ располагали лишь очень ограниченнымъ количествомъ свѣдѣній. Въ статьѣ Гурьева «Разстриги дѣвки квакерки» (Русскій Вѣстникъ 1881, августъ) они могли находить нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи въ томскомъ Христо-рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (до 1784 г.) ссыльныхъ монахинь, уличенныхъ въ принадлежности къ квакерской ереси московскими раскольничьими комиссіями первой половины XVIII столѣтія; въ статьѣ Реутскаго «Московскіе божьи люди во второй половинѣ XVIII и въ XIX столѣтіи» (Русскій Вѣстникъ 1882, май)—краткія и поверхностныя замѣчанія о жизни московскихъ квакеровъ конца XVIII вѣка, а въ брошюрѣ Сырцова «Сибирскіе квакеры въ XVIII вѣкѣ»—краткое изложеніе дѣла тобольской духовной консисторіи 1760—1765 годовъ о екатеринбургскихъ квакерахъ. Сверхъ того, на основаніи «Страдъ» скопческаго «искупителя», путемъ сопоставленія ихъ съ другими источниками, предполагали, что именно во второй половинѣ XVIII вѣка въ нѣдрахъ христовщины образовалось новое религіозное движеніе, давшее начало скопческой сектѣ.

Теперь, съ выходомъ въ свѣтъ книги г. Высоцкаго, къ этимъ крайне скуднымъ источникамъ прибавилось цѣлое слѣдственное дѣло о квакерской ереси въ орловской губерніи, содержащее множество разнообразныхъ свѣдѣній о жизни сектантовъ, ихъ религіозныхъ собраніяхъ, сношеніяхъ между собой и выдающихся дѣятеляхъ изъ ихъ среды. Наибольшей полнотой отличаются описанія богомоленій сектантовъ, съ ихъ круженіемъ, бичеваніемъ и пророчествами. О «свальномъ грѣхѣ», однако, нѣтъ упоминанія.

Но самое важное значеніе для исторіи русскаго сектантства безспорно имѣютъ заключающіяся въ документахъ, изданныхъ г. Высоцкимъ, свѣдѣнія о возникновеніи скопческой секты. Если вѣрить показаніямъ сектантовъ, то придется признать первымъ проповѣдникомъ оскопленія, какъ необходимаго условія спасенія, крестьянина М. Никулина, а первымъ скопцомъ Андрея Блохина. Къ сожалѣнію, въ ихъ показаніяхъ есть суще-

ственное разнорѣчіе. На допросѣ въ духовномъ правленіи А. Блохинъ заявилъ, что «принялъ ученіе» о необходимости оскопиться отъ М. Никулина. Послѣдній, при вторичномъ допросѣ въ комиссіи Волкова, подтвердилъ первоначальное заявленіе Блохина: «когда онъ, Никулинъ, мастера Андрея Блохина уговаривалъ обратиться въ ихъ вѣру, тогда и совѣтывалъ ему, чтобъ оскопиться, подлинно». Между тѣмъ, изъ показанія Блохина въ комиссіи Волкова естественнѣе заключить, что мысль объ оскопленіи, какъ вѣрнѣйшемъ средствѣ для предохраненія себя отъ плотскаго грѣха, первоначально возникла у самого Блохина. Если остановиться на этомъ заключеніи, то вопросъ о возникновеніи скопчества можно считать разрѣшеннымъ: мотивы и соображенія, побудившія Блохина къ самооскопленію, настолько естественны въ его положеніи, что невольно располагаютъ къ довѣрію.

Матеріалы, опубликованные Н. Г. Высоцкимъ, останутся навсегда основнымъ и незамѣнимымъ источникомъ для изученія древнѣйшаго періода въ исторіи русскаго скопчества и безъ сомнѣнія, заинтересуютъ и самихъ скопцовъ, такъ какъ сообщаютъ много подробныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній о вождяхъ скопчества второй половины XVIII вѣка, въ томъ числѣ, повидимому, и объ «искупителѣ» Кондратіи Селивановѣ, который здѣсь, по всѣмъ признакамъ, выступаетъ съ именемъ Кондратія Никифорова или Трифонова.

Съ внѣшней стороны изданіе архивныхъ документовъ выполнено Н. Г. Высоцкимъ образцово. Текстъ подлинника воспроизведенъ съ буквальной точностью, съ сохраненіемъ даже орѳографическихъ особенностей. Обстоятельное предисловіе и указатели даютъ возможность легко и быстро разобраться въ документахъ. Нельзя непривѣтствовать появленіе книги г. Высоцкаго и не пожелать, чтобы ея авторъ, стоящій въ непосредственной близости къ богатѣйшему собранію архивныхъ документовъ, въ томъ числѣ и судебныхъ дѣлъ о русскихъ сектантахъ (по службѣ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), и уже заявившій себя рядомъ изданій матеріаловъ по исторіи религіозныхъ движеній въ Россіи [1]), продолжалъ безостановочно работать въ томъ же направленіи.

Д. Коноваловъ.

---

[1]) Кромѣ разсматриваемой книги, г. Высоцкимъ напечатаны слѣдующіе матеріалы по исторіи религіозныхъ движеній въ Россіи: «Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Письма кн. Е. П. Урусовой изъ Боровской тюрьмы къ своимъ дѣтямъ», М. 1915 (изъ XX книги «Старины и Новизны»); «Матеріалы по исторіи духоборческой секты» (Русскій Архивъ 1914, № 1, 2); «Дѣло о христовщинѣ, коея послѣдователи оскопляютъ себя» (тамъ же, 1915, февраль) и нѣкоторыя извлеченія изъ дѣла о Радаевѣ (тамъ же, 1915, май).

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Напечатанная въ вашемъ уважаемомъ журналѣ за № 10 отъ октября 1915 го года замѣтка «Изъ воспоминаній» П. Л. Юдина о бывшемъ московскомъ предводителѣ дворянства Вл. Ив. Ершовѣ настолько не соотвѣтствуетъ истинѣ и настолько оскорбительна для его памяти, что я привлекаю автора ея къ судебной отвѣтственности.

Нѣкоторыя лица, знавшія покойнаго моего мужа и цѣнившія его личныя качества, выступили печатно съ опроверженіями голословной и явной недоброжелательной замѣтки г-на Юдина. Мнѣ ничего не приходится прибавлять къ напечатанной въ № 12 «Голоса Минувшаго» статьѣ Ал. Карл. Боянуса, затрагивающей всѣ періоды служебной дѣятельности моего мужа, хотя должна сказать, что вы выпустили изъ нея существенныя для возстановленія истины подробности. Но мнѣ желательно вернуться къ приведенному г-мъ Юдинымъ инциденту «похоронъ мундира». Одинъ изъ служившихъ въ то время въ Павлоградскомъ полку, офицеровъ, нынѣ генералъ, Сергѣй Дмитріевичъ Посниковъ, когда статья г-на Юдина дошла до его свѣдѣнія, прислалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «24-го дек. 1915 г. Милостивая государыня, Елена Михайловна, въ № 10 за текущій годъ журнала «Голосъ Минувшаго» появилась статья, подписанная П. Юдинъ. Какъ старый Павлоградецъ, бывшій въ полку съ 1880 года, я категорически заявляю, что все написанное въ этой статьѣ *объ устроенныхъ имъ* (Вл. Ив. Ершовымъ) *похоронахъ мундира павлоградскихъ гусаръ* невѣрно отъ перваго до послѣдняго слова.

Ни Вл. Ив. Ершовъ, ни кто другой на свѣтѣ не могъ бы устроить, подобно описанному въ статьѣ, балаганъ въ старомъ, славномъ полку, всѣ чины котораго всегда съ гордостью носили свой мундиръ не потому, что онъ гусарскій, а потому, что онъ Павлоградскій, и балаганить съ нимъ никому бы не позволили.

Не надо забывать, что павлоградцы считали себя осчастли-

вленными тѣмъ, что ихъ мундиръ носилъ Императоръ Александръ II съ 17-го апрѣля 1838 г. и Императоръ Александръ III съ 26-го февраля 1874 г. и что Императоръ Александръ III драгунскій мундиръ надѣлъ одновременно съ ними.

Непонятной и несвоевременной кажется мнѣ попытка П. Юдина вновь пустить въ обращеніе давно забытую басню, выдуманную корреспондентомъ нѣмецкой газеты, видѣвшимъ въ Сувалкахъ церемонію перенесенія въ полковую церковь Высочайше пожалованнаго полку мундира Императора Александра II. Прошу принять и пр. С. Посниковъ».

Насколько полученіе Высочайше разрѣшеннаго отпуска, состоявшагося 9-го ноября 1882 года, не имѣло никакой связи съ приведеннымъ г-мъ Юдинымъ случаемъ, можно видѣть изъ писемъ моего мужа ко мнѣ отъ 18-го іюля 1882 г. изъ Сувалокъ: «Съ осени я начну дѣйствовать надъ Воронцовымъ[1]), чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе и устроилъ мнѣ такой же отпускъ, какъ Вяземскому[2]): тогда и будетъ время ближе къ новымъ выборамъ»; и отъ 23-го іюля того же года: «Третьяго дня пришла къ намъ телеграмма съ приказаніемъ не строить для полка ни долмановъ, ни ментиковъ, ни штановъ, ни сапогъ, ни киверовъ, однимъ словомъ, *ровно ничего*, слѣдовательно намъ мѣняютъ форму».

Впервые, и то вскользь, между другими сообщеніями совершенно частнаго характера, не придавая тому никакого значенія, мой мужъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ, отъ 22-го ноября 1882 года изъ С.-Петербурга, въ слѣдующихъ выраженіяхъ касается появившихся въ обществѣ пустыхъ толковъ: «Здѣсь праздные языки Богъ знаетъ что болтаютъ про меня, что у меня отняли полкъ за то, что я устроилъ въ Сувалкахъ «похоронную процессію ментику» съ трубачами, пѣвчими и священникомъ и самъ ѣхалъ верхомъ впереди этого шествія!?»

Фактъ полученія моимъ мужемъ пособія отъ Московскаго дворянства мнѣ лично никогда не былъ извѣстенъ; занимающій нынѣ должность московскаго предводителя дворянства, П. А. Базилевскій, сообщилъ мнѣ, что въ отчетахъ депутатскаго собранія того времени выдача названныхъ суммъ моему мужу не значится.

Остальныя подробности въ воспоминаніяхъ г-на Юдина страдаютъ и сплошными неточностями и даже вымысломъ.

---

[1]) Графъ Илларіонъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ, нынѣ скончавшійся намѣстникъ Е. В. на Кавказѣ, бывшій командиромъ Л.-Гв. Гусарскаго Е. В. полка, когда мой мужъ тамъ служилъ офицеромъ.

[2]) Князь Леонидъ Дмитріевичъ Вяземскій, товарищъ Вл. Ив. по Гусарскому полку, служившій также по выборамъ; впослѣдствіи членъ Госуд. Совѣта.

Что же касается оцѣнки г-мъ Юдинымъ дѣятельности моего покойнаго мужа въ Оренбургѣ, я ее не обсуждаю тутъ, какъ относящуюся всецѣло къ области суда.

Прошу васъ, милостивый государь, принять выраженіе полнаго моего уваженія.

Елена Ершова.

Петроградъ, 4 февраля 1916 г.

P. S. Насколько можно судить по напечатаннымъ въ «Голосѣ Минувшаго» опроверженьямъ замѣтки г. Юдина, свѣдѣнія, сообщенныя послѣднимъ о личности и дѣятельности В. П. Ершова, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

С. Мельгуновъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

на литературный, научный и политическій журналъ

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ"

ВЫШЕЛЪ № 1 (ЯНВАРЬ).

Содержаніе: За звѣрями. **С. Кондурушкина.**—Азія. **В. Писменной.**—Г. З. Елисеевъ. Изъ его редакціонной дѣятельности и литературныхъ отношеній). **В. Евгеньева.**—Чудо. Стихотвореніе. **П. Радимова.**—У вратъ Самаріи. Романъ **Уильяма Дж. Локка.** Пер. съ англійскаго **З. Н. Журавской.**—«Коммунистическая» петиція Жака Ру и секціи Гравилье (Эпизодъ изъ исторіи французской революціи). **Н. Карѣева.**—Собачья жизнь. Повѣсть. **Николая Олигера.**—Изъ Англіи. **Діонео.**—Германія и Ближній Востокъ. **В. Майскаго.**—Внутренняя лѣтопись. **А. Петрищева.**—Иностранная лѣтопись. **Н. С. Русанова.**—Соціалисты и война. **Батрака.**—На очередныя темы. **А. Пешехонова.**—Испорченная книга. **В. Мякотина.** — Библіографія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**12** р., на 6 мѣс.—**6** р., на 3 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.—**1** р.; безъ доставки: на годъ—**11** р., на 6 мѣс.—**5** р. **50** к., на 3 мѣс.,—**2** р. **75** к., на 1 мѣс.—**1** р.; за границу на годъ **15** р., на 6 мѣс.—**8** р.

Подписка принимается: въ Петроградѣ въ книжномъ магазинѣ „Провинція" (Стремянная, 6); въ Москвѣ въ книжномъ складѣ „Задруга" (Малая Никитская д. 29, кв. 6). Книжн. магаз. могутъ удерживать въ свою пользу съ годов. и полугодов. платы 5%

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги и корреспонденцію исключительно по адресу редакціи „Русскихъ Записокъ"—Петроградъ, Баскова, 9. Тел. 20—83.

Редакторъ **В. Н. Цѣховская (Ольнемъ).** Издатель **С. Н. Русановъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

на ежемѣсячный, литературный, научный и политическій журналъ

4-й годъ изданія. **„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ."** 4-й годъ изданія.

ПЕТРОГРАДЪ.

15498

Вышелъ № 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

1). Жаркое лѣто.—Разск. **А. Ремизова.** 2) Стихотворенія—**Анны Ахматовой.** 3) Скрѣпа.—Разск. **А. Чапыгина.** 4) Герода и Маріамна. Трагедія. — **В. Волькенштейна.** 5) Неопалимая купина. **Ромэна Роллана.** Стихотворенія—**Леон. Кеннегисера.** 6 Новый романъ Кнута Гамзуна.—**А. Гвоздева.** 7) Московскіе театры.—**Я. Тургендхольда.** 8) Итоги осенняго музыкальнаго сезона.—**В. Каратыгина.** 9) Буржуазія.—**Жана Жореса.** 10) Изъ думскихъ впечатлѣній.—**А. Керенскаго.** 11) Милитарный соціализмъ.—**Виктора Чернова.** 12) Муки возрожденія.—**І. Бикермана.** 13) Московскія письма. I. Общество «Кооперація».—**Вл. Зензинова.** 14) Хроника внутренней жизни. I. Великій грабежъ. II. На мертвой точкѣ.—**Д. Заславскаго.** 15) Государственная роспись на 1916 г.—**А. Леща.** 16) Иностранная жизнь. «Кризисъ трудовой демократіи».—**И. Брусиловскаго.** 17) Любопытная книга. Проф. **Е. Тарле.** 18) Холодная война. (Письмо изъ Италіи).—**В. С-на.** 19) Библіографія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1916 г. Съ достав. и пересыл. годъ **7** р., 6 мѣс. **4** р., 3 мѣс. **2** р. **25** к. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ;** въ Главной конторѣ журнала: **Петроградъ, Загородный пр., 21,** въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ **почтовыхъ учрежденіяхъ.**

Издательница **С. И. Чацкина.**

۲۷ ۱۲۸

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ